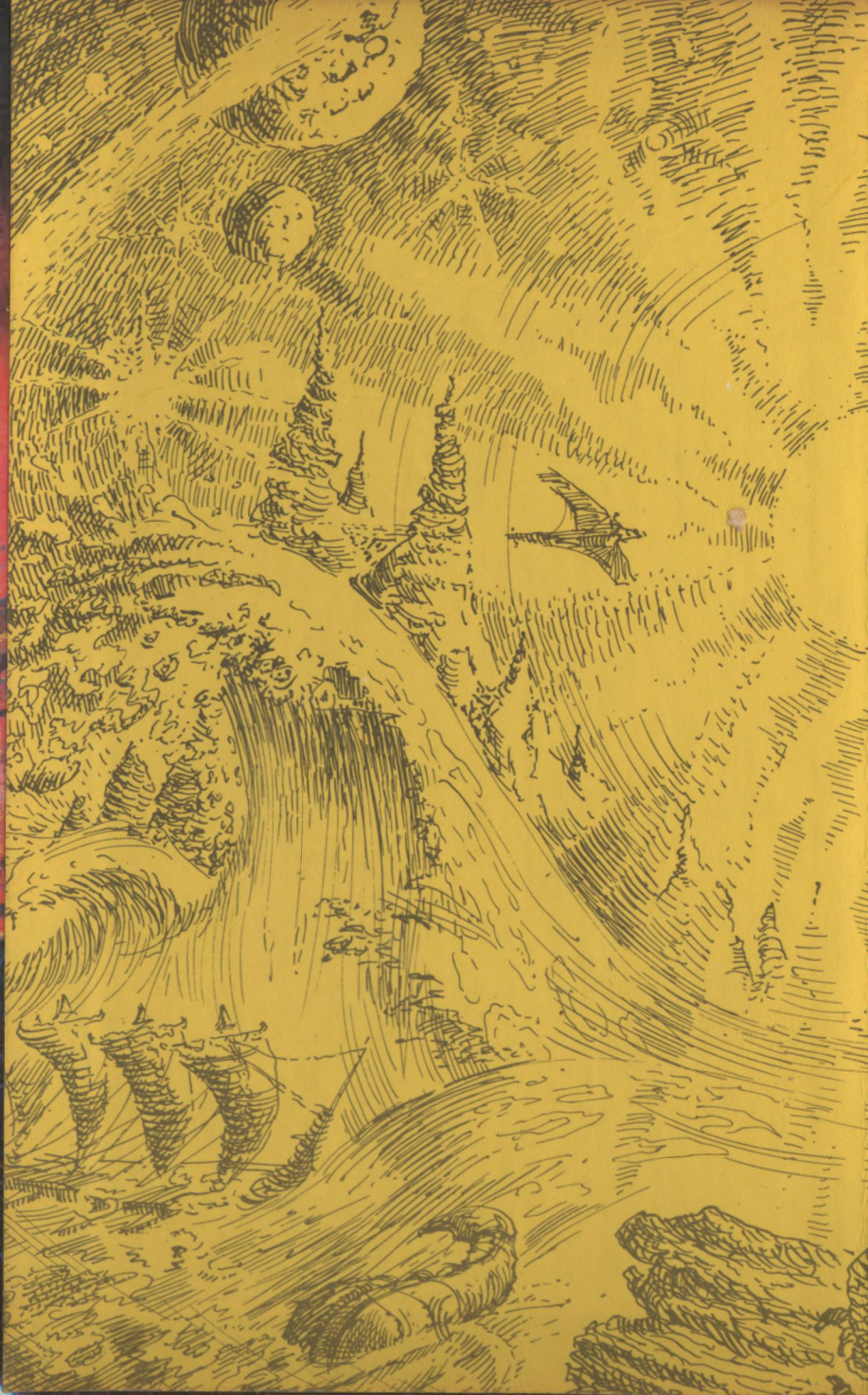
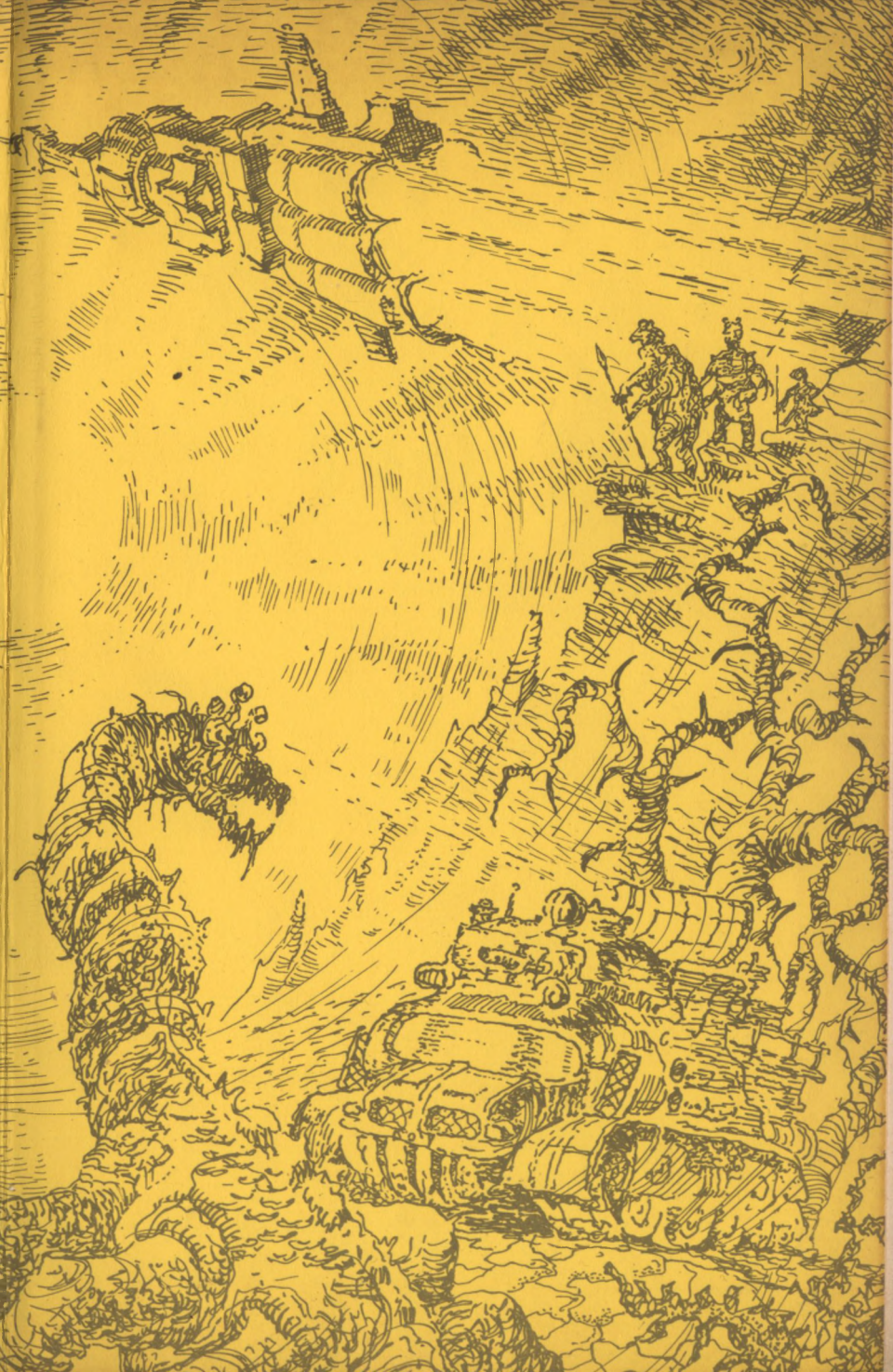

ХОЛ КЛЕМЕНТ
Огненный цикл
ХОЛ КЛЕМЕНТ

Огненный цикл

ХОЛ

КЛЕМЕНТ

Экспедиция «Тяготение»

У критической точки

Огненный цикл

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

ББК 84.7 США
К 48

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое издание данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

© В. П. Кирчев, состав, 1993
© «Северо-Запад», оформление,
подготовка текста, 1993
® СЕВЕРО-ЗАПАД. Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом

ISBN 5-8352-0254-7

ПОВЕСТЬ

Экспедиция

ТЯГОТЕНИЕ

Глава 1
ЗИМНЯЯ БУРЯ

Ветер налетел на залив, словно был живым существом. Он взбаламутил поверхность так старательно, что трудно было сказать, где кончается жидкость, а где начинается газ; он стремился поднять волны, которые могли бы захлестнуть «Бри», словно щепку, но те не успевали взмыть вверх хотя бы на фут, как он тут же распылял их на мельчайшие брызги.

Одни лишь брызги долетали до Барленнана, распластавшегося на кормовом плоту. Корабль давно уже был в безопасности на берегу. Его вытащили сразу же, едва Барленнан решил, что они будут здесь зимовать; и все же месклинит не мог подавить в себе некоторого беспокойства. Эти волны были намного выше тех, которые встречались ему в океане, и его не слишком подбадривала мысль, что малая сила тяжести, позволявшая волнам вздыматься на такую высоту, не даст им и причинить сколько-нибудь существенного вреда кораблю, даже если они до него докатятся.

Барленнан не был особенно суеверным, но ведь никто не знает, что может случиться в такой близости к Краю Света. Даже его команда, которой уж никак не приходилось жаловаться на избыток воображения, время от времени проявляла признаки беспокойства. «Не будет нам здесь удачи, — ворчали они. — Тот, кто обитает за Краем и насылает устрашающие зимние штормы, прорывавшиеся в этот мир на тысячи миль, может разозлиться, что его потревожили». При каждом несчастном случае ворчание возобновлялось, а несчастные случаи были нередки. Никто не застрахован от

оплошности, если он весит всего два фунта с четвертью вместо пятисот пятидесяти, к которым привык за всю свою жизнь; командиру этот факт представлялся очевидным, но чтобы усвоить это, по-видимому, необходимо было какое-то образование или хотя бы привычка к логическому мышлению.

Уж кому-кому, а Дондрагмеру во всяком случае следовало бы соображать... Длинное тело Барленнана напряглось, и он чуть было не выкрикнул приказ прежде, чем по-настоящему понял, что происходит на третьем плоту. Видимо, помощник решил, что сейчас как раз подходящий момент проверить опоры одной из мачт, и, воспользовавшись почти полным отсутствием веса, поднялся над палубой, вытянувшись почти на всю длину. Зрелище было совершенно фантастическим — он поднимался все выше, неуверенно балансируя на шести задних ногах, хотя большинство команды «Бри» более или менее привыкло к подобным трюкам; но Барленнана поразило не это. При весе в два фунта нужно за что-нибудь держаться, иначе тебя сдует первым же порывом ветра; а как можно за что-нибудь держаться шестью задними ногами? Когда налетел этот шторм... но приказ уже нельзя было расслышать, даже если бы командир заорал во всю мочь. Барленнан пополз было через первую буферную щель, отделявшую его от места действия, когда увидел, что помощник привязал себя к палубе леерами и был почти так же надежно принайтован к палубе, как мачта, с которой он возился.

Барленнан расслабился. Он знал, почему Дон так поступает — помощник бросал вызов тому, кто гонит на них эту самую бурю, и он сознательно стремился внушить подобное отношение всей команде. «Молодчина», — подумал Барленнан и снова взглянул на залив.

Теперь бы никто не мог точно указать, где проходит береговая линия. Уже в сотне ярдов от «Бри» невозможно было ничего разглядеть из-за сплошного вихря белых брызг и белесого песка; даже и сам корабль становилось все труднее рассмотреть, ибо стремительно несущиеся капли метана, словно пули, все чаще ударялись в глазные капсулы командира и размазывались по их поверхности. Правда, палуба под множеством его ног была еще прочна, как скала; хоть судно и было теперь легким, отдаться на волю ветра оно, по-види-

мому, не собиралось. «Да и с какой стати?» — мрачно подумал командир, вспомнив о множестве канатов, привязанных к глубоко забитым якорям и к низким деревьям, которые усеивали берег. Действительно, с какой стати?.. Но это был бы не первый корабль, дерзнувший отправиться к самому Краю и пропавший без вести. Возможно, подозрения команды по отношению к Летчику в какой-то степени оправданы. В конце концов, именно это странное существо убедило его перезимовать здесь, не пообещав при этом никакой защиты ни кораблю, ни экипажу. Но если Летчик хотел их уничтожить, он мог бы сделать это гораздо проще и вернее, не тратя время на уговоры. Если бы это громадное устройство, в котором он передвигается, повисло над «Бри», то даже здесь, где вес значит столь мало, было бы не о чем говорить. Барленнан заставил себя думать о другом: он в полной мере разделял обычный для месклинита ужас перед перспективой очутиться, хотя бы ненадолго, под чем-нибудь действительно твердым.

Команда давно уже укрылась под палубными брезентами — даже помощник прекратил работу, так как буря разыгралась по-настоящему. Все были на месте: Барленнан пересчитал бугры под защитной тканью, еще когда ему был виден весь корабль. Никто не отлучился на охоту, поскольку моряки знали о надвигающейся буре и без предупреждения Летчика. За последние десять дней ни один из них не удалялся от корабля более чем на пять миль, а пять миль — не расстояние при здешнем весе.

Конечно, запасов продовольствия у них хватало. Барленнан и сам не был дураком и сделал все возможное, чтобы не набрать в команду дураков. Тем не менее свежая пища не помешала бы. «Интересно, долго ли этот шторм продержит нас в заключении», — подумал он. На этот счет приметы не сказали ничего, хотя они достаточно красноречиво предупредили о приближении ненастья. Возможно, Летчик это знает. Ну что ж, на корабле делать больше нечего, и он может со спокойной совестью потолковать с этим странным существом. При взгляде на устройство, которое дал ему Летчик, Барленнана до сих пор охватывал легкий трепет недоверия, и он не уставал вновь и вновь убеждать себя в его мощи.

Оно лежало рядом с ним на кормовом плоту под небольшим отдельным брезентом. Это был параллелепипед трех дюймов в длину и около полутора в ширину и высоту. Прозрачный кружок на гладкой поверхности одного торца напоминал глаз; по-видимому, он и играл роль глаза. Кроме того, там была еще одна особенность — маленькое круглое отверстие в одной из больших граней. Предмет лежал этой гранью вверх, и торец с «глазом» выступал из-под брезента. Брезент же был открыт, конечно, в подветренную сторону, и материя плотно облегала плоскую верхнюю поверхность машины.

Барленнан просунул руку под брезент, пошарил, пока не нашел отверстие, и сунул в него клешню. Внутри не было ни кнопки, ни переключателя, но это его не смущало: кнопки и переключатели были ему так же незнакомы, как тепловые, световые и электрические реле. Он знал по опыту, что если вложить в отверстие что-нибудь непрозрачное, то это каким-то образом сразу станет известно Летчику, и он знал, что нет никакого смысла гадать, почему это происходит. Все равно что учить навигационному искусству десятидневного младенца, с грустью думал он иногда. Утешительно было считать, что сообразительности бы, наверное, ему хватило, но явно не хватало нескольких лет опыта обращения с подобными предметами.

— Чарлз Лэкленд слушает, — отрывисто заговорил аппарат, прервав ход его мыслей. — Это ты, Барл?

— Это Барленнан, Чарлз. — Командир говорил на языке Летчика; языком этим он владел теперь достаточно свободно.

— Рад тебя слышать. Ну как, правы мы были насчет этого ветерка?

— Он начался в предсказанное тобой время. Погоди... Да, вот и снег пошел. Я не заметил сначала. Правда, пока я не вижу пыли.

— Будет и пыль. Вулкан выбросил в атмосферу десяток кубических миль пыли, и ее разносит вот уже несколько дней.

На это Барленнан не сказал ничего. Вулкан, о котором шла речь, до сих пор оставался предметом спора между ними, ибо расположен был в той части Месклина, которая, согласно географическим представлениям Барленнана, попросту не существовала.

— Что мне действительно хотелось бы знать, Чарлз, так это, сколько времени еще будет продолжаться нынешний ураган. Как я понимаю, твои собратья могут наблюдать его сверху, и им, наверное, известна его протяженность.

— Что, вам уже худо? Зима еще только началась... Вам придется пробыть здесь несколько тысяч дней, прежде чем вы сможете покинуть эти места.

— Я понимаю. Продовольствия у нас полным-полно. Но время от времени нам хотелось бы чего-нибудь свежего, и было бы недурно знать заранее, когда мы сможем пойти на охоту.

— Ясно. Боюсь, для этого нужен будет очень точный расчет времени. Я не был здесь прошлой зимой, но знаю, что бури в этих местах и в это время года не прекращаются. Ты был когда-нибудь раньше на экваторе?

— На чем?

— На... Это то самое, что вы называете Краем.

— Нет, никогда я не был так близко от него и не представляю, как можно подобраться к нему еще ближе. Мне кажется, если бы мы заплыли в этот океан еще дальше, мы бы окончательно потеряли вес и улетели бы в пустоту.

— Пусть тебя это не беспокоит, потому что это не так. Если бы вы продолжали плыть дальше, ваш вес снова начал бы увеличиваться. Вы сейчас как раз на экваторе — там, где вес наименьший. Именно поэтому я здесь. Но теперь я понимаю, почему ты отказываешься поверить, что дальше к северу тоже есть и море, и суша. Когда мы говорили об этом раньше, я решил, что мы просто не поняли друг друга. Может, у тебя сейчас найдется время объяснить мне, как вы представляете себе устройство мира? Или, может, у тебя есть карты?

— Конечно. Здесь, на кормовом плоту, у меня есть Чаша. Только сейчас тебе ее не разглядеть, потому что солнце село, а при такой облачности света от Эсстеса слишком мало. Я тебе покажу ее, когда взойдет солнце. Мои плоские карты не годятся, ни на одной из них не показана вся территория, чтобы дать по-настоящему ясную картину.

— Ну что ж, прекрасно. А пока мы дожидаемся восхода, попробуй объяснить мне это на словах.

— Я не уверен, что владею твоим языком в достаточной мере, но попытаюсь... В школе меня учили, что Месклин представляет собой огромную пустую чашу. Большинство населения живет поближе к ее дну, где нормальная сила тяжести. Философы считают, что притяжение зависит от гигантской плоской плиты, на которой стоит Месклин; чем дальше мы отходим к Краю, тем меньше мы весим, потому что удаляемся от поверхности плиты. Никто не знает, на чем стоит сама плита; на этот счет у менее цивилизованных рас существует масса нелепейших верований.

— Мне думается, что, если бы ваши философы были правы, вам приходилось бы всякий раз, когда вы пускаетесь в путь от центра, взбираться вверх по склону и все ваши океаны стекли бы к самой низкой точке, — заметил Лэкленд. — Ты спрашивал кого-нибудь из философов об этом?

— В молодости я видел картину, объясняющую всю эту механику, — отозвался командир. — Учитель показал нам схему, где было изображено множество линий, которые поднимались от поверхности плиты, изгибались и сходились точно над центром Месклина. Благодаря изгибам они проходили сквозь чашу не наискось, а перпендикулярно к ее поверхности, и учитель говорил, что вес действует вдоль этих линий, а не прямо вниз к плите. Я не все там понял, но на практике все вполне оправдывается. Они утверждают, что эта теория верна, так как расстояния, нанесенные на карту, согласуются с рассчитанными по этой теории. Такое я могу понять; по-моему, доказательство убедительное. Если бы форма мира была иной, все вычисленные расстояния при удалении от исходного пункта, конечно, пошли бы насмарку.

— Ясно. Я вижу, твои философы сильны в геометрии. И я не понимаю, как они не сообразили, что существуют два варианта, при которых вычисленные расстояния могут соответствовать реальным. В конце концов, неужели ты сам не видишь, что поверхность Месклина изгибается вниз? Если бы ваша теория была справедлива, горизонт казался бы выше уровня глаз. Как насчет этого?

— А он и есть выше. Потому-то даже самые примитивные племена знают, что мир имеет форму чаши. Ведь это только здесь, у самого Края, он выглядит

по-иному. Надо полагать, какую-то роль в этом играет свет. В конце концов, солнце здесь восходит и заходит даже летом, так что стоит ли удивляться, что и все остальное несколько необычно? Сам подумай, здесь даже кажется, будто этот... горизонт, так ты его называешь?.. ближе с юга и с севера, чем с запада и востока. Если смотреть на запад и восток, корабль виден с более далекого расстояния. Это все свет.

— Гм. Сейчас мне пока что довольно трудно оспаривать твою точку зрения, — Барленнан не настолько хорошо знал язык Летчика, чтобы различить нотку веселья в его голосе. — Я никогда не был на поверхности далеко от... э... Края, и мне никогда не удастся побывать в таких местах. Я и не предполагал, что все обстоит так, как ты описываешь, да и сейчас не могу себе этого представить. Но я надеюсь в этом убедиться, когда ты возьмешь с собой в наше маленькое путешествие мой телепередатчик.

— Я с удовольствием послушаю, в чем же наши философы ошибаются, — вежливо сказал Барленнан. — Конечно, когда ты будешь готов к этому. А пока мне хотелось бы узнать, сумеешь ли ты сказать мне, когда наступит затишье.

— Понадобится несколько минут, чтобы получить информацию с базы на Турее. Давай я снова свяжусь с тобой, когда взойдет солнце. Я передам тебе прогноз погоды, и будет уже достаточно светло, чтоб ты показал мне свою Чашу. Как ты считаешь?

— Превосходно. Я буду ждать.

Барленнан распластался на палубе тут же возле радио. Кругом по-прежнему завывала буря. Метановые дробинки, стучавшие по его бронированной спине, мало беспокоили его — в высоких широтах они были гораздо сильнее. Время от времени ему приходилось смахивать за борт наносы аммиака, которые непрерывно скапливались на плоту, но даже это не было особенно обременительным — пока, во всяком случае. Ближе к середине зимы, через пять или шесть тысяч дней, аммиак будет таять под ярким солнцем, а затем замерзать вновь. Вот тогда главное будет — вовремя освобождать корабль от жидкости перед ее повторным замерзанием, иначе команде Барленнана придется вырубать из смерзшегося песка все две сотни плотов. Все-таки «Бри» — не речное суденышко, а крупный океанский корабль.

Летчику действительно понадобилось всего несколько минут, чтобы получить необходимую информацию, и, когда тучи над заливом высветило восходящее солнце, его голос вновь зазвучал из крошечного аппарата.

— Боюсь, что я был прав, Барл. Просвета нигде не видно. Почти все северное полушарие — правда, это ни о чем не говорит тебе — бурлит испарениями полярной шапки. Я так понимаю, что бури там бушуют всю зиму. А то обстоятельство, что в высокие южные широты они приходят разрозненно, объясняется кориолисовым отклонением, которое они испытывают при прорыве через экватор...

— Чем объясняется?

— Той же самой силой, что отклоняет влево предмет, который ты бросаешь... Правда, я никогда не наблюдал этого в здешних условиях, но на вашей планете такое отклонение должно быть особенно заметно...

— Что такое «бросаешь»?

— Черт возьми, действительно, этого слова у нас еще не было. Ну, вот я видел, как ты подпрыгнул... черт, этого тоже не было! Ну, когда ты приходил сюда, к моему укрытию... Ты помнишь это слово?

— Нет.

— Ладно. «Бросать» — это значит взять какой-нибудь предмет, поднять его и с силой оттолкнуть от себя так, что он некоторое время будет двигаться, прежде чем ударится о грунт.

— У нас в нормальных странах таких вещей не делают. Здесь мы можем позволить многое такое, что там невозможно или опасно. Приведись мне «бросать» что-нибудь дома, оно могло бы запросто упасть на кого-нибудь... возможно, на меня самого.

— Подумать только, ты прав. Это могло бы кончиться плохо. Плохо даже здесь, на экваторе, при трех g, а ведь на полюсах у вас около семисот g. Но все-таки, если бы ты нашел такой маленький предмет, который тебе было бы под силу бросить, разве ты не смог бы снова подхватить его или по крайней мере выдержать его удар?

— Мне трудно представить себе такую ситуацию, но, кажется, я знаю ответ на твой вопрос. Не хватит времени. Если что-нибудь роняют... или бросают, то

оно падает на грунт прежде, чем его успевают подхватить. Одно дело — поднять и нести, одно дело — ползти, а вот бросать и... прыгать... это уже совершенно другое.

— Понимаю. Вернее, мне кажется, что понимаю. Мы вроде бы априорно предполагаем в вас быстроту реакции, соизмеримую с вашей силой тяжести, но тут, видимо, в нас говорит антропоморфизм. Кажется, до меня дошло.

— То, что я понял из твоих слов, звучит убедительно. Различия между нами очевидны и несомненны; возможно, мы никогда полностью не осознаем, насколько они велики. Но все же у нас достаточно общего, чтобы вести беседы... и я надеюсь прийти к взаимовыгодному соглашению.

— Я убежден, что так и будет. Кстати, для этого тебе придется рассказать мне о тех местах, куда собираешься плыть ты, а я должен буду показать тебе на ваших картах то место, куда хочу направить тебя я. Нельзя ли взглянуть теперь на эту твою Чашу? Света для видеопередатчика уже вполне достаточно.

— Конечно. Чаша встроена в палубу, так что перемещать ее нельзя; мне придется придвинуть к ней машину. Погоди немного.

Цепляясь за крепежные планки на палубе, Барленнан медленно пополз через плот к участку, закрытому небольшим брезентом. Он стянул и убрал брезент, затем вернулся, привязал к аппарату четыре леера, которые закрепил на подходящих планках, и поволок его по палубе. Машина была меньше Барленнана, хотя весила значительно больше его, но командир принял все меры предосторожности, чтобы аппарат не сдуло. Буря продолжалась с прежней силой, так что даже палубу время от времени потряхивало. Придвинув «глаз» аппарата почти вплотную к Чаше, Барленнан подвел под другой его конец планку таким образом, чтобы Летчик мог смотреть сверху вниз. Затем он перебрался к противоположному краю Чаши и начал объяснения.

Лэкленду пришлось признать, что карта, нанесенная на внутреннюю поверхность Чаши, была довольно последовательной и точной. Как он и ожидал, ее кривизна в общем соответствовала кривизне планеты — главной ошибкой здесь было то, что в соответствии с пред-

ставлениями местных аборигенов их Месклин был вогнутым. Чаша была примерно шести дюймов в диаметре и около дюйма с четвертью глубины в центре. От внешних воздействий ее защищала покрышка из прозрачного материала — видимо, льда, как подумал Лэкленд, — уложенная заподлицо с палубой. Покрышка немного мешала Барленнану показывать на карте те или иные детали, но снять ее было нельзя, иначе аммиачный снег тотчас же забил бы Чашу до краев. Эти наносы скапливались в любых местах, укрытых от ветра. Берег был более или менее свободен от них, но и Лэкленд, и Барленнан представляли себе, что творится по ту сторону гряды холмов, протянувшейся на юге. Барленнан в глубине души радовался, что он моряк. Путешествовать в этих местах по суше в течение ближайших тысяч дней будет делом нешуточным.

— Я старался наносить на свои карты самые последние данные, — произнес командир, устроившись напротив аппарата. — Правда, я не внес никаких изменений в карту Чаши, потому что новые районы, которые мы нанесли на карты по пути сюда, слишком незначительны по протяженности. И вообще я мало что могу показать тебе в деталях, но ведь тебе нужно только общее представление о тех местах, куда я намерен отправиться, как только мы выберемся отсюда. Честно говоря, мне безразлично, куда идти. Я могу продавать и покупать повсюду, а сейчас у меня на борту почти ничего нет, кроме продовольствия. Да и того к концу зимы останется не так уж много; поэтому после нашего давешнего разговора я решил немного поплавать по районам малого веса и сделать запас кое-каких растений, которые южное население ценит за их воздействие на вкус пищи.

— Специи?

— Да. Я и прежде их привозил, и мне они подходят — за один рейс можно получить хорошую прибыль; так всегда бывает с теми товарами, стоимость которых зависит не столько от действительной нужды в них, сколько от того, что они представляют собой редкость.

— Значит, после того как ты возьмешь груз, тебе будет все равно, куда идти, так я понимаю?

— Совершенно верно. Судя по тому, что ты мне рассказывал, твое поручение приведет нас чуть ли не к самому Центру — и это хорошо. Чем дальше на юг,

тем выше цены на мой товар; и вряд ли путешествие будет опасней оттого, что оно станет длинней; к тому же ты обещал нам помогать...

— Да-да. Прекрасно... хотя я предпочел бы расплатиться с тобой по-настоящему, чтобы тебе не тратить времени на поиски и сбор этих растений...

— Что поделаешь, нам нужно кормиться. По твоим же словам, твое тело, а значит, и твоя пища состоит совсем из других веществ, чем наша, поэтому твоя еда вряд ли подойдет для нас. А что касается всего прочего, то, честно говоря, какое-нибудь сырье или металл я смог бы раздобыть в любых количествах более простыми путями. Лучше всего было бы заполучить у тебя некоторые из твоих механических приспособлений, но ведь ты говоришь, что их пришлось бы сначала специально переделывать, чтобы приспособить к нашим условиям. Вот и выходит, что лучше нашего соглашения пока ничего придумать нельзя.

— Вот именно. Даже этот радиоприемник сконструирован со специальной целью, да и починить бы его ты не смог... ведь у твоих соплеменников, если я не ошибаюсь, нет необходимых инструментов. Впрочем, об этом мы еще успеем поговорить в пути; наверное, когда мы познакомимся поближе, перед нами откроются другие, более широкие возможности.

— Я в этом уверен, — вежливо ответил Барленнан.

Он, конечно, ничего не сказал о возможностях, на которые рассчитывал сам. Вряд ли это понравилось бы Летчику.

Глава 2
ЛЕТЧИК

Прогноз Летчика оправдался: четыре сотни дней прошло, прежде чем буря начала заметно стихать. Пять раз за это время Летчик беседовал с Барленнаном по радио; начинал он всегда с короткого прогноза погоды, а затем на протяжении дня или двух разговаривал на более общие темы. Еще раньше, обучаясь языку этого странного существа и нанося ему персональные визиты в его резиденцию на Холме у залива, Барленнан заметил, что оно ведет жизнь, которая, по всей видимости, подчиняется удивительно правильному ритму; он

обнаружил, что можно с большой точностью предсказать, когда Летчик спит и ест, потому что все эти отправления совершались с периодичностью, составляющей около восьмидесяти дней. Барленнан не принадлежал к числу философов, он более или менее разделял распространенное мнение о них, как о далеких от жизни мечтателях, и он просто и без долгих раздумий отнес эти особенности за счет прочих странностей этого жуткого, но несомненно интереснейшего существа. В жизненном опыте месклинита ничто не наводило на мысль о существовании планеты, которая вращается вокруг своей оси в восемьдесят раз медленнее, чем его собственная.

Пятый радиовызов Лэкленда отличался от прежних и был более приятного свойства по нескольким причинам. Прежде всего он состоялся вне расписания; а удовольствие командиру он доставил тем, что содержал, наконец, благоприятный прогноз погоды.

— Барл! — позвал Летчик и, зная, что месклинит все время находится поблизости от аппарата, не дожидаясь ответа, продолжал: — Несколько минут назад меня вызвала база на Турее. На нас движется сравнительно безоблачная зона. Насчет ветра на базе не совсем уверены, но поверхность сквозь этот просвет просматривается, так что видимость должна быть хорошей. Можешь готовить своих охотников; их не сдует, нужно будет только подождать дней двадцать-тридцать после того, как небо очистится. Тогда здесь установится очень хорошая погода и продержится примерно сотню-другую дней. Меня заранее предупредят, когда охотникам нужно будет вернуться на корабль.

— А как мы передадим это предупреждение? Если я отдам им свой аппарат, мы с тобой не сможем говорить о текущих делах, а если не отдам...

— Об этом я позаботился, — прервал его Лэкленд. — Как только станет потише, сразу же приходи ко мне. Я передам тебе еще один аппарат... и вообще лучше, если у тебя их будет несколько. Путешествие, которое ты совершишь для нас, вероятно, будет опасным, да и долгим, уж мне-то это известно. Тридцать с лишним тысяч миль по прямой, как ворон летит, и мы еще понятия не имеем, сколько из них вам придется проплыть, а сколько — пройти по суше.

Из-за оговорки Лэкленда они отклонились от темы: Барленнан спросил, что такое ворон и что значит летать. Справиться с первым вопросом было легче. Но освоиться с мыслью о живом существе, которое летает само по себе, оказалось для Барленнана еще труднее, чем с мыслью о бросании. И она ужаснула его еще больше. То, что у него на глазах передвигался по воздуху Лэкленд, представлялось ему совершенно противоестественным, и он никак не мог к этому привыкнуть. И в какой-то степени Лэкленд его понимал.

— Вот что я хочу тебе предложить, — сказал он. — Когда небо очистится и станет возможной безопасная посадка, мне пришлют сюда транспортный механизм. Если ты посмотришь, как садится ракета, тебе будет легче свыкнуться с самой идеей полета.

— Может быть, — нерешительно проговорил Барленнан. — Но мне что-то не хочется смотреть, как садится твоя ракета. Я, знаешь ли, однажды уже видел и... Я бы не хотел, чтобы в это время со мной был кто-нибудь из команды.

— Почему? Думаешь, они бы до смерти испугались?

— Нет, — честно ответил месклинит. — Просто я не хочу, чтобы они видели, как испугаюсь я.

— Ты меня удивляешь, командир, — сказал Лэкленд, стараясь говорить в шутливом тоне. — Впрочем, я понимаю твои чувства и заверяю тебя, что ракета над тобой не пройдет. Чтобы этого не случилось, я сам буду направлять пилота по радио, если ты согласишься подождать у стены моего купола.

— Но все-таки она пройдет близко от зенита...

— Довольно далеко, обещаю тебе. И это не только для твоего спокойствия, но и для моей безопасности. Чтобы сесть на эту планету даже здесь, на экваторе, дюзы должны работать на полную мощность. Уверяю тебя, я вовсе не желаю, чтобы струи пламени ударили по моему куполу.

— Хорошо, я приду. Как ты сказал, лучше, если у меня будет несколько радиоаппаратов. А что такое «транспортный механизм»?

— Это машина, которая будет возить меня по суше, как твой корабль плавает по волнам. Ты увидишь ее через несколько дней или даже через несколько часов.

Барленнан не стал спрашивать, что означает это новое слово, поскольку общий смысл последней фразы был понятен и без того.

— Я приду и посмотрю, — пообещал он.

Друзья Летчика на внутренней луне Месклина предсказали погоду точно. Едва командир, припавший к палубе на корме своего корабля, отсчитал десяток солнечных восходов, как небо начало проясняться, а ветер ослабевать. Это были верные признаки приближения «глаза» тайфуна. Теперь на основании собственного опыта он знал, что спокойный период продлится, как и утверждал Летчик, одну-две сотни дней.

Командир привлек внимание экипажа свистом, который разорвал бы Лэкленду барабанные перепонки, будь тот способен слышать звуки такой высоты, и принялся отдавать приказания.

— В поле выйдут два охотничьих отряда одновременно. Один отряд поведет Дондрагмер, другой — Меркус. Каждый возьмет девять матросов по своему выбору. Я останусь на корабле для связи — Летчик собирается передать нам еще несколько говорящих машин. Как только небо очистится окончательно, я отправлюсь за ними к Холму Летчика; машины и другое нужное имущество доставят его друзья сверху, поэтому до моего возвращения всем оставаться у корабля. Через тридцать дней после моего ухода будьте готовы к выступлению.

— А вы не слишком торопитесь, командир? Ведь ветер будет еще очень сильный.

Помощник был хорошим другом, и потому вопрос его не показался Барленнану неуместным, хотя иных командиров подобное замечание насчет их решения привело бы в ярость. Барленнан помахал клешнями, что у месклинитов соответствовало улыбке.

— Ты, конечно, прав. Но я не хочу тратить время зря. К тому же до Холма Летчика всего одна миля.

— И все-таки...

— Более того, он расположен в подветренном направлении. У нас в кладовых много миль канатов; я привяжу два каната к своей сбруе, и двое матросов, например Тербланнен и Харс, под твоим, Дон, надзором будут вытравливать их по мере моего продвижения. Возможно — и даже почти наверняка — меня собьет с ног, но если бы ветер был способен наброситься на

меня с такой силой, что лопнула бы добрая морская снасть, наш «Бри» давно бы уже отнесло далеко от моря.

— И все-таки, даже если вас просто собьет... или вдруг поднимет... — Дондрагмера мучило беспокойство, и мысль, которую он высказал вслух, заставила дрогнуть даже командира.

— Падение... да. Но не забывай, здесь мы в двух шагах от Края... на самом Краю, как говорит Летчик, и когда я взглянул на север с вершины его Холма, я ему поверил. Как многие из вас уже поняли исходя из собственного опыта, падение здесь ничего не значит.

— Однако вы сами приказали нам вести себя так, как если бы у нас был нормальный вес, чтобы мы не обрели привычек, которые могут оказаться пагубными по возвращении в обитаемые страны.

— Правильно. Это и не сделается привычкой, поскольку в нормальных странах никакому ветру меня не поднять. Одним словом, будет так, как я сказал. Пусть Тербланнен и Харс проверят канаты... нет, сам проверь. На это потребуется много времени. Вот пока и все. Вахте под брезентами — отдыхать. Вахте на палубе — проверить якоря и крепления.

Дондрагмер, начальник палубной вахты, понял, что разговор окончен, и принялся за выполнение приказа с присущей ему энергией и деловитостью. Помимо всего прочего, он послал матросов вычистить снег, набившийся между плотами: как и капитан, он ясно представлял себе возможные последствия оттепелей с заморозками. Барленнан же сидел расслабившись и с грустью спрашивал себя, кому из своих предков он обязан способностью попадать в неприятные ситуации, из которых невозможно выпутаться с честью.

Идея насчет канатов возникла у него совершенно самопроизвольно, и прошло несколько дней, прежде чем аргументация, которую он выдвигал перед помощником, стала звучать убедительно для него самого. Тучи тем временем исчезли, но он все еще чувствовал себя неважно, когда спустился на снег у носовых плотов, бросил последний взгляд назад на двух своих самых могучих матросов и на канаты, которые они держали, и пустился в путь по вылизанному ветром берегу.

Впрочем, все оказалось не так уж плохо. Вначале канаты слегка оттягивали его вверх, поскольку палуба

на несколько дюймов возвышалась над уровнем грунта, но береговой уклон быстро скомпенсировал это неудобство. Деревья, которые столь честно служили кораблю в качестве швартовочных опор, по мере удаления от моря росли все гуще и гуще. Это были низкие, будто придавленные растения с широко растопыренными щупальцами-сучьями и короткими толстыми стволами, в общем подобные деревьям на знакомых ему просторах далеко на юге Месклина. Правда, тяжесть здесь была в двести раз меньше, чем в полярных районах, и ветвям было легче, так что кое-где они поднимались вверх, совершенно не касаясь почвы. Деревья росли настолько тесно, что в конце концов соседние кроны стали переплетаться в путаницу коричневых и черных ветвей, образуя превосходную опору для движения. Через некоторое время Барленнан обнаружил, что можно карабкаться к Холму, цепляясь передними клешнями, разжимая задние и выбрасывая гусеницеподобное тело вперед, на манер червяка-землемера. Ветки немного мешали ему, но и ветки и крупные сучья были довольно гладкими и не являлись серьезным препятствием.

После первых двухсот ярдов берег стал подниматься довольно круто, и на середине пути Барленнан был уже на шесть футов выше уровня палубы «Бри». Отсюда можно было разглядеть Холм Летчика даже тому, у кого глаза едва выступали над грунтом, как это было у месклинитов; по обыкновению, командир остановился, чтобы окинуть взглядом окрестности.

Оставшиеся полмили пролегали через бело-черно-коричневую путаницу крон, подобную той, которую он оставил позади. Растительность здесь была еще гуще, а снегу — еще больше, и впереди не было заметно участков обнаженного грунта.

Над заросшей равниной маячил Холм Летчика. Месклиниту стоило больших усилий видеть в нем искусственное сооружение — отчасти из-за его чудовищных размеров, а отчасти потому, что любая крыша, если это не легкий отрезок ткани, была совершенно чужда его понятиям об архитектуре. Это был сверкающий металлический купол, почти правильная полусфера около двадцати футов высотой и сорока футов в диаметре. В стенах купола имелось множество обширных участков прозрачного материала, а также два цилиндрических

выступа с дверями. По словам Летчика, двери эти были сконструированы таким образом, что через них можно было проходить, не выпуская воздух. Дверные проемы были, конечно, достаточно велики для этого странного гиганта. К одному из нижних окон поднимался трап, который давал Барленнану возможность вскарабкаться наверх и заглянуть внутрь через стекло. Командир провел на этом трапе немало времени, пока осваивал язык Летчика; он всласть нагляделся на странные приборы и предметы обихода, заполнявшие сооружение, хотя понятия не имел, для чего служит большинство этих предметов. Сам Летчик, по-видимому, был амфибией — во всяком случае, большую часть времени он проводил в баке с жидкостью. Принимая во внимание его размеры, этого и следовало ожидать. Барленнан не знал ни одного живого существа на Месклине крупнее себя, которое не было бы обитателем океана или озера, хотя он сознавал, что если дело только в весе, то они могут существовать здесь, в обширных и малоисследованных областях у Края Света. Он надеялся, что никого из них не встретит — по крайней мере пока он будет на суше. Размеры означали вес, а жизненный опыт не позволял ему пренебрежительно относиться к весу, как к источнику опасности.

Возле купола не было ничего, кроме вездесущей растительности. По-видимому, ракета еще не прибыла, и на мгновение Барленнану захотелось подождать здесь ее прибытия. Она, конечно, опустится по ту сторону Холма — если бы Барленнан не явился, об этом бы позаботился Летчик. Однако, с другой стороны, ничто не помешает снижающемуся кораблю пройти как раз над ним; Лэкленд тут бессилен, ведь он не знает в точности, где сейчас находится Барленнан. Мало кому из землян удалось бы с расстояния в полмили заметить существо пятнадцати дюймов длиной и двух толщиной, ползущее через заросли. Нет уж, лучше следовать совету Летчика и двинуться прямо к Куполу. И командир пополз дальше, по-прежнему волоча за собой тросы.

Он проделал это путешествие довольно быстро, хотя немного задержался из-за периодических наступлений темноты. Была как раз ночь, когда он добрался до цели, но это уже не имело значения, потому что последний участок пути был озарен светом, падающим из окон купола. Впрочем, к тому времени, когда он

закрепил канаты, вскарабкался по трапу и удобно устроился у окна, над горизонтом слева от него взошло солнце. Облаков на небе почти не осталось, и Барленнан мог бы рассмотреть за окном все, даже если бы свет внутри был выключен.

Лэкленда в этой комнате не оказалось, и месклинит нажал на крошечную кнопку, вмонтированную в трап. Из громкоговорителя немедленно отозвался голос Летчика.

— Рад, что ты уже здесь, Барл. Я не разрешил Маку садиться, пока ты не придешь. Сейчас я дам команду, и к следующему восходу он будет здесь.

— Где он сейчас? На Турее?

— Нет. Он дрейфует у внутреннего края кольца на высоте всего в шестьсот миль. Он вышел туда задолго до того, как кончилась буря, так что не воображай, будто ему пришлось тебя ждать. А пока мы ждем его, я вынесу тебе радиоаппараты, которые обещал.

— Я здесь один, и будет лучше, если ты сейчас вынесешь только один аппарат. Их очень неудобно тащить, хотя они, конечно, совсем не тяжелые.

— Может, лучше сейчас этим не заниматься, а подождать вездеход, тогда я смогу отвезти тебя назад, к твоему кораблю... Вездеход хорошо изолирован, так что даже если ты будешь не внутри, а снаружи, ничего страшного не произойдет ни с тобой, ни с нами. Как ты на это смотришь?

— Прекрасно. Ну, а пока поупражняемся в языке, или ты покажешь мне еще какой-нибудь фильм про те места, откуда ты родом?

— У меня есть кое-какие фильмы. Несколько минут уйдет, чтобы зарядить проектор. Значит, когда все будет готово, уже порядочно стемнеет. Одну минуту... Я перейду в комнату отдыха.

Громкоговоритель замолк, и Барленнан уставился на дверь, видневшуюся в глубине комнаты. Через несколько секунд появился Летчик — он передвигался, как всегда, в вертикальном положении с помощью искусственных ног, которые он называл костылями. Он приблизился к окну, кивнул массивной головой своему крошечному гостю и повернулся к кинопроектору. Экран, на который было нацелена машина, находился прямо против окна, и Барленнан, следя одной парой глаз за действиями человека, принялся устраиваться

поудобнее. Он молча ждал; солнце лениво проползало по небу над его головой. Под лучами солнца было тепло и приятно, хотя для оттепели тепла было недостаточно: мешал непрекращающийся ветер с северной полярной шапки. Барленнан погрузился в полудремоту, а тем временем Лэкленд закончил возню с машиной, проковылял к релаксационному баку и забрался в него. Барленнан так и не заметил на поверхности жидкости эластичной водоотталкивающей пленки. Если бы он ее заметил, ему пришлось бы отказаться от теории амфибийной природы человеческих существ. Распластавшись в баке, Лэкленд протянул руку к небольшому пульту и щелкнул двумя переключателями. Свет в комнате погас, заработал кинопроектор. Фильм был пятнадцатиминутным, но он еще не закончился, когда Лэкленд объявил, что ракета сейчас сядет, выбрался из бака и взялся за костыли.

— Будешь наблюдать посадку или тебе хочется досмотреть фильм? — спросил он. — К концу фильма Мак, вероятно, будет уже на грунте.

Барленнан неохотно оторвался от экрана.

— Мне бы очень хотелось досмотреть, но лучше будет, если я начну понемногу привыкать к виду летающих предметов, — сказал он. — С какой стороны она появится?

— Скорее всего, с востока. Я дал Маку подробный план нашей местности; да к тому же у него есть фотографии, и вообще заход с этого направления для него всего удобнее. Боюсь, что сейчас тебе мешает солнце, но он пока еще на высоте около сорока миль... Высматривай его где-то над солнцем.

Барленнан последовал этому совету и стал ждать. Примерно с минуту он ничего не видел; затем градусах в двадцати выше солнца он уловил металлический блеск.

— Высота десять... расстояние по горизонтали — примерно столько же, — в ту же секунду сообщил Лэкленд. — Я вижу его у себя на обзорном экране.

Блестящая точка сверкала все ярче, направление было выдержано точно — ракета шла прямо на купол. Через минуту она была уже так близко, что можно было бы разглядеть детали, если бы не ослепительное сияние восходящего солнца. На какое-то время Мак завис в миле над поверхностью и в миле к востоку

от станции; и когда Белн передвинулся, Барленнан увидел на цилиндрическом корпусе иллюминаторы и отверстия дюз. Ветер к этому времени почти утих, но оттуда, где струя пламени била в грунт, потянул тепловатый бриз, принесший запах тающего аммиака. Капли вязкой жидкости шлепались о глазные капсулы Барленнана, но он не сводил глаз с медленно снижающейся металлической массы. Его мускулы напряглись до предела, «руки» были плотно прижаты к бокам, клешни сжались с такой силой, что могли бы перекусить стальную проволоку, и в каждом сегменте его тела бешено бились сердца. Вероятно, у него и дыханье бы сперло, если бы его дыхательный аппарат хоть сколько-нибудь напоминал человеческие легкие. Разумом он понимал, что ракета не упадет, он твердил себе, что она просто не может упасть: но он вырос в тех местах, где падение с высоты каких-нибудь шести дюймов обычно грозило гибелью даже невероятно прочным телам месклинитов, и держать свои чувства в узде ему было нелегко. Подсознательно он ждал, что металлический снаряд вот-вот исчезнет из виду и через мгновение появится внизу, на грунте, в виде бесформенной расплющенной лепешки, но пока ракету отделяли от поверхности сотни футов...

На грунте под ракетой уже не осталось снега, и черные заросли внезапно были охвачены пламенем. Черный пепел разметало ветром, и даже сам грунт засветился. Это длилось лишь мгновение, а потом сверкающий цилиндр мягко опустился в центре выжженного пятна. Еще через несколько секунд разом оборвался громоподобный гул, который грохотал сильнее, нежели все ураганы Месклина. Барленнан расслабил ноющие от напряжения мышцы и стал сжимать и разжимать клешни, чтобы избавиться от судороги.

— Подожди немного, я сейчас выйду с аппаратами, — сказал Лэкленд. Командир не заметил, как он ушел из комнаты. — Мак пригонит воздеход сюда, и пока я влезаю в скафандр, ты можешь на него посмотреть.

Барленнан увидел, как откинулся грузовой люк и машина выползла наружу; он хорошо рассмотрел ее и решил, что понял в ней все — только ему был неясен источник силы, которая приводила в движение гусеничные передачи. Машина была велика, в ней бы

уместились несколько соплеменников Летчика. Этому могли бы помешать разве что какие-нибудь механизмы внутри. Как и купол, она была снабжена множеством больших окон; сквозь одно из них в передней части командир разглядел облаченную в броню фигуру другого Летчика, который, видимо, ею управлял. Машина все еще была в миле от купола, и на таком расстоянии двигатель совсем не был слышен.

Она успела пройти лишь небольшую часть этого пути, когда солнце зашло, и детали стали неразличимыми. Эсстес, малое солнце, был еще в небе и светил ярче, чем полная луна на Земле, но зрительные возможности Барленнана имели свои пределы. Ничем не помог и яркий луч света, протянувшийся от вездехода к куполу. Барленнан ждал. Все равно машина была еще слишком далеко, чтобы можно было рассмотреть ее во всех подробностях даже при дневном свете, а к восходу солнца она уже несомненно будет у Холма.

Конечно, может, и тогда придется подождать. Может быть, Летчики воспротивятся и не дадут ему обследовать механизмы так, как ему бы хотелось.

Глава 3
ОТОРВАТЬСЯ ОТ ГРУНТА

Почти в ту же минуту, когда взошел Белн, к куполу подкатил танк, а из тамбура появился Лэкленд. Машина остановилась всего в двух ярдах от трапа, на котором расположился Барленнан. Водитель тоже выбрался наружу; люди стояли и беседовали совсем рядом с месклинитом. Командир не понимал, почему они не уходят в купол, чтобы прилечь там — и тот, и другой явно страдали от гравитации Месклина; однако новоприбывший отклонил приглашение Лэкленда.

— С удовольствием погостил бы у тебя, — ответил он, — но скажи по чести, Чарли, разве ты сам остался бы на этой жуткой планете хоть на секунду дольше, чем требуется?

— Ну, если на то пошло, я почти с тем же успехом мог бы выполнять свое задание, находясь не здесь, а на Турее... или в корабле на свободной орбите, — возразил Лэкленд. — Но я придаю большое значение

личным контактам. Мне очень хочется узнать побольше о сородичах Барленнана — мы ведь даем ему так мало по сравнению с тем, что рассчитываем от него получить, и было бы славно, если бы мы смогли еще что-то сделать для него. Кроме того, ему сейчас нелегко, и кто-то из нас обязательно должен быть рядом с ним; это очень важно и для него, и для нас.

— Не совсем понимаю тебя.

— Барленнан — морской бродяга, что-то вроде вольного торговца-первопроходца. Он забрался далеко за пределы тех мест, где обычно живут и путешествуют его соотечественники. Он остался здесь на всю южную зиму, когда испарение северной полярной шапки вызывает в экваториальном поясе такие бури, что расскажешь — никто не поверит, бури, каких ни он, ни мы в жизни никогда не видывали. А теперь попробуй прикинуть, сколько у нас шансов найти другого партнера для контакта, если с ним что-либо случится. Не забывай, они живут в гравитационном поле, которое от двухсот до семисот раз мощнее нашего земного. Не следовать же нам за ним на его родину для знакомства с его родственниками! Мало того, не наберется, вероятно, и сотни его соплеменников, которые не только заняты тем же делом, что и он, но и достаточно смелы, чтобы так далеко уходить от привычных мест. Так много ли у нас шансов натолкнуться еще на одного из этой сотни? Допустим, этот океан они посещают чаще всего; один только его рукав, от которого ответвляется этот вот залив, тянется на шесть тысяч миль в длину и на две тысячи в ширину — да еще при такой изрезанной береговой линии. А засечь их корабль сверху — все равно, на море или на суше... «Бри» Барленнана имеет длину около сорока футов и втрое уже, а ведь это один из их самых крупных океанских кораблей. Причем, вряд ли корабли выступают над водой более чем на три дюйма. Нет, Мак, наша встреча с Барленнаном была невероятной удачей; и на другую такую удачу я не рассчитываю. И ради этого стоит проторчать при тройной силе тяжести все пять месяцев до наступления южной весны. Конечно, если спасение аппаратуры на два миллиарда долларов тебе угодно поставить в зависимость от сомнительных результатов поиска на территории в тысячу миль шириной и полтораста тысяч длиной...

— Теперь мне все понятно, — проговорил гость. — Но все же я рад, что торчать здесь приходится тебе, а не мне. Конечно, если бы я знал Барленнана лучше... — Они повернулись к крошечному гусеницеподобному существу, распластавшемуся на трапе.

— Барл, извини, пожалуйста, я был невежлив и не представил тебе Уэйда Маклеллана, — сказал Лэкленд. — Уэйд, познакомься с Барленнаном, капитаном «Бри» и искуснейшим мореходом своей планеты — он так не отрекомендовался, но само его пребывание здесь — достаточное тому доказательство.

— Рад познакомиться с тобой, Летчик Маклеллан, — отозвался месклинит. — Никаких извинений не требуется, поскольку у меня есть все основания полагать, что ваша беседа предназначалась также и для моих ушей. — Он приветственным жестом раскрыл клешни. — Я уже имел случай выразить свое глубокое удовлетворение по поводу счастливой случайности, которая нас свела, и мне остается только надеяться, что я выполню свои обязательства по нашему договору столь же успешно, как, без сомнения, и ваша сторона выполняет свои.

— Ты замечательно говоришь по-английски, — заметил Маклеллан. — Неужели ты действительно научился меньше чем за шесть недель?

— Я не совсем хорошо представляю себе продолжительность «недели», но с момента встречи с твоим другом прошло меньше трех тысяч пятисот дней, — ответил командир. — Конечно, я легко усваиваю языки — это совершенно необходимо при моем роде занятий; и потом очень помогли фильмы, которые показал мне Чарлз.

— Нам еще посчастливилось, что ты можешь воспроизводить все звуки нашего языка. У нас иногда бывают с этим серьезные затруднения.

— Именно поэтому я учил ваш английский, а не наоборот. Как я понимаю, многие наши звуки слишком высоки для ваших голосовых связок. — Барленнан воздержался от упоминания о том, что с соплеменниками он разговаривал обычно в тонах, тоже слишком высоких для ушей землян. Возможно, Лэкленд этого еще не заметил, а даже самый честный торговец хорошенько подумает, прежде чем раскроет перед партнером все свои преимущества. — Но я думаю, и Чарлз немного

научился нашему языку, пока наблюдал и слушал нас при помощи аппарата, который находится сейчас на «Бри».

— Очень немного, — признался Лэкленд. — Должен сказать, у тебя на редкость хорошо обученная команда. Ведь большая часть повседневной работы на борту производится без всяких приказаний. А из разговоров, которые ты иногда ведешь со своими матросами и которые никакими действиями не сопровождаются, ничего понять невозможно.

— Ты имеешь в виду мои разговоры с Дондрагмером или с Меркусом? Да, это мои первый и второй помощники, и с ними я говорю чаще всего.

— Послушай, не сочти это за оскорбление, но я совершенно не способен отличить одного из твоих соотечественников от другого. Я просто не знаю пока, чем вы друг от друга отличаетесь.

Барленнан чуть не рассмеялся.

— Ну, у меня положение еще хуже. Я до сих пор не уверен, видел ли я тебя когда-либо без этих твоих искусственных оболочек.

— Ладно, давай все-таки вернемся к делам — мы и так потратили слишком много драгоценного дневного времени. Мак, я полагаю, что ты непрочь вернуться к ракете и поскорее убраться туда, где вес не играет роли и люди чувствуют себя воздушными шариками. Когда будешь там, проследи, чтобы приемопередатчики, обеспечивающие контакт с нашими четырьмя аппаратами, находились друг от друга в пределах слышимости. Наверное, не стоит соединять их проводами, но ребята собираются на какое-то время использовать их для связи между отдельными группами, а эти аппараты работают на разных частотах. Барл, я оставил аппараты у входа в тамбур. Если никто не возражает, давайте сделаем так: я помещу тебя вместе с аппаратами на верхнюю площадку вездехода, мы отвезем Мака к ракете, а потом я доставлю тебя и аппараты на «Бри».

И прежде чем кто-либо успел ему ответить, Лэкленд принялся за дело; в результате Барленнан едва не свихнулся от страха.

Бронированная рука Летчика протянулась и подхватила крошечное тело месклинита. На какое-то мгновение у Барленнана душа ушла в пятки, и он почувствовал, что висит в нескольких футах над грунтом; затем

его положили на плоскую крышу машины. Его клешни судорожно и бестолково скребли по гладкому металлу в поисках опоры, десятки ног-присосков намертво впились в металлическую поверхность; в его глазах светился непереносимый ужас перед пустотой, разверзающейся вокруг него за бортами, совсем рядом. Долгие секунды, а может, даже целую минуту он не мог произнести ни звука; а когда он все-таки заговорил, его уже не было слышно. Он находился слишком далеко от микрофона на трапе — с такого расстояния, как он знал по опыту, никто не разобрал бы ни слова из того, что он говорит; но даже и в этот страшный миг он помнил о том, что сиреноподобный рев предсмертного ужаса, который ему так хотелось испустить, столь же отчетливо услышат и на борту «Бри», поскольку там тоже есть радиоаппарат.

И тогда на «Бри» пришлось бы избрать нового капитана. Уважение к его личной храбрости было единственной силой, которая пригнала его команду в эти бурные области на Краю Света. Если уважение исчезнет, он лишится и команды, и корабля, и, в сущности, самой жизни. Трусов на океанских кораблях не терпят ни в каком качестве; и хотя его родина находилась на этом же материковом массиве, нечего было и думать пройти по сухопутью сорок тысяч миль по береговой линии.

Соображения эти не вылились в его сознании в отчетливую форму, но он инстинктивно молчал, пока Лэкленд подбирал аппараты и вместе с Маклелланом забирался внутрь танка. Металлическая махина слегка дрогнула, когда захлопнулась дверца, и через мгновение сдвинулась с места. И тогда с аборигеном произошло нечто странное.

Он мог — и, возможно, должен был — свихнуться от страха. Его ощущения весьма приблизительно напоминали ощущения человека, висящего на одной руке на высоте в сорок этажей над каменной мостовой.

Но он не свихнулся. По крайней мере в общепринятом смысле этого слова. Голова у него была такая же ясная, как прежде, и мало кто из его друзей на какое-то время мог бы обнаружить в нем какую-либо перемену. Может, на какое-то время человек, лучше знающий месклинитов, чем Лэкленд, мог бы запо-

дозрить, что командир слегка пьян; потом прошло даже это.

И вместе с тем прошел страх. Он вдруг понял, что почти спокоен — и это в нескольких футах над грунтом! Конечно, он держался изо всех сил; но потом он даже припомнил, что ему тогда пришло в голову: как это хорошо все-таки, что ветер продолжает стихать, хотя держаться ногами-присосками за гладкий металл необычайно удобно. И поразительно, что в таком положении ему было даже приятно оглядывать окрестности с высоты. Смотреть на вещи сверху вниз было удобно; отсюда открывались взгляду такие обширные просторы. Это было похоже на карту; Барленнану никогда раньше не приходило в голову, что карта — это вид сверху.

Его наполнило пьянящее чувство триумфа. Когда вездеход остановился перед ракетой, месклинит чуть ли не игриво помахал клешнями Маклеллану, который выбрался из танка, освещенный сиянием фар, и ощутил необыкновенную радость, когда тот помахал в ответ рукой. Танк тут же свернул влево и двинулся по направлению к берегу, где находился «Бри». Помня, что Барленнан ничем не защищен, Мак заботливо выждал, пока машина не удалилась на целую милю, и только тогда поднял ракету в воздух. При виде гигантского снаряда, медленно всплывающего в небо без всякой видимой опоры, у Барленнана на мгновение воскресли прежние страхи, но он решительно подавил в себе это чувство и нарочно не спускал с ракеты глаз, пока она не исчезла из виду в лучах заходящего солнца.

Лэкленд тоже следил за взлетом ракеты; но когда светящаяся точка исчезла, он, не теряя времени, кратчайшим путем погнал танк к «Бри». В сотне ярдов от корабля он предупредительно затормозил, но все же подъехал достаточно близко, чтобы ошарашенные месклиниты, столпившиеся на палубе, разглядели на крыше машины своего командира. Если бы Лэкленд появился перед ними с головой Барленнана на шесте, это вызвало бы, наверное, меньшее смятение.

Даже Дондрагмер, самый умный и уравновешенный из команды «Бри» (не исключая и самого командира), был на какое-то время совершенно парализован этим зрелищем; придя в себя, он первым делом взглянул в сторону баков с огненным порошком и «мехов» на

внешних плотах. К счастью для Барленнана, вездеход находился не с подветренной стороны, ибо температура была, как обычно, ниже точки плавления хлора в баках, и если бы позволило направление ветра, помощник послал бы на танк огненное облако, даже не подумав о том, что капитан жив.

Когда дверца вездехода распахнулась и появилась закованная в броню фигура Лэкленда, в толпе моряков возник глухой ропот. Образ жизни этих полуторговцев-полупиратов привел к тому, что в их рядах остались только те, кто в любой момент с охотой и без всяких колебаний кидается в бой при малейшем намеке на опасность, угрожающую любому из них; трусы от их ушли давно, а эгоисты погибли. Единственное, что спасло Лэкленда, когда он вылез из машины, был рефлекс — они не привыкли прыгать сразу на сто ярдов, хотя даже от слабейших из них потребовалось бы здесь лишь незначительное напряжение мускулатуры. Ползком, как они это делали всю жизнь, красно-черной волной они хлынули с плотов и потекли через пляж к машине чужака. Лэкленд видел, что они приближаются, но он настолько заблуждался относительно их намерений, что даже не торопился, когда протянул руку к крышке вездехода, подхватил Барленнана и поставил его на грунт. Затем он снова сунулся в машину, достал обещанные радиоаппараты и положил их на песок рядом с командиром; только к этому времени до команды дошло, что их капитан жив и, по всей видимости, здоров. Лавина в замешательстве остановилась на полпути между кораблем и транспортером; Лэкленд услышал в наушниках настоящую какофонию голосов — от необыкновенно низкого баса до самых высоких нот, какие только мог воспроизвести громкоговоритель. Хотя Лэкленд в свое время изо всех сил пытался изучить язык аборигенов, ему не удалось понять ни слова из того, что вопила толпа. Впрочем, для его душевного спокойствия это было не так уж плохо; он давно знал, что даже броня, способная противостоять атмосферному давлению на Месклине, в восемь раз превосходящему земное, не устоит перед клешнями месклинитов.

Барленнан перекрыл галдеж ревом, который, вероятно, донесся бы до Лэкленда, если бы не оглушил его, вырвавшись из наушников. Командир прекрасно

понимал состояние умов своей команды и не имел ни малейшего желания увидеть Лэкленда разорванным на дюжину кусков.

— Молчать! — В действительности Барленнан испытывал к команде буквально человеческую признательность за ее реакцию на опасность, которой он якобы подвергался, но сейчас было не время для изъявления благодарности.

— Вы уже достаточно валяли дурака в этих местах, где нет веса, и должны были понимать, что я вне опасности!

— Но вы же запретили...

— Мы думали...

— Вы были наверху...

Капитан оборвал хор возражений:

— Да, я запретил подобные действия, и я вам уже объяснил, почему. Когда мы вернемся к нормальному весу и к приличному образу жизни, у нас не должно остаться привычек, которые могли бы по легкомыслию привести нас к таким поступкам, как этот... — Взмахом клешни он указал на крышу танка. — Вам всем известно, что сопутствует нормальному весу; но Летчику это не известно. Он поместил меня туда и, как вы сами видели, снял оттуда, не подумав об этом. Он явился к нам из мест, где практически совсем нет веса; где, как я понимаю, он может падать сколько угодно с высоты своего роста, не причиняя себе никакого вреда. Вы видите это своими глазами: если бы он испытывал должные ощущения в отношении высоты, как бы он мог летать?

Большинство слушателей Барленнана во время его речи зарылось в песок своими короткими ножками, как бы стараясь получше закрепиться в нем. Сомнительно, чтобы они полностью переварили слова командира, не говоря уже о том, чтобы поверить ему. Но так или иначе, а они отвлеклись от намерений, которые питали в отношении Лэкленда. Толпа снова смутно загудела, но теперь в ее гуле звучало скорее изумление, нежели ярость. Только Дондрагмер в отличие от прочих хранил молчание; и капитан понял, что должен будет дать своему помощнику более тщательный и подробный отчет о своих похождениях. Воображение у Дондрагмера дополняется могучим интеллектом, и, вероятно, он уже раздумывает, какое воз-

действие могли оказать такие переживания на нервную систему Барленнана. Что ж, в свое время на это можно будет потратить время, а сейчас нужно было заняться командой.

— Охотничьи отряды готовы? — Слова Барленнана вновь перекрыли гомон.

— Мы еще не поели, — смущенно отозвался Меркус. — Но все остальное — сети и оружие — в порядке.

— Что с едой?

— Будет через день, командир, — пробормотал кок Карондрасс и, не ожидая дальнейших приказаний, пополз обратно к кораблю.

— Дон, Меркус. Вот радиоаппараты. Каждый из вас возьмет по одному. Вы видели, как я пользовался таким аппаратом на корабле, — нужно только быть поближе к нему, когда ведешь разговор. Имея эти аппараты, вы со своими отрядами можете отойти друг от друга как угодно далеко: начальникам отрядов больше нет надобности сохранять между собой зрительную связь. Дон, я решил изменить первоначальный план и буду руководить вами не с корабля. Я узнал, что с верхушки самоходной машины Летчика открывается чрезвычайно широкий обзор, и я буду наблюдать за вашими действиями оттуда.

— Но, командир, — Дондрагмер был ошеломлен. — Да ведь эта... эта штука распугает нам всю дичь! Ведь ее слышно за сто ярдов, а видна она на открытом месте я уж не знаю за сколько. И кроме того... — он замялся, не решаясь сформулировать основное возражение. Барленнан подсказала ему:

— И кроме того, никто не сможет заниматься охотой, пока не будет меня высоко над грунтом, не так ли?

Движением клешни помощник показал, что именно это он и имел в виду, и почти вся команда поспешила его поддержать.

Командира так и подмывало вступить с ними в спор и убедить их, но он вовремя осознал бессмысленность такой попытки. Он уже не мог больше встать на их точку зрения, которую так недавно разделял, но все же понимал, что на их месте и сам не поддался бы никаким убеждениям.

— Хорошо, Дон. Оставим это — ты, по-видимому, прав. Я буду держать с вами связь по радио, но видеть меня вы не будете.

— Но вы все-таки поедете на этой штуке? Командир, что с вами случилось? Я знаю, я сам готов утверждать, что здесь, у Края Света, падение с высоты нескольких футов ничего не значит, но я ни за что на свете не стал бы сознательно подвергать себя такому риску, и не понимаю, как можно на это решиться. Я даже представить не могу себя на верхушке этой штуки.

— Если я не ошибаюсь, — сухо возразил Барленнан, — ты сам не так давно вскарабкался на мачту почти на всю длину своего тела. Или это не ты возился там с верхними креплениями?

— Это другое дело... все-таки задними ногами я держался за палубу, — ответил Дондрагмер несколько смущенно.

— Ничего, зато голова была довольно далеко от палубы. И я своими глазами видел, как кое-кто из вас тоже совершал подобные поступки! Если вы помните, когда мы впервые приплыли сюда, я предупреждал вас на этот счет.

— Так точно, предупреждали. Но остаются ли в силе ваши приказания... — Помощник снова замялся, однако мысль его была еще более очевидной, чем ранее. Барленнану нужно было принять быстрое и точное решение.

— Забудем об этих приказаниях, — медленно произнес он. — Причины, по которым я их отдал, достаточно основательны, но если кто-нибудь из вас, когда мы вернемся домой, забудется и попадет в беду, пусть пеняет на себя. Впредь сами смотрите, что в этом отношении для вас лучше. Кто-нибудь желает поехать со мной?

Слова и жесты слились в хор отрицания. И только один Дондрагмер слегка помедлил, прежде чем присоединиться к остальным. Барленнан ухмыльнулся бы, если б ему было чем.

— Приготовиться к выходу на охоту! Я буду следить за вами по радио! — скомандовал он и распустил свою аудиторию.

Все послушно устремились обратно на борт «Бри», а капитан повернулся к Лэкленду и выдал ему соответствующим образом откорректированную информа-

цию о том, что произошло. Он был слегка рассеян, ибо в ходе переговоров с командой у него возникли кое-какие новые идеи. Но для разработки этих идей понадобится время. А сейчас ему не терпелось снова оказаться на крыше танка.

Глава 4
АВАРИЯ

Бухта, на южный берег которой был вытащен «Бри», представляла собой небольшой эстуарий длиной около двадцати миль; ширина устья была две мили. Он открывался в южную часть большого залива примерно такой же формы и около двухсот пятидесяти миль длиной; залив этот в свою очередь был рукавом обширного моря, которое простиралось на неопределенное расстояние к северу и где-то там переходило в вечно замерзшую северную полярную шапку. Все три бассейна были вытянуты в направлении с запада на восток, причем меньшие с северной стороны отделялись от больших сравнительно узкими полуостровами. Стоянка «Бри» была выбрана еще более удачно, чем считал сам Барленнан, ибо эти два полуострова защищали корабль от северных бурь. Однако в восемнадцати милях к западу ближайший и самый низкий из этих мысов кончался; и Барленнан с Лэклендом могли убедиться своими глазами, какую спасительную роль сыграл для них даже такой узкий язык суши. Капитана вновь удобно устроили на крыше танка, причем на этот раз Лэкленд закрепил рядом с ним радиоаппарат.

Справа от них за мысом, замыкавшим бухту, было море, которое простиралось до самого горизонта. Позади был такой же берег, как и в окрестностях корабля — отлогая полоса песка, испещренная столь характерными для Месклина черными растениями с тросоподобными ветвями. Но впереди растительность исчезала начисто. Берег там был еще более отлогим, а полоса песка, насколько хватало глаз, становилась чем дальше, тем шире. И хотя здесь не удерживались даже растения с глубокими корнями, она не была совершенно пустынной: там и сям на изрытой волнами поверхности виднелись темные неподвижные груды —

образцы морской флоры и фауны, выброшенные бурей на сушу.

Здесь были и громадные массы спутанных водорослей, — если только можно называть их водорослями, не слишком напрягая воображение, — и тела морских тварей, причем некоторые из них были еще громаднее. Лэкленд был поражен не величиной этих чудищ, так как они обитали в жидкости, а расстояниями, на которые зашвырнули их волны. Одна чудовищная туша была распростерта в полумиле от береговой линии; и только тут землянин начал осознавать, что могут натворить на Месклине ветры даже при здешнем тяготении, если им дать разбег в шестьдесят миль открытого моря. Интересно было бы взглянуть, как сейчас выглядит мыс, не защищенный внешним полуостровом, но для этого пришлось бы проехать добрую сотню миль.

— Что было бы с твоим кораблем, если бы на него обрушились такие же волны, как здесь, Барленнан?

— Это зависит от вида волны и от того, где находишься. В открытом море мы бы плыли, как ни в чем не бывало; ну а на берегу от «Бри», наверное, ничего бы не осталось. Я понятия не имел, какой высоты могут достигать волны здесь, у Края Света... Впрочем, если подумать, даже самые огромные, может быть, не причинили бы особого вреда из-за малой силы тяжести.

— Боюсь, главное здесь не сила тяжести; и, вероятно, твое первое предположение самое правильное.

— Я примерно так и рассчитывал, когда искал укрытия на зиму за этим мысом. Правда, я не имел представления об истинной величине здешних волн. Неудивительно, что в этих широтах пропало без следа столько исследователей...

— И ведь это далеко не самое худшее место. Насколько я припоминаю фотографии, оно еще защищено вторым мысом, довольно гористым.

— Второй мыс? Ничего о нем не знаю. Ты хочешь сказать, что море за этой косой — просто еще один залив?

— Совершенно верно. Просто я забыл, что вы обычно плаваете, не упуская берега из виду. Вы вышли к своей нынешней стоянке с запада, не так ли?

— Да. Здешние моря почти не исследованы. Эта береговая линия тянется на запад примерно на три тысячи миль, как тебе, конечно, известно, — теперь-то я начинаю понимать, что значит видеть вещи сверху! — а затем постепенно сворачивает к югу. Она довольно изрезана; в одном месте пару тысяч миль приходится плыть обратно на восток, но расстояние по прямой до моего родного порта составляет шестнадцать тысяч миль... а если плыть вдоль берега, получится, конечно, гораздо дальше. А оттуда до моего дома тысяча двести миль открытым морем прямо на запад. Тамошние моря нам прекрасно знакомы, и любой моряк может ходить по ним вдоль и поперек без особого риска.

Пока они так беседовали, танк повернулся кормой к морю и приблизился к чудовищной туше, выброшенной на берег недавней бурей. Лэкленду хотелось рассмотреть ее как следует, поскольку до сих пор он в сущности ни разу не сталкивался с представителями фауны Месклина. Хотелось этого и Барленнану. Он повидал на своем веку много всяких морских чудовищ, но такого не видывал.

Форма чудовища не произвела особого впечатления ни на человека, ни на месклинита. Оно напоминало не то исхудавшего кита, не то сильно раскормленного морского змея. Землянин вспомнил о зоиглодонах, обитавших в морях его родной планеты тридцать миллионов лет назад. Но ни одно из когда-либо живших на Земле существ, которые превратились в окаменелости на потребу палеонтологам, по своим размерам не шло ни в какое сравнение с этой тварью. На добрых шестьсот футов растянулась она на песчаном грунте; при жизни это тело было, вероятно, цилиндрической формы и имело более восьмидесяти футов в диаметре. Теперь же, вне жидкой среды, в которой оно обитало, оно напоминало восковую модель, слишком долго пролежавшую под горячими лучами солнца. Даже если предположить, что плотность тела у этого чудовища примерно вдвое меньше, чем у земных животных, вес его, должно быть, был огромен, и Лэкленд содрогнулся, прикинув этот вес; а если еще учесть и тройную, по сравнению с земной, силу тяжести?

— Что же вы делаете, если встречаете такого гиганта в открытом море? — спросил Лэкленд.

— Понятия не имею, — сухо отозвался Барленнан. — Мне приходилось видеть подобных животных, но очень редко. Обыкновенно они держатся на больших глубинах в постоянных морях; на поверхности я видел такое животное только один раз, да еще раза три-четыре — на берегу, как вот это. Не знаю, чем они питаются, но, скорее всего, они находят пищу у себя на большой глубине. И я никогда не слыхивал, чтобы они нападали на корабли.

— Наверное, и не услышишь, — заметил Лэкленд. — Не могу себе представить, чтобы после такого происшествия оставались свидетели. Если эта тварь питается на манер некоторых наших китов, она может проглотить твой корабль и не заметить этого. Давай поглядим на ее пасть...

Он вновь включил двигатель и повел танк к тому концу гигантской туши, где, по его предположению, должна была находиться голова.

Да, у животного была пасть и нечто вроде черепа, но череп был совершенно раздавлен под собственной тяжестью. Впрочем, уцелело достаточно, чтобы опровергнуть догадку Лэкленда насчет способа питания животного; с такими зубами оно могло быть только плотоядным. Вначале землянин даже не понял, что это зубы; он докопался до истины, только рассудив, что ребрам в пасти не место.

— Тебе ничего не угрожало, Барл, — произнес он наконец. — Это животное и не подумало бы напасть на тебя. При его аппетитах ради ваших кораблей и трудиться не стоит... Оно обращает внимание только на объекты, в сто раз крупнее твоего «Бри».

— В глубинах морей, должно быть, плавает очень много мяса, — задумчиво отозвался месклинит. — Только вот толку от этого нет никакого.

— И то правда. Кстати, что ты имел в виду, когда упомянул о постоянных морях? Какие же у вас есть еще?

— Я говорил об областях, которые остаются под океаном перед самым началом зимних бурь, — последовал ответ. — Уровень океана выше всего ранней весной, в конце периода бурь, которые заполняют океанские впадины в течение зимы. Все остальное время океан отступает. Здесь, у Края Света, где берега такие крутые, это не имеет большого значения; но там, где

нормальная сила тяжести, береговая линия между весной и осенью сдвигается на расстояния от двухсот до двух тысяч миль...

Лэкленд тихонько присвистнул.

— Вот, значит, как это получается, — проговорил он себе под нос. — Выходит, в течение четырех земных лет ваши океаны испаряются и хлопья метана оседают на северной полярной шапке, а затем в период между весной и летом в северном полушарии, то есть всего за пять месяцев или около того, весь этот метан возвращается с севера обратно на юг. Понятно. Теперь ваши бури меня больше не удивляют. — Он вернулся к более насущным делам: — Барл, я сейчас выйду из этого сундука. Мы уже давно стремимся раздобыть образцы животной ткани местных организмов — с тех пор как узнали, что на Месклине существует своя фауна; не брать же было срез с твоего тела... Скажи, мясо этой твари сильно изменилось, с тех пор как она издохла? Уж кто-кто, а ты должен знать такие вещи.

— Для нас оно должно быть все еще съедобно, а тебе, насколько я понял, не переварить его и в свежем виде. Обычно мясо становится ядовитым через несколько сотен дней, если не провялить его или не предохранить от порчи каким-нибудь другим способом. В течение этого времени вкус его постепенно меняется. Если хочешь, я вырежу ломтик и попробую...

Барленнан не стал дожидаться ответа. Он даже не огляделся украдкой и не убедился, что поблизости нет никого из его команды. Он просто ринулся с крыши танка на громадную тушу. Он не рассчитал усилий и перелетел через нее, и на миг ощутил приступ отчаянного страха, но к тому моменту, когда коснулся грунта, полностью овладел собой. Он прыгнул назад, на этот раз более точно, и подождал, пока Лэкленд откроет дверцу и выберется из машины. Танк не был оборудован тамбуром; землянин оставался в скафандре; он просто замкнул на себе шлем и впустил в кабину месклинский «воздух». За ним наружу вышорхнул разреженный рой белых кристалликов — лед и углекислота, вымороженные из воздуха, мгновенно охладившегося до температуры Месклина. Барленнан был лишен обоняния, но при слабом токе кислорода ощутил резкое жжение в дыхательных порах и отпрянул назад.

Лэкленд сразу понял, в чем дело, и рассыпался в извинениях за то, что не предупредил месклинита.

— Ничего, — отозвался капитан, — мне самому следовало быть осторожным... Ведь мне уже однажды досталось, когда ты выходил из своего Холма. И кроме того, ты частенько рассказывал, чем твой кислород отличается от нашего водорода... Помнишь, когда я учился твоему языку?

— Все это правда, и все же от того, кто еще не освоился с мыслью о различных мирах с различными атмосферами, нельзя ожидать, чтобы он держал в памяти эти обстоятельства. Я сам во всем виноват. Впрочем, мне кажется, кислород не причинил тебе особого вреда. Я пока так мало знаю о химических процессах, происходящих в живых организмах на Месклине, что и гадать не берусь, какие это может иметь для тебя последствия. Вот почему мне нужны образцы животной ткани.

В сетчатой сумке поверх скафандра у Лэкленда имелся целый набор инструментов, а пока он рылся в этой сумке своими пневматическими бронированными перчатками, Барленнан принялся снимать пробу. Ловко действуя четырьмы парами клешней, он вырезал кусок шкуры с подкожной тканью и отправил себе в рот; некоторое время он задумчиво жевал.

— Совсем неплохо, — произнес он наконец. — Если тебе для твоих опытов не нужна вся туша целиком, я, пожалуй, вызову свои охотничьи отряды. Ручаюсь, что им удастся добраться сюда до того, как снова разразится буря, а мяса здесь больше, чем они смогут промыслить каким-либо иным путем.

— Хорошо придумано, — пробормотал Лэкленд. Он слушал своего спутника вполуха: все его внимание было сосредоточено на скальпеле, который он пытался вогнать в тело чудовища. Его не отвлекло даже предположение, что для лабораторного анализа может понадобиться вся эта гигантская туша целиком (месклинит не был лишен чувства юмора).

Он, конечно, знал, что животная ткань на этой планете должна быть чрезвычайно прочной. Даже такие малыши, как Барленнан и его сородичи, были бы неминуемо раздавлены в лепешку гравитацией в полярных районах Месклина, если бы их плоть имела земную консистенцию. Он ожидал, что проткнуть шку-

ру чудовища будет не так просто, но инстинктивно полагал, что после этого все пойдет как по маслу. Сейчас он понял, что ошибался: мясо под шкурой оказалось твердым, как доска. Скальпель был изготовлен из сверхпрочного сплава; затупить его с помощью мускульной силы было бы почти невозможно; но ему так и не удалось вогнать инструмент в эту массу, и он вынужден был ограничиться соскабливанием. В результате он добыл несколько лоскуточков, которые и запечатал в пробирку.

— А местечек помягче здесь не найдется? — обратился он затем к месклиниту, с интересом наблюдавшему за ним. — Ведь чтобы получить из этой туши кусок, который ублажил бы наших ребят на Турее, мне придется пустить в ход машинное оборудование...

— Некоторые участки внутри пасти могут оказаться более податливыми, — ответил Барленнан. — Но не проще ли поручить это дело мне? Я вырежу сколько угодно кусков, только укажи, какие тебе нужны размеры и части. Или ваши научные процедуры предусматривают, чтобы образцы вырезались непременно металлическими инструментами?

— Насколько мне известно, нет... Большое спасибо; а если биологам это не понравится, пускай сами спускаются сюда и режут в свое удовольствие, — сказал Лэкленд. — Действуй, Барл. Для начала примем твое предложение и возьмем что-нибудь из пасти; я не уверен, что здесь мне удалось пробиться сквозь шкуру. — Он с трудом обогнул голову гиганта и остановился перед тем местом, где изуродованные силой тяжести губы обнажали зубы, десны и что-то похожее на язык. — Добудь мне кусочки, чтобы они поместились в этих вот сосудах, не сворачиваясь...

Землянин снова попробовал пустить в ход скальпель — язык оказался несколько более податливым, нежели то место, над которым он трудился в первый раз; а Барленнан послушно принялся выстригать ломтики требуемого размера. Время от времени то один, то другой кусочек он отправлял в рот — он не ощущал голода, но перед ним было свежее мясо, — однако, несмотря на некоторую убыль, пробирки были вскоре заполнены.

Упаковав последнюю пробирку, Лэкленд выпрямился и бросил алчный взгляд на колонноподобные зубы.

— Хорошо бы заполучить один, но здесь уж без динамита не обойтись, — проговорил он с некоторой грустью.

— А что это такое? — спросил Барленнан.

— Взрывчатка... вещество, которое почти мгновенно превращается в газ, производя при этом грохот и сотрясение. Мы пускаем в ход такие материалы, когда нам нужно что-нибудь рыть, разрушить ненужное здание или мешающую нам гору...

— Это был грохот взрывчатки? — спросил Барленнан.

Некоторое время Лэкленд молчал. Солидное «бабах!», прозвучавшее на планете, где аборигены понятия не имеют о взрывчатых веществах и где, кроме него, нет больше ни одного землянина, кого угодно может привести в замешательство, особенно если это происходит в такой на редкость подходящий момент; Лэкленд был, мягко выражаясь, испуган. Он услыхал взрыв одновременно через радиоаппарат Барленнана и через акустические диски своего шлема и потому не мог составить представление ни о расстоянии, ни о мощности взрыва, но уже через несколько секунд в его сознании отчетливо промелькнула неприятная догадка.

— Очень похоже... — запоздало ответил он на вопрос месклинита и, обогнув голову морского чудовища, заковылял к тому месту, где оставил танк. Его одолевали дурные предчувствия. А Барленнан, изнемогая от любопытства, двигался за ним по пятам самым привычным и естественным для себя способом — ползком.

В первый момент, увидев танк, Лэкленд испытал чувство безмерного облегчения; но когда он заглянул в раскрытую дверцу, облегчение сменилось столь же безмерным ужасом.

Он пола остались только вздыбленные и скрученные обрывки тонкого металлического листа; некоторые еще держались на стыках со стенками, а другие запутались среди рычагов управления и разных устройств. Двигатель, помещавшийся под полом, был почти весь на виду, и одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что он безнадежно разрушен. Барленнан был чрезвычайно заинтересован этим явлением.

— Я понимаю так, что ты вез в танке какую-то взрывчатку, — заметил он. — Почему же ты не воспользовался ею, чтобы получить из тела животного

нужный тебе материал? И что привело взрывчатку в действие, пока она находилась в танке?

— У тебя просто талант задавать трудные вопросы, — отозвался Лэкленд. — На первый я отвечу тебе, что никакой взрывчатки у меня в танке не было. Что же касается второго, то здесь мы на равных: ты знаешь столько же, сколько я.

— И все же эта вещь была у тебя в танке, — настаивал Барленнан. — Даже мне видно, что она помещалась под полом и стремилась вырваться оттуда наружу; кроме того, у нас на Месклине нет веществ, которые действуют подобным образом.

— Допустим, ты прав, но ведь под полом не было ничего, что могло бы взорваться, — ответил землянин. — Электромоторы и аккумуляторы не взрываются. Впрочем, ведь все эти обрывки находятся внутри кабины, так что при тщательном исследовании несомненно выявятся следы этого вещества, если оно было заключено в какой-нибудь контейнер.. Но в первую очередь, Барл, мне предстоит решить гораздо более насущную проблему:

— Какую именно?

— От моего продовольственного склада меня отделяют восемнадцать миль — то, что осталось из еды у меня в скафандре, можно не считать. Мой танк разрушен: и не родился еще на свет такой человек, который смог бы пройти пешком восемнадцать миль в скафандре под давлением в восемь атмосфер и при тройной силе тяжести. С «хлорелловыми жабрами» и при ярком солнце воздуха у меня будет сколько угодно, но прежде, чем я доберусь до базы, я умру с голоду.

— Ты можешь вызвать своих друзей на Турее и попросить их выслать за тобой ракету?

— Да, могу. Возможно, им уже все известно, если кто-нибудь в радиорубке слушает наш разговор. Беда в том, что, если мне будет оказана такого рода помощь, доктор Ростен непременно заставит меня вернуться на Турей на всю зиму. Мне и так уже досталось, пока я уговаривал его, чтобы он разрешил мне остаться здесь. Мне, конечно, придется доложить ему насчет танка, но я хотел бы сделать это с базы — по возвращении туда без его помощи. Впрочем, все равно здесь нет мощностей, которые дали бы мне возможность вернуться; а ты не можешь проникнуть в купол, чтобы доставить

мне еду, хотя я все равно не смог бы переложить эту еду в контейнеры моего скафандра, не впуская внутрь ваш воздух.

— Так или иначе, давай вызовем мою команду, — предложил Барленнан. — Пусть они займутся этой тушей, возьмут столько, сколько смогут унести. И помимо всего прочего, у меня есть еще одна идея.

— Мы идем, капитан, — прозвучал по радио голос Дондрагмера.

Лэкленд вздрогнул: он успел забыть, что сам организовал связь таким образом, что все радиоаппараты прослушивали друг друга. Изумился и сам командир, который не подозревал, что его помощник тоже овладел английским языком.

— Самое большее через два дня мы будем у вас, — продолжал Дондрагмер уже на своем языке; Барленнан переводил его слова Лэкленду. — Мы идем по тому же направлению, что и машина Летчика.

— Я вижу, что уж вам-то голод никак не угрожает, — произнес землянин, бросив горестный взгляд на гору мяса, возвышающуюся рядом с ними. — Ну, а как там насчет твоей новой идеи? Имеет она отношение к моей проблеме?

— Мне кажется, имеет. — Месклинит улыбнулся бы, если бы его рот был более подвижен. — Встань на меня обеими ногами.

В течение нескольких секунд Лэкленд стоял, окаменев от удивления; в конце концов, Барленнан более всего напоминал гусеницу, когда человек наступает на гусеницу... Затем он расслабился и даже рассмеялся.

— Понятно, Барл. Я просто забыл...

Тем временем Барленнан подполз к его ногам, и Лэкленд без дальнейших колебаний наступил на него. Осуществлению идеи Барленнана помешало одно-единственное затруднение.

Лэкленд обладал массой примерно в сто шестьдесят фунтов. Такую же массу имел его скафандр, в своем роде чудо инженерного искусства. Таким образом, на экваторе Месклина человек в скафандре весил приблизительно девятьсот пятьдесят фунтов (он бы и шагу сделать не смог, если бы не хитроумные сервомеханизмы в ногах скафандра), и этот вес лишь ненамного превышал вес самого Барленнана в полярных областях его планеты. Нести такой вес не составило бы для

месклинита никакого труда; поражение ему нанесла простая геометрия. Барленнан имел форму цилиндра длиной в полтора фута и диаметром в два дюйма; закованный в броню землянин просто не мог сохранить на нем равновесие.

Затея Барленнана не удалась; тогда выход из положения придумал Лэкленд. Несколько металлических листов по бортам танка наполовину сорвало взрывом; один из этих листов Барленнан под руководством Лэкленда не без труда оторвал совсем. Он был около двух футов шириной и шести длиной; могучие клешни аборигена слегка загнули один край, и лист превратился в превосходную волокушу; но в этом районе планеты Барленнан весил всего три фунта. Ему не хватило силы сцепления между ногами и грунтом, чтобы тащить это устройство, а до ближайшего растения, которое могло бы служить якорем, было четверть мили. Лэкленда утешало только то, что краска стыда на его лице не имела в глазах местных жителей никакого смысла, ибо, когда провалилась и его затея, солнце было высоко в небе. Они работали не только днем, но и ночью, так как туч не было, а малое солнце и обе луны давали вполне достаточно света.

Глава 5
КАРТОГРАФИЯ

Прибытие охотничьих отрядов через несколько дней помогло быстро решить задачу, стоявшую перед Лэкленлом.

Само по себе количество аборигенов мало что значило; двадцати одному месклиниту все равно недоставало силы сцепления с грунтом, чтобы сдвинуть с места нагруженную волокушу. Тогда Барленнан решил, что лучше всего расставить по углам по одному моряку с тем, чтобы они несли волокушу на себе; ему пришлось порядочно потрудиться, прежде чем он преодолел их врожденный ужас перед перспективой оказаться под массивным предметом. Когда же ему это удалось, то выяснилось, что все его усилия затрачены впустую: металлический лист был слишком тонок и прогнулся под тяжестью закованного в броню человека до самого

грунта, так что над грунтом торчали только углы, подпираемые месклинитами.

Тем временем Дондрагмер без лишних слов вытравил и связал тросы, которые вместе с сетями входили в охотничий комплект. Общая длина их оказалась более чем достаточной, чтобы дотянуть тросы до ближайших деревьев; корни, способные, противостоять самым свирепым месклинским бурям, были использованы в качестве якорей. Спустя четыре дня Лэкленд с целым поездом волокуш, изготовленных из металлических листов, и с громадным грузом мяса двинулся в обратный путь по направлению к «Бри» и при постоянной скорости — миля в час — через шестьдесят один день достиг корабля. Еще через два дня охотники при помощи остававшихся на борту членов экипажа, протащив скафандр с Лэклендом через заросли от корабля к куполу, благополучно доставили его к дверям тамбура. И вовремя: по небу уже вновь неслись тучи, а ветер набрал такую силу, что для возвращения на «Бри» морякам пришлось прибегнуть к привязным тросам.

Прежде чем послать официальный рапорт о том, что случилось с танком, Лэкленд основательно подготовился. Должен же он знать, что на самом деле произошло с машиной. Не обвинять же товарищей на Турее в том, что кто-то из них по небрежности забыл под полом кабины заряд динамита!

Едва он нажал кнопку вызова рации, связывающей его со спутником, на него нашло озарение, и когда на экране появилась морщинистая физиономия доктора Ростена, он уже знал, что говорить.

— Док, в танке имеет место неполадка.

— Это я уже знаю. Электрическая или механическая? Насколько это серьезно?

— Главным образом механическая, хотя электричество тоже сыграло свою роль. Боюсь, что с танком все кончено. То, что от него осталось, находится на берегу в восемнадцати милях к западу.

— Приятно слышать. В эту планету деньги проваливаются как в бездонную бочку. Что же именно произошло? И как вы вернулись на базу? Не могли же вы пройти пешком восемнадцать миль в своем скафандре при такой силе тяжести.

— Я и не шел... Меня приволокла сюда команда Барленнана. Что же касается танка, то, насколько я

полагаю, пол кабины над моторным отделением не был герметичным. Когда я вышел, чтобы провести кое-какие исследования, атмосфера Месклина — сжатый под большим давлением водород — смешалась под полом с нашим воздухом. В кабине, конечно, имело место то же самое, но весь кислород оттуда моментально вышел через дверь и рассеялся, прежде чем случилась беда. А вот под полом... Прежде чем кислород улетучился и оттуда, там проскочила искра.

— Понятно. Чем была вызвана эта искра? Неужели вы не выключили все моторы, когда выходили?

— Конечно! Там же много всего — рулевые сервосистемы, динамо и прочее. И честно говоря, я рад, что так получилось; иначе взрыв мог бы произойти, когда я вернулся и включил все это.

— Гм! — Вид у директора был несколько раздраженный. — А зачем вам вообще было выходить? Какая в этом была необходимость?

Лэкленд возблагодарил небо за то, что Ростен был биохимиком.

— В общем-то особенной необходимости не было. Я решил взять образцы животной ткани у шестисотфутового кита, выброшенного на берег. Я подумал, что кому-нибудь может понадобиться...

— Они у вас? — рявкнул Ростен, не дав Лэкленду закончить.

— У меня. Можете в любое время забрать их... И нет ли у вас еще одного танка?

— Есть. Пожалуй, я доставлю его вам, когда кончится зима. А до этого посидите в куполе, так будет безопаснее. Чем вы обеспечили сохранность образцов?

— Да ничем особенно... Водород... местный воздух. Я решил, что наши обычные предохранительные средства только испортят их. Так что забирайте их от меня поскорее; Барленнан утверждает, будто мясо становится ядовитым через несколько сотен дней, из чего я заключил, что здесь есть микроорганизмы...

— Смешно было бы, если бы их не было; ладно, я прибуду часа через два.

Ростен отключился, не сказав больше ни слова о разрушенном танке, и Лэкленд почувствовал себя почти счастливым. Он сейчас же отправился в постель, так как не спал около суток.

Его разбудила — да и то не совсем — прибывшая ракета. Ростен явился собственной персоной, что, впрочем, не было удивительно. Он даже не вылез из своего скафандра: он забрал пробирки, которые Лэкленд оставил в тамбуре, чтобы свести к минимуму опасность загрязнения образцов кислородом, взглянул на Лэкленда и понял, в каком он состоянии.

— Эти образцы, вероятно, стоят потерянного танка, — произнес он. — А теперь отправляйтесь спать. Перед вами стоят еще кое-какие задачи. Мы вернемся к этому разговору, когда вы будете в состоянии понимать, что вам говорят. Всего хорошего.

И дверь тамбура захлопнулась за ним.

У Лэкленда не остались в памяти прощальные слова Ростена, но ему о них напомнили много часов спустя, когда он отоспался и поел еще раз. Директор приступил к делу почти без предисловий:

— Зимний период, в течение которого Барленнан не посмеет выйти в плавание, продлится всего три с половиной месяца. Здесь у нас получено несколько наборов телефотографий; они еще не сведены в карту, хотя в общем мы их сопоставили с местностью. Нам не удалось создать настоящую карту — мешают трудности, связанные с интерпретацией отдельных мест. Ваша задача на остаток зимы: проработать эти фотографии с вашим приятелем Барленнаном, преобразовать их в годную к употреблению карту и выработать маршрут, который в кратчайшие сроки приведет его к цели.

— Но Барленнан вовсе не собирается добираться туда в кратчайшие сроки. Он же купец-первопроходец, занятый своим делом, мы для него всего-навсего эпизод. Все, что мы способны предложить за его неоценимую помощь — это регулярные прогнозы погоды, которые могут оказаться полезными в его плавании.

— Все это понятно; только не забывайте, что вы там для того и находитесь; вы должны быть дипломатом. Я не жду от вас чуда — чудес на свете не бывает... и нам, разумеется, желательно, чтобы Барленнан оставался с нами в хороших отношениях; но на ракете — дорогостоящее оборудование стоимостью в два миллиарда долларов, и она не может подняться с полюса, а в ней данные, которым буквально нет цены...

— Я знаю, — прервал его Лэкленд. — И сделаю все, что смогу. Мне никак не удается заставить аборигенов понять, насколько это важно... Это не значит, что Барленнан глуп; просто ему недостает необходимой подготовки. Ладно. Следите, когда будут просветы в штормовой погоде, чтобы он при первой возможности явился ко мне и взглянул на фотографии.

— Может быть, стоит соорудить снаружи у окна какое-нибудь укрытие, чтобы он мог оставаться у вас и в плохую погоду?

— Однажды я предложил ему это, но он отказался. В плохую погоду он не желает покидать корабль и команду. И я его понимаю.

— Я, пожалуй, тоже. Ну что ж, постарайтесь сделать все, что в ваших силах. Вы знаете, что это значит для нас. Из этих материалов мы бы узнали о тяготении столько, сколько никто не узнал со времен Эйнштейна.

Ростен отключился, и зимняя работа началась.

Местонахождение исследовательской ракеты, которую посадили в районе южного полюса Месклина, было давно уже определено по сигналам ее автоматических передатчиков; она, по всей видимости, собрала и зарегистрировала необходимые данные, но так и не смогла оторваться от грунта. Наметить морской или сухопутный маршрут от района зимовки «Бри» до ракеты оказалось гораздо труднее. Дорога океаном была еще туда-сюда; примерно сорок или сорок пять тысяч миль плавания по цепи морей вдоль побережья (причем половина пути была хорошо известна соотечественникам Барленнана) могли доставить спасательную команду близко к беспомощному аппарату. К сожалению, после этого оставалось еще около четырех тысяч миль по суше! В этом секторе побережья не было ни одной большой реки, которая сократила бы сухопутный участок хотя сколько-нибудь значительно. Между тем в пятидесяти милях от цели протекала речка, по которой «Бри» мог бы подняться без всякого труда; но она впадала в море, полностью изолированное от океана, где плавали соотечественники Барленнана. Этот океан представлял собой длинную, узкую и неровную цепочку морей, простирающуюся от района севернее экватора неподалеку от базы Лэкленда и почти до экватора на противоположной стороне планеты, причем она проходила довольно близко от южного полюса — довольно

близко по месклинским меркам, конечно. Море, в которое впадала река, протекавшая поблизости от ракеты, было пошире и с более ровной береговой линией; устье реки приходилось на самую южную точку его побережья, и оно тоже простиралось за экватор, где омывало северную полярную шапку. Оно располагалось к востоку от первой цепи морей и было отделено от нее узким перешейком, тянущимся от полюса к экватору — узким опять-таки по меркам Месклина. Когда фотографии сложились в карту, Лэкленд отметил, что ширина перешейка колеблется от двух до семи тысяч миль.

— Хорошо бы найти проход, соединяющий эти два океана, — сказал однажды Лэкленд.

Месклинит, удобно расположившийся на своем лежбище по ту сторону окна, слабым жестом выразил согласие. Зима перевалила за середину, и большое солнце, опускаясь к северному горизонту, становилось все тусклее.

— Ты уверен, что такой проход вам неизвестен? — спросил Лэкленд. — В конце концов, эти снимки сделаны осенью, а по твоим словам, океанский уровень выше всего весной.

— Мы ничего не знаем о таком проходе в какое бы то ни было время года, — ответил капитан. — Про тот, второй океан, мы знаем, но очень мало. Слишком много народов населяют пространство между нашим океаном и тем, и завязать непосредственные контакты со всеми просто невозможно. На путешествие по перешейку из одного его конца в другой требуется два года; как правило, на это никто не решается. Товары на этом пути много раз переходят из рук в руки, и когда наши торговцы видят их в портах на западном побережье, бывает уже трудно определить, откуда они взялись. Если нужный нам проход существует, его следует искать здесь, вблизи от Края Света, где места почти совсем не исследованы. Карта, которую мы с тобой составляем, еще недостаточно полна. Во всяком случае, к югу отсюда осенью такого прохода нет; я это знаю, потому что сам проплыл вдоль всей береговой линии. Правда, не исключено, что этот самый берег в конечном счете выходит где-нибудь к нужному нам морю; мы прошли вдоль него на восток на несколько тысяч миль и просто не знаем, куда он тянется дальше.

— Насколько я помню, через две тысячи миль он снова загибается к северу через внешний мыс. Барл... Правда, когда я видел это, была осень. Хлопотливое это дело — составлять карту вашего мира. Слишком он изменчив. Нам бы подождать до следующей осени, по крайней мере тогда мы бы могли пользоваться нашей картой без оглядки. Но ведь до осени четыре земных года. Я не выдержу такого срока.

— А ты вернись на свою планету и пока отдохни... хотя мне очень не хочется, чтобы ты улетал.

— Боюсь, мне пришлось бы проделать очень длинный путь, Барленнан.

— Какой же?

— Видишь ли... Ваши меры здесь не годятся. Погоди-ка... луч света проходит расстояние, равное длине «края» Месклина за... э... за четыре пятых секунды. — Он показал, что это такое, на своих часах. Абориген следил с интересом. — А чтобы пройти отсюда до моего дома, тому же лучу потребовалось бы более одиннадцати наших лет... и около двух с четвертью ваших.

— Значит, твой мир так далеко, что его не видно? Ты никогда не рассказывал об этом раньше.

— Раньше я не был уверен, что мы с тобой научимся понимать язык друг друга. Да, мой мир отсюда не виден, но когда кончится зима и мы передвинемся на другую сторону от твоего солнца, я покажу тебе мое солнце.

Последняя фраза прозвучала для Барленнана совершенной загадкой, но он не стал на этом задерживаться. Единственные солнца, которые он знал, были яркий Белн, чей приход и уход творили день и ночь, и тусклый Эсстес, что в эту минуту светился на ночном небе. Менее чем через полгода, в середине лета, оба солнца будут рядом, и тогда тусклое солнце будет почти не видно; но Барленнан никогда не ломал голову над причинами этих передвижений.

Лэкленд отложил фотографию и погрузился в размышления. Весь пол в комнате был покрыт кое-как пригнанными фотоснимками; район, знакомый Барленнану лучше всего, был уже нанесен на карту во всех подробностях. Но предстояло еще много-много работы, прежде чем будет скартографирована область, где расположился аванпост землян; между тем, Лэкленда уже

теперь беспокоили стыки фотоснимков. Будь это снимки шарообразных планет, вроде Земли и Марса, он мог бы без труда ввести поправки на должную проекцию по малой карте, которую он сейчас составлял и которая покрывала весь стол в углу комнаты; но Месклин даже отдаленно не напоминал шар. Как уже давно понял Лэкленд, пропорции Чаши на борту «Бри» — эквивалента земного глобуса — были в общем правильными. Чаша имела шесть дюймов в поперечнике и четверть дюйма в глубину, и кривизна ее была хоть и плавной, но неоднородной.

К трудностям, связанным со стыковкой фотографий, добавлялось еще то обстоятельство, что поверхность планеты была сравнительно ровной, почти без резко выраженных топографических особенностей. И даже там, где были горы и равнины, дело осложнялось неодинаковым расположением теней на соседних снимках. Стремительный бег большого солнца, проносившегося от горизонта к горизонту менее чем за десять минут, сильно осложнял принятый процесс фотографирования; последовательные снимки одной и той же серии зачастую производились при освещении с диаметрально противоположных направлений.

— Мы все время топчемся на месте, Барл, — устало произнес Лэкленд. — Игра стоила бы свеч, если бы мы наверняка знали, что проход существует, но, по твоим словам, его нет. Ты же моряк, а не начальник сухопутного каравана; эти четыре тысячи миль по суше, и как раз там, где гравитация максимальна, нас доконают.

— Значит, те знания, которые дают вам возможность летать, не могут помочь вам изменить вес?

— Нет, — Лэкленд усмехнулся. — Возможно, со временем этому нас научат данные, зарегистрированные аппаратурой на ракете, которая застряла у вас на южном полюсе. Для того мы и отправляли эту ракету, Барленнан; сила тяжести на полюсах твоей планеты самая огромная во всей доступной нам Вселенной. Существует множество других миров, более массивных, нежели Месклин, и расположенных ближе к нам, но они вращаются не так, как ваш мир, и все они почти шарообразны. Нам нужны были данные измерений в этом чудовищном поле тяготения — самых различных измерений. Стоимость аппаратуры, которая была раз-

работана для этого и послана сюда на ракете, невозможно выразить в известных тебе числах; когда выяснилось, что ракета не выполняет сигнал-команду «взлет», это подорвало престиж правительств десяти планет. Мы должны получить эти данные, хотя бы для этого пришлось рыть канал, чтобы вывести «Бри» в тот, другой океан.

— А что они измеряли, эти аппараты на ракете? — спросил Барленнан.

Уже в следующее мгновение он раскаялся, что задал этот вопрос; такое любопытство могло насторожить Летчика, и он мог заподозрить неладное относительно истинных намерений капитана. Однако Лэкленд, видимо, счел вопрос вполне естественным.

— Боюсь, что объяснить это будет затруднительно. У тебя просто нет подготовки, чтобы усвоить такие понятия, как «электрон» и «нейтрон», «магнетизм» и «квант». Может быть, проще было бы рассказать тебе о двигателе ракеты, но я и в этом сомневаюсь.

Было очевидно, что Лэкленд ничего не подозревает, но Барленнан все же решил переменить тему.

— А если поискать снимки, на которых показана береговая линия и суша к востоку отсюда? — спросил он.

— Понимаешь, меня все-таки не оставляет надежда, что эти океаны где-то соединяются, — отозвался Лэкленд. — Не мог же я запомнить все досконально. Может быть, дальше к северу, у самой полярной шапки... Как вы переносите холод?

— Когда море замерзает, мы испытываем неприятные ощущения, но это вполне терпимо... если не становится слишком уж холодно. Почему ты спрашиваешь?

— Очень и очень возможно, что вам придется идти вплотную к северной полярной шапке. Впрочем, посмотрим... — Летчик покопался в куче отпечатков и вскоре вытащил из нее тонкую пачку. — Это где-то здесь... — Он помолчал с минуту. — Ага, вот оно. Этот снимок был сделан с внутреннего края кольца, Барл, с высоты в шестьсот миль при помощи узкоугольного фототелеобъектива. Вот главная береговая линия, вот большой залив, а вот здесь, на его южной стороне, маленький залив, где стоит «Бри». Это снято еще до того, как была построена база... хотя ее все равно не

было бы заметно. А теперь начнем подборку сначала. Где лист восточнее этого?..

Он опять замолчал. Месклинит зачарованно смотрел, как перед ним возникает четкая карта мест, которых он никогда не видел. Некоторое время казалось, что положение безнадежно, потому что береговая линия, как и думал Лэкленд, постепенно загибалась к северу; действительно, в тысяче двухстах милях к западу и в четырехстах или пятистах милях к северу океан, как видно, кончался — берег вновь повернул на запад. В этом месте в океан впадала огромная река, и, надеясь, что она окажется проливом, ведущим к восточному морю, Лэкленд принялся подбирать снимки верховьев этого могучего потока. Весьма скоро он был разочарован, ибо в двухстах пятидесяти милях от устья обнаружился целый ряд порогов, а к западу от них огромная река быстро превратилась в обыкновенную речку. В нее впадало множество таких же небольших потоков; видимо, она являлась главной артерией обширного бассейна, господствующего в этой области планеты. Стремясь проследить ее русло среди множества притоков, Лэкленд продолжал подбирать снимки западной части. Барленнан следил за ним с интересом.

Насколько можно было различить, выше по течению русло главного потока поворачивало на юг. Развернув мозаику фотоснимков в этом направлении, они обнаружили значительный горный хребет, и землянин, подняв глаза, сокрушенно покачал головой. Барленнан уже знал, что означает этот жест.

— Не останавливайся, — попросил он. — Почти такой же хребет тянется посреди моей страны, а она расположена на узком полуострове. По крайней мере доведи карту до того места, где можно посмотреть, как текут реки по другую сторону этого хребта.

Лэкленд повиновался без особой охоты — он слишком хорошо помнил материк Южной Америки, чтобы поверить в возможность симметрии, на которую, видно, рассчитывал месклинит. Хребет оказался довольно узким и тянулся с запада-северо-запада на восток-юго-восток; к изумлению землянина, «водные» пути по другую сторону хребта весьма скоро обнаружили тенденцию к слиянию в одну большую реку. Река эта милю за милей текла примерно параллельно хребту, постепенно расширяясь, и снова в душе Лэкленда за-

теплилась надежда. Пятьюстами милями ниже она превратилась в обширный эстуарий, незаметно переходящий в «воды» восточного океана. Лэкленд работал лихорадочно, едва вспоминая о еде и даже об отдыхе, который был ему так необходим при колоссальной силе тяготения Месклина; и вот наконец весь пол комнаты покрыла новая карта — прямоугольник, представляющий пространство в две тысячи миль с запада на восток и в тысячу миль с юга на север. На восточном краю отчетливо виднелись большой залив и крошечная бухта; большая часть пространства на западном краю была занята однородной поверхностью океана. Посредине простирался барьер суши.

Он не был широк; в самом узком его месте, примерно в пятистах милях к северу от экватора, расстояние от берега до берега составляло едва восемьсот миль, да еще его значительно сокращали судоходные русла больших рек. Вероятно, не более трехсот миль, часть из которых занимал хребет, отделяли «Бри» от далекой цели, такой желанной для землянина. Три сотни миль; по месклинским меркам — всего один шаг.

К сожалению, для месклинских моряков это было гораздо больше, нежели один шаг. «Бри» все еще находился на берегу другого океана; и Лэкленд, уставившись на мозаичную карту у себя под ногами, так и сказал об этом своему крошечному приятелю. Он не ожидал ответа; в лучшем случае он надеялся, что месклинит печально согласится с ним; ведь его утверждение было самоочевидным. Однако абориген неожиданно ответил:

— Все будет в порядке, если у тебя найдется побольше металлических листов, на каких мы тащили тебя и наше мясо.

Глава 6
ВОЛОКУША

Лэкленд смотрел из окна в глаза моряку, пока смысл слов этого крошечного существа не проник в его сознание; затем он резко выпрямился, насколько это позволила утроенная сила тяжести.

— Ты собираешься тащить «Бри» через перешеек на волокуше, как вы тащили меня?

— Не совсем так. Корабль намного тяжелее, и нас опять подведет сила сцепления. Я имел в виду, что это ты потащишь корабль другим танком.

— Понимаю. По... понимаю. Разумеется, это будет нетрудно, если нам не встретится местность, непроходимая для танка. Но согласишься ли ты и твоя команда на такой поход? Достаточно ли будет того немногого, что мы в состоянии сделать для вас, чтобы отплатить вам за эти новые трудности, за такое далекое путешествие?

Барленнан вытянул клешни, что у месклинитов означало улыбку.

— Так будет гораздо лучше, чем то, что мы планировали сначала. Много товаров с берегов восточного океана доставляют в нашу страну долгими караванными путями по суше; к тому времени, когда они достигают портов нашего моря, цены на товары неимоверно поднимаются, и честному торговцу уже невозможно извлечь из них нормальную прибыль. А если я получу их прямо на месте... Для меня это, несомненно, дело стоящее. Конечно, ты должен обещать, что на обратном пути снова переправишь нас через этот перешеек.

— О чем может быть разговор, Барл! Я уверен, что мои товарищи с радостью согласятся. Но как насчет самого путешествия по суше? Ты ведь сам говорил, что эта страна тебе неизвестна; а вдруг твоя команда испугается новых земель, высоких гор, животных, которые, может быть, окажутся более крупными, чем у тебя на родине...

— Нам не впервой глядеть в глаза опасности, — отозвался месклинит. — Я уже сумел привыкнуть к высоте... даже к крыше твоего танка. А что касается животных, то ведь у «Бри» есть оружие — огонь; и ни одно животное на суше не сравнится по размерам с теми, что плавают в океане.

— Ты прав, Барл. Ладно. Видит бог, я не старался тебя отговаривать. Я только хотел увериться, что ты все хорошо продумал. Ведь идти на попятный в середине пути будет трудно...

— Это я понимаю, Чарлз, ты не бойся. Сейчас мне пора на корабль; снова собираются тучи. Я расскажу команде, что мы задумали; и если кто-нибудь из них

испугается, я им напомню, что прибыль будет распределяться в зависимости от званий. Ни у кого из команды страх не пересилит желания обогатиться.

— А как ты? — смеясь спросил Лэкленд.

— О, я не боюсь.

С этими словами месклинит исчез в ночи, и Лэкленд так и не понял, что он, собственно, имел в виду.

Ростен, услыхав об этом новом плане, разразился ядовитыми выпадами насчет того, что Лэкленд готов предлагать любые бредовые идеи, лишь бы заполучить танк.

— Впрочем, может, из этого что-нибудь и выйдет, — ворчливо признал он. — Какую же волокушу нужно для океанского лайнера твоего друга? Какой он величины?

— «Бри» имеет около сорока футов в длину и пятнадцати в ширину; осадка у него, по-моему, пять или шесть дюймов. Он составлен из множества плотиков примерно три фута на полтора, связанных между собой таким образом, что каждый из них двигается достаточно свободно... Я догадываюсь, для чего это нужно.

— Гм. Я тоже. Если бы в полярных областях обычное судно такой длины оказалось между двумя волнами и середина у него провисла бы, оно бы сейчас же развалилось на куски. Как этот корабль ходит?

— На парусах; на двадцати или тридцати плотиках установлены мачты. Подозреваю, что на некоторых имеются и выдвижные кили; когда корабль вытаскивают на берег, их убирают; впрочем, Барленнана я об этом как-то не спрашивал. Не знаю, насколько у них здесь развита парусная техника, но судя по тому, как небрежно он говорит о долгих плаваниях в открытом океане, ходить против ветра они умеют.

— Видимо, это так. Хорошо, мы изготовим здесь у нас подходящую волокушу из легкого металла и как только закончим, переправим к вам.

— До конца зимы лучше не переправляйте. Если вы оставите ее далеко от берега, ее завалит снегом, а если на самом берегу, то, когда уровень океана поднимется, как ожидает Барленнан, кому-нибудь придется нырять за нею.

— Что же он не поднимается до сих пор? Ползимы уже позади, и в некоторых областях южного полушария выпадает огромное количество осадков...

— А почему вы спрашиваете об этом меня? Спросите своих метеорологов, если только они у вас не свихнулись, пытаясь изучить эту планету. У меня своих дел по горло. Когда я получу новый танк?

— Когда сможете им воспользоваться; кончится зима, тогда и получите. Но если вы взорвете и этот, тогда не пойте, чтобы вам дали еще один. Ближе, чем на Земле, танков нигде нет.

Барленнан, явившийся через несколько сотен дней, выслушал краткий отчет об этом разговоре с полным удовлетворением. Его команда приняла сообщение о предстоящем походе восторженно; помимо соблазна больших барьшей, в каждом моряке жила и тяга к приключениям, та самая, которая завлекла Барленнана так далеко от родных мест.

— Как только прекратятся бури, мы выступаем — объявил он Лэкленду. — На суше будет еще много снега; это нам поможет идти по местности, где грунт иной, чем песок.

— Я думаю, для танка это безразлично, — заметил Лэкленд.

— А для нас — нет, — возразил Барленнан. — Свалиться от тряски с палубы, конечно, не так уж опасно, но тряска очень неприятна во время приема пищи. Ты уже наметил курс, которым мы двинемся?

— Как раз занимаюсь этим. — Землянин достал карту и показал результаты своей работы. — Как мы с тобой решили, кратчайший маршрут имеет тот недостаток, что мне пришлось бы тащить вас через горный хребет. Возможно, это бы и удалось, но я боюсь за твою команду. Я ведь не знаю, какой высоты эти горы, но на вашей планете лучше избегать любой высоты. Поэтому я разработал маршрут, который показан здесь красной линией. Сначала он идет вверх по реке, что впадает в большой залив по нашу сторону от мыса. Длина этого участка составляет тысячу двести миль — если не считать мелких извивов реки, которые мы, скорее всего, будем просто срезать. Затем около четырехсот миль пойдем напрямик, пока не достигнем верховьев другой реки. Здесь вы сможете спустить корабль на воду или я по-прежнему потащу вас на буксире — там посмотрим, как будет быстрее и удобнее. Хуже всего здесь то, что большая часть маршрута проходит в трехстах или четырехстах милях южнее

экватора — для меня это означает увеличение тяжести еще на половину *g*. Впрочем, я как-нибудь выдержу.

— Если ты в этом уверен, значит, это действительно лучший вариант, — заявил Барленнан, тщательно изучив карту. — На буксире у тебя мы пройдем, вероятно, быстрее, нежели под парусами — на реках наверняка слишком тесно, чтобы маневрировать галсами.

Последнее слово он произнес на своем языке, а затем объяснил Лэкленду, что оно означает. И Лэкленд был доволен: очевидно, он имел правильное представление об уровне мореходного дела у соплеменников Барленнана.

После обсуждения маршрута делать Лэкленду было практически нечего до тех пор, пока Месклин, двигаясь по своей орбите, не подойдет к точке весеннего равноденствия. Впрочем, ждать оставалось недолго; зимнее солнцестояние в южном полушарии приходилось почти точно на тот момент, как гигантская планета оказывалась ближе всего к своему солнцу: орбитальное движение в осенний и зимний периоды было необычайно быстрым. Каждое из этих времен года продолжалось чуть дольше двух зимних месяцев; с другой стороны, лето и весна длились по восемьсот тридцать дней — грубо говоря, по двадцать шесть месяцев. Времени для похода было вполне достаточно.

Вынужденное безделье Лэкленда не разделяла команда на борту «Бри». Приготовления к сухопутному походу были тем более многочисленны и сложны, что никто из команды не знал, с чем им придется столкнуться. Возможно, весь поход им придется питаться из корабельных запасов, а возможно, животный мир в глубине перешейка окажется богатым и разнообразным и обеспечит их не только свежим мясом, но и товарами, если шкуры и кости будут кондиционными. Возможно, путешествие будет вполне безопасным, как, по мнению моряков, безопасны все сухопутные путешествия, а может быть, их подстерегают опасности со стороны как неживой, так и живой природы. Что касается неживой природы, то тут они ничего не могли сделать и целиком полагались на Летчика. Зато средства борьбы с опасными животными были приведены в полную боевую готовность. Были изготовлены увесистые дубины, неподъемные в более высоких широтах даже для Харса и Тербланнена; найдены растения,

накапливающие в своих стеблях кристаллы хлора, которыми пополнили баки огневого боя. Месклиниты, конечно, не знали метательных орудий; мысль о них не могла родиться в мире, обитатели которого не имели случая видеть падающий предмет, потому что предметы в нем падают настолько быстро, что их нельзя увидеть. Пуля пятидесятого калибра, выпущенная горизонтально на полюсе Месклина, пролетев сто ярдов, упала бы на сто футов. После бесед с Лэкленом Барленнан с грехом пополам усвоил концепцию «бросания» и даже подумывал спросить у Летчика, можно ли на этом принципе сконструировать оружие; но в общем он решил рассчитывать на более знакомые боевые средства. Лэкленд же, поразмыслив, пришел к выводу, что в походе им могут встретиться племена, освоившие лук и стрелы. И он сделал несколько больше, чем Барленнан: он обрисовал положение Ростену и попросил, чтобы буксирный танк оснастили сорокамиллиметровой пушкой для стрельбы термитными и фугасными снарядами. Поворчав, как обычно, Ростен неохотно уступил.

Волокушу сделали быстро и без труда; листового металла было сколько угодно, а само изделие, конечно, не отличалось сложностью. По совету Лэкленда доставку волокуши на поверхность Месклина задержали, поскольку бури все еще несли с собой огромные массы метанового снега вперемешку с замерзшим аммиаком. Уровень океана в экваториальном поясе долго не повышался, и метеорологи уже принялись отпускать в адрес Барленнана злые шуточки, выражая сомнение в его правдивости и в его лингвистических способностях; но с приближением весны, по мере того как солнечный свет все больше освещал южное полушарие, по мере того как получались все новые и новые фотоснимки и сопоставлялись с прежними, полученными прошлой осенью, «хозяева погоды» становились все молчаливее; все чаще можно было видеть, как они бесцельно бродят вокруг базы, обалдело бормоча себе что-то под нос. Уровень океана в высоких широтах уже повысился на несколько сотен футов, как и предсказывал абориген, и продолжал расти прямо-таки на глазах. Разность океанских уровней в одно и то же время на одной и той же планете ставила метеорологов-землян в тупик; ни о чем подобном никогда не слыхивали и ученые с других планет, работавшие в составе экспедиции. «Хо-

зяева погоды» ломали над этим головы, а между тем солнце передвинулось на юг за экватор и в южном полушарии Месклина началась астрономическая весна.

Еще задолго до этого бури ослабели и стали намного реже — отчасти потому, что из-за сплющенности планеты резко сократилось количество радиации, попадающей на северную полярную шапку сразу после зимнего солнцестояния, а частично и из-за того, что расстояние Месклина от солнца за то же время увеличилось почти наполовину. Барленнан тогда же предложил начать поход с наступлением астрономической весны, не проявив при этом озабоченности насчет равноденственных штормов.

Лэкленд сообщил об этом работникам базы на внутренней луне, и те незамедлительно приступили к операции по доставке ему танка и волокуши; все было подготовлено уже давно.

Операция предусматривала два рейса грузовой ракеты, хотя волокуша была очень легкой, а тяга, развиваемая водородно-железными двигателями, — фантастически мощной. Сначала переправили волокушу — с таким расчетом, чтобы команда «Бри» успела подтащить к ней корабль до возвращения ракеты с танком; но Лэкленд настоял, чтобы посадка была произведена как можно дальше от корабля, поэтому неуклюжую махину оставили возле купола, чтобы потом перетащить ее к берегу при помощи танка. Танк повел сам Лэкленд, а экипаж ракеты стоял возле него — всем хотелось поглазеть на аборигенов и, если понадобится, оказать им помощь в погрузочных работах.

Впрочем, помощь землян не понадобилась. В условиях тяготения, всего в три раза превосходящего земное, аборигенам ничего не стоило бы приподнять свой корабль и протащить его на себе какое угодно расстояние. Лишь непреодолимая боязнь оказаться под такой махиной вынудила их прибегнуть к помощи тросов. И они без всякого труда поволокли его по берегу — разумеется, при этом каждый член экипажа намертво вцеплялся для упора в какое-нибудь деревце своими могучими клешнями. «Бри» со свернутыми парусами и убранным выдвижным килем легко скользнул по песку на сверкающую металлическую поверхность волокуши. Заботы Барленнана о том, чтобы корабль не примерз за зиму к берегу, полностью себя оправдали;

вдобавок за последние недели уровень океана начал подниматься, как он уже поднялся на юге. Наступающее море вынудило Барленнана оттащить корабль ярдов на двести в глубь суши; при случае оно, конечно, растопило бы и лед вокруг корабля.

Конструкторы волокуши на далеком Турее оборудовали свое детище многочисленными отверстиями и крепительными планками, что позволило морякам прочно закрепить «Бри». Применяемые для этого тросы показались Лэкленду поразительно тонкими, но аборигены, видимо, ничуть в них не сомневались. И не зря, подумалось землянину; ведь эти самые тросы держали корабль на берегу во время таких бурь, когда сам Лэкленд и думать не смел высунуть нос из купола даже в своем скафандре. И он подумал, что не лишним будет попытаться выяснить, смогут ли эти месклинские тросы и ткани служить в земных условиях.

Тут ход его мыслей был прерван: явился Барленнан и сообщил, что на корабле и на волокуше все готово. Волокушу привязали к танку буксирным канатом; в танк погрузили продовольствие на несколько дней. По плану было решено по мере необходимости снабжать Лэкленда продовольствием с помощью ракет; ракеты будут садиться на грунт далеко впереди по курсу экспедиции, чтобы не смущать аборигенов. Выходить за припасами Лэкленд решил как можно реже; после злосчастной аварии он дал себе слово допускать месклинский «воздух» в двигательные отсеки машины только тогда, когда это будет вызвано крайней необходимостью.

— Ну так в путь, дружище, — сказал он Барленнану. — Отдых мне понадобится только через несколько часов, а за это время мы пройдем вверх по течению порядочное расстояние. Хорошо бы, конечно, если бы ваши сутки были такой же длины, как земные; вести машину по снежной целине в темноте не очень-то весело. Даже твоей команде будет не под силу вытащить танк из какой-нибудь ямы или трещины...

— Да, наверное, — отозвался капитан, — хотя здесь, у Края Света, я не могу с уверенностью полагаться на свое суждение относительно веса предметов. Впрочем, на мой взгляд, риск не так уж велик; снег сухой, и большие ямы будут видны.

— А вдруг его нанесло до краев?.. Ладно, об этом будем думать, когда произойдет беда, если она вообще случится. Все по местам!

Он забрался в танк, задраил за собой дверцу, выкачал месклинскую атмосферу и наполнил кабину земным воздухом из баллонов. В небольшом прозрачном баке с водорослями для обновления воздуха замерцали первые пузырьки. Крошечная спектрометрическая «нюхалка» оповестила Лэкленда, что содержание водорода в атмосфере танка пренебрежимо мало; тогда Лэкленд без дальнейших колебаний врубил ходовые двигатели и повел машину с ее громоздким прицепом прямо на восток.

Почти плоская равнина вокруг залива постепенно оставалась позади. Примерно через сорок суток они прошли миль пятьдесят и оказались среди волнистых холмов высотой от трехсот до четырехсот футов. Лэкленд остановил танк, чтобы выспаться. Никаких происшествий за это время не случилось, в танке и на волокуше все шло как по маслу. Барленнан сообщил по радио, что команда в восторге от путешествия и что никто на непривычное безделье не жалуется. Танк шел со скоростью около пяти миль в час; это было намного быстрее обычной скорости месклинита при передвижении ползком; но кое-кто из команды уже выбирался за борт и пробовал передвигаться другими способами. Еще никто из них не отваживался на прыжки, однако были все основания предполагать, что в самом скором времени у Барленнана появятся подражатели — те, кто, подобно ему, начнут спокойно относиться к падениям.

Никаких животных они пока не видели, но время от времени на снегу попадались крошечные цепочки следов, оставленных, вероятно, существами, на которых команда охотилась еще зимой. Растительность здесь была совершенно иной; местами снега не было видно под массой травянистых стеблей, проросших сквозь сугробы, а один раз команда была потрясена видом растения, которое показалось Лэкленду похожим на небольшое дерево его родной планеты. Никогда прежде месклиниты не видели растений такой высоты.

Пока Лэкленд отсыпался в тесной кабине, команда рассеялась по окрестностям. Моряками руководило не только стремление раздобыть свежее мясо; они искали главным образом что-нибудь пригодное для торговли.

Всем им было известно множество видов растений, которые Лэкленд назвал специями, но ни одного из них поблизости не нашлось. Многие содержали зерна, почти все имели листовидные придатки и корни; беда заключалась в том, что без риска для жизни не было никакой возможности определить, годятся ли они в пищу. Никто из команды Барленнана не был столь опрометчивым или наивным, чтобы попробовать на вкус растения неизвестного вида; каждый знал, что очень многие растения на Месклине защищают себя необыкновенно сильными ядами. Обычно в подобных случаях месклиниты прибегали к помощи небольших зверьков, которых держали в качестве домашних животных: то, что съедобно для «парска» или «терни», можно было есть без опаски. К сожалению, единственное такое животное на борту «Бри» не перенесло зимы — вернее, пребывания на экваторе; оно было унесено первым же порывом зимней бури, так как его владелец не успел его привязать.

Конечно, моряки притащили на корабль множество образцов растений, которые показались им на вид подходящими, но никто не знал, что делать с этими находками. Лишь вылазка Дондрагмера увенчалась некоторым успехом; у него было более развитое воображение, нежели у остальных, ему пришло в голову заглянуть под камни, и он перевернул множество валунов и булыжников. Вначале ему было не по себе, но вскоре он успокоился и по-настоящему увлекся этим необыкновенным делом. Даже под самыми тяжелыми валунами оказалось множество интересных вещей; в конце концов он вернулся на корабль с грузом предметов, которые все решили считать яйцами. Ими тут же занялся Карондрасс (пробовать животные продукты никто не опасался), и предположение подтвердилось. Это действительно оказались яйца, причем весьма вкусные. И лишь когда было съедено последнее, кому-то пришло в голову, что надо было бы попробовать высидеть несколько штук — посмотреть, кто из них выведется. Тогда Дондрагмер сделал следующий шаг: он высказал предположение, что высиженные животные, возможно, заменят экипажу погибшего «терни». Его идея была воспринята с энтузиазмом, на поиски яиц немедленно вышло несколько отрядов. К тому времени как Лэкленд проснулся, «Бри» превратился в настоящий инкубатор.

Удостоверившись, что вся команда до последнего моряка вернулась на борт, Лэкленд вновь завел двигатель и повел танк дальше на восток. В течение последующих дней холмы становились все выше; экспедиция дважды пересекала метановые речки — к счастью, настолько узкие, что волокуша могла бы послужить там мостом. Высота холмов росла постепенно, и это было очень хорошо, ибо многие моряки все еще испытывали неприятные ощущения, когда им случалось взглянуть с вершины вниз.

И вот дней через двадцать на втором переходе все они мгновенно забыли о страхе высоты, так их поразило то, что внезапно открылось перед ними.

Глава 7
КАМЕННЫЙ ОПЛОТ

Раньше они видели холмы с отлогими склонами, давным-давно заглаженными ветрами и бурями. Не было никаких признаков ям и расщелин, чего Лэкленд так опасался перед выступлением в поход. Вершины были гладкими и закругленными, так что переход через них был бы почти незаметен, даже если бы экспедиция двигалась намного быстрее. Но, преодолев один из таких подъемов, все они были поражены видом следующего холма, открывавшегося впереди.

Он был длиннее всех других холмов и был похож скорее не на округлый курган, а на барьер поперек пути; но прежде всего бросались в глаза его очертания. Вершина его была не гладкая, плавная кривая, характерная для других холмов, а на первый взгляд как бы в зазубринах. Приглядевшись же, можно было различить, что этот холм увенчан рядом валунов, расположенных столь упорядоченно, что это сразу наводило на мысль о разумности действовавшей там силы. Размеры валунов были самые разнообразные — от громадин величиной с танк Лэкленда до булыжников с баскетбольный мяч, — но все они имели в общем шарообразную форму. Лэкленд немедленно остановил машину и схватился за бинокль — он был без шлема, хотя и в скафандре. Барленнан, начисто забыв о своей команде, совершил прыжок через двадцать ярдов, отделявших

палубу «Бри» от танка, и благополучно опустился на крышу танка, где давно уже специально для него был установлен один из радиоаппаратов. Он заговорил чуть ли не прежде, чем его ноги коснулись металла:

— Что там такое Чарлз? Может быть, это город, о котором ты мне рассказывал, когда мы беседовали о твоем мире? Но он совсем не похож на города из твоих фильмов...

— А я-то думал, что объяснять будешь ты! — отозвался Лэкленд. — Конечно, никакой это не город, да и камни расположены слишком далеко друг от друга, так что это не может быть стеной или крепостью, если я не ошибаюсь... Ты не замечаешь вокруг них какого-либо движения? Я в бинокль не вижу ничего, но, может быть, у тебя зрение острее?

— Я различаю только, что вершина холма изрезана, и если ты утверждаешь, что там разбросаны камни, мне придется верить тебе на слово, пока мы не приблизимся. И уж, разумеется, никакого движения я там не замечаю. По-моему, на таком расстоянии вообще невозможно увидеть кого-нибудь моего роста.

— Тебя бы я разглядел на таком расстоянии и без бинокля, только не смог бы сосчитать твоих глаз и рук. С биноклем же я могу совершенно смело утверждать, что на вершине никого нет. Но все равно я готов поклясться, что эти камни попали туда не случайно. Нам надо держаться настороже. Предупреди команду.

Лэкленд отметил про себя слабость зрения Барленнана; впрочем, если бы он был хорошим физиком, то давно уже догадался бы об этом по размерам глаз аборигена.

Они подождали несколько минут, пока солнце не передвинулось и не озарило места, скрытые до того в тени, но не увидели там ничего движущегося, кроме теней, и в конце концов Лэкленд вновь включил двигатель. Пока они спускались по склону, солнце село. На танке был всего один прожектор, которым Лэкленд освещал грунт прямо перед машиной, поэтому им не было видно, что движется возле камней на вершине холма — и движется ли что-нибудь вообще. Восход солнца наступил, когда они пересекали очередной ручей; затем снова начался подъем. Напряжение нарастало. С минуту или две ничего нельзя было различить, поскольку солнце било путешественникам прямо в гла-

за; затем оно поднялось и стала отчетливо видна вершина холма. Никто не мог заметить каких-либо изменений по сравнению с предыдущей ночью. Правда, у Лэкленда да и у месклинитов возникло смутное ощущение, будто камней стало больше, но, поскольку никто не догадался раньше сосчитать их, доказать это было невозможно.

При скорости пять миль в час несколько минут ушло на то, чтобы добраться до вершины, и к этому моменту солнце было уже у них за спиной. Лэкленд еще раньше отметил, что в некоторых случаях пространство между крупными валунами было достаточно широким для танка с волокушей, и, приближаясь к гребню, свернул к одному из таких проходов. Гусеницы заскрежетали по небольшим булыжникам, и на мгновение Дондрагмер на палубе «Бри» подумал было, что танк напоролся на один из этих булыжников, потому что машина вдруг резко остановилась. Барленнан неподвижно торчал на крыше танка, и взгляд его был прикован к тому, что открылось внизу. Летчика, конечно, не было видно, и помощнику пришло в голову, что землянин тоже настолько поглощен открывшимся перед ним зрелищем, что забыл об управлении машиной.

— Что там такое, капитан? — окликнул он и жестом приказал канонирам занять места у баков огневого боя. Остальная команда, не дожидаясь приказаний, рассыпалась по внешним плотикам с дубинами, ножами и копьями наготове.

Некоторое время Барленнан не отзывался, и помощник уже хотел отдать приказ группе моряков сойти на грунт для прикрытия танка (он ничего не знал о скорострелке, установленной на машине), когда капитан оглянулся, увидел, что происходит, и сделал успокаивающий жест.

— По-моему, опасности нет, — произнес он. — Никакого движения не видно, но это больше всего похоже на город. Погодите немного. Летчик протянет вас вперед, и вы увидите все, не сходя с корабля.

Перейдя на английский язык, он обратился с этим предложением к Лэкленду. Тот без лишних слов двинул машину вперед, и сейчас же обстановка внизу изменилась.

Когда Лэкленд только выехал на гребень и остановился, перед ним и Барленнаном (который видел все

менее отчетливо) открылась широкая, не очень глубокая чашевидная долина, ее со всех сторон плотно обступали холмы, подобные тому, на котором они находились. Дно лощины должно было бы представлять собой озеро, так как нигде не было видно стоков для дождей и тающих снегов. Затем Лэкленд заметил, что на внутренних склонах холмов снега нет; они были совершенно голые. И топография их была весьма странной.

Она никак не могла иметь естественное происхождение. От гребня начинались ведущие вниз широкие мелкие каналы. Располагались они на редкость правильно; разрез холмов по горизонтальной плоскости, проходящей чуть ниже уровня, где эти каналы начинались, напоминал ряды океанских волн. Каналы вели вниз по склонам к центру долины и становились все уже и все глубже — они словно бы предназначались для направления дождевой «воды» в центральный резервуар. Но это предположение не выдерживало критики, так как не все каналы смыкались в центре — не все даже достигали центра, хотя все они доходили до сравнительно ровного и небольшого пространства на дне лощины. Еще интереснее, нежели сами каналы, были разделявшие их насыпи. Естественно, по мере того как каналы становились глубже, они выделялись все резче. В верхней части склонов это были плавно закругленные гребни, но ниже склоны их становились все круче, пока не превращались в настоящие стены, перпендикулярные дну каналов. Некоторые из этих стен тянулись почти до самого центра долины. Не все они были направлены в одну и ту же точку; временами они немного изгибались, что придавало им сходство не столько со спицами колеса, сколько с фланцами центробежного насоса.

Лэкленд оценил на глаз ширину каналов и разделяющих их насыпей — стен в пятнадцать-двадцать футов. Стены сами по себе были достаточно толстыми, чтобы устроить в них жилища — особенно для живых существ величиной с месклинитов. Изобилие отверстий в нижней части стен подтверждало мысль о том, что это действительно жилища. Наблюдение в бинокль показало, что к отверстиям, расположенным выше дна, ведут своеобразные трапы; и еще не увидев ни одного живого существа, Лэкленд уверился, что перед ним действительно город. Очевидно, обитатели его жили в

разделительных стенах, а все это сооружение построено с той целью, чтобы удалять избыток дождевой «воды». Ему и в голову не пришло задать себе вопрос: если они так стремятся избавиться от жидкости, почему же они не живут на наружных склонах?

Он додумался до этого лишь когда Барленнан обратился к нему с просьбой перетащить «Бри» через вершину холма, пока не наступила ночь. И едва танк тронулся с места, как в отверстиях, которые он счел дверями, возникли очертания множества темных фигур; на таком расстоянии разглядеть их в подробностях было невозможно, но несомненно, это были живые существа. Лэкленд приложил героические усилия, чтобы не остановить танк и не схватиться за бинокль; он довел дело до конца и перетащил «Бри» на место, откуда команда могла видеть все.

Впрочем, как оказалось, нужды торопиться не было. Пока Лэкленд маневрировал с буксиром, обитатели города, не двигаясь, наблюдали за пришельцами, и до захода солнца у землянина осталось несколько минут, чтобы хорошенько рассмотреть всю картину. Даже в бинокль многого не было видно, потому что жители выползли из своих обиталищ не полностью; но то, что было на виду, не оставляло никаких сомнений: они принадлежали к той же расе, что и соплеменники Барленнана. Тела у них были длинные и напоминали гусениц; несколько глаз (сосчитать на таком расстоянии было трудно) располагались на самом переднем сегменте тела; руки, как и у Барленнана, заканчивались клешнями. Они были красно-черного цвета, причем черный преобладал, как и в команде «Бри».

Барленнан был не в состоянии все это разглядеть, но Лэкленд торопливо описал их ему прежде, чем город внизу погрузился в ночную темноту. Когда он замолчал, капитан вкратце пересказал услышанное напряженно ожидавшей команде. Потом Лэкленд спросил:

— Тебе приходилось слышать о народах, которые живут на Краю Света, Барл? Может, они тебе известны и даже говорят на твоем языке?

— В высшей степени сомнительно. Я рассказывал тебе, что мои соплеменники начинают чувствовать себя нехорошо уже к северу от широты ста *g*, как ты однажды ее назвал. Я знаю несколько языков, но совершенно невозможно, чтобы на них говорили в этих местах.

— Что же мы будем делать? Обойдем этот город или двинемся прямо через него — в надежде, что его жители настроены не слишком воинственно? Мне, признаться, очень хотелось бы взглянуть на него поближе, но нам дано ответственное задание, и я боюсь рисковать. В конце концов ты знаешь свою расу лучше, чем я. Как ты полагаешь, чего можно от них ожидать?

— Ну, тут раз на раз не приходится. Возможно, их до полусмерти напугает танк... или то, что я сижу на крыше твоего танка, хотя здесь, на Краю Света, жители, возможно, начисто лишены нормального страха высоты. В наших странствиях мы встречали много диковинных народов; иногда нам удавалось торговать, иногда приходилось сражаться. А вообще я сказал бы так. Если мы спрячем оружие и выставим напоказ товары, то они как следует присмотрятся, прежде чем напасть. Я за то, чтобы спуститься в город. Как, по-твоему, пройдет волокуша по дну этих каналов?

Лэкленд помолчал.

— Об этом я как-то не подумал, — признался он. — Значит, прежде всего нам нужно тщательно измерить их ширину. Возможно лучше будет, если сначала танк спустится в город без волокуши — с тобой и с теми из команды, кто согласится ехать на крыше. Кстати, тогда у нас и вид будет более мирный... Они, должно быть, уже заметили оружие у твоих моряков, и если мы оставим корабль...

— Никакого оружия они не заметили, разве что зрение у них намного сильнее нашего, — возразил Барленнан. — Но в общем я согласен, что сначала надо спуститься на танке и промерить ширину... Нет, мы сделаем еще лучше. Давай перетащим волокушу на противоположную сторону долины, оставим ее там, а сами спустимся вниз. Нет никакой необходимости рисковать кораблем в этих узких каналах.

— Это идея! Конечно, так будет лучше всего. Сделай милость, сообщи команде наше решение и спроси, кто хочет потом спуститься с нами на танке.

На том и согласились. Барленнан сейчас же вернулся на «Бри», чтобы переговорить с командой. Из осторожности он не хотел кричать с крыши танка, хотя и понимал, что вряд ли жители города услышали бы его на таком расстоянии или поняли бы его речь.

Команда единодушно одобрила это решение, но затем возникла небольшая неувязка. Побывать в городе хотелось всем, но ни один и слышать не хотел о том, чтобы спускаться в город на крыше танка, хотя на примере своего командира все давно уже убедились, что такие поездки совершенно безопасны. Выход из тупика нашел Дондрагмер. Он предложил, чтобы команда, за исключением тех, кто останется охранять «Бри», следовала за танком своим ходом; ехать на нем не было никакой необходимости, поскольку моряки уже научились передвигаться по грунту с той же скоростью, с какой движется танк.

Дискуссия эта заняла несколько минут, а когда она закончилась, солнце вновь появилось над горизонтом. По сигналу Барленнана землянин развернул танк на девяносто градусов и повел его по краю долины, следуя чуть ниже гряды камней, опоясывающей ее. Прежде чем включить двигатели, он посмотрел на город и не увидел никаких признаков жизни. Но едва танк с волокушей на буксире тронулся с места, как в маленьких дверях вновь появились головы — на этот раз их было много больше. Теперь Лэкленд мог спокойно вести танк: когда он освободится и спустится вниз, жители не попрячутся. Для того чтобы переправить волокушу с кораблем на противоположный край долины, понадобилось несколько дней; затем буксирный трос отцепили, и танк, вновь развернувшись носом к центру города, двинулся вниз.

В сущности, машиной не пришлось даже править: вскоре она въехала в устье одного из каналов и дальше сама собой двинулась по его дну к тому месту, которое Лэкленд определил для себя — без всяких к тому оснований — как городскую рыночную площадь. Следом за танком ползла половина команды «Бри»; остальные под руководством второго помощника остались охранять корабль. Барленнан, как обычно, ехал на крыше танка; за ним высилась груда товаров.

Восходящее солнце светило им в спины, так что видимость была хорошей. А смотреть теперь было на что: с приближением пришельцев некоторые обитатели города наконец-то выбрались из своих жилищ. Ни Лэкленд, ни Барленнан не обратили внимания на то, что все эти смельчаки были по другую сторону откры-

того пространства; жители на этой стороне города оставались в своих укрытиях.

Расстояние между танком и туземцами все сокращалось, и вскоре стало ясно, что, несмотря на внешнее сходство, эти существа не принадлежат к расе Барленнана. Да, они были похожи; форма тела, пропорции, число глаз, рук и ног — все совпадало; но обитатели города были по крайней мере втрое крупнее пришельцев с дальнего юга. Их тела были длиной не меньше пяти футов при соответствующей ширине и толщине.

Явно стремясь получше разглядеть приближающийся танк, некоторые из туземцев высоко задирали переднюю треть тела, и это движение так же отличало их от соплеменников Барленнана, как и их размеры. При этом они слегка раскачивались из стороны в сторону, совсем как змеи, которых Лэкленду доводилось видеть в музеях на Земле. Едва заметно покачиваясь, они смотрели, как странное металлическое чудовище все ползет и ползет по дну канала, как оно постепенно скрывается из виду, по мере того как канал становится глубже и стены его поднимаются до уровня крыши танка, как оно через узкий проход, наконец, выбирается на открытое пространство в центре города. Если даже они и перекликались между собой, ни Лэкленд, ни Барленнан их не слышали; во всяком случае ничего похожего на жестикуляцию клешнями, которую Барленнан и его спутники пускали в ход при разговоре, Лэкленд не отметил. Туземцы просто глазели и ждали, что будет дальше.

Когда танк выбрался из узкого прохода, которым заканчивался канал, моряки протиснулись в узкую щель между корпусом машины и стенами канала, высыпали на открытое место и почти в таком же молчании уставились на туземцев. В их представлении жилье состояло из стенок трехдюймовой высоты с крышей из ткани для защиты от непогоды; покрытие из твердого материала казалось им непривычным. Если б они собственными глазами не видели, как обитатели города выбираются из своих жилищ, они бы сочли эти стены причудливыми природными образованиями.

Лэкленд сидел у пульта управления, смотрел и размышлял. Собственно, пищи для конструктивного воображения у него пока не было, но так уж устроен был его мозг, что не мог оставаться в покое. Он

рассматривал город и пытался представить себе обычную жизнь его обитателей, пока его внимание не привлекли действия Барленнана.

Капитан не любил тратить время зря; он прибыл сюда, чтобы торговать с этим народом, а если этот народ откажется от торговли, он тут же снимется с места и уйдет своей дорогой. Действия, которые привлекли внимание Лэкленда, состояли в том, что он принялся сбрасывать на грунт сложенные на крыше танка товары и отдавать приказания своей команде. Команда рьяно взялась за дело, пока не перетаскала все тюки. Вслед за последним тюком на грунт спрыгнул сам Барленнан — хотя этот поступок, по-видимому, не произвел на молчаливо глазевших гигантов никакого впечатления — и вместе с остальными моряками занялся подготовкой к выставке товаров. Землянин с любопытством наблюдал за этой процедурой.

На свет появились рулоны чего-то похожего на разноцветные ткани, связки не то сушеных кореньев, не то обрывков веревок, малюсенькие кувшинчики с запечатанным горлом и пустые кувшинчики покрупнее — великолепная и обширная коллекция предметов, о назначении которых землянину оставалось только догадываться.

По мере того как выставлялись все новые предметы, туземцы начали понемногу придвигаться, но Лэкленд так и не понял, движет ли ими любопытство или намерение напасть. Впрочем, никто из моряков не выказал ни малейших признаков тревоги — уж настолько-то он научился разбираться в их эмоциональном состоянии. К тому моменту, когда подготовка к торгам была закончена, танк окружило плотное кольцо туземцев. Кольцо это прерывалось только с той стороны, откуда явились пришельцы. Туземцы продолжали молчать, и это молчание мало-помалу начало беспокоить Лэкленда; но Барленнан либо не обращал на это внимания, либо сознательно игнорировал его. Он выбрал в толпе одного туземца — было решительно непонятно, чем он при этом руководствовался, и приступил к торговым переговорам.

Как он это делал, Лэкленд опять-таки не понял. Ведь так недавно капитан сам утверждал, что этот народ не может знать его языка; тем не менее он заговорил, сопровождая слова обильной жестикуляцией. Эти жесты

были совершенно непонятны Лэкленду. Для инопланетянина-наблюдателя тайна этих переговоров так и осталась за семью печатями, но Барленнан добился известных успехов. Беда была, конечно, в том, что за несколько месяцев знакомства с аборигенами Лэкленд сделал лишь самые первые, самые робкие шаги в постижении их психологии. И вряд ли это было по его вине; много позже эта задача ставила в тупик лучших психологов. Дело в том, что жестикуляция месклинитов непосредственно связана с их физиологическими особенностями, поэтому другие представители этой расы воспринимают такие жесты совершенно автоматически: гигантские обитатели города, строго говоря, не принадлежали к тому же виду, что соплеменники Барленнана, однако все они были, так сказать, слеплены из одного теста, и общение между ними не являлось такой сложной проблемой, как считал Лэкленд.

Прошло совсем немного времени, и вот уже множество туземцев потянулось из своих жилищ с товарами, которые они хотели предложить пришельцам, а со стороны команды «Бри» в торговые сделки вступали все новые и новые моряки. Торги шли непрерывно и при солнечном свете, и в темноте — по просьбе Барленнана Лэкленд обеспечил освещение прожекторами. Даже Барленнану осталось непонятным, как отреагировали гиганты на искусственный свет. Каждый туземец был полностью поглощен делом: едва сбыв свой товар и получив то, что ему понравилось, он удалялся, уступая место следующему. В результате уже через несколько дней все товары Барленнана перешли к туземцам, а полученные от туземцев товары были переправлены на крышу танка.

Товары туземцев были такой же загадкой для Лэкленда, как и товары Барленнана, однако два предмета особенно привлекли его внимание. По всей видимости, это были два живых существа, но они были настолько малы, что он не сумел их как следует разглядеть. Оба существа были скорее всего ручные: они прижались к грунту у ног моряка, который их приобрел, и не делали никаких попыток отползти в сторону. Лэкленд решил — и, как выяснилось позже, он был совершенно прав, — что это те самые животные, на которых испытывают растительную пищу.

— Ну как, торговля кончена? — крикнул он Барленнану, когда последний туземец покинул место торгов.

— Мы свое дело сделали, — отозвался капитан. — Торговать больше нечем. Что ты предлагаешь? Хочешь задержаться здесь еще немного или сразу двинуться в путь?

— Мне бы очень хотелось узнать, как выглядят их жилища изнутри: самому мне, конечно, не протиснуться в их двери, даже если бы я снял скафандр. Что если я попрошу тебя или кого-нибудь из твоей команды заглянуть в один из их домов?

Барленнан подумал.

— Я считаю, это было бы не совсем разумно. Правда, торги прошли вполне мирно, но в поведении этих туземцев есть нечто подозрительное, хотя я не берусь точно сказать, что именно.

— Ты хочешь сказать, что не доверяешь им... что они могут попытаться напасть на нас и отобрать свои товары?

— Нет, я бы этого не сказал; говорю тебе, я не берусь точно определить, отчего у меня такое ощущение. Давай договоримся так: мы вернемся на край долины, прицепим к танку волокушу и приготовимся к отъезду в любой момент. Если за это время не случится никаких неприятностей, я сам вернусь сюда и загляну куда тебе угодно. Согласен?

Во время этого разговора ни Барленнан, ни Лэкленд не обращали на туземцев никакого внимания; и они не сразу заметили, что обитатели города впервые проявили признаки живейшего любопытства. Едва из крошечного ящика зазвучал голос Лэкленда, находившиеся поблизости гиганты повернулись и уставились в его сторону. Голос продолжал говорить и привлекал все больше и больше слушателей. Туземцы понимали, что ящик этот слишком мал, чтобы в нем могло поместиться разумное существо, и тем не менее ящик говорил, и это зрелище сломало стену сдержанности, которую не смог преодолеть даже танк. К концу разговора вокруг Барленнана собралась уже порядочная толпа, и когда из миниатюрного репродуктора прогремело согласие Лэкленда на предложение Барленнана и стало ясно, что разговор закончен, слушатели торопливо разбрелись по своим жилищам и почти сразу же возвратились с новыми товарами. Жестами, которые теперь были хорошо понятны морякам, они стали пред-

лагать эти товары. Гиганты хотели получить радиоаппарат и готовы были заплатить за него хорошую цену.

Отказ Барленнана явно озадачил их. Они принялись по очереди предлагать все более высокие цены, пока Барленнан не продемонстрировал свой решительный отказ единственным понятным способом: он перебросил аппарат на крышу танка, прыгнул вслед за ним и отдал команде приказ начать погрузку приобретенных товаров. Несколько секунд гиганты, казалось, пребывали в замешательстве, затем, словно по сигналу, повернулись и скрылись в своих жилищах.

Барленнану это очень не понравилось; укладывая товары, он старался держать в поле зрения как можно большее число дверей, однако опасность пришла не из жилищ. Ее заметил великан Харс, когда он, подражая туземцам, вскинул вверх половину тела, чтобы передать капитану особенно громоздкий тюк. При этом он одним глазом случайно скользнул вдоль канала, по которому они спустились; в то же мгновение он издал чудовищно громкий вопль — такие вопли всегда изумляли и пугали Лэкленда — и сейчас же разразился непонятной для землянина скороговоркой. Но Барленнан понял все, взглянул и прокричал по-английски:

— Чарлз! Оглянись! Прочь отсюда!

Лэкленду было достаточно одного взгляда, чтобы понять смысл причудливого устройства этого города. Гигантский валун размером с полтанка сдвинулся со своего места на гребне, окружавшем долину. Он был расположен как раз над широким устьем канала, по которому спускался танк; теперь он катился вниз, и постепенно поднимающиеся стены направляли его точно по пути, пройденному машиной. Он был еще высоко и на расстоянии в полмили, но с каждой секундой он катился все быстрее и быстрее по мере того, как тонны его массы разгонялись силой тяжести, в три раза превосходящей земную.

Глава 8
ЛЕКАРСТВО ОТ АКРОФОБИИ

Плоть и кровь ставят пределы скорости реакции, но Лэкленд едва не преодолел эти пределы. Он не стал решать дифференциальные уравнения, чтобы выяснить, когда валун ударит в него; он просто врубил двигатели

и круто, почти на месте, развернул танк на девяносто градусов, так что у машины едва не слетела гусеница, а затем бросил его в сторону от канала, по которому катился этот чудовищный метательный снаряд. И только тогда он по-настоящему оценил архитектуру города. Как он уже отметил раньше, каналы не просто уподоблялись спицам в колесе; они были распланированы таким образом, что по крайней мере два из них могли направить валуны в любую точку на центральной площади. Действий Лэкленда было достаточно, чтобы избежать первого валуна, но это было предусмотрено: по другим каналам катились еще несколько валунов. Секунду он озирался в тщетной надежде определить место, которое не находилось бы на пути этих снарядов, а потом развернул танк в первый попавшийся канал и двинулся вверх по склону. По этому каналу тоже катился валун; Барленнану показалось, что это самый огромный валун из всех, что он с каждой секундой растет. Месклинит весь подобрался для прыжка; он решил, что Летчик спятил; и вдруг рядом с ним раздался оглушительный грохот. Звуки такой громкости не смогли бы воспроизвести даже его собственные голосовые органы. Будь его нервная реакция такой, как у большинства земных животных, он бы одним махом оказался на середине склона. Но реакция, естественная для его расы, состояла в том, чтобы сжаться и замереть в неподвижности, так что снять его с крыши танка в ближайшие несколько секунд могли бы только мощные подъемные краны. А в четырехстах ярдах впереди танка и в пятидесяти ярдах перед катящимся валуном дно туннеля взорвалось пламенем и тучей пыли: взрыватели снарядов Лэкленда были достаточно чувствительны и срабатывали даже при рикошетах. Секундой позже валун влетел в эту пылевую тучу, и тогда скорострелка торопливо, взахлеб пролаяла еще несколько раз — выстрелы почти слились в один звук. Из облака пыли показалась добрая половина валуна, теперь уже далеко не шаровидная. Энергия взрывов почти остановила валун; об остальном позаботилось трение задолго до того, как он подкатился к танку. Да он и не мог больше катиться — слишком много появилось на нем плоских граней и выбоин.

На гребне перед устьем этого канала были еще валуны, но они не сдвинулись с места. Видимо, гиганты быстро проанализировали ситуацию и пришли к выводу, что таким способом танк не уничтожить. Лэкленд не знал, что они будут делать дальше; естественнее всего было ожидать атаки в лоб. Им ничего не стоило вскарабкаться на танк, как это делал Барленнан, и завладеть своими товарами и радиоаппаратом впридачу; моряки не смогли бы им помешать. Лэкленд поделился своими опасениями с Барленнаном.

— Это может случиться, — последовал ответ. — Впрочем, если они попытаются карабкаться на крышу, мы их будем сталкивать обратно; а если они попробуют прыгать, то у нас есть дубинки; не знаю, как можно уклониться от удара дубинкой, когда летишь по воздуху.

— Да как же ты один удержишь крышу, если на тебя полезут со всех сторон сразу?

— А я не один, — ответил капитан и сделал движение клешней, обозначавшее у месклинитов улыбку.

Лэкленд мог бы увидеть свою крышу, только просунув голову в небольшой прозрачный обзорный колпак, но сделать это в громоздком шлеме было невозможно. Поэтому, он не видел, чем закончилась эта короткая «битва» для моряков, сопровождавших его в путешествии по городу.

Этим беднягам пришлось пережить все те ощущения, которые пережил их капитан, когда его впервые посадили на крышу танка. Они видели предметы — огромные тяжелые предметы, — которые стремительно падали на них, попавших в ловушку в тесном пространстве между вертикальными стенами. О том, чтобы вскарабкаться на стены, нельзя было и думать, хотя их ноги-присоски, так хорошо державшие их во время месклинских ураганов, отлично послужили бы им и здесь; такой же ужас — если не больший — внушала им мысль совершить прыжок, как это не раз проделывал у них на глазах капитан. Однако физически это было для них вполне возможно, и когда разум отказал им, тела начали действовать сами. Все моряки, кроме двух, прыгнули; один из этих двух быстро и ловко вскарабкался по стене «дома»; другим был Харс, тот самый, кто первым заметил опасность. Может быть, он не поддался панике из-за своей огромной физической силы, может, боялся высоты больше других. Как

бы то ни было, он все еще оставался на грунте, когда округлый булыжник величиной с баскетбольный мяч вылетел из соседнего канала и ударил в него. Эффект был такой же, как если бы булыжник ударил в прослойку из живой резины; защитная «скорлупа» месклинитов была из материала, по своим химическим и физическим свойствам аналогичного хитину земных насекомых, но ее прочность и упругость полностью соответствовали условиям жизни на Месклине. При здешней силе тяжести булыжник, ударившись в Харса, взмыл вверх на высоту в двадцать пять футов, перелетел через стену, которая должна была задержать его, с грохотом скатился в другой канал и вновь, уже спокойно, выкатился на открытое пространство. На этом боевые действия и закончились. Харс был единственным моряком, оставшимся на площади. Остальные, кое-как придя в себя, либо быстрыми прыжками добирались до крыши танка, либо уже устроились рядом со своим капитаном. Даже моряк, вскарабкавшийся по стене, перестал ползти и тоже запрыгал следом за танком.

По земным стандартам тело Харса было невероятно прочным, но все же нельзя было ожидать, что обрушившийся на него удар останется без последствий. Дух из него не вышибло только потому, что он не имел легких, но он был ободран, исцарапан и оглушен. Прошла целая минута, прежде чем движения его сделались осмысленными и он попытался скоординировать их и поползти следом за танком; ни Лэкленд, ни Барленнан, ни сам Харс не могли бы объяснить, почему злосчастный моряк не подвергся нападению. По мнению землянина, обитатели города забыли обо всем на свете, когда увидели, что после такого удара Харс вообще способен двигаться; Барленнан с его более точным знанием месклинитской психологии решил, что гигантов интересовало не убийство, а ограбление, и они просто не усмотрели смысла в нападении на отставшего моряка. Как бы то ни было, но Харс получил возможность прийти в себя и пуститься вдогонку за товарищами. Лэкленд, поняв, наконец, что происходит, остановил машину и дождался его; двое моряков спустились с танка и буквально зашвырнули Харса на крышу машины, где остальные сейчас же принялись оказывать ему первую помощь.

Теперь на крыше были все, причем некоторые теснились в такой близости от края, что их новообретенное безразличие к высоте подвергалось серьезному испытанию, и Лэкленд вновь двинулся вверх по склону холма. Он предупредил моряков, чтобы они держались подальше от дула пушки, и нацелил ствол прямо вперед; но наверху, на гребне, не было никакого движения, и камни больше не падали. Видимо, запускавшие их туземцы отступили в туннели, которые вели в город. Но не было гарантии, что они не вылезут снова, и все оставались настороже.

Они поднимались уже по другому каналу и оказались в стороне от волокуши, но с крыши танка моряки увидели «Бри» еще до того, как машина достигла гребня. Члены команды, охранявшие корабль, были на местах и с большим беспокойством смотрели вниз на город. Дондрагмер пробормотал что-то о том, как глупо было не выставить круговое наблюдение; Барленнан передал Лэкленду эту мысль на английском, притом в несколько более сильных выражениях. Впрочем, беспокойство их оказалось напрасным; танк без всяких помех подъехал к волокуше, развернулся и принял буксирный канат. Вновь включая двигатели, Лэкленд подумал, что гиганты, к счастью, переоценили эффективность его пушки; нападение с близкого расстояния, например из туннелей, где они, видимо, прятались, поставило бы его в очень тяжелое положение, ибо в такой близости от корабля и его команды нельзя было бы применять ни фугасные, ни термитные снаряды.

Он неохотно пришел к выводу, что, пока «Бри» не достигнет благополучно «вод» восточного океана, ни о каких исследованиях не может быть и речи. Когда это соображение было доведено до сведения Барленнана, тот согласился, хотя про себя внес некоторые коррективы. В самом деле, не будет же команда бездельничать, пока Летчик спит.

Когда прыгающие месклиниты переправили обмененные вещи с крыши танка на корабль и поход возобновился, Лэкленд связался с Туреем, сообщил о том, что произошло, смиренно подставил голову под громы и молнии Ростена и, как и раньше, утихомирил директора известием, что тот может прислать контейнеры за образцами растительной ткани.

Ракета села на грунт далеко впереди по курсу экспедиции, чтобы не портить месклинитам нервную систему, дождалась, пока подойдет танк, забрала образцы, подождала, пока танк уйдет на безопасное расстояние, и снова стартовала. На это ушло много дней, но никаких происшествий за это время не случилось. Через каждые несколько миль в поле зрения появлялись холмы, увенчанные рядами валунов; экспедиция старательно обходила их стороной. Наверху ни одного гиганта не было видно. Это несколько озадачило Лэкленда, который принялся ломать себе голову над тем, где и как туземцы добывают пищу. Управление машиной — монотонное занятие, оставляющее много времени для размышлений, и у него, естественно, возникло множество гипотез относительно этих странных существ. Время от времени он поверял свои гипотезы Барленнану, но толку от этого не было никакого, ибо достойный капитан не знал, какой из них отдать предпочтение.

Лэкленда тревожила одна мысль. Он задал себе вопрос: почему все-таки гиганты строят свои города таким странным образом? Ведь не могли же они ждать прибытия танка и корабля! Да и для отражения атаки со стороны себе подобных такой способ постройки тоже был непрактичным: из-за общности обычаев вряд ли можно было застигнуть противника врасплох.

Оставалось единственное возможное объяснение. Это была всего-навсего гипотеза, но она хорошо объясняла, почему город устроен именно так, почему вне городов не видно ни одного туземца, почему в их окрестностях нет ничего похожего на возделываемые поля. Правда, эта гипотеза требовала для своего обоснования множества всевозможных «если», и потому Лэкленд не упомянул о ней Барленнану. Прежде всего она не объясняла, почему экспедиция до сих пор не встречает никаких помех — если бы гипотеза была правильной, Лэкленду к этому времени пришлось бы расстрелять гораздо больше снарядов из своей скорострелки. Итак, он ничего не сказал капитану, а сам решил глядеть по сторонам внимательнее; и он не очень удивился, когда однажды на рассвете примерно в двухстах милях от города, где так досталось Харсу, он увидел, как впереди вдруг поднялся на дыбы небольшой холм на многочисленных коротких слоновьих ногах, вытянул

вверх голову на двадцатифутовой шее, вытаращил множество глаз, а затем неуклюже двинулся навстречу танку.

Против обыкновения Барленнан находился в это время не на крыше танка, а на корабле, но он немедленно откликнулся на вызов Лэкленда. Землянин остановил машину; судя по скорости, с которой передвигалось чудовище, у них еще оставалось несколько минут, чтобы договориться о дальнейших действиях.

— Готов держать пари, Барл, что ничего подобного ты никогда не видел. Даже обладая самой прочной животной тканью, какую только может создать природа на твоей планете, такое чудовище вдали от экватора было бы раздавлено собственной тяжестью.

— Ты прав: я никогда не видел таких животных. И даже никогда не слышал о них, так что не знаю, насколько они опасны и опасны ли вообще. И у меня нет никакого желания узнать. Правда, оно из мяса и, может быть...

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, хищник это или травоядное, — произнес Лэкленд. — Я склонен полагать, что это хищник. Никакое травоядное не попрется вот так, сходу, прямо на предмет, который крупнее его самого... разве что это животное настолько глупо, что приняло танк за самку своего вида, а я в этом очень сомневаюсь. Кроме того, я как раз думал, что существование в здешних местах крупных хищников легче всего объясняет, почему гиганты никогда не выходят за пределы своих городов и почему они превратили свои города в такие великолепные западни. Когда такой зверь забирается к ним на холм, наверное, они, показавшись ему, заманивают его вниз, как это случилось с нами, а затем спускают на него каменные глыбы, как на наш танк. Прекрасный способ получить мясо с доставкой на дом.

— Все это, может быть, и так, — нетерпеливо произнес Барленнан, — но сейчас речь о другом. Что мы будем делать с этим зверем? Твое оружие, которое разбивает вдребезги камни, вероятно, может убить и его, но ведь оно разнесет тушу на такие клочья, что и не соберешь. А с другой стороны, если мы выйдем на него с сетями, нам придется приблизиться к нему настолько, что ты уже не сможешь пустить в ход свое оружие, если мы попадем в беду.

— Ты что, считаешь возможным выйти с сетями на чудище таких размеров?

— Разумеется. Сети выдержат, только бы изловчиться и накинуть их. Беда в том, что у него слишком толстые ноги, они не пройдут в ячейки, и наш обычный прием, когда мы раскидываем сети на пути у дичи, здесь не сработает. Видимо, придется закидывать их вокруг туловища и вокруг ног и затягивать...

— У тебя есть хоть какой-нибудь план?

— Нет... и времени на это не осталось, чудище уже приближается.

— Спрыгни на грунт и отцепи волокушу. Сейчас я выдвинусь вперед и на время отвлеку зверя. Если ты решишься напасть с сетями, а потом дела пойдут плохо, отбегайте подальше, чтобы я мог стрелять.

Барленнан не задавал вопросов и не колебался. Он соскользнул с кормы и одним ловким движением распустил узел, удерживающий буксирный канат у днища танка. Затем он криком дал Лэкленду знать, что дело сделано, вновь прыгнул на борт «Бри» и принялся объяснять команде сложившуюся ситуацию. К тому времени, как он кончил, Лэкленд вывел танк вперед и в сторону и моряки уже сами увидели гигантское животное. Некоторое время они смотрели на него с большим интересом, не без удивления и совершенно без всякого страха, а между тем танк начал играть со своим живым партнером.

Едва машина двинулась вперед, животное остановилось. Оно пригнуло голову к самому грунту и качнуло длинной шеей сначала в одну, затем в другую сторону, между тем как многочисленные глаза обозревали противника со всех возможных углов зрения. Зверь не обращал внимания на «Бри» и не заметил передвижения крошечных моряков, а, может быть, счел танк более опасным существом. Когда Лэкленд повернул ему во фланг, чудовище тоже повернуло на месте свое тело так, чтобы встретиться с противником лицом к лицу. Некоторое время Лэкленд раздумывал, не развернуть ли его на сто восемьдесят градусов задом к кораблю; затем он сообразил, что если придется стрелять, тогда «Бри» окажется на линии огня. Поэтому он остановился, когда волокуша оказалась справа от чудовища. Впрочем, подумал он, с таким расположением глаз этот

зверь все равно увидел бы моряков позади себя с тем же успехом, как и впереди.

Он вновь двинулся к животному. Когда танк перестал двигаться в обход, оно прижалось брюхом к грунту, а теперь снова поднялось на свои многочисленные ноги и втянуло голову в плечи, что было, видимо, защитной реакцией. Лэкленд затормозил, схватил фотоаппарат и сделал несколько снимков, но зверь, казалось, не собирался нападать, и Лэкленд с минуту-другую просто сидел и разглядывал его.

Тело животного было несколько крупнее, чем у земного слона; на Земле оно весило бы тонн восемь или десять. Этот вес равномерно распределялся между десятью парами ног, очень коротких и невероятно толстых. Лэкленд пришел к выводу, что вряд ли оно способно двигаться быстрее, чем двигалось до сих пор.

Прождав минуту или две, животное забеспокоилось; шея его слегка вытянулась, и голова принялась раскачиваться с боку на бок, словно бы высматривая других противников. Боясь, что беспомощный корабль и команда могут привлечь его внимание, Лэкленд рывком продвинул танк еще на несколько футов; противник моментально вновь принял защитную позу. Так повторялось несколько раз, но интервалы с каждым разом становились все короче. Лэкленд делал эти ложные выпады до тех пор, пока солнце не скрылось за холмами на западе; когда наступила темнота, он не зная, расположено ли чудовище продолжать бой ночью, включил на танке все прожектора и фары. Даже если эта тварь в такой новой и неожиданной для нее ситуации решится пойти навстречу танку, она ничего не будет видеть ни перед собой, ни во тьме вокруг.

Было совершенно очевидно, что чудовищу огни не понравились. Когда луч главного прожектора ударил его по глазам, оно несколько раз мигнуло, и Лэкленд отчетливо видел, как сужаются громадные зрачки; затем с пронзительным шипением, которое было подхвачено и передано в кабину приемником на крыше, оно проковыляло на несколько футов вперед и нанесло удар.

Лэкленд и не подозревал, что чудовище так близко, — вернее, он не подозревал, что оно может вытянуть шею так далеко. Неимоверно длинная шея рванулась вперед, выбросив слегка свернутую набок массивную голову. Один из колоссальных клыков с лязгом ударил

по обшивке машины, и главный прожектор погас. Животное издало еще более пронзительное шипение; Лэкленд понял, что ток, питавший прожектор, замкнулся на металл через голову чудовища. Но раздумывать было некогда. Он торопливо выключил огни и подал машину назад. Страшно было представить себе, что будет, если клыки с такой же силой ударят по иллюминаторам кабины. Теперь поле боя освещали только фары, встроенные в броню внизу, спереди. Ободренное отступлением Лэкленда животное снова качнулось вперед и снова ударило, целясь в одну из фар. Боясь остаться в кромешной тьме, землянин не решался выключить фары и отчаянно воззвал по радио:

— Где же ты там со своими сетями, Барл? Если ты не вступишь немедленно, я открываю огонь, и наплевать мне на твое мясо. Только держись подальше; эта тварь совсем рядом со мной, я не могу применять на таком расстоянии фугасные снаряды и буду стрелять термитными...

— Сети не готовы, — отозвался Барленнан. — Отведи его еще немного назад, чтобы оно было с подветренной стороны корабля, тогда мы управимся с ним другим способом!

— Будет сделано...

Лэкленд не знал, что это за другой способ, и немного сомневался в его действенности; но просьба капитана продолжать отступление вполне его устраивала. Ему ни на секунду не пришло в голову, что оружие Барленнана может повредить танк; откровенно говоря, это не пришло в голову и самому Барленнану. Серией поспешных коротких отходов Лэкленду удалось увернуться от страшных клыков; ума у чудовища явно не хватало на то, чтобы примениться к этой тактике. Между тем двух-трех минут этой игры в пятнашки Барленнану вполне хватило.

Он не сидел сложа руки. На подветренных плотиках «Бри», обращенных в сторону танка и животного, были установлены четыре устройства, напоминающих кузнечные мехи, над соплами которых высились ворончатые бункеры. У каждой установки находилоєь по два моряка; по сигналу капитана они изо всех сил принялись качать мехи. Одновременно моряки, приставленные к бункерам, открыли заслонки, и струи какой-то легчайшей пыли влились в струи газа, вырывающиеся

из сопел мехов. Подхваченная ветром, пыль поплыла в сторону сражающихся. В ночной темноте трудно было уследить за ее движением, но Барленнан хорошо разбирался в ветрах. Через несколько секунд он выкрикнул новый приказ.

Моряки орудующие возле установок, сделали какое-то движение возле сопел мехов. В то же мгновение во тьме развернулось ревущее полотнище пламени и, увлекаемое ветром, двинулось к полю боя. Команда корабля заранее укрылась под брезентами; даже «пушкари» были защищены полосами ткани, которыми были оснащены установки; но растительность, проросшая сквозь снег, была слишком низкой и редкой, чтобы преградить дорогу огню. Лэкленд, бормоча слова, которым он никогда не обучал Барленнана, дал полный задний ход, чтобы вывести машину из бушующего пламени; он только молился, чтобы в иллюминаторах не расплавился кварц. Его противник тоже попытался спастись, но ума на это ему явно не хватило, и он просто заметался из стороны в сторону. Через несколько секунд пламя потухло, оставив после себя облако густого белого дыма, переливающегося в лучах фар; но либо хватило и этих нескольких секунд, либо дым тоже был смертоносен — рывки и движения животного на глазах становились все более беспорядочными. Ноги переступали все неувереннее и медленнее, они уже не в силах были поддерживать громаду туловища, и, наконец, чудище споткнулось и повалилось набок. Некоторое время ноги его еще отчаянно дергались, длинная шея судорожно вытягивалась и сокращалась, голова с обнаженными клыками то взвивалась в воздух, то билась о грунт. К восходу солнца у животного лишь иногда подергивались ноги и конвульсивно двигалась голова, но вскоре и это прекратилось. Команда «Бри» ринулась с корабля и по темной проталине, где снег выкипел, обнажив грунт, устремилась за свежим мясом. Смертоносное белое облако, постепенно оседая, медленно уплывало в сторону. Лэкленд с изумлением обнаружил, что оно оставляет за собой на снегу налет черной пыли.

— Барл, что это за вещество вы используете для создания такого пламени? И как ты не подумал, что у меня могли полопаться окна в танке?

Капитан, который остался на борту и был возле одного из радиоаппаратов, немедленно откликнулся:

— Прости, Чарлз, я ведь не знал, из чего сделаны твои окна, да мне и в голову прийти не могло, что наш огневой бой может повредить твоей великолепной машине. Впредь я буду более осторожен. А что касается горючего вещества, так это просто пыль, которую мы добываем из некоторых растений. Оно содержится там в виде крупных кристаллов, и эти кристаллы нам приходится измельчать с большой осторожностью и в полной темноте...

Лэкленд медленно кивнул, раздумывая над этим сообщением. Химию он знал слабо, но вполне достаточно, чтобы догадываться о природе этого горючего. В водороде возгорается на свету... после сгорания оставляет белое облако... черные пятна на снегу... Все ясно. При низких температурах Месклина хлор может существовать только в твердом состоянии; он жадно соединяется с водородом; облака пыли хлористого водорода белого цвета; метановый снег от жара стаял и обнажил грунт, и газообразный метан тоже отдал свой водород этому ненасытному элементу, а выпавший углерод остался на снегу в виде черных пятен. Занятные растения есть на этой планете! Нужно будет послать на Турей еще одно сообщение... нет, пожалуй, приберегем его до случая, если придется опять побеспокоить Ростена.

— Право, мне очень жаль, что так получилось, — продолжал Барленнан. Видимо, он все еще чувствовал себя виноватым. — Давай теперь предоставим тебе расправляться с этими тварями при помощи твоей пушки. Или ты научишь нас стрелять из нее. Она ведь специально сконструирована для использования на Месклине, как и радиоаппараты?

Капитан подумал было, что заходит в своем любопытстве слишком далеко, но решил, что дело того стоит. Он не видел, как улыбнулся Лэкленд, а если бы и увидел, то не понял бы — почему.

— Нет, пушка самая обычная, Барл. Ее не приспосабливали для этой планеты. Здесь она действует достаточно хорошо, но я боюсь, что в твоих краях от нее будет мало толку. — Он взял логарифмическую линейку, что-то подсчитал. — Вот, — сказал он. — На

вашем полюсе дальность стрельбы из этой штуки не превысит ста пятидесяти футов.

Барленнан разочарованно промолчал. Следующие несколько дней были затрачены на разделку чудовищной туши. Лэкленд забрал себе череп на случай, если придется опять ублажать Ростена, после чего поход возобновился.

Милю за милей, день за днем танк с волокушей на буксире продвигался вперед. Они видели еще несколько городов камнеметателей; дважды останавливались, чтобы взять продовольствие для Лэкленда, оставленное ракетой на маршруте; довольно часто они встречались с крупными животными — некоторые походили на чудовище, поверженное «огневым боем» Барленнана, другие отличались от него как размерами, так и внешним видом. Два раза команда выходила с сетями на гигантских травоядных и пополняла запасы свежего мяса, и это зрелище вызывало у Лэкленда чувство восхищения. Ибо разница в размерах между дичью и охотниками была здесь гораздо разительнее, нежели между земными слонами и охотившимися на них африканскими пигмеями.

Со временем местность становилась все более неровной, и река, вдоль которой они шли вот уже сотни миль, сузилась, а затем распалась на множество нешироких потоков. Через два из них переправиться было довольно трудно, и для этого месклиниты вынуждены были стащить «Бри» с волокуши и пустить вплавь на конце буксирного каната, в то время как танк с волокушей переправился прямо по дну.

Наконец, примерно в тысяче двухстах милях от места зимовки «Бри» и в трехстах милях к югу от экватора, когда Лэкленд начал изнемогать под силой тяжести, увеличившейся еще на половину *g*, потоки стали вытягиваться в направлении их маршрута. На всякий случай Лэкленд и Барленнан не заговаривали об этом в течение нескольких дней, но в конце концов все сомнения исчезли: они вышли на водораздел, ведущий прямо к восточному океану. Настроение команды, которое и раньше-то не было плохим, поднялось еще выше. Теперь, когда танк взбирался на вершину очередного холма, на его крыше всегда торчали несколько моряков, надеявшихся первыми увидеть долгожданное море. Расцвел даже Лэкленд, хотя от уста-

лости у него иногда наступали приступы головокружения; и тем более страшным ударом для него было, когда танк совершенно неожиданно вышел к краю огромной пропасти: почти отвесный обрыв глубиной в шестьдесят футов тянулся поперек их маршрута, насколько хватало глаз.

Глава 9
ВНИЗ С ОБРЫВА

Долгое время все молчали. Лэкленд и Барленнан, которые столь тщательно работали над фотографиями, прокладывая маршрут похода, были настолько потрясены, что лишились дара речи. А команда, при других обстоятельствах всегда готовая проявить инициативу, только взглянув на пропасть, единодушно решила возложить решение этой проблемы на своего капитана и на его инопланетного друга.

— Откуда это? — проговорил наконец Барленнан. — Насколько я могу судить, по сравнению с высотой корабля, с которого делались снимки, обрыв здесь, конечно, не так высок, но ведь он должен перед заходом солнца отбрасывать огромную тень...

— Должен, Барл, и я понятия не имею, почему он остался незамеченным. Как ты помнишь, каждый снимок охватывает территорию в сотни квадратных миль; это больше, чем весь район, который мы видим отсюда. Скорее всего, снимок этой местности был сделан между восходом и полуднем, когда тени от обрыва нет...

— Значит, обрыв не может тянуться дальше границ этого снимка?

— Это неизвестно, но возможно, что и соседние снимки были сделаны утром. Конечно, я не знаю, каким курсом летела съемочная ракета. Но если она, как обычно, двигалась с запада на восток, то, вероятнее всего, она пролетала над этим обрывом несколько раз в одно и то же время суток... Да что толку задаваться такими вопросами? Обрыв реально существует, и надо думать, как нам продолжить путешествие.

Вновь наступила долгая пауза; наконец, к удивлению землян, молчание было прервано первым помощником:

— Пожалуй, лучше всего попросить, чтобы друзья Летчика там, наверху, выяснили, далеко ли тянется этот обрыв в обе стороны. Возможно, где-нибудь поблизости есть удобный спуск, это избавило бы нас от дальнего обхода. И раз уж обрыв не получился на первых картах, пусть они сделают новые...

Помощник говорил на своем языке, и Барленнан перевел его предложение на английский. Лэкленд поднял брови.

— Пусть уж твой друг сам говорит по-английски, Барл... ты видишь, он понял наш разговор, значит, знает язык достаточно хорошо. Или ты передал ему содержание разговора каким-либо иным способом, который мне неизвестен?

Барленнан повернулся к помощнику: он был изумлен, а через секунду его охватило смятение. Он не передавал Дондрагмеру содержание разговора; видимо, Летчик был прав — помощник каким-то образом умудрился выучиться английскому. Но и вторая догадка Лэкленда была правильной. Барленнан давно уже заметил, что многие звуки, которые воспроизводит голосовой аппарат месклинита, не слышны землянину, хотя и не догадывался, почему. Некоторое время он лихорадочно размышлял, что же делать: то ли признать, что Дондрагмер тайком обучился английскому языку, сославшись при этом на его необыкновенные способности, то ли раскрыть тайну неслышных Летчику звуков, то ли рассказать и о том, и о другом. А может быть, если повезет, удастся скрыть и то, и другое? Барленнан сделал все, что мог.

— Видимо, у Дондрагмера более острый ум, нежели я предполагал, — проговорил он по-английски. — Это правда, что ты научился понимать язык Летчика, Дон? — И добавил скороговоркой на своем языке и в более высокой тональности: — Говори правду. Я хочу как можно дольше скрывать наше уменье говорить так, чтобы он не слышал. Отвечай на его языке, если можешь.

Помощник повиновался, хотя даже капитан не догадывался о том, что у него на уме:

— Я хорошо изучил твой язык, Чарлз Лэкленд. Я просто не знал, что ты имеешь что-нибудь против этого.

— А я вовсе не против, Дон; я даже очень рад, хотя, признаться, меня это удивило. Если бы ты приходил ко мне на станцию вместе с Барлом, я бы с удовольствием обучал и тебя. Ну, а поскольку ты изучил мой язык самостоятельно, видимо, сравнивая наши с капитаном переговоры с его последующими действиями, пожалуйста, прими участие в обсуждении ситуации. Предложение, которое ты сделал минуту назад, кажется мне весьма дельным; я сейчас же свяжусь с базой на Турее...

Оператор на луне отозвался немедленно, ибо теперь на частоте главного передатчика Лэкленда с помощью нескольких релейных спутников, запущенных во внешнее кольцо Месклина, было установлено постоянное дежурство. Оператор подтвердил, что понял задачу, и пообещал произвести фотографирование в самые ближайшие сроки.

«Самые ближайшие сроки», однако, растянулись на многие месклинские сутки, и в ожидании результатов тройка обсудила целый ряд других планов, рассчитанных на случай, если достаточно близкого обхода обнаружено не будет.

Тут некоторые моряки выразили готовность просто спрыгнуть в пропасть. Это встревожило Барленнана: он считал, что естественный страх высоты ни в коем случае не должен вытесняться полным к ней пренебрежением даже теперь, когда вся команда разделяла готовность своего капитана прыгать и карабкаться по вертикальным стенам. Он обратился к Лэкленду с просьбой помочь ему разубедить этих безрассудных храбрецов, и Лэкленд это сделал, подсчитав, что падение с обрыва высотой в шестьдесят футов в этих широтах равнозначно падению с высоты одного фута в их родных краях; этого оказалось достаточно, чтобы пробудить в отчаянных головах привычные страхи детских лет и заставить их отказаться от смертельно опасной затеи. Впоследствии, обдумывая этот случай, Барленнан пришел к выводу, что вся его команда состоит из сумасшедших, а самым большим безумцем из всех является он сам; но он был почти уверен, что этот вид сумасшествия еще сослужит им добрую службу.

Некоторое время новых предложений не поступало, и Лэкленд воспользовался этим, чтобы урвать часок-другой для сна, в котором он остро нуждался. Он отлично выспался, проснувшись только один раз, чтобы

плотно пообедать а затем, наконец, пришло сообщение с обзорной ракеты. Сообщение это было коротким и обескураживающим. К северо-востоку от них примерно в шестистах милях у самого экватора обрыв уходил в море. В противоположном направлении он тянулся, медленно понижаясь, на тысячу двести миль и на широте пяти g сходил на нет. Линия его не была прямой, в одном месте она поворачивала в сторону океана; именно к этой дуге и вышел танк. По краям дуги в пропасть низвергались две большие реки; танк находился в дефиле между ними, и чтобы переправиться через любую из них, пришлось бы оттащить «Бри» на много миль вверх по течению подальше от чудовищных водопадов. Один из водопадов был примерно в тридцати милях к югу, другой — в сотне миль к северу и востоку, если идти вдоль дуги. С высоты, на которой производилась съемка, было, конечно, невозможно рассмотреть обрыв во всех подробностях на всем его протяжении, но специалисты по высотной фотосъемке очень сомневались в том, что танку в каком-либо пункте удастся спуститься вниз. Обнадеживали только районы водопадов, где сильная эрозия могла создать какое-то подобие проходимых спусков.

— Каким же образом здесь появился этот чертов обрыв? — услышав об этом, с горечью спросил Лэкленд. — Тысяча восемьсот миль какого-то паршивого эскарпа, и именно в него нас угораздило ткнуться. Держу пари, что другого такого нет на всей планете...

— Проспорите, — отозвался топограф. — Наши физиографы прямо-таки возликовали, когда узнали о нем. Все они считают, что такие образования должны быть очень характерны для Месклина, а один объявил, что подальше от экватора мы обнаружим их во множестве. Другой удивился, как вы до сих пор умудрялись их миновать. Так что ничего странного тут нет. Когда я отключился, они все еще бубнили об этом... А вы не расстраивайтесь, Лэкленд. По-моему, вам даже повезло, что продолжать поход вашим друзьям-малюткам придется уже без вас.

— Это, конечно, мысль, — пробормотал Лэкленд и замолчал, так как его осенила новая идея. — Но ведь если такие провалы здесь — обычное дело, значит между нами и океаном могут быть и другие обрывы! Может, надо провести еще одну фоторазведку?

— Нет. Перед тем, как приступить к этой, я проконсультировался с геологами. Вам придется преодолеть только этот спуск, а дальше все будет в порядке. У подножия вы спустите корабль на реку, и остальной путь он спокойно проделает сам. Так что у вас сейчас одна забота: как спустить корабль вниз с обрыва.

— Спустить... Гм. Я понимаю, Хэнк, вы сейчас выразились, так сказать, фигурально, но в этом что-то есть... Ладно, спасибо за все. Возможно, мне еще понадобится с вами поговорить...

Лэкленд отодвинулся от приемопередатчика и вытянулся на своем ложе. Мысль его заработала. Он никогда еще не видел «Бри» на плаву; корабль был вытащен на берег до того, как он встретился с Барленнаном, а во время похода, когда приходилось форсировать широкие реки, он тащил его на буксире, а сам в это время находился в танке, который шел по дну. Поэтому он не знал, какая у корабля осадка. С другой стороны, чтобы плавать по океанам жидкого метана, судно должно быть весьма легким — ведь метан почти вдвое менее плотен, нежели вода. Но судно не было полым — в его корпусе не существовало обширных пустых помещений, резко уменьшающих его среднюю плотность, как у стальных кораблей на Земле. «Дерево», из которого сделан «Бри», должно быть очень легким, чтобы этот корабль держался в метановом океане да притом еще нес на себе команду и груз.

Выходило, что каждый отдельный плотик должен весить в этом районе Месклина не больше нескольких унций — возможно, двух фунтов. При таких обстоятельствах Лэкленд сам бы мог стоять на краю обрыва и спускать вниз сразу по нескольку плотиков; не исключено было, что любым двум морякам из команды вполне под силу поднять на себе весь корабль (если бы удалось уговорить их забраться под днище). Правда, у Лэкленда не было ни веревок, ни канатов — только буксирный трос; но «Бри» был обеспечен этим добром в изобилии. Далее, чтобы провернуть это дело, морякам придется соорудить что-то вроде спускового устройства: способны ли они на это? На Земле такая работа по силам любому мореходу; но на Месклине со здешней странной, но вполне понятной боязнью прыжков, бросков, подъемов — всего, так или иначе связанного с высотой, это превращается в целую проблему. Ну что ж, моряки Барленнана во всяком случае умеют вязать

узлы, да и идея буксировки теперь им не столь чужда, как раньше; без сомнения, эта проблема разрешима. Остается последнее и главное: согласятся ли моряки, чтобы их спустили в пропасть тем же способом, что и корабль? Многие, возможно, предоставят решение этого вопроса капитану, но Лэкленд сильно подозревал, что кое-что будет зависеть и от него самого.

Однако необходимо выяснить, что по этому поводу скажет Барленнан. Протянув тяжелую руку, Лэкленд включил радиоаппарат и вызвал на связь своего крошечного приятеля.

— Барл, я кое-что обдумал. Как ты считаешь, смогут ли твои моряки спускать с обрыва на тросах по одному плотику и внизу снова собрать корабль?

— А как же будешь спускаться ты?

— Я не буду спускаться. Если сообщение Хэнка Стирмана соответствует действительности, в тридцати милях к югу отсюда есть большая река, годная для навигации на всем своем протяжении до самого океана. Вот что я хочу предложить. Я отбуксирую вас до водопада, окажу вам посильную помощь в спуске «Бри» с обрыва, прослежу, пока вы не спустите корабль на реку, а потом пожелаю вам счастливого плавания. А после этого мы сможем помогать вам только прогнозами погоды и навигационной информацией — как мы уславливались на зимовке... Ведь у вас есть веревки, которые выдержат вес плотика?

— Разумеется, в этих краях и самый обычный канат выдержит вес всего корабля. Нам только придется закрепить концы на деревьях или на твоем танке: без этого всю команду стащит вниз. Но это, конечно, задача разрешимая. Послушай, Чарлз, а ведь ты нашел выход из положения!

— Ну, а как насчет команды? Согласятся они, чтобы их спускали таким способом?

Барленнан на секунду задумался.

— Я думаю, все будет в порядке. Я прикажу им спускаться на плотиках и дам при этом какое-нибудь задание... например, пусть следят за тем, чтобы плотики при спуске не бились о скалу. Тогда им некогда будет глядеть вниз и думать о высоте. Да вообще все мы испытываем здесь такое ощущение легкости (при этих словах Лэкленд чуть не застонал), что теперь никто не боится падения; все расхрабрились даже больше, чем

надо. Одним словом, на этот счет ты не беспокойся. Слушай, может, двинемся к водопаду прямо сейчас?

— Ладно...

Лэкленд перебрался к пульту управления. Вдруг он ощутил сильную усталость. Свою долю работы он почти выполнил — раньше, чем ожидал, и теперь все тело его взывало к освобождению от чудовищной тяжести, которая давила на него вот уже семь месяцев подряд. Может быть, не стоило зимовать на планете? Но он был страшно утомлен и не мог сожалеть о том, что сделал.

Танк развернулся вправо и снова двинулся в путь. Лэкленд старался не подходить к обрыву ближе чем на двести ярдов. Возможно, месклиниты сумели преодолеть свой ужас перед высотой; Лэкленд же только начал испытывать этот ужас. Кроме того, он так и не починил главный прожектор, разбитый в первой схватке с месклинским зверем, и приближаться к краю пропасти в ночное время при свете одних лишь фар совсем не входило в его намерения.

Они достигли водопада за один двадцатидневный переход. И месклиниты и землянин услышали его издалека: вначале — смутное дрожание в воздухе, затем отдаленные раскаты грома и, наконец, оглушительный рев, перед которым спасовали даже голосовые связки аборигенов. Когда они вышли к берегу, был день, и Лэкленд невольно остановил машину. У края пропасти река была в полмили шириной и гладкая, как стекло: видимо, русло ее было свободно от рифов и других неровностей. Она просто спокойно перекатывалась через край и падала вниз. Водопад прорыл ущелье, начинавшееся в целой миле от линии обрыва; это было прекрасное зрелище. На поверхности жидкой массы не было видно ни одной морщинки, и о скорости ее падения можно было судить только по неистовству, с которым брызги вновь взмывали вверх. Даже при такой силе тяжести и при такой плотности атмосферы нижняя часть водопада была постоянно скрыта облаком брызг; чем дальше от нижней кромки обрыва, тем это облако становилось разреженнее, пока сквозь него не проступала наконец взбаламученная поверхность нижнего участка реки. Ветра не было, если не считать движения воздуха, порождаемого самим водопадом, и поток внизу по мере приближения к океану становился все спокойнее.

Едва танк остановился, команда «Бри» слезла на грунт, и по тому, как моряки рассыпались вдоль края ущелья, стало ясно, что никто из них не проявит малодушия при спуске. Затем Барленнан приказал всем вернуться на борт, и работа закипела. Пока разматывались тросы и через край спускался отвес для уточнения высоты обрыва, Лэкленд прилег отдохнуть. Кое-кто из моряков принялся снимать с плотиков грузы и запасной такелаж; другие забрались между плотиками и стали развязывать узлы, которыми они были связаны, заодно проверяя состояние разделявших их амортизаторов. Чего-чего, а сноровки у этих работяг хватало, и один плотик за другим оттаскивался прочь от корпуса корабля.

Убедившись, что работа идет полным ходом, Барленнан и его первый помощник подошли к обрыву поискать подходящее место для спуска. Ущелье было забраковано немедленно; мысль о том, чтобы произвести сборку корабля прямо на плаву, пришлось отвергнуть, так как река в ущелье оказалась слишком бурной. Однако выяснилось, что с обрыва можно было спускаться, в сущности, где угодно, и начальство быстро выбрало место как можно ближе к устью ущелья. Удаляться от устья не имело смысла, поскольку внизу вновь собранный корабль или его отдельные части придется перетаскивать к реке уже без помощи танка.

Чтобы избежать трения канатов о край скалы, были сооружены мостки из мачт, выступающие над пропастью и обеспечивающие удаленную от края точку подвеса; тем не менее мачты не были достаточно длинными, чтобы при спуске предохранить плотики от ударов о стену обрыва. К мосткам прикрепили систему из блока и талей, которая очень заинтересовала Лэкленда, и на старт выволокли первый плотик. Плотик вставили в канатную подвеску, к подвеске прикрепили главный трос, конец которого обмотали вокруг дерева; несколько матросов ухватились за трос, плотик пополз по мосткам и перевалился через край. Все было подготовлено, но Дондрагмер с капитаном очень и очень тщательно обследовали установку, и только после этого первый помощник и один из матросов переползли на плотик, висевший с небольшим креном у края мостков. Они чуть-чуть выждали, и Дондрагмер дал сигнал отдавать трос. Вся команда, кроме тех, кто был занят

на тросе, ринулась к обрыву смотреть на спуск. Лэкленду тоже очень хотелось посмотреть, но подводить танк к самому обрыву или идти туда в скафандре он не собирался. Кроме того, он испытывал прежний страх перед высотой, а от вида канатов, с которыми возились месклиниты, ему делалось прямо-таки дурно: на Земле самый заурядный клерк отказался бы перевязать такой веревочкой двухфунтовый пакет сахара.

Послышались возбужденные крики, и толпа отхлынула от края пропасти: первый плотик был спущен. Трос потянули обратно, и тут Лэкленд вдруг увидел, что матросы стали подготавливать к спуску уже целый штабель плотиков, кладя их один на другой. Видимо, капитан решил не тратить времени зря. Землянин был высокого мнения об интеллекте Барленнана, и все же он решил своими глазами убедиться, что операция по спуску такого груза тоже пройдет благополучно. Он уже потянулся было к скафандру, но вспомнил, что выходить ему нет никакой необходимости; тогда он опять прилег, вызвал Барленнана и попросил его установить радиоаппараты таким образом, чтобы их «глаза» могли следить за работами. Капитан немедленно сделал все, что нужно: он послал моряка установить один аппарат на мостках так, чтобы «глаз» глядел вертикально вниз, а другой аппарат положил сверху на штабель, который к этому времени был уже опутан канатной петлей. И пока шел спуск, Лэкленд переключал свой экран с одного аппарата на другой. Первый передатчик привел его в замешательство: были видны только ближайшие футы троса так что груз, казалось, уплывает вниз сам собой, без всякой поддержки. Второй же показывал медленно уплывающую вверх стену обрыва — зрелище, особенно интересное для геолога. Примерно на середине спуска Лэкленд спохватился и поспешно связался с Туреем, чтобы пригласить к экранам всех заинтересованных лиц. Геологи немедленно откликнулись и стали оживленно комментировать последний этап спуска.

Один за другим уходили на дно пропасти грузы, и лишь изредка нарушалось однообразие этих операций. Под конец спусковой трос заменили более длинным, и спуск производился уже снизу, поскольку бóльшая часть команды собралась на дне пропасти. Лэкленд понял, в чем здесь дело, когда Барленнан вдруг ото-

рвался от работы и прыгнул на крышу танка. Аппарат, установленный там, оставался на месте.

— Еще два груза и все, Чарлз, — начал капитан. — Но с последним грузом возникает небольшое затруднение. Нам бы, конечно, хотелось сохранить все наше оснащение, а для этого необходимо разобрать и спустить мачты, из которых мы соорудили спусковое устройство. Было бы нежелательно просто сбросить их с обрыва, ведь мы не уверены, что они уцелеют — грунт внизу скалистый. Вот я и подумал: что если ты облачишься в свою броню и спустишь последний груз на руках? Это не очень много — один плотик, мачты и тали... и я.

При этих словах Лэкленд вздрогнул.

— То есть ты собираешься довериться моей мускульной силе, зная, что на меня и так давит троекратная сила тяжести, да еще мне придется выдерживать вес моего скафандра?

— Конечно. Скафандр достаточно тяжел, чтобы служить противовесом грузу. Тебе следует только намотать трос вокруг туловища и стравливать его постепенно. Я не вижу здесь ничего трудного или опасного; по вашим меркам груз будет весить всего несколько фунтов...

— Пусть так, но ведь это еще не все... Ваши тросы такие тонкие, а рычаги-манипуляторы моего скафандра совсем не годятся для работы с маленькими предметами... Что будет, если трос выскользнет у меня из рук?

Барленнан призадумался.

— Какой самый маленький предмет ты можешь крепко удержать в руках?

— Самый маленький предмет? — Ну... скажем, мачту твоего корабля.

— Прекрасно, тогда все в порядке. Мы намотаем на мачту трос, и ты сможешь использовать ее как брашпиль. А потом сбросишь мачту вниз. Если одна мачта и сломается, потеря не слишком велика.

Лэкленд пожал плечами.

— Речь идет о твоем здоровье и о твоем имуществе, Барл. Могу только обещать, что я буду чрезвычайно осторожен; и я бы страшно не хотел, чтобы с тобой случилось что-нибудь нехорошее... особенно из-за моей небрежности. Ладно, жди, я сейчас выйду.

Удовольствовавшись этим, месклинит снова спрыгнул на грунт и принялся отдавать приказания немно-

гим оставшимся морякам. Вот и последний груз отправился вниз вместе с моряками, и спустя несколько секунд замлянин выбрался из машины.

Барленнан уже ждал его. У края обрыва теперь оставался один-единственный плотик в канатной подвеске и готовый к спуску. На нем лежали радиоаппарат и вязанка материала для мостков, и капитан тащил к Лэкленду мачту, обмотанную тросом. Землянин шел медленно, с каждым шагом им все более овладевала страшная слабость. Футах в десяти от края он остановился перед капитаном, нагнулся, насколько это позволял неуклюжий скафандр, и принял у маленького капитана мачту. Барленнан повернулся к плотику, еще раз проверил крепление груза, сдвинул его на край скалы и забрался на плотик. Он бросил последний взгляд на Лэкленда; землянин готов был поклясться, что при этом месклинит подмигнул ему. Затем по радио прозвучало: «Давай, Чарлз». Капитан ступил на ту половину плотика, которая повисла над пустотой. Его клешни вцепились в веревки, стягивающие груз — только за них он и держался, когда плотик покачнулся и соскользнул с каменной гряды.

Лэкленд немного вытравил трос, и плотик сразу рухнул вниз на несколько футов. Резкий рывок свидетельствовал о том, что трос выдержал, и сейчас же Барленнан радостно подтвердил это.

— Спускай! — скомандовал капитан; Лэкленд повиновался.

Чем-то это было похоже на запуск змея, возможно, формой брашпиля — простая веревочка, намотанная на палку. Это напомнило о детстве; но он знал, во что бы обошлась ему потеря этого змея. Ему было трудно удерживать мачту, и, для того чтобы сменить руку, пришлось, медленно поворачиваясь на одном месте, намотать несколько витков троса вокруг тела. Это его немного успокоило, и он стал постепенно отпускать трос.

Через равные промежутки времени в его шлеме звучал голос Барленнана; словно чувствуя страшное напряжение землянина, эта кроха старалась всячески ободрить его. «Полпути позади...» «Как плавно ты спускаешь...» «А знаешь, я даже с такой высоты не боюсь смотреть вниз...» Наконец: «Вот и грунт... Еще чуть-чуть... Все! Я на грунте. Подержи мачту еще немного, пожалуйста; я тебе скажу, когда мы здесь все уберем и можно будет ее сбросить».

Лэкленд подождал. Он попытался оторвать на память фута два троса, но это оказалось ему не под силу даже в бронированных перчатках. Но угол одной из застежек панциря оказался достаточно острым, чтобы перерезать канат, и только Лэкленд обмотал этот «сувенир» вокруг руки, как услыхал последнюю просьбу своего приятеля:

— Мы расчистили место внизу, Чарлз. Можешь теперь отпустить конец троса и бросить мачту.

Тонкий трос моментально исчез из виду, за ним последовал десятидюймовый прут, служивший одной из главных мачт «Бри». И Лэкленд понял, что видеть свободное падение предметов при тройной силе тяжести еще менее приятно, чем представлять себе это. На полюсах, вероятно, картина иная — там падающего предмета вообще не видно. Да и как его увидишь, если в первую секунду падения предмет пролетает около двух миль. Но, может быть, такое внезапное исчезновение тоже действует на нервы... Лэкленд отмахнулся от этих мыслей и зашагал обратно к танку.

Два часа он наблюдал по телеприемнику, как собирали «Бри». А когда всю связку плотиков спихнули в реку и по радио зазвучали прощальные приветствия Барленнана, Дондрагмера и команды — он догадался, о чем кричали моряки на своем языке, — Лэкленд даже пожалел, что остается в одиночестве. Течение уносило корабль все дальше от обрыва. Прощаясь, Лэкленд молча поднял руку и смотрел, как «Бри» становился все меньше и наконец совсем исчез вдали.

Он долго сидел глядя на опустевшую реку, затем вызвал базу на Турее.

— Можете прилетать и забирать меня, — проговорил он. — Я сделал на планете все, что мог.

Глава 10
ПОЛЫЕ ЛОДКИ

Гигантский водопад остался позади; здесь река становилась широкой и текла медленно. Вначале воздух, увлекаемый массой падающей «воды», создавал ветер, тянувший в сторону океана, и Барленнан, чтобы воспользоваться этим, приказал поставить паруса. Но ветер вскоре стих и корабль был отдан на милость течения.

Впрочем, никто на это не жаловался: течение увлекало экспедицию в нужную сторону. Некоторые моряки смотрели на водопад до тех пор, пока он не растаял в дымке, а когда до них донесся приглушенный грохот снижающейся ракеты, все как один обернулись на запад, но думали главным образом о будущем.

Чем дальше, тем берега становились интереснее. За время сухопутного перехода моряки успели привыкнуть к вертикальным растениям, которые Летчик называл «деревьями»; такие растения попадались им раз в несколько дней. Вначале они возбуждали любопытство, а потом вдобавок выяснилось, что их плоды, видимо, можно будет продавать дома. Со временем деревьев становилось все больше и больше, они грозили вытеснить обычную стелющуюся растительность с канатоподобными корнями, и Барленнан уже подумывал, что хорошо бы устроить здесь поселение — оно бы полностью оправдало себя, торгуя плодами, которые Летчик называл «еловыми шишками».

Долгое время, на протяжении целых пятидесяти миль, им не встречалось никаких признаков разумной жизни, хотя они видели на берегах множество животных. Река кишела рыбой, но не было ни одной настолько крупной, чтобы она представляла опасность для «Бри». Наконец, деревья потянулись вдоль реки сплошной стеной, и невозможно было понять, насколько далеко простираются эти заросли в глубь суши. Тогда Барленнан любопытства ради приказал править ближе к берегу — посмотреть, что такое лес (конечно, он не знал такого слова).

Лес оказался довольно светлым, потому что у деревьев здесь не было таких развесистых крон, как на Земле, и все же он производил странное впечатление. Под сенью этих таинственных растений у многих моряков вновь возник страх перед тем, что находится над их головами; и, когда капитан молчаливым жестом приказал рулевому вновь вернуться на середину реки, команда с облегчением вздохнула.

Если в этих лесах кто-нибудь живет, они бы с удовольствием приняли у себя местных жителей. Дондрагмер сказал об этом в полный голос, и команда гулом одобрения выразила свое согласие. К несчастью, на берегу его слов либо не расслышали, либо не поняли. Возможно, лесные жители и не думали, что пришельцы

намерены отнять у них лес, просто они решили не рисковать; и посланцы из тех мест, где сила тяжести велика, получили возможность познакомиться с метательным оружием.

На этот раз против них были пущены в ход копья. Шесть копий бесшумно взлетели с высокого берега, и, задрожав, воткнулись в палубу «Бри»; еще два копья скользнули по хитиновым панцирям моряков и со стуком покатились по плотикам. Моряки, которых задело копьями, от неожиданности подпрыгнули и шлепнулись в реку в нескольких ярдах от корабля. Им пришлось догонять корабль вплавь и взбираться на борт без посторонней помощи, ибо все глаза были устремлены на берег в поисках нападающих. Рулевой, не дожидаясь приказаний, еще круче свернул к середине реки.

— Интересно, кто бросил эти копья?.. И есть ли у них метательная машина, как у Летчика? — негромко спросил Барленнан, совершенно не рассчитывая на ответ.

Тербланнен выдернул из палубы одно копье и стал разглядывать наконечник из твердой древесины; затем он для пробы швырнул копье в сторону удаляющегося берега. Искусство бросания было для него совершенно незнакомым, до этого он только раз, в городе камнеметателей, перебрасывал вещи с грунта на крышу танка; поэтому он швырнул копье, как мальчишка швыряет палку, и оно, крутясь на лету, исчезло среди деревьев. Это было ответом на второй вопрос Барленнана; как ни малы были руки у моряка, оружие легко долетело до берега. Так что, если невидимые обитатели леса походили на среднего месклинита, у них не было никакой нужды в метательных приспособлениях вроде пушки Лэкленда. Правда, определить, как они выглядят, капитан не мог и не имел никакого желания высаживаться, чтобы самому посмотреть на них. И «Бри» вновь поплыл вниз по течению, в то время как к Лэкленду на далеком Турее несся подробный отчет о случившемся.

Леса тянулись на добрую сотню миль, а между тем река становилась все шире. После столкновения с лесными обитателями «Бри» держался середины реки, но очень скоро корабль попал в новую переделку. Уже

через несколько суток после случая с копьями по левому берегу открылась небольшая поляна. С палубы, в нескольких дюймах над поверхностью реки, Барленнан видел хуже обычного, но он сразу заметил на этой поляне нечто интересное. После некоторого колебания он приказал подвести судно ближе к берегу. Заинтересовавшие его предметы напоминали деревья, но были много ниже и гораздо шире. Будь Барленнан повыше ростом, он сразу заметил бы в них небольшие отверстия на уровне грунта, и это могло бы навести его на правильную догадку. Лэкленд, наблюдавший через телепередатчик, сразу вспомнил о виденных когда-то фотографиях африканских хижин и понял, что это селение. Но он ничего не сказал Барленнану, внимание его привлекли другие предметы, усеявшие берег и скопившиеся на реке напротив селения. Возможно, это были бревна, а может, и крокодилы — разобрать издалека было трудно, но он сильно подозревал, что это каноэ. Лэкленда очень интересовало, как Барленнан будет реагировать на лодки, столь сильно отличающиеся от его собственного судна.

Прошло довольно много времени, прежде чем моряки «Бри» сообразили, что «бревна» — это лодки, а странные предметы — жилища. Лэкленд уже начал беспокоиться, что Барленнан пройдет мимо без остановки: после столкновения с лесными жителями капитан стал очень осторожен. Но не один Лэкленд желал, чтобы корабль причалил к берегу. Едва «Бри» подошел к селению, как к берегу хлынул поток черно-красных тел, и сразу стало ясно, что догадка землянина верна. Бревнообразные предметы были стащены на «воду», и на каждом из них оказалось с дюжину существ, на первый взгляд принадлежавших к тому же виду, что и команда корабля. У них были несомненно сходные очертания тел, и размеры, и раскраска, и, приближаясь к «Бри», они издавали оглушительные вопли, в точности такие же, какие Лэкленд временами слышал от своих маленьких друзей.

По всей видимости, каноэ были выдолблены из бревен, так что над бортами торчали только головные сегменты гребцов; судя по расположению «голов», они лежали на дне лодок «елочкой» и держали весла в передних парах рук-клешней.

Огнеметчики на борту «Бри» были наготове, хотя Барленнан сомневался, что в подобных обстоятельствах применимо оружие «огневого боя». Крендораник, ведавший оружием, лихорадочно возился с одним из баков, причем никто понятия не имел о его намерениях: в подобной ситуации никаких определенных правил насчет оружия не существовало. И вообще вся система обороны корабля пошла насмарку из-за отсутствия ветра — ситуация, какой в открытом море никогда не бывало.

Когда флотилия каноэ развернулась и окружила «Бри», исчез последний шанс сколько-нибудь эффективно применить огненную пыль. В двух-трех ярдах от его бортов лодки замедлили ход и остановились; воцарилась тишина. К огромному неудовольствию Лэкленда как раз в этот момент зашло солнце, и он не мог видеть, что же за этим последовало. Целых восемь минут он пытался понять, что означают странные звуки, доносившиеся из приемника, но все старания его пропали даром, потому что он не мог различить ни одного знакомого слова. Было ясно только, что до драки дело не дошло; скорее всего, команда корабля и туземцы пытаются завязать разговор. Однако общего языка они так и не нашли — связной беседы не получилось.

С восходом солнца Лэкленд обнаружил, что положение все-таки изменилось. По логике вещей течение должно было за это время снести корабль вниз по реке; но «Бри» по-прежнему стоял возле поселка. Но главное было в том, что корабль теперь находился не на середине реки, а лишь в нескольких ярдах от берега. Лэкленд уже хотел спросить Барленнана, зачем он пошел на подобный риск и как умудрился осуществить этот маневр, но оказалось, что капитан сам озадачен таким поворотом событий.

Лэкленд повернулся к одному из сотрудников, сидевших рядом, и с раздражением произнес:

— Ну вот, Барл попал в беду. Я знаю, он бывалый парень, но ему надо пройти тридцать тысяч миль, а он застрял на первой же сотне.

— Почему бы тебе не помочь ему? Ведь на его кораблике плывут наши два миллиарда долларов, не говоря уже о нашей репутации.

— Что же мне делать? Отсюда я могу только давать советы, но он разбирается в положении лучше меня. На месте ему виднее, и к тому же он имеет дело с себе подобными.

— Видишь ли, островитяне южных морей тоже были подобны капитану Куку. Конечно, эти туземцы принадлежат к тому же виду, что и команда корабля, но если они, скажем, каннибалы, твоему приятелю придется туго.

— Ну а чем я могу здесь помочь? Каким образом можно уговорить каннибала не прикасаться к сытному обеду, если ты не знаешь его языка и даже не можешь предстать перед ним лично? Плевал он на какой-то там ящичек, который говорит с ним на незнакомом языке...

Собеседник Лэкленда слегка поднял брови.

— Я, конечно, не ясновидец и не могу в деталях предсказать, что получится, если с каннибалом заговорит какой-то ящичек, но я готов предположить, что каннибал напугается до полусмерти и будет делать то, что ему прикажут. Не забывай, что я этнолог. На многих планетах, в том числе и на нашей Земле, существуют племена с очень низким уровнем развития, и перед говорящим ящиком эти племена будут падать ниц, исполнять ритуальные танцы и даже совершать жертвоприношения...

Лэкленд помолчал, затем кивнул и снова повернулся к экранам.

Довольно много моряков похватали запасные мачты и, упираясь ими в дно, пытались вновь направить корабль на середину реки. Попытки эти ни к чему не привели. Дондрагмер, торопливо обследовав состояние наружных плотиков, сообщил, что корабль находится в садке из вбитых в дно столбов; открытой была только одна сторона садка, обращенная против течения. И не известно было, случайно ли садок имел именно такие размеры, что в нем поместился «Бри». Пока Дондрагмер рассказывал о положении дел, лодки отплыли от стен садка и потянулись к открытой его стороне; моряки, которые были готовы направить корабль против течения, устремили взгляды на Барленнана в ожидании приказаний. После минутного размышления тот велел команде перейти на нос корабля, а сам пополз на

корму к подплывшим сюда каноэ. Он уже давно сообразил, каким образом его корабль попал в ловушку: с наступлением темноты часть гребцов тихонько нырнула, подплыла под днище «Бри» и стала незаметно подталкивать судно туда, куда им требовалось. В этом не было ничего удивительного: любой месклинит мог пробыть некоторое время под водой, так как в жидком метане содержалось довольно много растворенного водорода. Барленнана беспокоило только одно: зачем туземцам его корабль?

Проползая мимо коробов с провизией, он откинул с одного из них брезент и извлек кусок мяса, а достигнув кормы, протянул этот кусок толпе воинов, настороженно замерших в лодках. В толпе послышалось какое-то неразборчивое бормотание, но вдруг сразу все стихло: одна из лодок выдвинулась вперед, туземец на ее носу приподнялся и потянулся за подношением. Барленнан отдал ему мясо. Подношение было осторожно опробовано, было сказано несколько слов; затем вождь — видимо, это был он — оторвал порядочный кусок, а остальное передал своим воинам, после чего задумчиво сжевал свою долю. Барленнан приободрился: раз вождь не забирает себе все, значит, этот народец уже достиг определенной стадии общественного развития. Капитан достал еще один кусок и снова протянул вождю; но на этот раз, когда клешня вождя потянулась к нему, он не выпустил куска из рук. Напротив, он демонстративно положил мясо позади себя, подполз к шестам, удерживающим корабль в плену, после этого указал на «Бри», а затем на речную даль. Он был убежден, что изъясняется достаточно ясно, да так оно и было на самом деле; даже земные наблюдатели там, на луне, поняли его, хотя он не сказал ни слова на их языке. Однако вождь не пошевелился. Барленнан повторил все сначала, затем снова протянул ему мясо.

Возможно, вождю и было свойственно сознание долга перед обществом, но только перед своим, ибо едва капитан протянул мясо во второй раз, как вперед выскочило копье подобно языку хамелеона, пронзило кусок и, выдернув его из клешней Барленнана, отскочило назад прежде, чем пораженные моряки успели сдвинуться с места. Секундой позже вождь пролаял

короткий приказ, и сейчас же гребцы с лодок позади него прыгнули вперед.

Моряки были совершенно не подготовлены к нападению сверху и, кроме того, когда капитан вступил в переговоры, утратили бдительность; поэтому ничего похожего на сражение не произошло. «Бри» был захвачен меньше чем за пять секунд. Комиссия под предводительством вождя принялась немедленно исследовать содержимое коробов с продовольствием, и, даже несмотря на языковый барьер, было явственно видно, что они удовлетворены. Барленнан с отчаянием смотрел, как мясо выволакивают на палубу, чтобы погрузить на лодки, и только тут его осенило, что у него ведь есть хорошие советники, о которых он совершенно забыл.

— Чарлз! — С тех пор как возник инцидент, капитан впервые заговорил по-английски. — Ты все видел, Чарлз?

Лэкленд, не зная, плакать ему или смеяться, немедленно откликнулся:

— Да, Барл, я все видел и все понял.

Произнося эти слова, он не спускал глаз с вождя и не имел оснований быть недовольным. Вождь, который не обратил внимания на радиоаппараты и смотрел совсем в другую сторону, мгновенно изогнулся, как испуганная гремучая змея, а затем, недоумевая, принялся озираться в поисках источника непонятных звуков — при этом он стал страшно похож на человека. Один из его воинов, стоявших перед аппаратами, указал ему на тот, откуда несся голос Лэкленда; вождь приблизился, потыкал непроницаемый ящичек ножом и копьем и, по всей видимости, не поверил. В ту же секунду Лэкленд заговорил снова:

— Надо попробовать напугать их нашим радио, Барл.

На этот раз голова вождя была всего в двух дюймах от громкоговорителя, а Лэкленд, конечно, и не подумал уменьшить мощность звука. Теперь сомнений относительно источника звука больше быть не могло, и вождь начал пятиться от шумного ящика. Видно было, что он старался ползти медленно, чтобы сохранить свое достоинство, но, с другой стороны, поторапливался, подгоняемый иными эмоциями, и Лэкленд снова лишь с трудом удержался от громкого хохота.

Барленнан еще не сообразил, что ответить, а Дондрагмер уже подскочил к груде мяса, выбрал кусок поувесистей и, всем видом своим являя крайнюю степень смирения, положил кусок перед аппаратом. Он шел на риск, его могли заколоть, и он знал это; но охранявшие его туземцы были так ошеломлены развитием событий, что не решились остановить его. Лэкленд понял, что затеял помощник, и принялся подыгрывать ему: чтобы голос его звучал не так гневно, он уменьшил громкость и одобрил действия Дондрагмера.

— Молодец, Дон. Теперь будем делать так: всякий раз, когда кто-нибудь из наших будет совершать подобные действия, я постараюсь выражать одобрение; а когда наши новые знакомцы будут вести себя не так, как нам хочется, я стану орать во всю мочь. Ты разбираешься в ситуации лучше меня, и ты уж сам определи, как нам заставить их поверить, что эти радиоящики — могущественные существа, которые могут наслать молнии, если их разобидеть.

— Ясно, мы не подведем, — отозвался помощник. — Я ведь сразу понял, что ты задумал...

Вождь, набравшись храбрости, вдруг ринулся вперед и ударил в ближайший ящик копьем. Лэкленд промолчал, понимая, что расщепленный деревянный наконечник и без того произведет достаточное впечатление; моряки с готовностью вступили в игру. Содрогнувшись от подобного святотатства (так это во всяком случае расценил Лэкленд), они отвернулись и прикрыли глаза клешнями. Подождав и увидев, что ничего не произошло, Барленнан предложил ящику новый кусок мяса, одновременно показывая жестами, что он умоляет сохранить жизнь этому невежественному дикарю. Было совершенно очевидно, что все это произвело на речных жителей большое впечатление; вождь снова отступил, собрал вокруг себя советников и принялся обсуждать с ними создавшееся положение. Наконец один из советников, видимо для пробы, взял кусок мяса и положил перед ящиком. Лэкленд уже собрался было выразить благодарность, но тут Дондрагмер быстро проговорил: «Откажись!» Не понимая, в чем дело, но полностью полагаясь на интуицию помощника, Лэкленд включил радио на полную мощность и взревел как лев. Даритель отскочил назад — это был неподдельный ужас; затем, после резкого окрика вождя, он пополз

вперед, забрал кусок, вызвавший такой гнев, выбрал из кучи на палубе другой и положил перед аппаратом.

— Теперь хорошо, — произнес помощник, и землянин вновь уменьшил громкость.

— А чем плох был первый кусок? — спросил он тихонько.

— Тот я не бросил бы даже «терни», который бы принадлежал моему злейшему врагу, — ответил Дондрагмер.

— В отчаянных положениях я неизменно обнаруживаю огромное сходство между вашей и нашей расами, — заметил Лэкленд. — Слушай, я надеюсь, что на ночь все-таки будет сделан перерыв, я же ничего не вижу в темноте. Если случится так, что потребуется мое вмешательство, ради бога, немедленно извести меня...

Тем временем опять начался заход солнца, и теперь уже сам Барленнан заверил Лэкленда, что будет все время держать его в курсе дела. Капитан вновь обрел самообладание и оказался более или менее на высоте — насколько это возможно для пленника.

Вождь провел ночь в спорах; до Лэкленда явственно доносился его голос, время от времени прерываемый другими голосами, принадлежащими, должно быть, советникам. К рассвету он принял решение. Вождь отполз от советников и сложил на палубе свое оружие; затем, когда солнце вновь озарило палубу, он приблизился к Барленнану и первым делом отослал прочь приставленную к капитану охрану. Капитан спокойно ждал; он уже догадывался, чего попросит этот тип. Вождь остановился так, что голова его оказалась в нескольких дюймах от головы Барленнана, выдержал внушительную паузу и заговорил.

Естественно, слова его были по-прежнему непонятны морякам; но жесты были достаточно красноречивы, и смысл их не укрылся даже от земных наблюдателей.

Совершенно очевидно, он жаждал получить радиоаппарат. Лэкленд поймал себя на том, что пытается догадаться, какие сверхъестественные силы приписывает вождь этому устройству. Возможно, он рассчитывает с его помощью защищать деревню от врагов или считает, что оно принесет удачу его охотникам... Вопрос был, конечно, праздный. Гораздо существеннее было другое: как вождь поведет себя, когда просьба его будет

отклонена. Поведение его, возможно, будет весьма антиобщественным, и Лэкленд немного беспокоился.

Барленнан, по мнению своего друга-землянина выказав скорее храбрость, нежели рассудительность, ответил на речь коротко: весь ответ состоял из одного слова и давно знакомого Лэкленду жеста. «Нет» было первым месклинитским словом, с которым познакомился Лэкленд и которое он сейчас узнал. Барленнан был весьма решителен.

По счастью, вождь не выказал никакой враждебности. Вместо этого он отдал своим воинам короткий приказ. Они тотчас отложили в сторону оружие и принялись укладывать краденое мясо обратно в коробы. Видимо, в уплату за волшебный ящик он готов был вернуть своим пленникам не только свободу. Барленнан и Лэкленд были уже почти уверены, что, хотя в нем и пробудился разбойничий инстинкт, он теперь боится прибегать к силе.

Когда половина припасов была возвращена, вождь повторил свою просьбу; когда просьбу отвергли снова, он, подобно человеку, жестом выражающему покорность судьбе, приказал своим воинам вернуть и остальное.

— Слушай, Барл, а что он сделает, когда ты снова ему откажешь? — спросил Лэкленд тихим голосом.

Вождь взглянул на аппарат с надеждой; кажется, ему почудилось, будто всемогущий ящик вступает в спор с владельцем и требует отдать победителю просимое.

— Мне трудно предсказать что-либо определенное, — отозвался месклинит. — В лучшем случае он повысит цену и пошлет за мясом в деревню; но я не уверен, что нам настолько повезет. Если бы радио не представляло для нас такой ценности, я бы согласился отдать ему аппарат прямо сейчас.

Тут этнолог, сидевший рядом с Лэклендом, взорвался.

— Господи боже мой! — вскричал он. — Ты разыгрываешь это представление, рискуешь своей жизнью и жизнью команды, и все только потому, что цепляешься за этот дешевый телепередатчик!

— Ну, не такой уж дешевый, — пробормотал Лэкленд. — Его ведь конструировали так, чтобы он выдержал все — и гравитацию на полюсах Месклина, и

месклинскую атмосферу, и обращение с ним месклинитов...

— Ты мне зубы не заговаривай! — резко оборвал его специалист по культурам. — Эти аппараты для того и отправлены туда, вниз, чтобы приносить информацию. Отдай один этому дикарю! Ведь лучшего места для аппарата не найти! Через этот глаз мы сможем наблюдать повседневную жизнь совершенно чуждой нам расы! Чарлз, иногда ты меня просто поражаешь...

— Тогда у Барла останутся только три, а ведь хотя бы один при любых обстоятельствах должен быть привезен на полюс. Я понимаю тебя, но, прежде чем расстаться с одним из аппаратов в самом начале пути, давай все же посоветуемся с Ростеном...

— Зачем? Какое он имеет отношение к этому? Он не рискует всем на свете, как Барленнан. И не в пример кое-кому из нас его совсем не интересует наблюдение за этим обществом. Говорю тебе, отдай аппарат. Я уверен, что Барленнан с радостью отдал бы его; и мне кажется, что в данном случае последнее слово должно быть за Барленнаном...

Капитан, слушавший этот разговор, вмешался:

— Друг Чарлза, ты забываешь, что аппараты не являются моей собственностью. Чарлз передал их мне по моей же просьбе, чтобы мы наверняка доставили на полюс хотя бы один из них, если неблагоприятные обстоятельства приведут нас к потере остальных. Мне кажется, что последнее слово за ним, а не за мной.

И Лэкленд немедленно отозвался:

— Делай, как считаешь нужным, Барл. В беду попал ты; твой мир и твои соплеменники известны тебе лучше, чем нам... и вообще, ты же сам слышал: если один аппарат останется у туземцев, это даже принесет некоторую пользу моим друзьям.

— Благодарю тебя, Чарлз.

Пока Летчик заканчивал последнюю фразу, Барленнан принял решение. К счастью, во время этих переговоров вождь не пытался влиять на ход событий; забыв обо всем на свете, он вслушивался в незнакомые звуки. Чтобы довести начатую игру до конца, Барленнан подозвал нескольких моряков и быстро отдал распоряжения.

Двигаясь с крайней осторожностью и ни разу не коснувшись аппарата, моряки изготовили из тросов

двойную петлю. Затем с «безопасного» расстояния они приподняли ящик при помощи рычагов и направляли и подталкивали его до тех пор, пока не подвели под него обе петли, затянув их сверху. Когда все было кончено, один конец троса с почтительностью вручили Барленнану. Тот в свою очередь поманил к себе вождя и передал ему конец с таким видом, будто вверял нечто драгоценное и хрупкое. После этого капитан жестом указал в сторону советников и дал понять, что остальные концы должны взять они. Советники выступили вперед с некоторой робостью; вождь поспешно отобрал из них троих самых достойных, а остальные отступили.

Очень медленно и осторожно удостоенные этой высокой чести передвинули аппарат на самый край кормового плотика «Бри». Бесшумно скользя, подошла лодка вождя — длинная, узкая, с бортами толщиной в бумажный лист, видимо, выдолбленная из ствола лесного дерева. Барленнан оглядел ее с недоверием. Он всю жизнь плавал только на плотах; полые суда были ему совершенно неизвестны. Он был уверен, что каноэ слишком мало и не выдержит веса аппарата; и даже когда по приказу вождя лодку покинули почти все гребцы, капитан по-прежнему считал, что дело кончится бедой. Ему казалось, что лодка все-таки будет перегружена. И он был поражен, когда своими глазами увидел, что под тяжестью аппарата суденышко лишь едва заметно осело. Несколько секунд он ждал, что каноэ с грузом вот-вот камнем пойдет ко дну; но ничего подобного не случилось, и было ясно, что и не случится.

Барленнан был ловцом удачи, и он доказал это несколько месяцев назад, когда без колебаний вступил в контакт с пришельцем с Земли и принялся изучать его язык. Теперь перед ним опять было нечто новое и заслуживающее внимания; оказывается, можно строить корабли, которые при небольших размерах перевозят тяжелые грузы; подобные знания несомненно представляют огромную ценность для мореходов. Отсюда следовало, что необходимо заполучить одно из этих каноэ.

Когда вождь и трое его помощников перебрались в лодку, Барленнан последовал за ними на корму. Они задержались, недоумевая, что ему нужно. Но Барленнан хорошо знал, что ему нужно, он только не был уверен,

удастся ли ему осуществить задуманное. Впрочем, у его народа была поговорка, смысл которой почти полностью соответствовал земной пословице «волков бояться — в лес не ходить», а Барленнан не был трусом.

Очень осторожно и почтительно он потянулся к борту каноэ, до которого было рукой подать, и коснулся аппарата. Затем он заговорил:

— Чарлз, мне во что бы то ни стало нужна эта лодка, даже если мне придется вернуться сюда и украсть ее. Когда я кончу говорить, пожалуйста, ответь... неважно, что ты скажешь. Сейчас я собираюсь внушить туземцам, что на лодку, перевозящую радиоаппарат, переносятся волшебные свойства, что ее нельзя больше использовать в обычных целях и что она должна будет занять на моей палубе место аппарата. Ты меня понял?

Лэкленд отозвался:

— С детских лет мне внушили, что жульничать нехорошо — как-нибудь потом я объясню тебе это слово, — но меня восхищает твоя выдержка. Ладно, кончай с этим делом, Барл, но, пожалуйста, не подставляй под удар свою шею, которой, кстати, у тебя нет.

Он замолчал и стал наблюдать, как месклинит претворяет в жизнь эти советы.

Как и прежде, он почти не прибегал к словам, но действия его были понятны даже людям и ясны как день недавним противникам. Прежде всего он тщательно обследовал каноэ и явно счел его подходящим, хотя сделал это с большой неохотой. Затем он отогнал другое каноэ, подошедшее слишком близко, и жестами предложил туземцам, еще остававшимся на палубе «Бри», держаться на безопасном расстоянии. Он поднял копье, которое бросил один из советников, переносивших аппарат, и дал всем понять, что никто не должен приближаться к лодке с аппаратом на длину этого копья.

Затем при помощи все того же копья он измерил каноэ, вернулся к месту, где раньше стоял аппарат, и стал демонстративно расчищать пространство, достаточное для того, чтобы поместилась лодка; по его приказу матросы очень осторожно переставили оставшиеся аппараты, чтобы освободить место для нового приобретения. Возможно, он продолжал бы в том же духе, но тут село солнце. Речные обитатели не стали пережидать ночь; когда снова взошло солнце, каноэ с

аппаратом было уже вытащено на берег в нескольких ярдах от корабля.

Барленнан глядел на него с беспокойством. Большая часть всей флотилии была уже на берегу, и возле «Бри» оставалось лишь несколько лодок. Целая толпа туземцев собралась на берегу, но, к огромному удовлетворению Барленнана, никто из них не смел приблизиться к каноэ с аппаратом. Видимо, его действия произвели должное впечатление.

Вождь и его помощники осторожно выгрузили свою добычу, прочие же по-прежнему сохраняли почтительную дистанцию. Она, кстати, в несколько раз превышала требуемую Барленнаном длину копья. И вот аппарат понесли на берег, прочь от реки; толпа широко расступилась и пошла за ним, а затем исчезла из виду. Долго-долго берег оставался пустым. За это время Барленнану ничего не стоило бы вызволить «Бри» из ловушки, тем более, что остававшиеся на реке почти не обращали на корабль внимания, но капитан не хотел уступить, отказаться от своего замысла. Обратив взгляд на берег, он ждал. Наконец на берегу вновь появилось множество черно-красных тел, и один из туземцев направился прямо к «священному» каноэ, но Барленнан разглядел, что это не вождь, и предупреждающе закричал. Туземец остановился, последовала короткая дискуссия, которая закончилась серией переливчатых воплей, столь же громких, каких Лэкленду приходилось слышать от Барленнана. Через несколько секунд появился вождь. Он сел в каноэ; двое советников, помогавших нести аппарат, столкнули лодку в реку, и вождь погреб прямо к «Бри». Еще одно каноэ следовало на почтительном расстоянии.

Вождь пристал к наружному плоту в том самом месте, где выгружали аппарат, и немедленно высадился на борт «Бри». Барленнан к этому времени уже успел отдать необходимые распоряжения, и моряки как можно более уважительно втащили суденышко на борт и поволокли к подготовленному месту. Вождь не стал дожидаться окончания этой операции; он забрался в другую лодку и поплыл обратно к берегу, время от времени оглядываясь на корабль. Когда он начал подниматься на берег, над рекой сгустился ночной мрак.

— Твоя взяла, Барл, — произнес Лэкленд. — Мне бы твои способности; я бы преуспел намного больше,

чем теперь... если бы, конечно, мне повезло и я бы остался в живых. Ну как, будешь дожидаться утра, чтобы поживиться у них чем-нибудь еще?

— Мы отправляемся немедленно, — твердо ответил капитан.

Лэкленд отошел от экрана и отправился к себе, чтобы впервые за много часов отоспаться. С того момента, когда моряки впервые заметили эту деревню, прошло шестьдесят пять минут — чуть меньше четырех месклинских суток.

Глава 11
ГЛАЗ УРАГАНА

«Бри» попал в восточный океан столь незаметно, что никто не смог бы сказать, когда именно начались изменения. Ветер день за днем крепчал, и вот уже настало время поставить паруса, как при плавании в открытом море. Река расширялась ярд за ярдом, потом миля за милей, и вот уже с палубы не стало видно ее берегов. Но здесь пока еще не кишела, не бурлила жизнь, которая окрашивает огромные океанские просторы в разные оттенки и при наблюдении из космического пространства придает этой планете такой диковинный вид; но вкус «воды» уже начал меняться, и моряки один за другим, к своему большому удовлетворению, убеждались в этом.

Они продолжали идти на восток, ибо по сведениям, получаемым от Летчиков, путь на юг все еще загораживал длинный полуостров. Погода держалась хорошая, а если бы она стала меняться, об этом их предупредили бы странные существа, которые так внимательно следили за движением корабля. Продовольствия на борту было еще много, его должно было с избытком хватить на то время, пока они не достигнут богатых областей в глубоких морях. Команда была довольна.

Капитан тоже был доволен. Руководствуясь отчасти собственными наблюдениями и экспериментами, отчасти отрывочными объяснениями Лэкленда, он выяснил, почему полая лодочка вроде каноэ может нести гораздо больший груз, нежели плотик такого же размера. Он уже вынашивал планы постройки большого судна —

такого же, как «Бри», если не больше, — построенного по тому же принципу. Его розовую мечту не мог поколебать и пессимизм Дондрагмера; а между тем помощник чувствовал, что должны же быть какие-то причины, по которым его народ не строит подобных кораблей, хотя понятия не имел об этих причинах.

— Это же слишком просто, — говорил он. — Если бы что-то не мешало, кто-нибудь обязательно додумался бы до этого давным-давно...

В ответ Барленнан просто указывал на корму, где на буксире за кораблем весело бежала маленькая лодочка, в которой умещалась добрая половина их продовольственных запасов. Помощник не мог покачать головой, как это некогда делали старые кучеры при виде экипажей, бегущих без помощи лошадей, но он бы непременно сделал это, будь у него шея.

Когда, наконец, они повернули на юг, его осенила новая идея.

— Вот увидите! — воскликнул он. — Как только мы окажемся в широтах с нормальным весом, она немедленно потонет! Такие суда, может быть, и годятся для каких-нибудь туземцев на Краю Света, но уж в наших широтах нет ничего лучше доброго крепкого плота!

— Летчик с этим не согласен, — ответил Барленнан. — Да ты и сам не хуже меня знаешь, что здесь, на Краю Света, осадка у корабля такая же, как у нас дома. Летчик объясняет это тем, что метан здесь тоже весит меньше, и это похоже на правду.

Дондрагмер не ответил; он только молча и, если можно так выразиться, с самодовольной улыбкой взглянул на один из главных навигационных приборов корабля — весы с пружиной из твердого дерева и подвешенный к ним грузик. Когда грузик начнет опускаться, уверял себя помощник, непременно произойдет что-нибудь такое, о чем ни капитан, ни Летчик не подумали. Он не знал, что именно, но был в этом совершенно уверен.

Тяжесть медленно нарастала, а каноэ как ни в чем не бывало следовало за кораблем. Осадка его была, правда, ниже, чем это было бы на Земле, поскольку вода вдвое плотнее метана; при нынешнем его грузе «ватерлиния» проходила примерно посередине между планширом и килем, так что «надводный» борт отделяло от поверхности всего четыре дюйма, но дни шли, а

осадка не изменялась, и помощник ощущал что-то вроде разочарования. Что если Барленнан и Летчик все-таки правы?

Пружинные весы начали едва заметно отклоняться от нуля (конечно, инструмент был сконструирован для плаваний в условиях гравитации, в десятки и сотни раз превосходящей земную), и тут монотонность плавания нарушилась. Сила тяжести превышала земную уже в семь раз. Обычный вызов с Турея почему-то запаздывал, и капитан с помощником начали было думать, уж не могли ли сломаться сразу все оставшиеся радиоаппараты, когда Турей наконец вышел на связь. Но вызывал не Лэкленд, а метеоролог, с которым они в последнее время близко познакомились.

— Барл, — без предисловий начал «хозяин погоды», — я не знаю, какие бури считаются у вас по-настоящему опасными — кажется, вы смотрите на это несколько спокойнее, — но сейчас надвигается такая буря, в какую я бы не решился выйти на сорокафутовом плоту. Идет страшный циклон, я бы сказал, ураган даже по месклинским понятиям. Я проследил его на протяжении тысячи миль. Он такой свирепый, что выворачивает море наизнанку и оставляет за собой отчетливо видимый след другого цвета.

— Все понятно, — произнес Барленнан. — Как нам увернуться от него?

— В том-то и дело, что это пока не очень ясно. Он еще далеко от тебя, и я не совсем уверен, что он пересечет твой курс как раз в тот момент, когда ты будешь у него на пути. Тут есть еще парочка обычных циклонов, которые должны пройти неподалеку от тебя и слегка сбить тебя с курса, а может быть, они даже воздействуют на направление этого урагана. Я рассказываю тебе сейчас все это вот почему. Примерно в пятистах милях к юго-востоку от тебя расположена группа довольно больших островов. Возможно, ты надумаешь свернуть к ним. На них ураган обрушится непременно, но там множество отличных гаваней, где ты смог бы укрыть свой «Бри» и отсидеться, пока ураган не кончится.

— А я успею добраться до них? Если на этот счет есть серьезные сомнения, то по мне лучше встретить ураган в открытом море. Любые берега во время урагана опасны...

— При твоей скорости у тебя вполне достаточно времени, чтобы дойти туда и отыскать подходящую гавань.

— Хорошо. Дай мои координаты на полдень.

Под покровом атмосферы было бы невозможно разглядеть кораблик ни в какой телескоп, но люди пристально следили за движением «Бри», лоцируя сигналы его передатчиков, и метеоролог без труда дал капитану требуемые координаты. Паруса были установлены должным образом, и «Бри» лег на новый курс.

Погода пока оставалась ясной, хотя дул сильный ветер. Солнце прочерчивало дугу от горизонта к горизонту, и ничего не менялось ни в небе, ни в направлении ветра; но вот в вышине возникла и постепенно стала сгущаться призрачная дымка, солнце из золотого диска превратилось в пятно перламутрового света, тени стали размытыми, и наконец, когда небо превратилось в белесый, равномерно светящийся купол, исчезли совсем. Все эти изменения происходили очень медленно, в течение многих дней, а тем временем миля за милей по-прежнему скользили под плотиками «Бри».

До островов оставалось уже меньше сотни миль, когда внимание моряков, поглощенное признаками надвигающейся бури, было отвлечено еще одним странным явлением. К тому времени цвет моря вновь изменился, но это никого не обеспокоило; все давно привыкли видеть его и синим, и красным. Никто не ожидал встретить на таком расстоянии признаков близости суши, так как течения здесь в основном пересекали курс корабля, а птиц, предупредивших Колумба, на Месклине не водилось. Возможно, и за сотню миль можно было бы заметить высокое кучевое облако, какие часто образуются над островами; но оно едва ли было бы различимым на фоне белесой дымки, заволокшей все небо. Земляне сверху больше не видели островов, и Барленнан плыл, руководствуясь только навигационными расчетами и надеждой.

Но странное событие произошло именно в небе. Далеко впереди по курсу «Бри» появилось крошечное темное пятнышко, которое то ныряло, то взмывало вверх, что было непривычно для месклинитов и хорошо знакомо землянам. Впрочем, долгое время его никто не замечал, а когда заметили, оно было уже слишком близко и слишком высоко для телепередатчиков. Пер-

вый моряк, заметивший его, издал привычный вопль, выражающий удивление, и этот вопль перепугал наблюдателей на Турее, ничего им не объяснив. Они отвлеклись, а когда вновь устремились к экранам, то увидели только, что все моряки команды «Бри» глядят в небо, задрав вверх переднюю часть своих гусеницеподобных тел.

— Что там, Барл? — сейчас же позвал Лэкленд.

— Не знаю, — ответил капитан. — Сначала я подумал, что это спускается ваша ракета, что она ищет острова и будет показывать нам дорогу, но эта штука меньше и совершенно другой формы...

— Но она летает?

— Да. Шума от нее никакого, не то, что от ваших ракет. Я бы сказал, что ее будто ветром несет, вот только движется она слишком гладко и ровно, да к тому же против ветра. Не знаю, как ее описать... В ширину она больше, чем в длину... несколько напоминает мачту, привязанную поперек крепежной балки. Других слов я как-то не подберу.

— А ты бы приподнял один из аппаратов, чтобы мы могли взглянуть на нее...

— Сейчас попробуем.

Лэкленд связался по телефону с одним из биологов.

— Ланс, кажется Барленнан наткнулся на какое-то летающее животное. Мы сейчас пытаемся все устроить так, чтобы взглянуть на него. Приходи в экранный зал, объяснишь, что мы видим...

— Иду незамедлительно...

Конец фразы прозвучал едва слышно — видимо, биолог был уже в дверях. Он явился в зал прежде, чем моряки успели установить аппарат на подпорки, но вопросов задавать не стал и молча рухнул в кресло. Барленнан продолжал:

— Она летает над кораблем взад и вперед, иногда по прямой, а иногда вроде бы кругами. Когда она поворачивает, то слегка кренится, а больше ничего не меняется. Кажется, в том месте, где палки скрещиваются, видно какое-то маленькое тело...

Он продолжал описание, но, очевидно, объект был слишком непохож на то, что он видел раньше, и ему не всегда удавалось отыскать подходящие слова в чужом языке.

— Как только эта штука появится на экране, сразу же зажмурьтесь, — произнес один из техников. — Я подстроил к экрану скоростную кинокамеру, и чтобы получить хороший фильм, мне придется резко увеличить яркость изображения...

— ...Поперек длинной палки укреплено несколько палочек меньшего размера, и между ними натянуто что-то вроде тонкого паруса. Вот она опять летит на нас, теперь уже совсем низко... Сейчас, по-моему, она будет прямо перед вашим «глазом»...

Зрители застыли, рука оператора замерла на двойном переключателе, который должен был одновременно включить камеру и увеличить яркость. Но хоть оператор и был наготове, объект успел проскочить половину экрана, прежде чем щелкнул переключатель, и все невольно зажмурились от яркого света. Однако того, что они видели, было вполне достаточно.

Пока оператор проявлял пленку током высокой частоты, пока перематывал ее, пока разворачивал камеру к пустой стене, никто не проронил ни слова. Каждому было о чем подумать в течение тех пятнадцати секунд, которые потребовались на эти приготовления.

Пленку прокручивали в пятьдесят раз медленнее, и все нагляделись досыта. Неудивительно, что Барленнан не смог дать описание «этой штуки»; ведь еще несколько месяцев назад, до первой встречи с Лэклендом, он понятия не имел, что такое полет, и в его языке не было слов, которые обозначали бы этот вид движения. И в число немногих выученных им к тому времени английских слов не входили такие термины, как «фюзеляж», «крылья», «хвостовое оперение»...

Объект оказался не животным. Он имел корпус в три фута длиной и был вдвое короче каноэ, которым завладел Барленнан. Тонкий шест, выступающий на несколько футов из задней части корпуса, нес на конце рулевые плоскости. Размах крыльев составлял футов двадцать, и их структура — лонжероны и множество поперечных ребер — легко просматривалась сквозь покрывавшую ее почти прозрачную материю. Да, описания, данные Барленнаном, при всей их наивности были удивительно точными.

— Как она движется? — вдруг спросил один из зрителей. — Я не заметил ни пропеллеров, ни реак-

тивного устройства... да и Барленнан говорил, что она летает бесшумно...

— Это глайдер, — заговорил один из метеорологов. — Планер. И его пилот, подобно нашим земным чайкам, умеет пользоваться восходящими токами воздуха от переднего фронта волны. Такое устройство может легко нести двух существ ростом с Барленнана и парить до тех пор, пока им не понадобится прекратить полет для еды и сна.

Но мало-помалу команда «Бри» начала нервничать. Машина летела в полной тишине, и невозможно было разглядеть, кто или что в ней находится, и вообще кому это может понравиться: тебя кто-то разглядывает, а ты его не видишь... Планер не совершал угрожающих маневров, но моряки были не в состоянии спокойно смотреть на все это. Некоторые выразили желание тут же испытать на практике благоприобретенные навыки по части бросания и принялись уже подбирать с палубы разные предметы, но Барленнан строго-настрого запретил им делать глупости. Они продолжали идти под парусами и тревожно следили за летательным аппаратом, пока купол неба не заволокло ночным мраком. И никто не знал, радоваться или тревожиться, когда на рассвете нового дня оказалось, что летающей машины и след простыл. Ветер усилился, он дул теперь почти поперек курса «Бри», с северо-востока; волны еще не следовали за ним, а лишь беспорядочно приплясывали. Впервые Барленнан обнаружил слабое место у каноэ: метан, который задувало или захлестывало в лодку, там и оставался. Еще до конца дня капитан принял решение втащить суденышко на внешние плотики и поставить двух моряков вычерпывать жидкость — выполнять работу, для которой у них не было ни подходящего термина, ни подходящего инструмента.

Дни проходили, а планер так и не появлялся, и постепенно все, кроме специально назначенных наблюдателей, перестали поглядывать на небо, дожидаясь его возвращения. Но дымка все сгущалась и темнела и в конце концов превратилась в тучи, которые нависли в каких-нибудь пятидесяти футах над поверхностью океана. Землянин объяснил Барленнану, что погода сделалась нелетная, и тот сейчас же отменил наблюдение за небом. Как и люди, Барленнан спрашивал себя,

каким образом этот планер проложил путь в ночи, когда туманы не дают ориентироваться по звездам...

Первый замеченный ими остров был очень высок; он круто поднимался над морем и уходил в тучи. Он лежал с подветренной стороны от того пункта, где его впервые заметили; Барленнан, сверившись с картой архипелага, которую он набросал по описаниям землян, продолжал идти прежним курсом. Как он и ожидал, еще прежде, чем скрылся из виду первый остров, прямо по курсу появился другой, и Барленнан изменил курс, чтобы подойти к нему с подветренной стороны. Эта сторона, по наблюдениям сверху, казалась очень изрезанной и должна была иметь подходящие гавани; кроме того, Барленнану совершенно не хотелось идти вдоль наветренного берега несколько ночей подряд, которые несомненно потребуются для поисков.

Этот остров тоже оказался высоким; его холмистые вершины утопали в тучах, а когда «Бри» приблизился к подветренному берегу, то ветер заметно стих. Береговая линия действительно изобиловала фьордами; Барленнан вознамерился просто заходить для осмотра в каждый по очереди, но Дондрагмер предложил уйти как можно дальше от моря. По его мнению, вдали от моря убежищем для «Бри» сможет стать любой пляж. Тогда Барленнан решил доказать помощнику, что тот не прав. К сожалению, это похвальное намерение обернулось для экспедиции новыми неприятностями. Первый фьорд, в который они зашли, в полумиле от океана резко поворачивал и оканчивался неким подобием озерца, почти совершенно круглого и диаметром в сотню ярдов. Прямо из «воды» поднимались скалистые стены и исчезали в тумане наверху. Проход был только в двух местах: в устье фьорда, куда вошел «Бри», и рядом с ним — в ущелье поуже, из которого в озеро вливался поток. Между этими двумя проходами и располагался единственный доступный для высадки участок берега шириной в несколько ярдов.

Времени для обеспечения безопасности корабля и грузов оставалось еще достаточно; тучи были обязаны своим происхождением не столько грозному урагану, сколько второму из «обычных» циклонов, о котором упоминал метеоролог. После прибытия «Бри» в эту гавань несколько дней снова стояла ясная погода, хотя по-прежнему дул сильный ветер. Барленнан смог удо-

стовериться, что гавань в сущности представляет собой дно чашеобразной долины, но склоны ее вовсе не так круты, как ему показалось вначале, и не выше сотни футов. Поднявшись по склону, можно было через расщелину, прорытую речушкой, заглянуть довольно далеко в глубь острова. Как только небо прояснилось, Барленнан совершил такое восхождение и тут же сделал весьма неприятное открытие: среди растений, покрывавших склоны, были в изобилии разбросаны ракушки, водоросли и кости довольно крупных морских животных. Продолжая исследования, он обнаружил, что эти останки совершенно равномерно распределены по всей окружности долины и их можно найти даже в тридцати футах над нынешним уровнем моря. Многие останки были древние, почти начисто истлевшие и наполовину занесенные грунтом; их можно было отнести за счет сезонных изменений уровня океана. Другие, однако, были явно недавнего происхождения. Смысл всего этого был совершенно ясен: в каких-то случаях море поднимается гораздо выше теперешнего уровня; и не исключается, что положение «Бри» в этой гавани не такое уже безопасное.

Лишь одно обстоятельство уменьшало силу месклинских ураганов и делало океаны пригодными для мореплавания: метановые пары гораздо плотнее водорода. На Земле водяные пары легче воздуха, и они только необыкновенно усиливают начавшийся ураган; на Месклине пары метана, поднятые с океанской поверхности ураганом, напротив, в сравнительно короткие сроки тормозят и останавливают эти потоки. Кроме того, тепло, которое выделяет метан, конденсируясь в штормовые тучи, составляет всего одну четвертую часть того количества тепла, которое выделяется при конденсации такого же объема водяных паров; а между тем, после того как солнце дало ему первоначальный толчок, это тепло служит для урагана настоящим топливом.

Но несмотря на все это, месклинский ураган — не шутка. Хотя Барленнан и сам был месклинитом, но он только тут понял, что такое здешний ураган. Он начал было раздумывать, уж не оттащить ли «Бри» бечевой вверх по речке как можно дальше от гавани, насколько время позволит, как вдруг положение резко изменилось: уровень озера внезапно упал, оставив корабль на грунте ярдах в двадцати от берега. Секундой

позже ветер изменил направление на девяносто градусов и задул с такой силой, что моряки, спасая свою жизнь, принялись хвататься за что попало — кто оставался на палубе, вцепились в крепительные планки, а кто сошел на грунт, впивались клешнями в стебли растений. Капитан пронзительно закричал, приказывая всем немедленно вернуться на борт, но его никто не услышал; а ведь их еще прикрывала кольцевая стена долины! Впрочем, нужды в приказах не было. Моряки ползли от куста к кусту, цепляясь за них по меньшей мере двумя парами клешней сразу, и упорно продвигались к кораблю, а на корабле их товарищи торопливо привязывали себя к плотикам, изо всех сил затягивая узлы, а корабль трясся и содрогался, готовый вот-вот взлететь и унестись в объятьях ветра. И вдобавок ко всему несколько минут, показавшихся вечностью, хлестал дождь, — вернее, целые потоки брызг, несущихся через весь остров; затем, словно по волшебству, ветер стих, и дождь прекратился. Никто не осмелился ослабить привязи, но самые медлительные воспользовались затишьем, чтобы сделать последний рывок к кораблю. И они едва успели.

«Глаз бури» на уровне моря имел, вероятно, около трех миль в диаметре, и он передвигался со скоростью шестидесяти или семидесяти миль в час. Ветер прекратился лишь ненадолго: это означало, что центр циклона достиг долины. Сюда переместилась зона низкого давления, и когда она охватила устье фьорда, начался стремительный прилив. Уровень озера поднимался все быстрее и быстрее, жидкий метан хлестал из фьорда в долину, как вода из брандспойта. Он ринулся вдоль склона и на первом же круге подхватил «Бри», а уровень все поднимался и поднимался... пятнадцать футов, двадцать, двадцать пять... Корабль втянуло в центр этого водоворота, и тут ветер ударил вновь.

Хотя мачты и были сделаны из очень прочного дерева, они давно уже сломались. Двое моряков исчезли — видимо, они привязались слишком небрежно. Новый удар ветра подхватил лишенный мачт корабль и отшвырнул в сторону, а затем, словно щепку, беспомощного и незначительного, его бросило в бешеный поток жидкости, устремившийся вверх по речному руслу в глубь острова. Ветер прижал его к самому краю потока, но тут давление вновь подскочило, и жидкость

ринулась обратно так же стремительно, как поднималась... нет, не совсем так; поток, увлекший «Бри», мог отступать лишь по тому же узкому проходу, а на это требовалось время. И если бы день продлился еще хотя бы одну минуту, Барленнан успел бы даже в таких условиях вывести его на середину стремнины; но как раз в этот момент солнце село, и ему пришлось действовать в кромешном мраке. Несколько секунд замешательства оказалось достаточно; жидкость продолжала спадать, и когда солнце опять засияло на небе, оно увидело беспорядочный набор плотиков в двадцати ярдах от ручья, слишком узкого и слишком мелкого даже для одного-единственного плотика.

За холмами не было видно моря; обмякшая туша двадцатифутового морского чудовища, выброшенного на грунт по ту сторону ручья, казалось, символизировала беспомощное положение экспедиции «Тяготение».

Глава 12
ОСЕДЛАВШИЕ ВЕТЕР

На Турее видели почти все, что произошло; радиоаппараты, как и бóльшая часть других малогабаритных грузов, остались на палубе «Бри», там, где их укрепили. Конечно, когда корабль крутило в бешеном мальмстрёме, мало что можно было разобрать, но нынешнее положение было очевидно до боли. Никто из наблюдателей у экранов не мог сказать ничего утешительного.

Мало чем могли помочь своему кораблю и месклиниты. Им, конечно, не впервой было видеть корабли в грунте, поскольку в их широтах такое довольно часто случается поздним летом или осенью, когда моря отступают; но они не привыкли к такой внезапности, и им было странно, что корабль отделяет от океана столько холмистой суши. Барленнан и его помощник, разобравшись в положении, не нашли в нем ничего приятного.

Правда, у них все еще было много еды, хотя запасы, хранившиеся в каноэ, пропали. Дондрагмер не преминул воспользоваться случаем, чтобы отметить превосходство плотиков, хотя ему следовало бы помнить, что груз в каноэ был закреплен небрежно или совсем не

закреплен, так как все понадеялись на высокие борта лодки. Само суденышко на буксирном тросе осталось невредимым. Дерево, из которого оно было сделано, не уступало по упругости стелющимся растениям высоких широт. Сам «Бри», построенный из того же дерева, оформленного вдобавок в гораздо менее хрупкие конструкции, тоже был в порядке, хотя все могло бы кончиться для него много хуже, если бы на скалах чашеобразной долины было побольше скалистых выступов. Корабль ни разу не перевернулся и по-прежнему занимал правильное положение — несомненно, благодаря своей конструкции, каковое обстоятельство Барленнан признал сам, не дожидаясь выпада со стороны помощника. Короче говоря, дело было не в запасах продовольствия и не в корабле, а в том, что не было океана, по которому должен плыть этот корабль.

После долгих раздумий Барленнан сказал:

— Самый надежный выход — разобрать корабль, как мы это делали раньше, и перетащить его через холмы по частям. Они не такие уж крутые, да и вес пока еще совсем не чувствуется...

— Вы наверняка, правы, капитан, — вмешался Харс. Он давно оправился от удара булыжником и опять был прежним здоровяком. — Но чтобы сберечь время, может быть, лучше сделать так? Разъединим только продольные ряды плотов. Тогда у нас получатся цепочки длиной в корабль, и мы сможем пронести или протащить их вниз по ручью до того места, где их можно будет пустить по течению....

— В этом есть смысл. Вот что, Харс, ты сейчас пойдешь и выяснишь, далеко ли отсюда это место. Остальным приступить к разъединению продольных рядов, как предложил Харс. Там, где это необходимо, спускайте груз на грунт. Боюсь, что часть грузов приходится на стыки между рядами...

— Интересно, хороша ли сейчас погода для этих летающих машин? — произнес Дондрагмер, ни к кому в особенности не обращаясь.

Барленнан взглянул на небо.

— Тучи стоят еще низко, да и ветер сильный, — сказал он. — Если Летчики не ошибаются — а они, как мне кажется, в таких делах разбираются, — погода пока плохая. Тем не менее время от времени не мешает

поглядывать на небо. Признаться, я надеюсь, что хоть одну машину мы еще увидим.

— Против одной я тоже не возражаю, — сухо ответил помощник. — Полагаю, что в дополнение к этому каноэ вам захотелось еще и планер. Но я скажу вам прямо: может быть, опыта ради, я когда-нибудь и заберусь в каноэ, а вот летающую машину испробую только в тихое зимнее утро, и чтобы в небе были оба солнца...

Барленнан ничего не сказал; раньше он и не помышлял пополнить свою коллекцию планером, но теперь эта идея ему понравилась. Ну, а что касается полета на планере — Барленнан, конечно, здорово изменился за последнее время, но всему есть свои пределы.

Вскоре Летчики сообщили, что погода проясняется; и в течение нескольких дней тучи послушно рассеялись. Но хотя наступила летная погода, мало кто из моряков следил за небом. Все были слишком заняты. План Харса оказался вполне разумным: глубина, достаточная для плотиков, начиналась всего в нескольких сотнях ярдов ниже по течению, а ширина — чуть подальше. Однако утверждение Барленнана, будто вес тут мало что значит, оказалось несостоятельным; каждый предмет здесь весил вдвое больше, чем в тех местах, где они расстались с Лэклендом, а привычка поднимать вещи у моряков не закрепилась. Они обладали громадной физической мощью, но удвоенное тяготение настолько подействовало на их рудиментарную способность к вертикально направленным усилиям, что плотики пришлось разгружать полностью. Только после этого морякам оказалось под силу частично перенести, а частично перетащить цепочки плотиков к берегу потока. Но когда каждый ряд начали спускать в ручей, дело пошло легче; и после того, как группа землекопов сделала берега пошире, все пошло как по маслу. И вот через несколько сотен дней длинная и узкая цепочка плотиков, снова полностью загруженных, потянулась на бечеве обратно к морю.

Когда корабль достиг участка реки с наиболее крутыми берегами, совсем недалеко от места, где она впадала в озеро, появились летающие машины; первым их заметил Карондрасс; он находился на борту и готовил пищу, и потому внимание его было не так занято, как у остальных моряков, тянувших бечеву. Его

тревожный вопль заставил встрепенуться как землян, так и месклинитов, но земляне опять не увидели приближающихся гостей, поскольку видеопередатчики не были нацелены вверх.

Барленнан же видел их совершенно отчетливо. Это были восемь планеров, державшихся довольно компактно, но не сомкнутым строем. Они шли по прямой, оседлав восходящий поток, к подветренной части склонов долины, прошли почти над кораблем, а затем, резко свернув, направились ему наперерез. И, пролетая над потоком, каждый сбрасывал что-то, снова сворачивал и скользил назад к подветренным склонам, чтобы набрать потерянную высоту.

Сброшенные предметы были видны совершенно отчетливо; моряки узнали в них копья, подобные тем, которыми были вооружены жители прибрежного поселения, но с более массивными наконечниками. На мгновение привычный ужас перед падающими предметами, казалось, угрожал повергнуть команду в панику; затем они заметили, что копья падают не на них, а чуть впереди. Через несколько секунд планеры налетели вновь, и моряки съежились в ожидании более точных попаданий; однако копья упали почти на то же место. При третьем налете выяснилось, что прицел этот берется намеренно; а вскоре стало ясно, какие цели преследуют метатели. Копья падали одно возле другого в узкий поток, и большая часть их врезалась в твердое глинистое дно; после третьего захода две дюжины древков наглухо заблокировали речку перед кораблем.

Когда «Бри» приблизился к этой баррикаде, бомбардировка прекратилась. Барленнан подумал было, что ее будут продолжать, чтобы не дать команде подойти к препятствию и разрушить его, но когда они подошли к ограде вплотную, то поняли, что это было уже ни к чему. Частокол копий стоял неколебимо; копья были необыкновенно точно сброшены с высоты около сотни футов в гравитационном поле семи g, и вырвать их из грунта не могло ничто, кроме мощного силового оборудования. Тербланнен и Харс убедились в этом после того, как пять минут тщетно пытались выдернуть хотя бы одно копье.

— А нельзя ли их перепилить? — спросил Лэкленд со своего далекого наблюдательного пункта. — У вас же такие могучие клешни...

— Это дерево, а не металл, — возразил Барленнан. — Для этого потребовалась бы ваша пила из сверхпрочного металла, — ты говорил, что она берет даже наше дерево... или, может, у вас есть какая-нибудь машина для выдергивания?

— Но у вас должны быть какие-то инструменты для обработки дерева. Как же вы ремонтируете суда? Плотики ведь не растут на ветках...

— Наши режущие инструменты сделаны из зубов животных, вставленных в прочные рамы, и большинство из них с места не сдвинешь. Правда, на борту есть несколько инструментов полегче, и мы их, конечно, пустим в ход, но, боюсь, мы мало что успеем сделать...

— Ну, от нападения вы сможете отбиться огнем.

— Если они будут нападать с подветренной стороны. Только вряд ли они настолько глупы.

Лэкленд не нашелся, что ответить, а между тем команда принялась разрушать частокол теми инструментами, которые нашлись на корабле. Личное оружие моряков — ножи — было из твердого дерева, и оно никак не могло воздействовать на копья, но, как мельком заметил Барленнан, в распоряжении команды оказалось несколько пил из кости и клыков, которые начали вгрызаться в невероятно жесткое дерево. Те, кому не досталось инструментов, попытались выкапывать копья; они по очереди ныряли на глубину в несколько дюймов и разрыхляли глину вокруг древков, отчего по речке потянулись мутные струи. Дондрагмер некоторое время наблюдал за их работой, а затем объявил, что, вероятно, проще прорыть канал в обход препятствий, нежели выкорчевать две дюжины копий, вошедших в грунт на глубину четырех футов. Предложение было встречено с энтузиазмом, и работа началась в весьма быстром темпе.

Пока все это происходило, планеры продолжали кружить над кораблем; возможно, это были одни и те же планеры, а может, они сменялись под покровом ночного мрака — сказать было трудно. Барленнан внимательно следил за холмами по обе стороны речки, каждую минуту ожидая появления сухопутных отрядов; но долгое время единственными подвижными компо-

нентами пейзажа оставались планеры и моряки. Экипажи планеров были невидимы; не говоря уж об их численности, никто не знал, что это за существа; впрочем, и земляне, и месклиниты были убеждены, что пилоты летающих машин принадлежат к расе Барленнана. Они не выказывали никакого беспокойства по поводу землеройных работ, но в конце концов стало очевидным, что работы эти не прошли незамеченными. Когда обходный канал был на три четверти закончен, планеры приступили к действиям: вторая серия бомбардировок закупорила канал так же намертво, как первая — реку. Как и прежде, метатели приложили все усилия к тому, чтобы не задеть моряков. Тем не менее команда была обескуражена, как если бы она сама подверглась нападению; совершенно очевидно, что копать и вообще стараться не было смысла, поскольку работу нескольких дней пилоты за считанные минуты сводят к нулю. Нужно было продумать другой порядок действий.

По совету землян Барленнан давно уже распорядился, чтобы моряки не собирались в большие группы; теперь же он велел прекратить все работы и вытянул команду вдоль цепочки плотиков в два параллельных кордона по обе стороны ручья. Моряки были достаточно далеко друг от друга, чтобы не являть собой заманчивой цели для нападения сверху, и достаточно близко, чтобы при случае помочь друг другу. Барленнан стремился показать, что следующий ход — за экипажами планеров. Однако в течение ближайших нескольких дней те продолжали кружиться над речкой, словно чего-то выжидая.

Затем вдали показалась еще одна дюжина непрочных воздушных корабликов, пролетела над ними, разделилась на две группы и села на вершины холмов по обе стороны от корабля. Посадка, как и предсказали Летчики, была произведена против ветра; машины затормозили в нескольких футах от точки посадки. Из каждой выбралось по четыре существа, они бросились к крыльям и поспешно закрепили планеры, используя ближайшие кустарники в качестве якорей. Предположения землян и месклинитов оказались правильными: обликом, ростом и расцветкой обладатели летающих машин были как две капли воды похожи на моряков «Бри».

Закрепив планеры, их экипажи принялись воздвигать с наветренной стороны сборное сооружение, к которому они затем присоединили тросы с крючьями на концах. Расстояние между этим сооружением и ближайшим к нему планером было, видимо, измерено весьма тщательно. И лишь выполнив эту работу, они впервые взглянули на «Бри» и его команду. Продолжительный вопль, который пронесся от одной вершины холма к другой, был, видимо, сигналом, оповещающим об окончании работы.

Тогда экипажи планеров на подветренном холме начали спускаться вниз по склону. Они двигались не прыжками, как во время работ сразу после посадки, а ползком, на манер гусениц, тем единственным способом, который был известен команде Барленнана до экспедиции на Край Света. Все же ползли они довольно быстро и к закату солнца оказались на расстоянии хорошего броска — так это восприняли наиболее пессимистически настроенные моряки. Здесь они остановились и переждали ночь; света лун было достаточно, дабы убедиться, что ни та ни другая сторона не предпринимает никаких подозрительных действий. С восходом солнца новоприбывшие вновь двинулись вперед, и как только первый из них оказался примерно в ярде от ближайшего моряка, наконец остановились; его спутники остались в нескольких футах позади. Ни у кого в этой группе не было оружия, и Барленнан отправился на переговоры, предварительно дав двум морякам указание направить один из телепередатчиков прямо на место встречи.

Представитель планеристов не стал тратить время понапрасну; едва Барленнан остановился перед ним, он сразу же заговорил. Капитан не понял ни слова. Произнеся несколько фраз, представитель догадался об этом и, помолчав немного, снова заговорил, на этот раз медленно и, насколько понял Барленнан, уже на другом языке. Чтобы не тратить время на поиски наречий, известных им обоим, Барленнан произнес несколько слов на своем языке. Тогда собеседник снова сменил язык, и удивленный Барленнан убедился, что на этот раз планерист попал в точку: он говорил на языке народа Барленнана, медленно, коверкая слова, но вполне понятно.

— Давно я не слыхал, чтобы говорили на этом языке, — произнес он. — Надеюсь, меня еще можно понять? Ты понимаешь меня?

— Прекрасно понимаю, — ответил Барленнан.

— Отлично. Я — Риджаарен, переводчик Маррени, начальника Внешних Портов. Мне предписано выяснить, кто вы такие и откуда, и с какой целью плаваете в наших морях у этих островов.

— Мы совершаем плавание с торговыми целями, и определенного пункта назначения у нас нет. — Барленнан не собирался рассказывать о своей дружбе с существами иного мира. — Мы не знали о существовании этих островов, мы просто побывали на Краю Света, который надоел нам до смерти, и теперь возвращаемся. Если вы пожелаете с нами торговать, мы готовы, если же нет, тогда мы просим только одного — чтобы вы дали нам возможность продолжить плавание.

— Наши корабли и планеры ведут торговлю только в этих морях — мы никогда не видели других, — сказал Риджаарен. — Я одного не понимаю. Торговец с далекого юга, который научил меня твоему языку, рассказывал, что он прибыл из страны, расположенной по другую сторону океана за западным материком. Нам известно, что морского прохода из того океана в этот не существует, западный материк упирается в льды. Тем не менее, когда мы впервые заметили вас, вы плыли с севера. Напрашивается мысль, что вы таскаетесь по нашим морям в поисках суши. Как это согласуется с твоими словами? Шпионов мы не жалуем.

— Мы идем с севера, потому что пересекли сушу между этим океаном и нашим. — У Барленнана не было времени выдумать убедительную ложь, хотя он сам понимал, что правда звучит совсем уж неправдоподобно. И реакция Риджаарена показала, что так оно и есть.

— Твой корабль построен при помощи громоздких инструментов, которых у тебя нет. Он построен на верфях, а верфей к северу отсюда нет. Ты хочешь убедить меня, будто вы разобрали свой корабль и тащили его на себе столько времени?

— Да! — Барленнану показалось, что он нашел выход.

— Как?

— А как вы летаете? Многим это показалось бы еще менее правдоподобным...

Судя по реакции переводчика, эти фразы прозвучали не столь уместно, как надеялся Барленнан.

— И ты смел надеяться, что я отвечу на этот вопрос? Знаешь, простых нарушителей мы еще можем простить, но уж со шпионами мы поступаем круто!

Капитан поспешил внести ясность.

— Да не нужен мне твой ответ! Я просто, насколько это уместно, хотел указать тебе, что ты не вправе спрашивать нас, каким способом мы пересекли сухопутный барьер...

— Не вправе!? Я буду спрашивать, и ты мне ответишь. Видимо, ты не понимаешь своего положения, чужеземец. Совершенно неважно, что ты думаешь обо мне; а вот что я думаю о тебе, имеет очень большое значение. Проще говоря, для того чтобы уйти отсюда целым и невредимым, тебе придется убедить меня, что ты не причинишь нам никакого вреда.

— Да какой же вред мы можем причинить вам — команда одного-единственного корабля? Почему вы так боитесь нас?

— Мы вас не боимся! — коротко и выразительно ответил Риджаарен. — Но вы явно можете причинить нам вред — один из вас, не говоря уже о целой команде, может увезти с собой сведения, которые мы не желаем выдавать. Мы, конечно, понимаем, что варварам никогда не постичь секрета полетов — разве что если их специально обучать и наставлять; вот почему в ответ на твой вопрос я рассмеялся. Но впредь ты должен выбирать выражения.

Барленнан не слышал смеха, и у него зародились кое-какие подозрения относительно переводчика и его народа. Полуправда, которая казалась бы уступкой со стороны Барленнана, будет, вероятно, наилучшим ходом.

— Нам помогли переправить корабль через сушу, — проговорил он как бы с некоторой неохотой.

— Кто? Камнеметатели и речные жители? Ну, ты, наверное, обладаешь необыкновенной силой убеждения. Нам от них доставались только камни и копья.

К радости Барленнана, Риджаарен не стал задерживаться на этой теме и сразу перешел к более практическим делам:

— Итак, раз уж ты здесь, ты хочешь с нами торговать. Чем же вы собираетесь торговать? И вы, конечно, попроситесь для этого в один из наших городов?

Барленнан почуял ловушку.

— Мы будем торговать здесь или где вы укажете, хотя нам не хотелось бы удаляться от моря. А сейчас мы можем торговать только продовольствием с перешейка... боюсь только, что этого добра у вас и без того хватает благодаря вашим летающим машинам.

— Продовольствие у вас могут купить, — небрежно отозвался переводчик. — Готовы ли вы открыть торговлю до того, как выйдете ближе к морю?

— Готовы, если это необходимо, хотя я и не понимаю, какая в этом необходимость. Ведь если мы попытаемся уйти в море без вашего согласия, вы в два счета нагоните нас на своих летающих машинах, не так ли?

Видимо, последняя фраза вновь пробудила утихшую было подозрительность Риджаарена.

— Может быть и так, но я не собираюсь говорить с тобой о таких вещах. Окончательное решение примет, конечно, Маррени, но я бы вам советовал разгрузить ваш корабль здесь. Разумеется, тебе придется еще уплатить портовые налоги.

— Портовые налоги? Но здесь же не порт, и потом я не по своей воле попал сюда, меня загнала буря!

— Все равно, иноземные корабли должны платить портовые налоги. И имей в виду, размеры налогов определяются начальником Внешних Портов, а судить о тебе он будет с моих слов. Так что изволь держаться со мной поучтивее!

Барленнан с трудом удержался, чтобы не вспылить, но вслух заявил, что переводчик совершенно прав. Он выразил это в пространной речи и, видимо, до какой-то степени умиротворил этого типа. Во всяком случае, переводчик удалился, не произнеся более ни одной фразы, содержащей явную или скрытую угрозу.

Двое из его сопровождающих последовали за ним; один остался. Члены экипажей других планеров торопливо подхватили тросы, прикрепленные к сборной раме, и натянули их. Тросы неимоверно растянулись, пока их крючья не были продеты в кольцо, вделанное в носовую часть ближайшего планера. Затем планер отпустили, тросы мгновенно сжались и вышвырнули пла-

нер в воздух. Барленнану тотчас же страстно захотелось получить такие растягивающиеся тросы. Желание это он высказал вслух и встретил полную поддержку у Дондрагмера. Дондрагмер слышал всю беседу от начала до конца и полностью разделял чувства своего капитана по отношению к переводчику начальника Внешних Портов.

— Вы знаете, Барл, а ведь мы можем поставить этого молодчика на место. Хотите попробовать?

— Я бы с наслаждением, но мы не можем позволить себе злить его, пока мы здесь. Я не хочу, чтобы он и его приятели швыряли свои копья в наш «Бри»...

— Да я хочу не разозлить, а напугать его! «Варвары»... Я заставлю его проглотить это словечко, чего бы мне это ни стоило. Все зависит от двух обстоятельств: во-первых, знают ли Летчики, как эти планеры действуют, и, во-вторых, захотят ли они поделиться с нами своими знаниями?

— Наверняка знают, если только давным-давно не забыли о них, когда построили более совершенные...

— Тем лучше для моей затеи!

— ...но я не уверен, что они пожелают рассказать нам об этом. Я полагаю, ты уже догадался, что́ я надеюсь извлечь из этого похода: я намерен научиться у Летчиков всему, чему смогу. Именно поэтому я так стремлюсь добраться до этой их ракеты у Центра; сам Чарлз говорил, что она содержит новейшее научное оборудование, какое только у них есть. Когда оно будет у нас в руках, на море и на суше не найдется такого пирата, который осмелился бы задеть «Бри», и мы больше не будем платить портовые пошлины — мы сами будем составлять свои меню...

— Я уже догадался.

— Вот я и сомневаюсь, что они согласятся дать тебе нужные сведения. Они могут заподозрить нас...

— А я считаю, что вы сами слишком подозрительны. А вы хоть раз пытались у них получить научную информацию, которую вы собираетесь украсть?

— Да, и Чарлз всегда говорил, что нам ее не понять...

— Что ж, может быть, он и прав, а может, он и сам не знает всего. В общем, я намерен расспросить кого-нибудь из его товарищей относительно планеров;

я хочу увидеть, как этот Риджаарен будет унижаться перед нами.

— Да скажи толком, что ты задумал?!

Дондрагмер объяснил ему во всех подробностях. Сначала капитан преисполнился сомнений, затем постепенно им начал овладевать энтузиазм, и наконец оба они поспешили к радиоустановке.

Глава 13
ОГОВОРКА

К счастью, прошло много дней, а Риджаарен все не возвращался. Его сопровождающие остались; четырешесть планеров непрерывно кружили над кораблем, и еще несколько сели на вершинах холмов рядом с катапультами. Число воздушных кораблей сколько-нибудь заметно не изменилось, но население холмов увеличивалось изо дня в день. Земляне приняли план Дондрагмера с энтузиазмом и, как подозревал Барленнан, решили немного позабавиться. Некоторые моряки оказались неспособны с достаточной быстротой воспринять то, что требовалось, и от главной части плана их пришлось отстранить; но в конце концов и они разобрались в положении. Барленнан был уверен, что свою скромную роль в предстоящем спектакле они сыграют, а пока он поставил их чинить расшатавшиеся мачты, которые держались только на такелаже.

План дозрел и был как следует отрепетирован задолго до возвращения переводчика, и командный состав горел желанием опробовать его, хотя Дондрагмер одновременно разрабатывал еще один проект и почти непрерывно торчал у радиоаппаратов. Так они держались несколько дней, но вот однажды утром капитан и помощник, исполненные решимости опробовать свою идею немедленно, не сговариваясь, отправились на холм, где стояли планеры. Погода давно уже установилась, и дул только обычный для месклинских морей ветер, — то ли он помогал, то ли мешал полетам. Видимо, на этот раз он склонен был помочь; планеры натягивали привязные тросы, словно живые существа, и члены экипажей стояли у крыльев, вцепившись в

кусты, готовые в любую секунду прийти на помощь напряженно натянутым канатам.

Барленнан и Дондрагмер шли к машинам до тех пор, пока им грубым окриком не приказали остановиться. Они понятия не имели о чине и о правах типа, отдавшего этот приказ, поскольку на нем не было никаких знаков различия; но в их планы не входило пререкаться по таким пустякам. Они остановились и с расстояния в тридцать-сорок ярдов принялись разглядывать машины, между тем как члены экипажей глядели на них довольно враждебно. Очевидно, спесивость Риджаарена была неотъемлемой чертой его народа.

— Вы удивлены, варвары, — произнес наконец один из них. — Если бы я счел, что, глядя на наши машины, вы можете чему-нибудь научиться, я бы прогнал вас прочь. Но я скажу только, что больше всего вы похожи на малых детей.

Он говорил на языке Барленнана примерно с таким же акцентом, как и его начальник.

— Ну, глядя на ваши машины, многому не научишься, — сказал Барленнан. — Смотри, сколько неприятностей приносит вам ветер, сколько народу занято, а тут всего-то и нужно только — сделать крылья складными и опускать переднюю часть плоскости....

Он произнес слово «крылья» по-английски, так как в его языке такого не было. Страж немедленно потребовал объяснений; получив их, он на мгновение утратил высокомерный вид.

— Так ты видел планеры раньше? Где?

— В жизни никогда не видел летающих машин, подобных вашим, — ответил Барленнан. Он не сказал ни слова лжи, и только ударение на слове «вашим» вводило собеседника в заблуждение. — Мне не приходилось раньше бывать так близко от Края Света, и я полагаю, что эти ваши хрупкие конструкции развалились бы на куски под собственной тяжестью, если бы вы попытались слетать на них дальше к югу.

— А как же...

Но тут страж замолчал, сообразив, что тон его не приличествует цивилизованному существу, разговаривающему с варваром. Некоторое время он пытался сообразить, какого же тона ему теперь придерживаться; в конце концов он решил передать эту проблему на усмотрение начальника.

— Когда Риджаарен вернется, он, несомненно, охотно выслушает все ваши предложения относительно мелких усовершенствований в планерах. Если они окажутся ценными, он, может быть, даже снизит вам портовые налоги. Ну, а до тех пор я вынужден просить вас держаться подальше от наших машин; вы можете заметить в их конструкции некоторые ценные особенности, и тогда, к великому нашему сожалению, придется рассматривать вас как шпионов.

Барленнан и его помощник, в высшей степени удовлетворенные произведенным эффектом, вернулись на «Бри» и дословно пересказали этот разговор землянам.

— Как он реагировал на твой намек, будто у вас есть планеры для полетов в широтах с двухсоткратной силой тяжести? — спросил Лэкленд. — Ты считаешь, он поверил?

— Не могу сказать; просто он решил, что либо он много говорит, либо много слушает, и отложил разговор до прихода своего шефа. Впрочем, мне представляется, что начало мы положили хорошее.

Возможно, Барленнан был прав, но переводчик по возвращении вел себя точно так же, как прежде. После посадки его планера и перед тем, как он стал спускаться с холма к кораблю, была какая-то задержка: вполне возможно, страж доложил ему о разговоре, но вначале переводчик даже не заикнулся об этом.

— Начальник Внешних Портов решил пока считать, что вы не имели дурных намерений, — начал он. — Конечно, вы нарушили наши правила, сойдя на берег без разрешения; но он понимает, что вас к тому вынудили обстоятельства, и склонен отнестись к вам снисходительно. Он уполномочил меня обследовать ваш груз и определить размеры портовых налогов и штрафа.

— А не пожелает ли начальник лично взглянуть на груз и, возможно, принять что-нибудь в знак нашей благодарности за его доброту?

Барленнану удалось приглушить саркастические нотки в голосе, и Риджаарен ответил чем-то похожим на улыбку.

— Ваши намерения достойны всяческой похвалы, и я уверен, что мы с вами поладим. К сожалению, он сейчас занят на одном из островов и задержится там на много дней. Если к концу этого срока вы все еще будете здесь, я уверен, что он с удовольствием вос-

пользуется вашим предложением. А мы пока приступим к делу.

Во время осмотра груза Риджаарен умудрился выдать Барленнану такие сведения, что, наверное, убил бы себя, если бы осознал свою промашку. На словах он, конечно, стремился принизить ценность всего, что попадалось ему на глаза; он бесконечно долдонил о «милости» своего отсутствующего начальника. Но он тут же под видом штрафа завладел значительной долей запаса «еловых шишек», которые были собраны во время перехода через перешеек. А ведь в этих плодах островитяне не должны были бы испытывать недостатка, потому что перешеек явно находился в пределах досягаемости планеров, да и сам переводчик обронил замечание, свидетельствующее о знакомстве островитян с туземцами этих районов. Значит, если эти плоды представляли в глазах Риджаарена такую ценность, выходило, что «варвары» с перешейка оказались не по зубам высококультурному народу переводчика, и этому народу еще далеко до положения царей мироздания, на которое они претендуют в глазах чужеземцев. Это означало, что план помощника имел все шансы на успех, так как переводчик пойдет на что угодно, лишь бы не оказаться на более низкой ступени, нежели «варварская» команда «Бри». Поняв все это, Барленнан почувствовал, что настроение его поднялось подобно ракете землян; он был готов обвести этого Риджаарена вокруг пальца, как ручного «терни». Он употребил для этого все свое искусство, и команда честно подыграла ему.

После того как штраф был уплачен, зрители на холмах принялись толпами спускаться к кораблю, и тогда выводы Барленнана относительно ценности «еловых шишек» полностью подтвердились. Вначале Барленнан не собирался распродавать весь их запас, поскольку он рассчитывал получить за них весьма высокие цены дома; но затем сообразил, что на обратном пути ему все равно придется вновь идти через перешеек, где можно будет собрать их сколько угодно.

Как оказалось, многие покупатели сами были профессиональными торговцами, и они явились с большими запасами разнообразных товаров. В частности, команде предлагались съестные припасы, но по указанию капитана моряки от них отказывались. Торговцы восприняли этот отказ как нечто вполне естественное;

в конечном счете, какую ценность представляли такие товары для заморского купца, который без труда обеспечивает себя продовольствием в пути и не может рассчитывать на то, что съестное сохранится до распродажи по возвращении домой? Указание капитана исключало, пожалуй, только «специи», которые могли храниться практически вечно, но как раз специй местные торговцы не предлагали.

Однако у других купцов товары оказались гораздо более интересными. К удивлению Барленнана, ему были предложены канаты и материи, которыми он давно интересовался. Он сам вел дело с торговцем, явившимся с такими запасами. Капитан долго ощупывал и осматривал невероятно прозрачную и еще более невероятно прочную материю, прежде чем поверил, что она действительно та самая, которая идет на крылья планеров. Риджаарен был все время рядом, и это вынуждало к известной осторожности. Торговец объяснил Барленнану, что, несмотря на свой поразительный вид, материал этот является тканью, что сырьем для него служит растительное волокно (хитроумный торговец не уточнил, какого именно растения) и что ткань эта после изготовления обрабатывается определенной жидкостью, которая частично растворяет нити, после чего эти промежутки между нитями заполняются этим раствором.

— Значит, эта ткань непроницаема для ветра? Прекрасно, я продам ее дома без труда. Вряд ли она пригодна для практических надобностей, например для изготовления крыши, но она, безусловно, очень красива, особенно цветные образцы. Должен признать, хотя это и не совсем соответствует торговому протоколу, что она для нас самый ходовой товар из всех, что я видел пока на вашем острове...

— Вряд ли пригодна для практических надобностей? — Риджаарен возмутился больше, чем торговец. — Да знаешь ли ты, что такой материал изготавливается только у нас на островах, и это единственная ткань, достаточно легкая и в то же время достаточно прочная для крыльев наших планеров? Если ты решишь ее купить, я отдам приказ отмерять ее небольшими кусками, чтобы вы не смогли ее использовать для тех же целей у себя дома... только дурак станет летать на планерах с шитыми крыльями...

— Конечно, — согласился Барленнан. — Здесь, где вес можно игнорировать, эта материя вполне годится для крыльев. Но, уверяю тебя, в наших широтах использовать ее невозможно; крыло, достаточно обширное, чтобы поднять вес пилота, немедленно разорвется там в клочья при первом же порыве ветра, достаточно сильного, чтобы обеспечить взлет.

Барленнан почти дословно привел объяснение одного из землян, который обосновывал гипотезу, почему в странах на юге не додумались до планеров.

— Да, нагрузка на крылья в наших широтах весьма невелика, — признал Риджаарен. — Поэтому-то мы и не стремимся делать наши планеры более прочными, чем это необходимо. Увеличение прочности ведет к увеличению веса...

Барленнан пришел к выводу, что его противник не блещет умом.

— Естественно, — сказал он. — Но уж морские корабли при таких бурях, как у вас здесь, должны быть гораздо прочнее наших. Скажи, часто ли случается, что их забрасывает на сушу, как забросило наш? Я никогда прежде не видел таких приливных волн.

— Ну, когда приближается буря, мы, естественно, принимаем меры предосторожности. Насколько я знаю, такие приливные волны бывают только в наших широтах. А вообще-то наши корабли во всем похожи на ваши, хотя вооружение у вас, я вижу, совсем другое. Такого оружия я не знаю — несомненно, наши военные специалисты сочли его непригодным для условий наших широт. Что, оно сильно пострадало во время урагана?

— Еще бы, — солгал Барленнан. — А как вооружены ваши суда?

Он не надеялся, что переводчик ответит на этот вопрос; он даже опасался, что Риджаарен опять напыжится. Но на этот раз переводчик был любезен и обязателен. Он повернулся к холму, на котором остались его спутники, и провопил какой-то приказ, после чего один из них послушно спустился к месту торгов со странным предметом в клешнях.

Барленнан, конечно, никогда прежде не видел самострела. Он преисполнился должного восхищения, когда Риджаарен послал в прочный ствол какого-то растения ярдах в сорока от них три шестидюймовые стрелы с

кварцевыми наконечниками, и все они на три дюйма ушли в мишень. И он сразу перестал удивляться неожиданной любезности Риджаарена; такое оружие стало бы бесполезным грузом еще до того, как «Бри» прошел бы четверть пути до родных широт. Барленнан решил испытать его и попросил продать ему один самострел; переводчик любезно предложил самострел в подарок вместе со связкой стрел. Для капитана этого было достаточно; как всякий торговец, он любил, чтобы его принимали за дурачка. Как правило, это бывает выгодно.

Он в огромных количествах закупил материю для крыльев (Риджаарен либо забыл распорядиться, чтобы ее продавали небольшими кусками, либо больше не считал это необходимым), много эластичного каната и изрядное количество местных изделий, оставив на палубе свободными только рабочие места и небольшое пространство для резерва продовольствия. Он избавился от всех товаров, привезенных кораблем на остров, за исключением разве что огнеметов. С тех пор как Риджаарену сказали, что они вышли из строя, он больше не вспоминал о них, хотя явно понял, что это оружие. Барленнан подумал было о том, чтобы подарить ему один комплект без хлорного горючего, но ведь тогда пришлось бы объяснять и даже демонстрировать действие «огневого боя», а этого он как раз не желал делать. Если островитяне не знают огневого оружия, он не желает, чтобы они с ним познакомились; а если оно им известно, он не желает быть уличенным во лжи. Гораздо важнее было сохранять с Риджааренom хорошие отношения.

Когда торги закончились, толпы местных жителей постепенно рассосались; в конце концов поблизости остались только планеры и члены их экипажей — кое-кто из членов экипажей толпился внизу, возле корабля, а часть оставалась на холмах, возле своих машин. Барленнан разыскал переводчика там, где и ожидал: тот проводил много времени, болтая с матросами. Матросы докладывали, что он все время осторожно выпытывает у них сведения насчет летательных аппаратов их народа. Так оно и ожидалось, и матросы превосходно сыграли свою роль в этой игре, отделываясь небрежными ответами, в которых «случайно» обнаруживали значительные знания по аэродинамике. Ес-

тественно, ни одним намеком они не дали понять, когда они приобрели эти знания или каков их источник. Теперь Барленнан убедился, что островитяне, или по крайней мере их официальные представители, поверили, что его народ умеет летать.

— Вот, кажется, и все, что я смог купить и продать, — сказал Барленнан Риджаарену. — Все необходимые налоги мы уплатили. Прошу разрешения покинуть остров.

— Куда вы направитесь отсюда?

— На юг, туда, где вес нормальный. Мы совершенно не знаем этого океана, у нас есть только отрывочные сведения о нем от наших купцов, которые прошли сюда по суше. Мне бы хотелось узнать его получше.

— Очень хорошо. Можете отправляться. Не сомневаюсь, в вашем путешествии вы еще встретитесь с нами, и я сам время от времени плаваю на юг. И впредь берегитесь бурь. — Переводчик, воплощенная сердечность, повернулся, чтобы идти, но снова остановился. — Мы еще увидимся на берегу. Фьорд, в который вы вошли, представляется нам удобным местом для устройства порта, и я хочу его осмотреть.

С этими словами он двинулся вверх по склону к ожидавшим его планерам. Барленнан обернулся к кораблю и хотел было отдать приказ немедленно сниматься со стоянки (товары грузились на плотики сразу же после покупки), как вдруг до него дошло, что путь кораблю все еще преграждают копья, сброшенные с планеров. Секунду он колебался, не обратиться ли к островитянам с просьбой убрать барьер, но вовремя одумался. Требовать в его положении он не мог, а в ответ на просьбу Риджаарен, несомненно, снова надуется спесью. Нет, выходить из положения команде «Бри» придется без посторонней помощи.

На борту он отдал приказ взяться за пилы, но Дондрагмер остановил его.

— Я рад, что поработал не впустую, — объявил он.

— Что? — спросил капитан. — Ах, да, я ведь видел, что последние сорок или пятьдесят дней ты возишься с какими-то штуковинами, но был слишком занят и не спросил, в чем дело. С торгами мы управились без тебя. Чем же ты занимался?

— Сразу же после того, как нас заперли, у меня появилась одна идея. Вы навели меня на нее, когда

спросили Летчиков насчет машин для выдергивания копий. Позже я обратился к ним с вопросом, нет ли у них такой машины, не слишком сложной для нас, и один из них, поразмыслив, ответил, что такая машина есть. Он объяснил, как ее сделать: вот этим я и занимался. Сейчас мы установим у какого-нибудь копья треногу, и я погляжу, как она действует.

— Что же это за машина? Я думал, все машины у Летчиков делаются из металла, который мы не можем обрабатывать, потому что прочные его сорта требуют слишком большой температуры...

— Вот.

Помощник показал ему два предмета, которые он изготовил. Один представлял собой простейший блок, очень широкий, с прочным крюком. Второй был системой из двух блоков с гвоздеобразными зубцами, торчащими по окружности каждого. Блоки были вырезаны из цельного куска дерева и тоже снабжены крюком; вдобавок здесь была полоса кожи, пропущенная между ними, с отверстиями, соответствующими гвоздеобразным зубцам; концы ее были скреплены таким образом, что она образовывала двойную петлю. Вся эта конструкция представлялась месклинитам совершенно бессмысленной — в том числе и Дондрагмеру, который еще не знал, почему это устройство работает и будет ли оно работать вообще. Он перетащил оба предмета к тому месту, где находились радиоаппараты, и разложил их на палубе.

— Теперь это собрано правильно? — спросил он.

— Да. Теперь это будет работать, если ремень достаточно крепок, — отозвался землянин. — Ты прицепишь крюк единичного блока к копью, которое будешь вытаскивать; это вы сумеете сделать при помощи веревок. Другой блок, двойной, ты подвесишь к верхушке треножника. А что делать дальше, я тебе уже говорил.

— Да, я знаю. Только мне пришло в голову, что не надо тратить время на перемотку. Лучше я буду расстегивать ремень и вставлять его снова...

— Но не забудь при этом поддерживать груз, — сказал землянин. — Молодец, Дон.

Команда немедленно двинулась к первой ограде из копьев, но Барленнан приказал им остановиться.

— На канале, который мы не дорыли, копий меньше. Слушай, Дон, Летчик не сказал тебе, сколько вре-

мени требуется, чтобы вытащить одно копье при помощи этой штуки?

— Он не мог сказать точно, потому что это зависит от того, как глубоко копья сидят в грунте и как быстро мы будем работать; но он считает, что на одно копье уйдет не больше дня — это быстрее, чем пилить...

— Ага, но ведь кто-то должен дорыть канал, да еще много народу нужно будет откомандировать для этой работы. Кстати, как эта штука называется?

— Летчик назвал ее дифференциальным подъемником. Второе слово вполне понятно, но как перевести первое — я не знаю. Для меня это просто набор звуков.

— Для меня тоже. Дифференциальный, гм... Ну, принимайся за дело. Ты берешь на себя подъемник, я — канал.

Команда с воодушевлением взялась за работу.

Канал был закончен раньше: очень скоро выяснилось, что в землеройных работах может принять участие почти вся команда; двух моряков, сменяющих друг друга у подъемника через каждые пять минут, оказалось достаточно, чтобы копья очень медленно, но уверенно стали вылезать из твердого грунта. К удовлетворению Барленнана, вместе с копьями подняли и наконечники, так что когда операция закончилась, в распоряжении команды оказалось восемь копий весьма грозного вида. Народ Барленнана почти не знал обработки камня, и кварцевые наконечники представляли большую ценность.

Когда барьер остался позади, до озера было уже рукой подать; там они остановились, чтобы вновь собрать «Бри» в единое целое. На это тоже ушло не очень много времени — моряки стали настоящими специалистами по сборке кораблей, — и вот «Бри» опять оказался на сравнительно глубоком месте. Земляне наверху облегченно вздохнули. Но, как выяснилось, преждевременно.

Планеры летали над кораблем взад и вперед на протяжении всего пути до места торгов. Возможно, их экипажи и поразил способ, с помощью которого моряки расправились с барьером, но они не подали виду. Барленнан, конечно, надеялся, что они все разглядели и добавили эту информацию к списку достижений его народа. Он не очень удивился, когда заметил на берегу неподалеку от устья фьорда дюжину планеров, и ско-

мандовал рулевому повернуть корабль к этому месту. Теперь-то островитяне обязательно заметят целые и невредимые копья у него на палубе.

Когда «Бри» бросил якорь в нескольких ярдах от берега, первым их приветствовал Риджаарен.

— Итак, ваш корабль опять готов к плаваниям, а? Смотри, на твоем месте все остальные бури я постарался бы встречать в открытом море, подальше от суши.

— Правильно, — согласился Барленнан. — Когда плаваешь по незнакомому морю, самое трудное — это точно знать, как далеко ты от берега. Может быть, ты подскажешь нам, как распределяется суша в этом океане? А может, ты мог бы снабдить нас картами? Мне, конечно, следовало бы спросить об этом раньше...

— Карты наших островов — это секрет, — отозвался переводчик. — Впрочем, через сорок-пятьдесят дней плаванья вы оставите наши острова за собой, а дальше на юг вы не увидите суши примерно тысячу дней. Я не знаю скорости твоего корабля, поэтому говорю очень приблизительно. После этого начнутся острова: берег материка, который вы пересекли, круто завернет на восток, и если все время держать прямо на юг, ты выйдешь к нему примерно... (он назвал широту по показаниям пружинных весов, и широта эта соответствовала силе тяжести в сорок пять земных g). — Я мог бы рассказать тебе о странах, которые лежат вдоль побережья, но на это уйдет слишком много времени. Замечу только, что тамошние народы скорее склонны торговать, чем сражаться... хотя некоторые из них сделают все возможное, чтобы просто захватить у тебя товары.

— А они будут принимать нас за шпионов? — любезно осведомился Барленнан.

— Вы, конечно, рискуете, хотя у них не так уж много секретов, которые стоит выведать. Они скорее постараются выведать секреты у тебя, если узнают, что они у вас есть. Так что не советую вам там распространяться о своих летающих машинах.

— Мы и не собираемся, — заверил его Барленнан, старательно скрывая злорадство. — Мы благодарим тебя за советы и информацию.

Он отдал приказ поднять якорь, и тут Риджаарен впервые заметил каноэ, груженное продовольствием, которое болталось у «Бри» на буксире.

— Как же я не заметил его раньше? — произнес переводчик. — Я бы тогда не усомнился, что вы пришли с юга. Как вам удалось отобрать его у туземцев?

И тут Барленнан сделал первую серьезную ошибку за все время переговоров с этим островитянином.

— О, мы привезли его с собой; мы часто используем такие суденышки для транспортировки излишков съестных припасов. Ты видишь, его форма позволяет вести его на буксире безо всякого труда.

Это элементарное представление об обтекаемости он почерпнул из разговора с Лэклендом вскоре после того, как каноэ попало в его руки.

— А, так в вашей стране тоже строят такие суда? — полюбопытствовал переводчик. — Это интересно; я никогда не видел таких на юге. Можно мне осмотреть его? Или ты торопишься?

Барленнан заколебался: ему представилось, что последняя фраза является тонким ходом, своего рода маневром, к каким всегда прибегал он сам; с другой стороны, он не видел опасности в том, чтобы уступить Риджаарену, ибо не может же островитянин увидеть при осмотре больше, чем он видит сейчас. В конце концов, самое главное — форма каноэ, это ясно каждому. Он подогнал «Бри» еще ближе к берегу, подтянул каноэ за канат и толкнул в сторону островитянина. Тот бросился в залив и вынырнул у суденышка, крутившегося над отмелью в несколько дюймов глубины. Передняя часть туловища Риджаарена изогнулась вверх и вперед, и он заглянул в каноэ; мощные руки, увенчанные клешнями, ощупали борта. Каноэ было из обычного дерева, и борта пружинили, прогибаясь при надавливании; и тогда островитянин издал вопль — сигнал тревоги, по которому четыре планера, кружившиеся в воздухе, развернулись и ринулись на «Бри», а сухопутные силы взяли оружие наизготовку.

— Шпионы! — пронзительным голосом завопил Риджаарен. — Приказываю немедленно пристать к берегу, Барленнан — если это твое настоящее имя! Ты искусный лжец, но на этот раз твоя ложь будет стоить тебе тюрьмы!

Глава 14
БЕДА С ЭТИМИ ПОЛЫМИ ЛОДКАМИ...

Барленнана в годы его юности не раз предупреждали, что язык его до добра не доведет и он может попасть в такую переделку, что ему уж не удастся ничем отговориться. В разные периоды его последующей жизни не раз случалось так, что это предсказание вот-вот готово было исполниться, и каждый раз он клялся впредь не давать волю языку. Примерно то же самое происходило и сейчас, но, кроме того, он был уязвлен, так как решительно не понимал, чем же он все-таки себя выдал. У него не было времени теоретизировать на этот счет, необходимо было что-то предпринять, и чем скорее, тем лучше. Риджаарен уже громогласно отдавал приказания пилотам планеров пригвоздить «Бри» копьями ко дну, если он только попытается двинуться к выходу из фьорда, а катапульты на берегу выбрасывали одну за другой все новые машины на подмогу тем, что уже кружили над заливом. Ветер дул с моря и бил в дальнюю стену фьорда почти под прямым углом, создавая над этой частью острова атмосферную подушку, которая давала планерам возможность держаться в небе сколь угодно долго. Из объяснений землян Барленнан знал, что в открытом море силы восходящих атмосферных потоков от океанских волн не хватает, чтобы поднять планеры достаточно высоко для прицельного метания копий; но до открытого моря было еще далеко, и Барленнан, убедившись на опыте в искусстве воздушных метателей, сразу же отказался от упований на свое мастерство в маневрировании кораблем.

Как это часто случалось и раньше, пока он раздумывал, действовать начали его подчиненные. Дондрагмер схватил самострел, подаренный Риджааренoм, и с быстротой и сноровкой, свидетельствующей о том, что в последнее время он занимался не только подъемником, натянул тетиву. Затем он молниеносно установил оружие на стержневую подпорку, развернул его в сторону берега и прицелился в переводчика.

— Стой, Риджаарен, куда это ты?

Уже ступивший на берег островитянин, с длинного тела которого стекала жидкость, остановился и повернул переднюю часть туловища вполоборота назад, чтобы

взглянуть, кто его окликает. Он понял что к чему и заколебался, не зная, как поступить.

— Если ты считаешь, что я промахнусь, потому что никогда раньше не держал этой штуки в руках, — продолжал Дондрагмер, — тогда валяй, иди. Мне и самому будет интересно потренироваться. Так вот, если ты сию же секунду не повернешь обратно к кораблю, я буду считать, что ты пытаешься удрать от меня. Ну, давай!

Последние слова помощник пролаял громовым голосом, и на этом колебания переводчика закончились. Видимо, он не был так уж уверен в некомпетентности помощника; он завершил поворот, снова погрузился в жидкость и поплыл к «Бри». Если он и подумывал нырнуть, то храбрости у него на это не хватило. Он отлично знал, что даже под днищем «Бри» глубина не превышает нескольких дюймов и что такой слой метана — плохая защита от стрелы, пробивающей с расстояния сорока ярдов при семикратной силе тяжести слой дерева толщиной в три дюйма. Конечно, все это представлялось ему не в этих терминах и образах, но так или иначе он отлично знал, что такое самострел.

Он вскарабкался на борт, весь сотрясаясь от ярости и страха.

— Вы полагаете, это вас спасет? — осведомился он. — Вы же сделали себе еще хуже. Если вы сдвинетесь с места, планеры нападут в любом случае, буду я у вас на борту или нет.

— А ты прикажи им не нападать.

— Пока я в ваших руках, они не подчинятся никаким моим приказам; если бы в вашей стране было хоть какое-то подобие вооруженных сил, ты бы знал это...

— Мне редко приходилось иметь дело с солдатами, — отозвался Барленнан. Он уже вновь взял инициативу в свои руки, как всегда, когда ход развития ситуации вполне определялся. — Ладно, примем пока твои слова на веру. Нам придется задержать тебя здесь до тех пор, пока не будет выяснено это дурацкое недоразумение и пока ты не перестанешь требовать, чтобы мы пристали к берегу... а может быть, за это время мы сумеем вдобавок разделаться с этими твоими планерами. Жаль, что мы не захватили с собой на эти задворки более совершенного оружия.

— Не морочьте мне голову, — сказал пленник. — Оружие у вас такое же, как и у остальных дикарей на юге. Я признаю, тебе удалось одурачить нас на время, но ты все равно только что выдал себя.

— Чем же это я себя выдал?

— Не вижу смысла в объяснениях. То, что ты об этом не догадываешься, лишний раз доказывает мою правоту. И вообще для вас было бы лучше, если бы ваш обман не был таким успешным, тогда мы были бы осторожнее с нашими секретами. А теперь вы узнали столько, что нам так или иначе придется расправиться с вами.

— Если бы не эти твои последние слова, тебе, может, и удалось бы уговорить нас сдаться, — вмешался Дондрагмер, — хотя, впрочем, вряд ли. Капитан, я готов держать пари, что ваша несчастная оговорка касается как раз того предмета, о котором я вам все уши прожужжал. Правда, теперь с этим уже ничего не поделаешь. Сейчас вопрос в том, как нам избавиться от этих назойливых планеров; никаких морских сил я здесь не вижу, а публика на берегу располагает только самострелами с планеров, стоящих на грунте. Значит, все свои упования они возложили на воздушные силы. — Он перешел на английский: — Вспомним все, что рассказывали Летчики; как бы нам избавиться от этих докучливых машин?

Барленнан упомянул о том, что высота полета над открытым морем строго лимитирована, но обоим было ясно, что сейчас это им не поможет.

— Можно обстрелять их из самострела, — предложил Барленнан на своем языке, и Риджаарен открыто выразил презрительную насмешку.

Но Крендораник, начальник вооружений, который, как и вся команда, жадно прислушивался к разговору, был настроен менее скептически.

— Давайте попытаемся, — резко заговорил он. — Есть одна штука, которую я мечтаю опробовать еще с тех дней, когда мы застряли у речной деревни.

— Что именно?

— Предпочитаю не рассказывать в присутствии этого типа. Лучше мы ему продемонстрируем, если вы не возражаете.

Барленнан секунду поколебался, затем дал согласие. Он слегка встревожился, когда Крендораник без всяких предосторожностей раскрыл короб с огнеприпасами, но тот знал, что делает. Он извлек небольшой пакет, завернутый в светонепроницаемую материю, и все поняли, чем он занимался темными ночами после того, как они оставили позади деревню речных жителей.

Пакет был почти шаровидный и предназначался, очевидно, для метания рукой; как и все остальные моряки, Крендораник по-настоящему увлекся возможностями, которые предоставляло новое искусство бросания. Теперь он был намерен развить эту идею еще дальше.

Он взял пакет, наложил его на древко стрелы и крепко-накрепко примотал его полосой какой-то ткани. По долгу службы, пока они спускали «Бри» вниз по течению и опять собирали его, он хорошо изучил самострел и ничуть не сомневался в том, что может поразить неподвижную мишень на не очень большом расстоянии; относительно движущихся целей у него было больше сомнений, но ведь планеры, перед тем как резко изменить направление полета, сильно накреняются, так что у него будет время подготовиться...

По приказу Крендораника один из матросов группы огневого боя приблизился к нему с зажигательным устройством и остановился в ожидании. Затем, к неописуемому разочарованию наблюдавших землян, Крендораник подполз к ближайшему телепередатчику и водрузил на него стержневую подпорку, чтобы изготовиться для стрельбы вверх. Это начисто лишило людей возможности следить за тем, что происходит, ибо передатчики были расположены «звездочкой» и ни один объектив не перекрывал поля зрения другого.

А между тем планеры продолжали кружить над заливом на высоте примерно пятидесяти футов и раз за разом проносились прямо над «Бри», угрожая «бомбардировкой» в любую секунду; пожалуй, по ним не промахнулся бы и менее опытный стрелок, чем начальник вооружений. Он рявкнул — отдал команду своему помощнику, направил самострел на очередной приближающийся планер и повел его, не выпуская из прицела. Затем он подал исполнительную команду, и помощник протянул зажигатель к пакету на конце

медленно поднимающейся стрелы. Последовала вспышка, клешня Крендораника нажала на спусковой крючок, и вслед за взлетающей стрелой потянулась полоса дыма.

С молниеносной быстротой Крендораник и его помощник припали к палубе и покатились в наветренную сторону, чтобы укрыться от клубов дыма; моряки с подветренной стороны бросились врассыпную и попрятались кто куда. К тому моменту, когда они почувствовали себя в безопасности, сражение было почти закончено.

Стрела едва не проскочила мимо: стрелок недооценил скорости планера. Она ударила в самый кончик фюзеляжа и пакет с хлористым порошком яростно запылал. За планером потянулось огненное облако и длинный дымовой хвост, от которого шедшие следом машины даже не попытались увернуться. Экипаж подбитого воздушного корабля избежал воздействия ядовитых паров, но хвостовое оперение у них за несколько секунд выгорело напрочь. Планер клюнул носом и, кувыркаясь, полетел вниз; пилоты успели выпрыгнуть за секунду до того, как он врезался в берег. Два планера, влетевшие в дым, тоже потеряли управление, едва пары хлористого водорода оглушили их экипажи, и оба свалились в залив. Словом, это был один из самых славных выстрелов в истории.

Барленнан, не дожидаясь падения последней жертвы, отдал приказ ставить паруса. Ветер дул им навстречу, но глубина для выдвижных килей была достаточной, и он начал маневрировать, направляясь к выходу из фьорда. На мгновение всем показалось, что солдаты на берегу готовятся обстрелять корабль из своих самострелов, но Крендораник уже зарядил самострел новым ужасным снарядом и нацелился на берег, и одной этой угрозы было достаточно, чтобы они обратились в беспорядочное бегство — впрочем, в наветренную сторону: большей частью это были благоразумные существа.

Риджаарен смотрел молча, всем своим видом являя крайнее смятение. Оставшиеся планеры еще кружились над заливом, и некоторые даже набирали высоту, как бы намереваясь атаковать; но он-то понимал, что теперь «Бри» в сущности обезопасил себя от попыток такого

рода. И действительно, один из планеров все-таки сбросил копье с высоты в триста футов, но еще один снаряд, за которым тянулся хвост дыма, сильно сбил его прицел, и попытки напасть больше не повторялись. Теперь машины кружили далеко за пределами досягаемости, между тем как «Бри» уверенно скользил по фьорду к открытому морю.

— Какого дьявола, что там у вас произошло, Барл? — спросил Лэкленд, не в силах больше сдерживаться. Толпа на берегу за дальностью была теперь едва различима, и он решил, что можно начать разговор. — Раньше мы молчали, потому что боялись, как бы радио не повредило твоим планам, но теперь-то ты можешь рассказать нам, что вы делали все это время...

Барленнан коротко описал события последних нескольких сотен дней, излагая главным образом содержание разговоров, из которых земные наблюдатели в свое время, конечно, ничего не поняли. Отчет продолжался всю ночь, а восход солнца застал корабль уже у самого устья фьорда. Переводчик с ужасом и смятением прислушивался к беседе капитана и радиоаппарата; он был уверен, и не без оснований, что капитан докладывает о результатах своей шпионской деятельности начальству, хотя никак не мог понять, каким образом это делается. Утром он попросил, чтобы его отпустили на берег, причем тоном, разительно отличающимся от прежнего; и Барленнан, сжалившись над существом, которое, вероятно, никогда прежде ничего не просило у представителей других народов, разрешил ему спрыгнуть за борт в пятидесяти ярдах от берега. Увидев, что островитянин нырнул за борт, Лэкленд с облегчением вздохнул: характер Барленнана был ему известен, но он не знал, как тому заблагорассудится поступить в подобных обстоятельствах.

— Барл, — произнес он после паузы. — Мы были бы тебе очень признательны, если ты хотя бы несколько недель не ввязывался во всякие неприятные дела; а мы пока приведем в порядок наши нервы и пищеварение. Каждый раз, когда «Бри» попадает в ловушку, все мы здесь, на луне, стареем на десяток лет.

— А кому я обязан этими неприятностями? — возразил месклинит. — Если бы мне не порекомендовали искать убежище от некоего урагана, который, между прочим, я бы много легче перенес в открытом море,

мы бы, конечно, никогда не столкнулись с этими строителями планеров. Я не могу сказать, что сожалею об этом; я многому научился и, кроме того, знаю, что кое-кто из твоих друзей рад был познакомиться с островными жителями. Я вообще считаю, что пока наш поход довольно скучен; все встречи заканчиваются благополучно да еще приносят нам прибыли...

— Так скажи мне прямо, раз и навсегда, что ты предпочитаешь: приключения или прибыли?

— Ну... не знаю. Я всю жизнь ввязываюсь в разнообразные истории, потому что мне так интересно, но еще приятнее, если я от этого что-нибудь имею. Вам бы, конечно, только лишить меня всех радостей жизни!

— Ну вот, так я и думал... Ладно, я не могу тебе приказывать, но помни, пожалуйста, как много значит для нас твоя информация!

Барленнан согласился более или менее искренне и снова повернул корабль на юг. Остров, который они оставили, еще несколько дней маячил позади, и им частенько приходилось менять курс, чтобы обойти другие острова. Время от времени они видели планеры, проносившиеся над волнами от одного острова к другому, но летающие машины всегда далеко обходили корабль. Видимо, среди этого народа новости распространялись быстро. Затем последний клочок суши погрузился за горизонт, и люди сообщили, что дальше впереди долго не будет суши — установившаяся ясная погода позволяла им очень точно координировать курс корабля.

На широте примерно сорока g они повернули корабль на юго-восток, чтобы обогнуть длинный выступ суши, который, как предупреждал Риджаарен, вытянулся перед ними далеко на восток. Корабль проходил по сравнительно узкому проливу, соединяющему два основных моря, но пролив этот был все же достаточно широк, так что никто на борту его не заметил.

Вскоре после выхода в новое море имело место небольшое происшествие. Примерно при шестидесяти g каноэ, по-прежнему преданно тащившееся на конце буксирного троса, постепенно начало увеличивать осадку. Суденышко подтянули к корме, причем Дондрагмер стоял тут же и молчал, но всем своим видом как бы хотел сказать «я же говорил». На дне каноэ оказалось

некоторое количество метана; каноэ разгрузили и подняли для осмотра на борт, однако течи обнаружено не было. Барленнан решил, что в лодку плеснула волна, хотя жидкость в ней была гораздо прозрачнее, чем в самом океане. Он распорядился спустить каноэ обратно в море и снова загрузить, но теперь выделил моряка для периодического осмотра и, если потребуется, для вычерпывания. Долгое время этого было вполне достаточно; стоило удалить жидкость, как каноэ восстанавливало прежнюю высокую осадку, однако скорость течи все время возрастала. Его еще два раза вытаскивали на борт для осмотра, но безрезультатно; Лэкленд, к которому обратились за консультацией, не мог дать никаких объяснений. Он предположил, что дерево может быть пористым, но тогда течь должна была иметь место с самого начала...

Апогей был достигнут на широте примерно двухсот g, когда позади осталось более трети морского пути. Продолжительность дня все увеличивалась, по мере того как весна подходила к концу, и планета все больше удалялась от своего солнца, и моряки чаще всего целыми днями били баклуши. Состояние общей расслабленности не миновало и матроса, назначенного черпальщиком. В тот день он, как обычно, подтянул каноэ к корме и перебрался через его планшир. И тут расслабленность его как рукой сняло. Когда он забрался в каноэ, оно, естественно, слегка осело; при этом пружинистое дерево бортов слегка прогнулось внутрь. Каноэ осело еще глубже... борта прогнулись сильнее... каноэ погрузилось...

Как и всякая реакция с прямой связью, эта реакция протекала с необыкновенной быстротой. Едва черпальщик успел заметить, что борта вдавливаются внутрь, как все суденышко нырнуло в океан, а матрос обнаружил, что он ошеломленно барахтается на поверхности. Наконец каноэ повисло на тросе, рывком затормозив движение «Бри»; этот толчок сразу поднял всех.

Черпальщик перелез через борт, на ходу рассказывая, что произошло. Все матросы, кроме вахтенных, устремились к корме, и вскоре буксирный трос был выбран, а затопленная лодка подтянута к кораблю. Не без труда ее вытащили на палубу вместе с той частью груза, которая была хорошо принайтована; подтянули телепередатчик и установили объектив перед каноэ.

Осмотр ничего не дал; потрясающая эластичность дерева восстановила прежнюю форму суденышка, и оно выглядело совершенно таким, как прежде; и по-прежнему не было никакой течи. Это было установлено уже позже, когда лодку разгрузили. Лэкленд, внимательно оглядев ее, покачал головой и уклонился от объяснений.

— Расскажите сначала, что произошло, — попросил он. — Пусть каждый расскажет то, что видел.

Месклиниты принялись рассказывать. Барленнан перевел то, что говорили матросы, вытаскивавшие лодку, и матросы, видевшие все подробности этого события. Это и оказалось самым важным и интересным.

— Подумать только! — пробормотал Лэкленд вполголоса. — Ну стоило ли оканчивать институт, если ты не можешь при случае вспомнить то, что необходимо? Давление жидкости в заданной точке соответствует весу столба жидкости над этой точкой... и даже метан при силе тяжести в две сотни g весит немало, а каждый лишний дюйм глубины увеличивает вес... И ведь дерево это не толще бумажного листа; удивительно, как оно все еще держится.

Барленнан прервал этот невразумительный монолог и потребовал информации.

— Я вижу, ты теперь знаешь, в чем дело, — сказал он. — Не можешь ли заодно объяснить и нам?

Лэкленд честно пытался это сделать, но преуспел только отчасти. Концепция давления в количественном смысле остается камнем преткновения для студентов любого института.

Барленнан все-таки понял, что чем глубже погружаешься в море, тем больше давление, и что с глубиной оно возрастает с увеличением силы тяжести; но он не сопоставил эту силу с другими, известными ему, например с силой давления ветра или даже с недомоганием, которое он сам испытывал, когда при купании погружался слишком быстро.

А главное, конечно, состояло в том, что у любого плавающего предмета какая-то часть всегда находится под поверхностью, и при возрастании силы тяжести, если предмет полый, эта часть рано или поздно будет раздавлена. Когда в беседе с Лэкендом они пришли к этому заключению, Барленнан старался не смотреть на Дондрагмера, и настроение его не улучшилось, когда помощник заметил, что именно на этом его поймал

Риджаарен. Полые суда на их родине, это надо придумать! Островитянам-то, наверное, давно известно, что в высоких широтах полые суда никуда не годятся...

Имущество, которое было в каноэ, закрепили на палубе и поход продолжался. Барленнан никак не мог заставить себя расстаться с теперь уже бесполезным каноэ, хотя оно и заняло на палубе много места. Он старался скрыть бесполезность каноэ, набив его съестными припасами, которые нельзя было бы навалить такой высокой грудой, если б не борта. Дондрагмер заметил, что при этом маневренность «Бри» ухудшается, так как каноэ расположилось на двух плотиках, но Барленнан пропустил это мимо ушей.

А время все шло, сначала сотни дней, затем тысячи. Для месклинитов, долгоживущих по своей природе, ход времени значил немного; землянам же все это приелось и наскучило. Они вели наблюдения, беседовали с капитаном, следили, как медленно удлиняется на глобусе линия маршрута; они меряли и вычисляли, определяя по просьбе капитана позицию корабля и наивыгоднейший курс; учили моряков английскому и сами учились у них месклинитскому, потому что иногда и морякам становилось скучно; короче говоря, ждали, работали когда была работа, и по-всякому убивали время, пока не прошло четыре земных месяца или девять тысяч четыреста с лишним месклинских дней. Сила тяжести увеличилась со ста девяноста g на широте, где тонуло каноэ, до четырехсот, а затем до шестисот и выше, как свидетельствовали деревянные пружинные весы — указатель широты на борту «Бри». Дни становились все длиннее, а ночи короче, пока, наконец, солнце не обошло небо, так и не коснувшись горизонта, хотя и склонилось к нему на юге. И землянам, которые успели привыкнуть к этому солнцу за короткий период прохождения Месклина через перигелий, оно казалось меньше. Горизонт, видимый с палубы «Бри» через телепередатчики, был выше судна по всей окружности — это в свое время Барленнан терпеливо объяснял Лэкленду; тогда месклинит терпеливо слушал, как люди уверяли его, что это всего лишь оптическая иллюзия. Суша, которая наконец появилась впереди, тоже, очевидно, выше: так как же оптическая иллюзия может обернуться фактом? Суша действительно там! И это

было доказано, когда они ее достигли; ибо они-таки достигли ее у устья широкого залива, который тянулся дальше на юг на две тысячи миль — половину оставшегося расстояния до заветной ракеты. И они поплыли вверх по заливу, все медленнее, по мере того как он сужался до размеров обычного эстуария, ибо теперь приходилось лавировать, а не искать благоприятного ветра с помощью Летчиков, и наконец они достигли устья реки. Они двинулись вверх по реке, уже не под парусами, если не считать редких благоприятных минут, ибо течение здесь было сильнее, чем тяга парусов, оно напирало на тупые обрезы носовых плотиков. Теперь они шли бечевой; очередная вахта сходила на берег с тросами и тянула, так как при такой силе тяжести даже один месклинит располагал значительным количеством тягового усилия. Прошли еще недели, и земляне забыли о скуке, а база на Турее вся была в напряженном ожидании. До цели было рукой подать, и люди и месклиниты жили только надеждами.

Но надежды разом рухнули. Причина была почти та же, что и несколько месяцев назад, когда танк Лэкленда остановился у обрыва. Но на этот раз «Бри» и его команда были на дне обрыва, а не наверху. И сам обрыв был высотой не шестьдесят футов, а триста, и при силе тяжести почти в семьсот g карабкаться, прыгать и передвигаться другими быстрыми способами, которые так вольно было применять на далеком Краю Света, было совершенно невозможно для могучих малюток, составлявших команду корабля.

По горизонтали ракета находилась от них в пятидесяти милях; по вертикали же это было все равно, что для человека карабкаться вверх тридцать пять миль по отвесной скалистой стене.

Глава 15
ПЛАТО

Команда «Бри» была уже не та, что раньше; слепой рефлекторный ужас высоты, свойственный им от рождения, исчез, и здравый смысл не оставил их. В этих областях планеты падение с высоты, равной лишь

половине длины их тела, грозило неминуемой гибелью даже их могучим организмам. Поэтому, когда «Бри» пришвартовался к речному берегу в нескольких десятках метров от чудовищного обрыва, отрезавшего им путь к цели, большинство из них ощутило страх.

Люди молча глядели на обрыв, тщетно ломая головы над новой проблемой. Экспедиция располагала несколькими ракетами, но ни одна из них не смогла бы оторваться от грунта даже при вдесятеро меньшей, чем здесь, силе тяжести; единственная ракета, специально построенная для этой цели, давно и безнадежно покоилась на грунте. Но даже если бы существовала еще одна такая же, в экспедиции не нашлось ни одного человека или инопланетянина, который смог бы посадить ее здесь и остаться в живых, а существа, способные жить и работать в этих условиях, не сумели бы управлять ею, и обучить их было бы так же невозможно, как бушмена, выхваченного наугад из сердца джунглей.

— Что ж, оказывается поход еще далеко не закончен, — резюмировал положение Ростен, вызванный в смотровой зал. — Должен же быть какой-то путь на плато, а может, обратный склон обрыва окажется не таким крутым. Конечно, совершенно очевидно, что в этом месте Барленнану и его команде не подняться, но почему бы не попробовать пойти в обход?

Лэкленд передал его предложение капитану.

— Все это так, — отозвался месклинит. — Но здесь возникает целый ряд трудностей. Добывать пропитание на берегах реки за последние дни становится все труднее; мы слишком далеко от моря. Далее, у нас нет никакого представления о том, сколько нам еще придется пройти, значит, мы не можем планировать потребление съестных припасов и многое другое. У вас есть достаточно подробные карты, по которым мы могли бы заранее определить новый маршрут? Если нет, лучше бы вам их составить...

— Хорошая мысль. Сейчас узнаю, как у нас с этим обстоит дело... — Лэкленд повернулся к товарищам и запнулся, увидев нахмуренные озабоченные лица. — Что случилось? Разве мы не можем провести фотосъемки, как это делали на экваторе?

— Можем, конечно, — ответил Ростен. — Мы можем составить карту и даже, пожалуй, достаточно подробную; но это будет нелегко. Над экватором мы могли держать ракету в заданной точке при круговой скорости на высоте всего шестисот миль от поверхности — прямо на внутреннем крае кольца. А здесь круговой скорости будет недостаточно, хотя для нас она самая удобная. Чтобы получить снимки с близкого расстояния без сверхъестественного перерасхода горючего, нам придется выводить ракету на орбиту, близкую к гиперболической; а значит, скорость на минимальном расстоянии от поверхности составит несколько сотен миль в секунду. Сами понимаете, что это будут за съемки. Видимо, снимать придется все-таки длиннофокусными объективами и с весьма порядочных расстояний; остается только надеяться, что четкость деталей удовлетворит нашего Барленнана.

— Я об этом не подумал, — признался Лэкленд. — Но мы это так и сделаем; другого выхода я не вижу. Конечно, можно было бы попросить Барленнана провести поход вслепую, но это было бы нечестно по отношению к нему.

— Правильно. Мы запустим одну из наших ракет и возьмемся за дело.

Лэкленд передал содержание разговора Барленнану, и тот ответил, что до получения необходимой информации он будет оставаться на месте.

— Я мог бы двинуться вдоль обрыва либо вправо, вверх по течению реки, либо влево, оставив здесь корабль. Но поскольку я не знаю, какой путь короче, мы лучше подождем. Я бы, конечно, предпочел идти по реке; тащить на себе продовольствие и радиоаппараты — дело нешуточное...

— Ладно. Как у тебя со съестными припасами? Ты, кажется, говорил что с ними стало труднее, потому что вы ушли от океана?

— Да, с едой тут хуже, но все-таки здесь не пустыня. Какое-то время мы во всяком случае продержимся. Но если нам предстоит поход по сухопутью, мы сто раз пожалеем, что с нами нет тебя и твоей пушки. Самострел, что нам подарили, на протяжении почти всего пути был для нас просто музейным экспонатом.

— Почему же ты его сохранил?

— Да по той самой причине, что это отличный музейный экспонат. Ведь у нас никто никогда не видел и, насколько я знаю, представить себе не мог оружие, которое основано на принципе бросания. Кстати, не можешь ли ты выделить нам какую-нибудь пушку? В наших условиях она все равно не будет работать...

Лэкленд рассмеялся.

— Боюсь, что не смогу. У нас только одна. Нам она, конечно, вряд ли еще пригодится, но мы должны будем отчитаться за нее.

Барленнан изобразил нечто вроде кивка и вернулся к своим делам. Ему предстояло многое исправить на Чаше, которая являлась эквивалентом глобуса; во время похода люди непрерывно давали капитану пеленги и расстояния до суши во всех направлениях, и теперь он имел возможность нанести на свою вогнутую карту очертания большей части обоих морей, которые он пересек.

Необходимо было также решить, что делать с продовольствием; этот вопрос, как Барленнан уже объяснял Лэкленду, пока не был злободневным, но сейчас пришла пора пустить в ход сети. Ширина реки в этом месте достигала двухсот ярдов, и в ней оказалось достаточно рыбы для их повседневных нужд, зато от суши ничего хорошего ждать не приходилось. С одной стороны реки каменистый и голый берег упирался в подножие скалистого обрыва; по другую сторону миля за милей тянулись гряды невысоких холмов и исчезали за отдаленным горизонтом. Скальная порода обрыва была отполирована до гладкости стекла, как это случается даже на Земле со скалами на гранях разломов. И даже на Земле, чтобы вскарабкаться на такой обрыв, потребовалось бы специальное оборудование и вес мухи (впрочем, на Месклине и муха оказалась бы слишком тяжелой). Растительность здесь была, но в небольших количествах, и в течение первых пятидесяти дней никто из команды не обнаружил никаких следов сухопутной фауны. Время от времени кто-нибудь уверял, что заметил какое-то движение, но на поверку всегда оказывалось, что это лишь тени, отбрасываемые кружащимся солнцем, которое вновь и вновь проносилось по небу, чтобы спрятаться за обрывом. Они были так близко

от южного полюса, что не могли уже замечать изменения высоты солнца над горизонтом в течение дня.

Земляне в это время не сидели без дела. Четверо членов экспедиции, в том числе Лэкленд, вошли в ракету и с быстродвижущейся луны взяли курс на Месклин. С луны планета выглядела как овальная селедочница с небольшим утолщением посередине; кольцо казалось узкой яркой чертой, но оно выделялось на фоне истыканного звездами мрака и подчеркивало сплющенность гигантского мира.

Когда была включена тяга, чтобы погасить орбитальную скорость луны и вывести ракету из экваториальной плоскости Месклина, картина изменилась. Кольцо стало похожим на кольцо, но хотя оно было тройным, вся эта система не напоминала систему Сатурна. Слишком велика была сплющенность Месклина, и он был похож только на самого себя — менее двадцати тысяч миль в полярном диаметре и сорок восемь тысяч миль в экваториальном: нужно было видеть это, чтобы оценить по достоинству. Члены экспедиции видели теперь эту картину достаточно часто, и все равно смотрели как зачарованные.

Ракета шла с орбиты спутника на большой скорости, но, как и объяснял Ростен, этой скорости было недостаточно. Понадобилась добавочная тяга; и хотя ракета пролетела над полюсом на высоте в несколько тысяч миль, фотографу пришлось работать засучив рукава. Было сделано три оборота по времени, пригодного для фотографирования, набралось в общей сложности всего две-три минуты; в основном ракета удалялась и вновь приближалась к планете. Все было рассчитано таким образом, чтобы Месклин каждый раз был повернут к солнцу другой стороной; это было необходимо для измерения высоты обрыва по отбрасываемой им тени. Затем, когда фотографии были проявлены и легли на картографический стол, было затрачено еще некоторое количество горючего, чтобы сменить гиперболу на широкую дугу, пересекающую орбиту Турея, и пригасить скорость до оптимальной для посадки. Этот маневр потребовал времени, но они могли себе это позволить: картографические работы велись уже в полете.

Как и все, что было связано с Месклином, результаты оказались интересными и даже поразительными.

На этот раз изумление землян вызвали размеры участка планетной коры, который был, видимо, выдавлен вверх тектоническими силами в виде единого «куска». По форме он напоминал Гренландию — обширный клин длиной примерно в три с половиной тысячи миль, острием направленный в сторону океана, откуда приплыл «Бри». Река, ведущая к нему, делала широкую петлю и подступала к его стенам почти с противоположной стороны в основании «клина». Высота его над окружающей местностью по краям была на удивление одинакова по всей окружности; измерения по теням свидетельствовали, что у острия «клина» река разве что чуть-чуть больше, нежели в том месте, где отшвартовался «Бри». И не было заметно иззубренных теней, которые указывали бы на проломы в этой стене.

Вот только одно. Лишь на единственной фотографии можно было разглядеть некоторую размытость на рисунке тени, которая могла бы обозначать более отлогий склон. Это место находилось на широкой стороне «клина», примерно в восьмистах милях от стоянки корабля. Более того, оно было выше по течению, и река текла вдоль самой кромки обрыва, а возле размытого участка тени делала резкий поворот, как бы огибая груду камней от обвалившегося склона. Все это выглядело весьма многообещающе. Это означало, что Барленнану предстоит пройти не пять тысяч миль, а всего тысячу шестьсот-тысячу семьсот; правда, половина расстояния придется на сушу, но даже этот участок сухого пути вряд ли такой труднопроходимый. Лэкленд так и сказал своим товарищам, и тогда ему предложили более тщательно исследовать поверхность плато, по которой придется идти его маленькому другу. Но это дело Лэкленд отложил до возвращения, так как на базе было больше возможностей.

На базе микроскопы и денситометры в руках профессиональных картографов несколько поохладили восторги Лэкленда, ибо поверхность плато оказалась сильно изрытой. Там не было видно ни рек, ни чего-либо другого, что объясняло бы пролом в стене; впрочем, существование пролома подтвердилось с достаточной основательностью. Денситометрия показала, что середина плато ниже, чем его края, так что плато представляет собой некое подобие гигантской мелкой чаши;

но глубину ее определить сколько-нибудь точно не удалось из-за отсутствия четких теней внутри нее. Тем не менее картографы с уверенностью объявили, что самый глубокий участок плато все же гораздо выше местности под обрывом.

Ростен просмотрел окончательные результаты и фыркнул.

— Ну что ж, это лучшее, что мы можем ему предложить, — произнес он. — Лично я и даром бы не взял это плато, даже если бы мне удалось там выжить. Чарли, вам придется лезть из кожи вон, чтобы оказать месклиниту моральную поддержку; ибо как поддержать его материально, я не знаю.

— Я все время лезу из кожи вон. Это же просто несчастье, что именно сейчас, когда до цели рукой подать, мы уткнулись носом в такую штуку. У меня одна надежда — что он не плюнет на нас, а постарается все-таки довести дело до конца; знаете, он ведь до сих пор не верит тому, что мы говорим. Возьмите, например, эту историю с высоким горизонтом. Было бы просто здорово, если бы кто-нибудь толком объяснил ему — и мне заодно, — как это получается. Тогда было бы легче выбить из него этот предрассудок, будто его мир имеет форму чаши, а то ведь он и сейчас не уверен, что мы пришли сюда из другого мира, и считает это на пятьдесят процентов суеверной болтовней...

— Ты что, серьезно не знаешь, почему горизонт кажется выше? — возмущенно воскликнул один из метеорологов.

— Да, толком не знаю, хотя понимаю, конечно, что здесь какую-то роль играет плотность атмосферы...

— Но ведь это же очень просто!

— Не для меня.

— Это просто для каждого. Ты знаешь, как в солнечный день слой горячего воздуха над дорогой отражает свет от неба вверх под небольшим углом, поскольку горячий воздух менее плотен и свет идет сквозь него быстрее; ты наблюдаешь отражение неба и склонен принимать его за водную поверхность. Ты даже иногда на Земле видишь еще более сложные миражи, но все это основывается на одном и том же — «линзы» и «призмы» более холодного и более горячего воздуха

преломляют свет. То же самое и тут, только здесь примешивается еще и гравитация; чем выше ты поднимаешься над поверхностью Месклина, тем меньше становится плотность водорода. И, конечно, помогает низкая температура.

— Хорошо, считай, что я понял. Я не...

Лэкленд не закончил фразы; Ростен резко прервал его:

— Как быстро плотность падает с высотой?

Метеоролог достал из кармана счетную линейку и несколько секунд что-то подсчитывал.

— Весьма приблизительно, принимая за среднюю температуру минус сто шестьдесят, можно считать, что на высоте тысячи пятисот-тысячи шестисот футов плотность падает до одного процента плотности у поверхности.

Ошеломленное молчание было ему ответом.

— А... насколько она упадет... э... на высоте в триста футов?

Ростен с трудом выдавил из себя этот вопрос. Метеоролог задумался, шевеля губами. Потом ответил:

— Опять же весьма приблизительно — на семьдесят-восемьдесят процентов плотности у поверхности, может быть и больше...

Ростен с минуту барабанил пальцами по столу, следя взглядом за их движениями. Затем поднял глаза. Все молча смотрели на него.

— Я понимаю, никто здесь не способен предложить блестящий выход из этого положения; или кто-нибудь искренне полагает, будто соплеменники Барленнана способны жить и работать при атмосферном давлении, которое в переводе на наши человеческие понятия соответствует высоте в сорок или пятьдесят тысяч футов?

— Я не уверен... — Лэкленд, нахмурившись, задумался, и Ростен с надеждой взглянул на него. — Когда-то довольно давно он объяснял мне, что способен проплывать под водой... простите, метаном... значительные расстояния. Если вы помните, речные жители тогда перетащили «Бри» именно таким образом. Если они просто задерживают дыхание или запасают воздух на манер наших китов, то для нас это бесполезно; но если они могут забирать необходимый для дыхания водород

из его раствора в месклинских реках и морях, тогда у нас есть какая-то надежда.

Ростен еще немного подумал.

— Ладно. Надо вызвать вашего приятеля-крошку по радио и выяснить все, что он сам знает об этой своей способности. Рик, найдите мне данные по растворимости водорода в метане при давлении в восемь атмосфер и температурах от минус ста сорока пяти до ста восьмидесяти пяти по Цельсию. Дэйв, спрячьте вашу линейку обратно в карман и ступайте к вычислителю; получите мне значение для плотности водорода на вершине этого плато с максимальной точностью, какую только могут обеспечить физики, химики, математики и боги погоды. Кстати, это не вы говорили, что в здешних тропических циклонах давление в центре падает на две-три атмосферы? Чарли, надо выяснить у Барленнана, каковы при этом его ощущения? Ну, все за работу!

Конференция закончилась, и ее участники разошлись по своим местам.

Ростен остался в смотровом зале с Лэклендом, чтобы послушать его разговор с месклинитом.

Барленнан подтвердил, что способен пробыть под водой долгое время без неприятных для себя последствий; но он понятия не имеет, как он это делает. Во всяком случае, в это время он не дышит и не испытывает ничего похожего на человеческое ощущение удушья, как его описывает Лэкленд. Если он остается под водой слишком долго и при этом занят активной работой, наступает, насколько он способен это описать, нечто похожее на сонливость; иногда он теряет сознание, но на этом все и кончается; его можно вытащить и привести в себя в любое время, если он не погибнет от голода. Видимо, в месклинских морях растворено достаточно водорода для поддержания жизнедеятельности, но для активной работы в течение длительного времени его не хватает.

Ростен буквально расцвел на глазах.

— Даже в самые свирепые бури мне не было плохо, — продолжал капитан. — Например, во время урагана, который выбросил нас на остров планеров, все держались отлично, хотя, конечно, в центре его мы пробыли всего две или три минуты... А что случилось?

Почему ты задаешь такие вопросы? Я не понимаю, к чему ты ведешь...

Лэкленд вопросительно взглянул на своего шефа, тот кивнул.

— Мы обнаружили, что воздух над плато, где стоит наша ракета, гораздо менее плотен, чем здесь, у подножия, — сказал Лэкленд. — И мы усомнились, сможете ли вы там работать.

— Но это же всего триста футов; как он может измениться, если расстояние так мало?

— Все ваша гравитация; боюсь, что на объяснения уйдет слишком много времени, но это факт: на любой планете чем выше, тем воздух становится менее плотным, а чем больше сила тяжести, тем скорее падает эта плотность. На твоей же планете это особенно чувствуется.

— Ну, а где у нас здесь воздух, который ты назвал бы нормальным?

— На уровне моря; мы производим все измерения от уровня моря.

На некоторое время Барленнан погрузился в размышления.

— По-моему, это глупо, — объявил он наконец. — Для измерений нужно выбрать такой уровень, который никогда не меняется. А наши моря поднимаются и опускаются на сотни футов каждый год — и я ни разу не заметил каких-либо изменений в воздухе.

— Ты и не мог заметить, и вот почему. Прежде всего ты на палубе своего «Бри» всегда и во всех случаях остаешься на уровне моря и, следовательно, на дне атмосферы. Может, тебе будет легче представить все это, если ты задашься вопросом о весе воздуха над собой и под собой...

— Все равно не получается, — отозвался капитан. — Наши города не опускаются вслед за морями; они, как правило, весной на берегу, а осенью в сотнях и тысячах миль от берега. Конечно, берега эти очень отлоги, но я уверен, что во время отливов города остаются на высоте не менее чем в триста футов над уровнем моря.

Лэкленд и Ростен секунду молча глядели друг на друга; затем Ростен сказал;

— Но ведь твои города гораздо дальше от полюса... впрочем, нет, это все ерунда. Даже если на полюсах

сила тяжести была бы в три раза меньше, все живое должно было бы испытывать огромные перепады в давлении. Может быть, это действительно ложная тревога.

Он сделал паузу, но месклинит не отозвался.

— Барленнан, не сделаешь ли ты попытку подняться на это плато? Мы, конечно, не станем очень настаивать, если это окажется вредным для ваших организмов, но тебе уже известно, как это важно для нас...

— Конечно я попытаюсь; мы столько прошли, и, мне кажется, нет никаких оснований полагать, будто впереди нас ожидает нечто худшее, чем позади. И кроме того, я хочу... — Он внезапно замолчал и перевел разговор на другую тему: — Вы отыскали какой-нибудь путь наверх или спрашиваете просто так?

И снова от имени землян заговорил Лэкленд:

— Мы обнаружили что-то вроде такого пути выше по реке в восьмистах милях от нынешней стоянки. Мы все еще не уверены, что вы сможете пройти; вероятно, в тех местах был обвал и образовался сравнительно отлогий склон, но нам отсюда невозможно определить, какой величины там камни. Впрочем, если ты не сумеешь подняться в этом месте, можно считать, что тебе не подняться вообще, ибо обрыв везде отвесный.

— Очень хорошо, мы двинемся вверх по течению. Мне что-то не хочется взбираться в этих местах даже на небольшие камни, но мы сделаем все, что сможем. Кроме того, не исключено, что вы нам что-нибудь посоветуете, когда по телепередатчику увидите этот путь своими глазами.

— Чтобы добраться туда, потребуется много времени...

— Не так уж много; я не знаю, в чем дело, но здесь вдоль обрыва все время дует ветер и как раз в нужном нам направлении. Он не меняет ни направления, ни силы вот уже много дней, с тех пор как мы прибыли сюда. Он не так силен, как обычный морской ветер, но он потянет «Бри» против течения — если только течение впереди не будет сильнее...

— На твоем участке пути река не сужается. Если течение усилится, то разве за счет того, что она об-

мелеет... Но мы можем сказать только, что порогов впереди нет.

— Очень хорошо, Чарлз. Мы тронемся, как только вернутся охотничьи отряды.

Отряды возвращались один за другим, все с добычей, но без новостей. Холмистая местность простиралась по эту сторону барьера по всем направлениям; животные были маленькие, ручьи встречались редко, растительность была негустая, если не считать нескольких участков у ручьев. Настроение было несколько пониженное, но оно вновь поднялось при известии, что «Бри» опять отправляется в поход. Кое-какое оборудование, снятое на берег, вновь вернулось на плотики, и команда столкнула корабль в реку. Некоторое время течение медленно несло его назад, к морю. Но вот этот странный, неменяющийся ветер надул паруса, и судно двинулось против течения, медленно, но верно прокладывая путь в неведомые области величайшей из планет, когда-либо исследуемых Человеком.

Глава 16
ДОЛИНА ВЕТРА

Барленнан ожидал, что по мере продвижения корабля вверх по реке берега будут становиться все пустыннее, но он ошибся. Целые заросли низких спрутообразных растений облепили оба берега, и на левом берегу они исчезали только тогда, когда река вплотную прижималась к скалистому обрыву. Пройдя первую сотню миль, заметили несколько ручьев, впадающих в главный поток; многие моряки клялись, что видели животных, шмыгающих среди растений. Капитана так и подмывало остановиться и высадить разведывательные и охотничьи отряды, но его удерживали два соображения. Первое — боязнь упустить ветер, который равномерно и с прежней силой дул в нужную сторону; второе — стремление поскорее добраться до цели и своими глазами увидеть волшебную машину, которую Летчики посадили и утратили в полярной пустыне его мира.

С каждой пройденной милей капитан все больше удивлялся ветру; никогда прежде не встречал он ветра, который бы дул в одном и том же направлении более нескольких сотен дней подряд. А этот ветер не просто дул все время в одну сторону, он еще и сворачивал, следуя кривизне обрыва, и в сущности дул непрерывно в корму. Барленнан, конечно, не распустил палубную вахту, но теперь он смотрел сквозь пальцы на матроса, который на день-другой отвлекался от усердного несения службы у вверенного ему участка парусного хозяйства. Да и сам капитан уже потерял счет дням с тех пор, как в последний раз ему пришлось работать с парусами.

Как и предсказывали Летчики, река оставалась все такой же широкой, но становилась мельче и быстрее, и такую возможность Летчики тоже предвидели. Это должно было затормозить ход «Бри»; действительно, скорость корабля несколько снизилась, но ненамного, потому что ветер вскоре тоже начал усиливаться. Тянулась миля за милей, проходил день за днем; метеорологи на далеком Турее совершенно обалдели. Круги, описываемые солнцем в небе, незаметно поднимались все выше над горизонтом, но это происходило так медленно, что «хозяева погоды» и помыслить не могли о том, чтобы отнести усиление ветра за счет астрономии. И люди, и месклиниты пришли к выводу, что в этом виноваты какие-то местные физико-географические факторы. В конце концов Барленнан решил-таки остановиться и выслать охотничий отряд: он больше не боялся, что ветер внезапно переменится.

Ветер и вправду не переменился, и вскоре миля за милей снова легко заскользили под плотиками «Бри». Восемьсот миль, сказали Летчики. Лаг отсчитал против течения гораздо больше, но в конце концов далеко впереди в обрыве показался предсказанный Летчиками пролом.

Сначала русло реки было прямым, и моряки увидели это место словно бы в профиль: почти ровный склон, начинающийся прямо из скалистой стены на высоте пятидесяти футов и спускающийся к горизонту под углом примерно в двадцать градусов. Когда они приблизились, русло резко свернуло вправо, и они обнаружили, что это веерообразная осыпь из пролома

в стене, причем ширина пролома не достигает и двадцати ярдов. В самом проломе осыпь становилась круче, но и там, возможно, она была преодолимой; на этот счет никто не мог сказать ничего определенного, пока они не подплыли ближе и не увидели, из каких обломков состоит осыпь. Первое впечатление было обнадеживающим: в том месте, где река огибала осыпь, валялись груды гальки, мелкой даже с месклинитской точки зрения. Если осыпь достаточно плотная, взбираться по ней будет не очень трудно.

Они свернули по руслу к месту напротив пролома, и когда достигли этого места, ветер наконец резко переменил направление и ударил прямо из пролома, ударил с невероятной силой. Гул, который за последние дни люди и месклиниты считали глухим шумом, превратился в чудовищный рев, и теперь стало понятно, откуда он исходит.

Ветер ударил в корабль, угрожая разнести в клочья прочную ткань парусов, и погнал его прочь от обрыва, наискось через реку. В то же мгновение рев достиг небывалой мощи, и около минуты кораблю пришлось бороться с бурей, сравнимой с самыми сильными ураганами, в которые экспедиция попадала во время похода. Это продолжалось недолго; паруса стояли поперек ветра, а инерция движения была достаточна, чтобы вывести корабль из этого бешеного урагана, прежде чем его выбросило на берег. Тут Барленнан поспешно повернул корабль вправо и быстро пересек оставшееся до берега пространство. Отдышавшись и придя в себя, он сделал то, что стало для него привычным в неожиданных ситуациях: вызвал землян и попросил объяснений. И земляне не обманули его ожиданий: один из «хозяев погоды» немедленно откликнулся и сразу заговорил с интонациями, в которых Барленнан давно уже научился распознавать удовлетворение.

— Теперь все понятно, Барл! Это все потому, что плато имеет форму чаши! Я уверен, что там, наверху, вам будет гораздо легче, чем мы предполагали. Ума не приложу, как мы не подумали об этом раньше!

— О чем? — Месклинит едва не зарычал, и бывшие поблизости матросы по его тону поняли, что капитан в невменяемом состоянии.

— О том, каким должно быть это место при вашем тяготении, вашем климате и с вашей атмосферой. Слушай: зима в вашей части Месклина — ну, ты понимаешь, в южном полушарии — начинается, когда ваша планета проходит через самый близкий к солнцу участок орбиты. На севере в это время лето, и полярная шапка выкипает — вот почему в этот период у вас такие страшные и продолжительные бури. Это мы знали и раньше. Конденсирующаяся влага — метан, не знаю, как вы его называете, — отдает тепло и согревает воздух в вашем полушарии, так что у вас тепло — даже при том, что вы не видите солнца по три и четыре месяца. Температура поднимается, вероятно, до точки кипения метана — где-то около минус ста сорока пяти при вашем атмосферном давлении у поверхности. Верно? Разве у вас зимой не теплее?

— Да, — согласился Барленнан.

— Очень хорошо. Более высокая температура означает, что плотность вашего воздуха не так быстро снижается с высотой — вся ваша атмосфера как бы разбухает. Она разбухает и переливается через край этой чаши, возле которой вы сейчас стоите, как вода заливается в тонущую тарелку. Затем вы проходите точку весеннего равноденствия, бури стихают, и Месклин начинает удаляться от солнца. Вы остываете — правильно? — и атмосфера снова съеживается; но воздух в чаше остается, он в ловушке, причем давление у поверхности выше, чем на той же высоте вне чаши. Конечно, много воздуха переливается через край и стремится уйти от подножия обрыва — его ток отклоняется влево вращением планеты. Это и есть тот ветер, который все время дул вам в паруса. Остальной воздух стремится вырваться через единственную щель в стенах чаши — так возникает тот ураган, с которым ты только что сражался, и он создает частичный вакуум по обе стороны от щели. Это же так просто!

— Ты все это сообразил, когда я пересекал пояс ветра? — сухо осведомился Барленнан.

— Ну, конечно. Тут-то меня и осенило! Поэтому я и уверен теперь, что воздух там, наверху, будет гораздо плотнее, чем мы ожидали. Ты меня понял?

— Честно говоря, нет. Но если тебя это объяснение удовлетворяет, я готов просто принять его на веру. Я

уже научился полагаться на ваши знания, Летчики. Впрочем, теория теорией, но что это означает для нас на деле? Взбираться по склону при таком урагане будет делом нешуточным.

— Боюсь, что другого выхода нет. Возможно, со временем он пойдет на убыль, но мне кажется, чаша опустеет не раньше, чем через несколько месяцев — возможно, через пару земных лет. Так что, если это вообще тебе под силу, Барл, стоит попробовать сейчас же, не дожидаясь.

Барленнан задумался. На Краю Света, конечно, такой ураган просто подхватил бы месклинита и забросил его в два счета неизвестно куда. Но в том-то и дело, что на Краю Света такие ураганы невозможны, потому что воздух, запертый в чаше, весил бы там в сотни раз меньше. Это Барленнан теперь знал точно.

— Мы отправляемся сейчас же, — сказал он отрывисто в аппарат и повернулся, чтобы отдать распоряжения команде.

«Бри» переправили через реку под обрыв — ведь Барленнан в спешке пристал к противоположному берегу. Затем корабль оттащили подальше от реки и накрепко привязали к вбитым в грунт сваям — рядом с осыпью не нашлось достаточно крупных растений, способных удержать такой груз. Было отобрано пятеро моряков, которые останутся с кораблем; остальные опоясались походными ремнями, прицепили к ремням тросы и тут же двинулись к склону.

Сначала ветер им не мешал. Барленнан приступил к подъему с наиболее выгодного места — сбоку, по краю веерообразно рассыпанного каменного крошева. Нижние участки осыпи состояли из сравнительно небольших компонентов — из песка и мелкой гальки; по мере продвижения вверх камни становились все больше. Всем было ясно, почему это так: мелкие частицы ветер относил дальше всего, и моряки представляли себе, через какие же валуны придется перелезать на самом верху пролома.

Всего несколько дней ушло на то, чтобы добраться до края пролома. Ветер здесь был свежее; а в нескольких ярдах впереди он с ревом вырывался из пролома, совершенно заглушая все остальные звуки. На моряков то и дело налетали маленькие смерчи, как бы предо-

ставляя им возможность заранее вкусить то, что им предстоит; но Барленнан колебался всего секунду. Затем, удостоверившись, что его мешок прочно прилажен к ремням на спине, он весь напрягся и вполз в струю ураганного ветра. Все остальные бесстрашно последовали за ним.

Худшие опасения не оправдались: карабкаться через валуны не пришлось. Огромные обломки действительно валялись по всему склону, но их основания были почти скрыты под наносами всякого мелкого мусора, занесенного в эти сравнительно укромные места ураганным ветром. Эти наносы почти всюду смыкались друг с другом, а там, где этого не случилось, всегда можно было двигаться поперек ветра от одного наноса к другому. Путь был, конечно, мучителен, но преодолим.

Затем им пришлось изменить первоначальное мнение о том, что ветер не так уж опасен. Один из матросов, проголодавшись, забрался под прикрытие валуна и раскрыл у себя на спине мешок, чтобы достать еду; видимо, уже само его появление за этим валуном нарушило равновесие, сложившееся здесь за месяцы и годы, пока дул беспрестанный ветер: возник смерч, вихрь ударил в раскрытый мешок, который раздулся наподобие парашюта, вырвал несчастного из-за валуна и швырнул вниз по склону. В одну секунду он исчез из виду в клубах взметнувшегося песка, и его друзья только отвели взгляды от того места, где он сорвался. При такой силе тяжести смертельным исходом завершалось даже падение с высоты в шесть дюймов, а их бедному товарищу пришлось, вероятно, испытать не одно такое падение пока он докатился до края осыпи. Но даже если его просто сволокло вниз, он все равно несомненно погиб под ударами сотен фунтов собственного веса об острые каменные обломки. Моряки попрочнее зарылись ногами в грунт и впредь зареклись думать о еде.

Раз за разом солнце пересекало небо перед их глазами, заглядывая к ним в ущелье. Оно пробегало за их спинами, озаряя противоположный склон. И с каждым разом, когда каменные обломки вспыхивали под его лучами, месклиниты оказывались все выше; с каждым разом они все отчетливее ощущали, что постепенно ослабевает ярость ветра, с воем несущегося над

их длинными телами. Пролом становился все шире, а уклон делался все более пологим. Скалистые стены раздавались в стороны; наконец, путь вперед сделался почти горизонтальным, и перед ними открылись просторы верхней части плато. Ветер был еще очень силен, но уже не смертелен, а когда Барленнан повел команду влево, под укрытие стены, совсем ослабел. Ветер уже не был таким яростным и направленным, как внизу; он стекался в пролом отовсюду и почти совсем стих, когда пролом остался позади. Теперь они почувствовали себя в безопасности и первым делом раскрыли мешки, чтобы насладиться едой впервые за три сотни дней — слишком длительный пост даже для месклинитов.

Когда голод был утолен, Барленнан оглядел простирающуюся перед ним местность. Они расположились сбоку от пролома у края плато; отсюда было хорошо видно, что вся местность впереди отлого понижается. И как же безрадостно она выглядела! Валуны здесь были еще крупнее, и их несомненно придется обходить — карабкаться на них было бы безумием. Держаться заданного направления в этом лабиринте будет невозможно — видимость там сокращалась до нескольких ярдов в любом направлении, а солнце в качестве путеводного ориентира было здесь бесполезно. Да, придется держаться поближе к краю обрыва (но не слишком близко, подумал Барленнан, внутренне содрогнувшись). Впрочем, проблема, как отыскать ракету, будет решаться на месте, когда они доберутся до ее окрестностей; тут, конечно, помогут Летчики.

Проблемой номер два была еда. В мешках ее достаточно и хватит на долгое время — возможно, на восемьсот миль пути к пункту над прежней стоянкой «Бри»; но необходимо отыскать какой-то способ пополнения запасов, потому что наличного съестного не хватит даже на обратный путь, не говоря уже о том, что сколько-то времени придется пробыть возле ракеты. Поначалу Барленнан не знал, что придумать, но вот наконец у него родилась одна мысль; он пришел к выводу, что лучше, пожалуй, и вообразить нельзя. Тщательно продумав детали, он подозвал к себе Дондрагмера.

Во время этого трудного подъема шествие замыкал помощник, и ему основательно досталось от песчинок, которые вырывались из-под ног шедших впереди и,

подхваченные ветром, с силой ударяли в него. Но он выдержал это испытание без всякого ущерба для себя; по выносливости, если не по физической мощи, он мог тягаться даже с великаном Харсом. Он выслушал распоряжения капитана, ничем не выдав своих эмоций, хотя замысел Барленнана глубоко разочаровал его по крайней мере в одном отношении. Уяснив задачу, он созвал матросов своей вахты и половину матросов вахты капитана. Мешки были перераспределены: сравнительно небольшому отряду, оставшемуся с Барленнаном, отдали всю еду, а также и все тросы, за исключением одного, достаточно длинного, чтобы продеть его сквозь походные ремни всех матросов команды Дондрагмера. Это подсказал Дондрагмеру опыт — опыт, который он не желал повторять.

Когда приготовления были закончены, помощник не стал тратить времени даром; он повернулся и повел свою группу к склону, по которому они только что поднялись с такими усилиями, и вскоре цепочка моряков, связанных между собой тросом, исчезла во впадине, что вела в пролом. Барленнан повернулся к оставшимся.

— С нынешнего дня нам придется строго экономить еду. Мы будем продвигаться медленно: торопиться нам некуда. «Бри» подойдет к прежней стоянке гораздо раньше нас, но им придется сделать кое-какие приготовления, прежде чем они смогут нам помочь. Вы, двое с радиоаппаратами, берегите их как зеницу ока; только с их помощью мы узнаем, что вышли к месту стоянки, если, конечно, не найдутся добровольцы время от времени посматривать вниз с обрыва. Впрочем, со временем это тоже может понадобиться, но тогда это я сделаю сам.

— Мы выходим прямо сейчас, капитан?

— Нет, мы будем ждать, пока нам не сообщат, что Дондрагмер благополучно вернулся к кораблю. Если с ним что-либо случится, нам придется разработать какой-нибудь другой план, который, возможно, потребует нашего возвращения; в этом случае немедленное наше выступление будет напрасной тратой времени и сил, а время может нам понадобиться, если придется спешно возвращаться.

Между тем Дондрагмер со своим отрядом без труда достиг начала спуска. Здесь он остановил команду и сам проверил, надежно ли закреплен трос ремнями у каждого матроса, которые шли в связке на равных расстояниях друг от друга; затем он пристегнул свой ремень к концу троса и отдал приказ начать спуск.

Идея использовать трос оказалась весьма здравой; даже для многоногих месклинитов удерживаться от скольжения при спуске было труднее, чем при подъеме. На этот раз, правда, ветер не грозил подхватить зазевавшегося моряка, потому что на их спинах не было мешков, в которые он мог бы вцепиться, но все равно спускаться было тяжко. Как и прежде, все вскоре потеряли счет времени и, конечно, испытали огромное облегчение, когда впереди открылся вход в пролом и они свернули влево, где ветер был меньше. Конечно, и после этого они все еще вынуждены были смотреть вниз, что крайне плохо действует на нервы месклинитов; но самый тяжелый участок спуска был теперь позади. Чтобы спуститься по краю осыпи и взойти на борт «Бри», им понадобилось всего три-четыре дня. Матросы, оставшиеся на корабле, уже давно заметили их и строили самые страшные предположения насчет судьбы остальной части команды. Их быстро успокоили, и помощник сообщил о своем прибытии людям на Турее, которые тотчас же передали эту информацию на плато Барленнану. Затем корабль снова стащили в реку — это была нелегкая задача, так как четверти экипажа не хватало, а плотики всей мощью полярной гравитации были вдавлены в грунт, но тем не менее все было сделано. Дважды корабль зависал на небольших камнях, которые не давали ему сдвинуться ни назад, ни вперед; тогда к вящей пользе для дела шел в ход подъемник. Когда «Бри» вновь очутился на плаву, Дондрагмер в пути вниз по течению потратил большую часть времени на изучение этого подъемника. Он уже разобрался в конструкции и мог при нужде соорудить еще один такой же без всякой посторонней помощи; но он все еще никак не мог взять в толк, почему эта машина работает. Земляне веселились, следя за его усилиями, хотя, конечно, не подавали виду, что им весело, и никто не хотел лишить его возможности разрешить эту проблему самостоятельно. Даже Лэкленд,

при всей его привязанности к Барленнану, давно уже пришел к выводу, что помощник по интеллекту намного превосходит своего капитана, и он ожидал, что Дондрагмер угостит своих друзей-землян объяснением этой механики еще прежде, чем «Бри» достигнет места прежней стоянки; но он ошибся.

Местоположение застрявшей ракеты было определено с необыкновенной точностью; предел возможной ошибки составлял всего несколько миль. Ее телеметрические передатчики — далеко не вся аппаратура на борту была постоянно регистрирующего типа — продолжали действовать еще целый земной год после того, как автоматы не среагировали на команду взлета; за это время было взято поистине астрономическое число пеленгов. Месклинская атмосфера, в сущности, не создавала помех радиоприему.

«Бри» тоже можно было лоцировать по передатчику на его борту, а также и отряд Барленнана; землянам предстояло свести обе группы вместе, а затем вести их к застрявшему исследовательскому снаряду. Трудность заключалась в регистрации сигналов на Турее; все три цели с точки зрения наблюдателя с луны были на самом краю диска. Хуже того, из-за формы планеты малейшая неточность превращалась в тысячи лишних миль на местности; направленные на цели антенны буквально скользили по плоскому участку поверхности этого мира. Чтобы восполнить этот недостаток, вновь была запущена ракета, в свое время фотографировавшая полярный район; ее вывели на круговую орбиту, плоскость которой проходила через оба полюса.

После того, как орбита была уточнена и стабилизирована, проблема пеленгирования крошечных передатчиков, находившихся в распоряжении месклинитов, была окончательно решена.

Все стало еще проще, когда Дондрагмер привел «Бри» на прежнюю стоянку и разбил там лагерь. Теперь на планете был неподвижный передатчик, и можно было информировать Барленнана о том, сколько ему еще осталось идти, буквально через минуту-другую после его очередного запроса. Так земляне вновь направили действия экспедиции по привычному руслу.

Глава 17
ЛИФТ

Но для самого Барленнана ничего привычного здесь не было. Ландшафт на плато был именно таким, каким он показался капитану с первого взгляда: сухим, каменистым, безжизненным, похожим на лабиринт. Барленнан не смел удалиться от края обрыва; стоило углубиться в проходы между валунами, как всякое представление о направлении немедленно терялось. Здесь не было — или их просто не было видно с грунта — никаких холмов, которые могли бы служить ориентирами. Каменные глыбы скрывали за собой все, что находилось дальше, чем в нескольких ярдах; они громоздились, заслоняя поле зрения всюду; более или менее свободна от них была только полоса вдоль обрыва.

Сам поход не был слишком тяжелым. Грунт был ровным, если не считать валунов; но валуны можно было легко обходить. Восемьсот миль — долгий путь для человека; но еще дольше он для существа всего в пятнадцать дюймов длиной, которое «шагает», сокращаясь и вытягиваясь наподобие гусеницы; к тому же бесчисленные обходы намного удлинили эти восемьсот миль. Правда, соплеменники Барленнана могли передвигаться со значительной скоростью, если все учесть заранее, но уж очень много чего нужно было учитывать.

Еще задолго до того, как поход окончился, Барленнан начал по-настоящему беспокоиться о продовольствии. Он чувствовал, что при составлении плана действий многого не учел; необходимо было коренным образом пересмотреть теперь всю идею. Снова и снова он тревожно запрашивал людей, сколько еще ему осталось идти; иногда он получал ответ сразу — всегда неутешительный, а иногда ракета в это время оказывалась по другую сторону планеты, и на запрос откликался Турей с просьбой подождать немного, пока будет взят новый пеленг. Релейные станции продолжали функционировать, но они не могли пеленговать по радио.

Только когда долгий поход уже подходил к концу, ему пришло в голову, что все-таки можно было идти напрямик через заваленную валунами местность. Конечно, солнце само по себе не могло служить ему

ориентиром; оно без малого за восемнадцать минут описывало в небе вытянутые круги над горизонтом, и нужно было иметь очень точный хронометр, чтобы по его видимому положению на небесной сфере вычислять свой курс. Однако наблюдатели в ракете всегда могли сообщить Барленнану, где именно должно находиться солнце: впереди них, позади или где-нибудь сбоку. К тому времени, когда это дошло до всех, оставшееся расстояние уже было проще пройти, по-прежнему держась обрыва; он тянулся почти по прямой от местоположения Барленнана до точки рандеву.

Когда они достигли места, где земляне уже не могли определить разницу в расстоянии между радиопередатчиками, у Барленнана еще оставалось немного продовольствия. Теоретически следовало немедленно приступить к выполнению следующей части плана Барленнана и восполнить запасы съестного; но фактически прежде всего им нужно было сделать один чрезвычайно серьезный шаг. Барленнан говорил о нем еще до того, как его отряд выступил в поход, но тогда об этом никто серьезно не задумался. Теперь время настало.

Земляне объявили, что отряд находится где-то в непосредственной близости к «Бри». Следовательно, еда была всего в ста ярдах под ними; но прежде, чем что-либо предпринимать, чтобы до нее дотянуться, кому-то — и, возможно, не одному — предстояло заглянуть за край обрыва. Они должны своими глазами увидеть, где точно находится корабль; они должны создать подъемное устройство, чтобы поднять продовольствие наверх; короче говоря, они должны заглянуть прямо вниз с высоты трехсот футов — и это при их обостренной боязни высоты.

Но это нужно было сделать, и это было сделано. Положение обязывало — Барленнан подал всем пример.

Он приблизился — надо признаться, не очень торопясь — к обрыву и остановился в трех футах от края, устремив взгляд на холмы и другие объекты между ним и далеким горизонтом. Медленно, очень медленно он опускал глаза, всматриваясь в объекты все более близкие, пока не уперся взглядом в скалистую площадку перед собой. Он постепенно осматривал дали, привыкая глядеть на предметы, которые располагались

ниже его. Затем почти незаметно, дюйм за дюймом он стал продвигаться вперед, чтобы увидеть объекты, находящиеся ближе к подножию скалы. Долгое время в поле его зрения не появлялось ничего нового, но ему удалось заставить себя сосредоточиться на деталях ландшафта и забыть о том страхе, который он испытывал. Наконец из-за края обрыва появилась река, и тогда он спешно двинулся вперед. Он увидел дальний берег реки, то место, где в свое время высаживались его охотничьи отряды; сверху были видны даже сходящиеся и расходящиеся следы — ему никогда и в голову не приходило, что сверху можно увидеть такие вещи.

Вот стал виден и ближний берег, и вмятина в грунте, куда в свое время вытащили «Бри», еще немного — появился сам «Бри», такой же, как прежде, и моряки, неподвижно распростертые на палубе, и моряки, медленно передвигающиеся возле него по берегу. На какую-то секунду Барленнан забыл о высоте и вытянулся вперед на полную длину своего тела, чтоб их окликнуть. И из-за этого рывка его голова оказалась за краем обрыва.

И он взглянул вниз, прямо на отвесную скалу под собой.

Когда-то он думал, что быть поднятым на крышу танка — самое ужасное, что только может произойти с месклинитом. Позже он так и остался в неуверенности, хуже или лучше заглянуть вниз с обрыва. Он просто не помнил, как пополз назад, и не решился спросить у подчиненных, нуждался ли он тогда в помощи. Когда он полностью пришел в себя, его отделяли от края обрыва два добрых и совершенно безопасных ярда, а сам он все еще трясся и был не в себе. Его душевное равновесие и мыслительные способности восстановились лишь через несколько дней.

Потом он, наконец, решил, что можно и что необходимо делать. Когда он просто глядел на корабль, все было в порядке; беда случилась, когда взгляд его скользнул от его собственного тела вниз по поверхности обрыва. Так предположили земляне, и Барленнан, подумавши, с ними согласился. Это означало, что выход из положения есть; они могут окликнуть моряков внизу и сколько угодно спускать и вытягивать тросы, если

только не будут смотреть вертикально вниз с обрыва. Держать головы в паре дюймов от края обрыва — в этом спасение от безумия и от смерти.

Дондрагмер не углядел, когда высунулся капитан, но он уже знал, что отряд прибыл. Летчики держали его в курсе дел Барленнана. Теперь он со своими матросами стал внимательно следить за кромкой обрыва над собой, а матросы Барленнана тем временем вытолкнули на край мешок и стали двигать его из стороны в сторону. Мешок вскоре заметили, он оказался почти в точности над кораблем; Барленнан, прежде чем у него началось головокружение, успел осознать, что они несколько в стороне от нужного места, и перед тем как начать сигнализацию, скорректировал ошибку.

— Все в порядке, вас вижу, — объявил Дондрагмер по-английски, и один из землян в ракете тотчас же передал это сообщение Барленнану.

Матрос наверху перестал размахивать пустым мешком, повесил его на край обрыва, чтобы было видно снизу, и с облегчением отодвинулся назад на безопасное расстояние от обрыва. Тем временем его товарищи разобрали и связали принесенные с собой тросы. Один конец был крепко обмотан вокруг небольшого валуна, причем Барленнан не пожалел времени и труда для этого дела; если трос сорвется, отряд на плато будет обречен на голодную смерть.

Удовольствовавшись сделанным, он распорядился перетащить моток к самому краю, и два матроса начали постепенно вытравливать трос вниз. Дондрагмеру все время сообщали о ходе работ, но он никого не поставил под обрыв, чтобы подхватить конец спускаемого троса. Если кто-нибудь наверху поскользнется, весь моток рухнет вниз, и как бы он ни был легок, тем, кто находился бы в этот момент у подножия обрыва, не поздоровилось бы. Он дождался, пока Барленнан не сообщил, что весь трос спущен, и только тогда отправился со своей командой к месту, где лежал моток.

Избыточная часть троса тугой связкой покоилась на твердом грунте. Прежде всего Дондрагмер отрезал эту часть, распрямил ее и измерил. Теперь он точно знал высоту обрыва.

Когда выяснилось, что избыточной части троса не хватает на высоту скалы, помощник достал еще один

трос из запасных, удостоверился, что длина его подходящая, привязал к концу троса, свисавшего с плато, и подал Барленнану знак, что можно тянуть.

Это было нелегко, но все же по силам могучим существам наверху; в сравнительно короткий срок второй трос был вытащен на обрыв, и капитан избавился от худшего из своих опасений. Теперь, если один трос все-таки сорвется, у них останется запасной.

Следующий груз был совсем другого рода и доставил матросам много хлопот. Это был мешок, набитый продовольствием, и весил он примерно столько же, сколько один месклинит. Как правило, в этих областях планеты абориген не способен поднять такую тяжесть, поэтому сравнительно немногочисленному отряду Барленнана пришлось туго. Только зацепив трос за один из подходящих валунов и часто останавливаясь, чтобы передохнуть, они в конце концов сумели подтянуть мешок к себе и перевалить его через край, а когда все было закончено, оказалось, что на тросе по всей его длине видны явственные следы от трения как о валун, так и о край скалы. Очевидно, с этим надо было что-то делать, и пока отряд праздновал конец «великого поста», Барленнан принял решение. После окончания пиршества он отдал помощнику необходимые приказания.

В соответствии с инструкциями Барленнана последующие грузы состояли из мачт, разного рода планок, новых мотков тросов и нескольких блоков того типа, который они использовали при спуске «Бри» с обрыва на далеком экваторе. Весь этот материал был пущен на сооружение треноги и подъемного устройства — аналогичного тому, которым они пользовались раньше, — причем работали они теперь очень осторожно, так как в процессе сборки некоторые детали приходилось приподнимать, а прежний страх перед твердыми предметами над головой возродился в них с новой силой. Месклиниты почти не приподнимались над грунтом, поэтому большая часть сборки велась в «лежачем» положении; затем готовая конструкция была поднята и установлена при помощи рычагов, которыми служили планки с подложенными под них обломками камня. Такая же по численности группа людей, работающих в нормальных для них условиях, выполнила бы эту работу за час; у месклинитов на это ушло во

много раз больше времени, но наблюдателям-землянам и в голову не пришло осудить их за медлительность.

Тренога была собрана и поднята на изрядном расстоянии от края обрыва, а затем ее с большим трудом, дюйм за дюймом, придвинули к самому краю; подпорки ее были закреплены на грунте кучами небольших булыжников. Самый тяжелый из блоков был прочно привязан к концу мачты, через него перекинули трос, а затем мачту положили на вершину опорной треноги и поставили в рабочее положение таким образом, что она на четверть своей длины выступила над пропастью. Хвостовая ее часть тоже была закреплена грудой камней. На эту работу ушло очень много времени, но дело того стоило. Поскольку применялся только один блок, группе на тросе пришлось по-прежнему иметь дело с полным весом груза; но теперь почти исчезло трение, а зажим, устроенный на хвостовом конце мачты, разрешил проблему отдыха при грузе на весу.

Мешок за мешком со съестными припасами поднимался наверх, а команда внизу непрерывно занималась охотой и рыбной ловлей, чтобы бесперебойно питать этот поток грузов. Место вокруг подъемного устройства постепенно принимало обжитой вид; большинство моряков ухитрялось в перерывах между сменами сооружать вокруг какого-нибудь облюбованного местечка ограду из камешков высотой в дюйм, так что мало-помалу лагерь стал походить на настоящий город, как у них на родине. Тканей для крыш раздобыть было нельзя — точнее, Барленнан не пожелал тратить время и силы на то, чтобы тащить ткани снизу, — но во всех остальных отношениях это были настоящие дома.

Запасов продовольствия на плато скопилось уже больше, нежели мог нести отряд; Барленнан рассчитывал устроить несколько складов на всем пути к ракете. Считалось, что этот поход будет не таким долгим, как предыдущий, но им придется долго жить возле ракеты, и надо было как следует запастись провизией. Барленнан сознавал, что численность его отряда слишком мала; ему нужно было еще несколько моряков, чтобы оставить их у подъемника, а самому с остальными выйти на поиски ракеты; но эта проблема наталкивалась на некоторые практические трудности. Послать еще одну группу снизу обратно к пролому, чтобы

она поднялась на плато и проделала весь путь наверх к его нынешнему лагерю — дело слишком долгое; а о другом выходе из положения никто и думать не хотел. Барленнан думал об этом все чаще; но тут один из матросов сильно осложнил дело.

Этот матрос с разрешения капитана — позже Барленнан жалел, что дал такое разрешение, — предупредил товарищей внизу, подкатил к обрыву камешек величиной с пулю и столкнул его вниз. Результатов с интересом ждали как месклиниты, так и земляне. Земляне не увидели ничего, поскольку единственный передатчик у подножия места падения был все еще на борту «Бри», слишком далеко от места падения; но слышно им было все так же отчетливо, как и аборигенам. Впрочем, и месклиниты увидели не больше землян, потому что камешек мгновенно исчез. Когда он прорезал воздух, послышался короткий звук, словно лопнула струна у скрипки, а затем, через долю секунды, последовал резкий удар о грунт.

К счастью, он упал именно на грунт, твердый, но слегка влажный, а не на другой камень; в последнем случае разлетевшиеся осколки могли бы кого-нибудь убить. Удар при скорости примерно миля в секунду расплескал грунт во все стороны кольцевой волной, слишком стремительной, чтобы можно было уловить ее движение. Но через долю секунды волна застыла, и вокруг глубокой дыры, проделанной этим снарядом в почве, возник небольшой кратер. Моряки медленно подходили к нему, тараща глаза на слегка дымящуюся землю; затем все как один отступили от подножия скалы на несколько ярдов. Чтобы сгладить впечатление, произведенное этим опытом, потребовалось некоторое время.

И все же Барленнану было нужно больше моряков на плато; он не принадлежал к числу тех, кто отказывается от своих замыслов из страха, что ничего не получится. В один прекрасный день он выступил с предложением сконструировать лифт и встретил в ответ, как впрочем и ожидал, мертвое молчание, но не отступился и регулярно продолжал возвращаться к этому вопросу в ходе работ. Как уже давно отметил Лэкленд, капитан обладал даром убеждения. Жаль было только, что убеждал он на своем языке, ибо люди

получили бы большое удовольствие, слушая, как он искусно и нешаблонно подходит к этому вопросу со всех сторон и следя, как слушатели от прямого отказа переходят к раздумьям и от неприязненного молчания — к неохотному согласию. Они так и не стали энтузиастами этой идеи, но ведь Барленнан и не ожидал чудес. И вообще, весьма вероятно, что успех пришел не только благодаря ему. Дондрагмер страстно мечтал быть в составе отряда, который выйдет к ракете; он испытал глубокое разочарование, когда получил приказ отправиться с группой, которая возвращалась на корабль, хотя врожденная неприязнь к тем, кто оспаривает приказания, заставила его скрыть свои чувства. И вот теперь, когда представился случай вернуться в состав активной группы (так он думал об отряде на плато), он вдруг осознал, что подняться на скалу на конце троса вовсе не так уж страшно. Во всяком случае, рассуждал он, если трос и оборвется, он об этом никогда не узнает. Поэтому он стал проповедником идеи капитана среди своих подчиненных у подножия обрыва; и когда они поняли, что их начальник собирается идти первым, да еще идет с охотой, все их инстинктивное сопротивление исчезло. К этому времени начали действовать автоматические релейные установки, и Барленнан смог лично, без посредничества землян, помочь Дондрагмеру всем своим авторитетом.

В результате была построена небольшая деревянная платформа с низкой оградой — изобретение Дондрагмера, — которая не позволяла пассажиру на платформе заглядывать вниз. Все это устройство должно было висеть на канатных петлях, которые удерживали его в горизонтальном положении; таков был потомок старого подъемника, действовавшего на экваторе.

Все тросы и узлы устройства были тщательно проверены странным способом, очень заинтересовавшим землян — игрой в кто кого перетянет, — а затем платформу подтащили под подъемник и привязали к главному тросу. По просьбе помощника на главный трос подали сверху слабину, и этот узел испытали тем же способом; удостоверившись, что все в порядке, Дондрагмер быстро забрался на платформу, установил на место откидную секцию ограждения и дал сигнал к подъему. Радиоаппарат подтащили сюда еще раньше;

Барленнан слышал голос помощника прямо через релейную установку. И он сам занял место в группе у троса.

Платформа не раскачивалась; Дондрагмер вспомнил, как это было неудобно тогда, в полосе малого веса. Здесь ветер по-прежнему дул вдоль обрыва, но он не в силах был раскачать маятник с подвешенной платформой; трос был слишком тонок, чтобы оказывать сопротивление воздушным потокам, а вес гири на конце маятника был слишком велик для них. И это было сделано не только для удобства; отчего бы ни началось качание, оно бы сразу же происходило с частотой всего в полсекунды; по мере подъема частота увеличивалась бы и в конце концов свелась к вибрации в почти звуковом диапазоне, что наверняка разрушило бы все сооружение на обрыве.

Дондрагмер был существом прямолинейным, практически мыслящим, и во время подъема он не делал попыток любоваться открывающимся пейзажем. Напротив, он зажмурился и не стыдился этого. Путь, разумеется, показался ему бесконечным; в действительности он занял около шести дней. Барленнан то и дело останавливался, чтобы проверить подъемник и убедиться в прочности его крепления на грунте. Все было в порядке.

Наконец платформа появилась над краем, и канатные петли уперлись в блок, препятствуя дальнейшему подъему. Борт лифта был всего в дюйме от обрыва; платформа была длинная и узкая, под стать форме тела месклинита; толчок шестом в один ее конец повернул ее другим концом к треноге. Дондрагмер, открывший глаза при звуке голосов, с облегчением сполз на грунт и отодвинулся подальше от обрыва.

Наблюдавший эту процедуру Лэкленд сообщил, что все благополучно еще до того как Барленнан объявил об этом ожидавшим внизу морякам; слова Лэкленда были немедленно переведены теми, кто немного знал английский. Все вздохнули с облегчением; они видели, что платформа достигла цели, но ничего не знали о состоянии пассажира. Барленнан воспользовался охватившим всех восторгом, спустил лифт и начал поднимать следующего.

Вся операция была завершена без каких-либо происшествий; лифт спустился и поднялся десять раз, прежде чем Барленнан решил, что больше брать моряков снизу нельзя, иначе труды по снабжению продовольствием сделаются для оставшихся непосильными.

Напряжение спало, люди и месклиниты вновь ощутили, что они вышли на последний участок пути к цели. Лэкленд передал Барленнану информацию, только что полученную с одной из вычислительных машин:

— Надо подождать всего две минуты, Барл, и солнце будет стоять как раз там, куда тебе предстоит двинуться. Мы уже предупредили тебя, что можем указать местоположение ракеты с точностью не более чем в шесть миль; мы проведем тебя в самый центр этой зоны, а там тебе придется уже самому разработать метод поиска. И если там местность такая же, как вокруг твоего нынешнего лагеря, это будет делом нелегким.

— Ты, вероятно, прав, Чарлз; у нас совсем нет опыта в делах такого рода. Все же я уверен, что мы решим и эту проблему; мы ведь справились со всеми прочими, хотя, признаться откровенно, не без вашей помощи... Ну, что, как там солнце?

— Один момент... Вот! Есть в этом направлении хоть какой-то ориентир, по которому ты мог бы определять свое положение, пока солнце снова не вернется сюда?

— Боюсь, что нет. Мы будем делать все, что сможем, а вам придется каждый день давать нам поправки.

— Это немного похоже на прокладку курса в море, где не знаешь ни ветра, ни течений, но иного выхода нет. Мы будем вносить поправки в наши данные каждый раз, когда будет брать твой пеленг. Счастливого пути!

Глава 18
КУРГАН

Самым сложным было придерживаться нужного направления, что сразу ощутили все, кого это непосредственно касалось. Двигаться по прямой было практически невозможно; через каждые несколько ярдов отряду приходилось огибать валуны, слишком высокие,

чтобы лезть прямо на них, а за ними ничего не было видно. Положение усугублялось еще и физическими особенностями месклинитов, глаза которых располагались слишком низко над грунтом. Барленнан пытался последовательно менять направление обходов, но это не помогло, поскольку у него не было возможности точно определять протяженность каждого обхода. И редко проходил день, чтобы при проверке не обнаруживалось отклонение от курса на двадцать или тридцать градусов.

Примерно раз в пятьдесят дней местоположение отряда определялось по пеленгу с передатчика — теперь у отряда остался только один из них; другой передали группе у подъемника. Работа эта требовала чрезвычайной тщательности, и иногда точность полученных координат вызывала сомнение у землян. В таких случаях Барленнана сразу предупреждали и оставляли все дальнейшее на его усмотрение. Если голоса землян звучали не слишком уверенно, он продолжал путь; в остальных случаях он останавливался и ждал несколько дней, пока земляне не запеленгуют их с большей точностью. На этих остановках он, как правило, занимался подтягиванием тылов, перераспределяя нагрузку в походных мешках и, если это казалось ему необходимым, внося изменения в нормы выдачи продовольственных рационов. Мысль о том, чтобы оставлять за собой отчетливо видимый след, пришла ему в голову еще до выступления в поход, и теперь их путь отмечала заметная полоса мелких камней. Он носился с мыслью когда-нибудь убрать с пути и отвалить в стороны все эти валуны, чтобы сделать настоящую дорогу; но это будет потом, когда переходы от застрявшей ракеты до базы снабжения и обратно сделаются регулярными.

Медленно тянулись пятьдесят миль под ногами месклинитов, но в конце концов они остались позади. Как и обещал Лэкленд, люди сделали все, что могли; лучших результатов с их измерительными средствами получить было невозможно. Согласно их выкладкам, Барленнан должен был теперь находиться возле самой ракеты. Но и видеопередатчик, и слова капитана свидетельствовали о том, что никаких признаков ракеты в поле зрения нет; и Лэкленда это не удивило.

— Это все, что мы могли для тебя сделать, Барл. Я знаю наших математиков и готов поклясться, что ты находишься в шести милях от этой машинки, а может быть, и ближе. Ты сможешь организовать своих моряков для поиска лучше, чем я. Мы, конечно, окажем тебе любую посильную помощь, хотя я просто представить себе не могу, чем мы еще можем помочь. Как ты намерен приступить к этому делу?

Барленнан помедлил, прежде чем отвечать. Круг шесть миль в поперечнике — это устрашающая картина, когда видимость ограничена тремя-четырьмя ярдами. Можно было бы, конечно, ускорить ход поиска, рассыпав моряков в цепь; но тогда он неминуемо потеряет нескольких подчиненных. Он сказал об этом Лэкленду.

— Ракета высотой в двадцать футов, — заметил землянин. — Поэтому радиус обзора у тебя значительно больше, чем ты считаешь. Ведь если бы ты смог забраться на какой-нибудь из этих валунов, ты бы наверняка увидел корабль с того места, где сейчас остановился, — вот ведь что самое обидное...

— Конечно, но мы не в состоянии сделать это. Крупные камни высотой от шести до восьми ваших футов; даже если было бы мыслимо вскарабкаться по их почти отвесным бокам, я все равно никогда в жизни больше не взгляну вниз на вертикальный обрыв и не пошлю на такой риск никого из моих товарищей.

— Но вы же сумели подняться до осыпи через пролом.

— Это другое дело. Там мы ни разу не были вблизи отвесного обрыва.

— А если бы такая же насыпь вела на валун, ты бы решился взобраться на такую высоту над грунтом?

— Да, но... Гм-м-м... Ага, я понимаю, что ты имеешь в виду. Погоди немного.

Капитан пригляделся к окружающему пейзажу. Поблизости было несколько крупных валунов; самый высокий из них вздымался на шесть футов над грунтом. Вокруг валунов и между ними валялось множество мелкой гальки. Возможно, если бы Барленнан был хорошо знаком с геометрией, он никогда бы не решился на такое дело; но у него не было реального представления об объеме строительного материала, ко-

торый ему придется пустить в ход для выполнения его замысла, и он решил, что Лэкленд подал вполне здравую идею.

— Мы сделаем это, Чарлз. Здесь вокруг вполне достаточно мелких камней и всяких обломков, чтобы соорудить все, что угодно.

Он рассказал морякам о своем плане. Если у Дондрагмера и были какие-либо сомнения на этот счет, он оставил их при себе; и вот уже весь отряд принялся собирать камни. Те, что валялись возле выбранного валуна, были подтащены вплотную, к ним подкатывали все новые, и вскоре вокруг места работ начало шириться кольцо голого грунта. Время от времени могучие клешни выцарапывали из грунта твердые комья и укладывали их на груду гальки; этот материал было легче таскать, и он занимал много места, заполняя промежутки между камнями; затем слой грунта покрывался очередным слоем камней, поверх которого снова накладывался грунт.

Работа продвигалась верно, но медленно. В один прекрасный день часть отряда пришлось направить по проложенному следу на базу за продовольствием, чего не делали даже во время восьмисотмильного похода от пролома; и вот, наконец, на плоскую вершину валуна ступила нога месклинита — вероятно, впервые с тех пор, как внутренние силы Месклина выдавили вверх это плато. По обе стороны от линии, по которой было совершено восхождение, тянулась насыпь; и никто не приблизился к противоположной стороне валуна, отвесно уходящей вниз.

И на этом новом наблюдательном пункте сбылось предсказание Лэкленда — после долгих месяцев походов и опасностей они увидели то, ради чего сюда шли. Барленнан распорядился втащить на валун и телепередатчик, чтобы земляне тоже все видели; и впервые за этот земной год лицо Ростена утратило мрачное выражение. Собственно, ничего необыкновенного они не увидели; египетская пирамида, если ее обшить металлом и поместить на достаточном расстоянии, выглядела бы примерно так же, как этот тупой конус, возвышающийся над хаосом валунов. Он не был похож на ракеты, которые Барленнану приходилось видеть прежде, — в сущности, он не был похож ни на одну

ракету, построенную в пределах двадцати световых лет от Земли; но это было явно нечто совершенно чуждое обычному месклинскому ландшафту, и даже те, кому не пришлось провести месяцы на поверхности чудовищной планеты, разом вздохнули с облегчением.

Но хоть Барленнан и был доволен, он все же не собирался разделять восторги землян на Турее. Ему было виднее, чем людям, у которых обзор зависел от положения телепередатчика, какие трудности еще отделяют отряд от ракеты. Местность эта была не хуже той, что они уже пересекли, но уж во всяком случае и не лучше. И земляне больше не смогут давать ему направление; и даже стоя на этом наблюдательном пункте, он не мог придумать, как держаться правильного курса те полторы мили, которые им предстояло пройти. Направление на цель людям теперь неизвестно, поэтому их метод больше не годится... Но так ли? Ведь он сможет сообщить им, когда солнце окажется прямо над ракетой; и после этого они начнут окликать его каждый раз, когда оно будет проходить через эту точку на небосводе. И между прочим, для этого вовсе необязательно обращаться к Летчикам; можно оставить на валуне одного из матросов, который будет давать отряду ту же информацию... Погоди, теперь у нас только один радиоаппарат. Он не может быть в двух местах одновременно. Впервые Барленнан по-настоящему пожалел об аппарате, который остался у речных жителей.

Затем его осенило, что второе радио ему, собственно, и не нужно. Правда, воздух здесь хуже проводит звуки — это была единственная особенность разреженной атмосферы на плато, которую отметили моряки, — но Лэкленд как-то заметил: голос месклинита надобно услышать, чтобы поверить, что такое возможно. Капитан решил так и поступить: он оставит здесь, на валуне, одного наблюдателя, который будет кричать что есть сил каждый раз, когда солнце будет проходить над целью — над этим сверкающим конусом. Отряд, как и прежде, будет оставлять за собой след из камешков, так что наблюдатель без труда найдет их, когда они прибудут на место.

Барленнан сказал об этом отряду. Дондрагмер напомнил, что если основываться на прошлом опыте, они все равно рискуют отклониться далеко в сторону,

поскольку теперь без помощи землян они не смогут придерживаться нужного направления и исправлять накопившиеся ошибки; и вообще, если голос наблюдателя будет звучать не с того места, это ничего не будет значить, поскольку тут повсюду сильное эхо. Однако он признал, что лучше ничего не придумаешь, и во всяком случае это самый верный путь к ракете. В конце концов на валун отрядили наблюдателя, и экспедиция двинулась в новом направлении.

Некоторое время пост был виден, и каждый раз, когда матрос подавал голос, они имели возможность корректировать направление. Потом валун затерялся позади других такого же размера, и с этого момента навигационные задачи свелись к тому, чтобы хотя бы приблизительно выдерживать курс на солнце каждый раз, когда в их ушах звучал раздробленный на многоголосое эхо вопль. Шли дни, и звук становился все слабее, но на этом безжизненном плато не было никаких других звуков, так что прослушивался он по-прежнему хорошо.

Никто в отряде не считал себя настолько сведущим в путешествиях по суше, чтобы уверенно оценить пройденное расстояние, и все уже привыкли добираться до цели намного позже намеченных сроков; поэтому отряд был приятно поражен, когда однообразие каменной пустыни перед их глазами вдруг нарушилось. Перемена была не совсем такая, какую они ожидали, но все равно она немедленно привлекла всеобщее внимание.

Они увидели это прямо перед собой, и некоторые матросы вначале даже подумали было, что отряд каким-то необъяснимым образом совершил полный круг и вернулся к тому месту, откуда начал поход. Между валунами появилась длинная насыпь из мелких камней и измельченного грунта. Она была почти такой же высоты, как и та, которую они возвели у наблюдательного пункта; но, подойдя ближе, они убедились, что она тянется в стороны гораздо дальше — насколько хватает глаз. Крупные валуны утопали в ней, как в океанской волне, замерзшей на подъеме; и даже месклинитам, ничего не знавшим о взрывах и метеоритных кратерах, было понятно, что весь этот материал был выброшен наружу из какой-то центральной точки, скрытой этой насыпью. Барленнан, не раз наблюдав-

ший, как садятся ракеты с Турея, сразу понял, в чем здесь дело и что они сейчас увидят. И когда отряд поднялся по склону, он убедился, что догадка его верна.

Ракета стояла в центре чашеобразной ямы, вырытой яростным потоком раскаленных газов из ее посадочных двигателей. Барленнан вспомнил, как взмывали вверх тучи снега, когда грузовая ракета садилась неподалеку от Холма Лэкленда. И он сознавал, что здесь подъемная сила должна была быть намного мощнее, чтобы мягко опустить на грунт эту громаду, хотя она и меньше прежних. Возле нее не было крупных валунов; несколько штук их высилось на самом краю воронки. Не было в воронке и мелких камешков, а грунт был выброшен до такой глубины, что ракета высотой в двадцать футов возвышалась всего на четыре или пять футов над бесконечными скалами, усеивающими равнину.

Диаметр основания ракеты был почти равен ее высоте; вся нижняя треть ракеты имела цилиндрическую форму. Здесь, как объяснил Лэкленд, когда на насыпь вытащили телепередатчик, располагались двигатели.

Верхняя часть представляла собой конус, быстро суживающийся к тупой вершине, и именно в этом конусе находились те самые аппараты, на которые было убито столько времени, умственных усилий и денег многих и многих обитаемых миров. Здесь виднелось множество отверстий, так как большинство отсеков не нуждалось в герметизации. Загерметизированы были только те аппараты, которым для нормального функционирования требовался вакуум или специальная атмосфера.

— После взрыва, разрушившего твой танк, — сказал Барленнан Лэкленду, — ты как-то сказал мне, что нечто в этом роде должно было случиться и здесь. Но я не вижу никаких признаков взрыва; и потом, если все эти отверстия были открыты, когда ракета садилась, как там внутри мог сохраниться этот ваш кислород, чтобы вызвать взрыв? Ты сам говорил мне, что между планетами нет воздуха, и кислород должен был улетучиться еще во время полета...

Прежде чем Лэкленд успел ответить, вмешался Ростен. Он со своей группой тоже рассматривал ракету у себя на экране.

— Барл совершенно прав. Какова бы ни была причина аварии, это не кислородный взрыв. Не знаю, что здесь произошло. Когда мы заберемся внутрь, может, мы и узнаем причину — хотя теперь это интересует разве что тех, кто собирается построить еще одну такую штуку. Что же до меня, то я предложил бы приступить к работе; у меня на шее сидит куча физиков, которые прямо-таки изнывают от нетерпения. Какое счастье, что во главе экспедиции поставлен биолог! Сейчас у нас не найдется ни одного физика, с которым можно нормально разговаривать...

— Вашим ученым придется набраться терпения, — заметил Барленнан. — По-моему, вы кое о чем забыли.

— О чем именно?

— Вам нужно, чтобы я поставил телепередатчик объективом к аппаратам, которые находятся в ракете; но ни один из них не располагается ниже семи футов от грунта; и все они за металлическими стенами, которые, как мне представляется, взломать будет не очень просто, хотя ваши металлы не так уж прочны.

— Черт возьми, ты прав, конечно. Ну, вторая задача решается легко; почти вся наружная оболочка состоит из съемных пластинок, а как их снимать, мы тебе покажем. А вот первая — гм-м-м... У вас ведь нет ничего похожего на лестницы, да если бы и было, вы бы все равно не смогли ими пользоваться. У вашего лифта есть один небольшой недостаток — прежде чем пустить его в ход, нужно поместить наверху, в точке подъема, хотя бы небольшую группу работников. Боюсь, что вот так, с ходу, я ничего не смогу придумать. Но мы как-нибудь выйдем из положения; мы слишком далеко зашли, чтобы отступиться.

— Я готов ждать вашего решения до тех пор, пока мой матрос не доберется сюда с наблюдательного пункта. Если к этому времени вы ничего не придумаете, сделаем по-моему.

— Как? Ты что-то придумал?

— Разумеется. Мы ведь добрались до вершины валуна, с которого увидели вашу ракету: почему бы нам не применить этот способ и здесь?

Некоторое время Ростен молчал; Лэкленд подозревал, что он в душе клянет себя на чем свет стоит.

— Я могу сказать только одно, — проговорил он наконец. — Вам придется поработать здесь гораздо больше, чем там. Ракета в три раза выше валуна, где вы возводили насыпь, а здесь вам придется возводить ее не с одной стороны, а по всей окружности ракеты.

— А почему нельзя сделать насыпь только с одной стороны и до самого нижнего уровня, где находятся интересующие вас машины? Тогда к остальным уровням мы смогли бы подняться по внутренним лестницам, как вы это делаете в ваших ракетах...

— Это невозможно по двум причинам. Во-первых, у вас там не будет возможности лазить вверх и вниз; ракета не предназначалась для экипажа, и там нет сообщения между палубами. Все оборудование расположено так, чтобы добираться до него снаружи. А, во-вторых, начинать с нижних уровней просто нельзя. Съемные пластины вы откроете без труда, но поставить их назад вы уже не сумеете. Таким образом, вы снимете всю обшивку внизу, а вершина корпуса просто провалится... во всяком случае, может провалиться. Эти съемные люки составляют почти всю площадь обшивки, и они достаточно толстые, чтобы выдержать большие вертикальные нагрузки. Может, такая конструкция представлется тебе неудачной, но не забывай, что мы рассчитывали открывать их в космосе, где веса нет вообще... И боюсь, что вам придется зарыть ракету полностью, до самого верхнего уровня, содержащего аппаратуру, а потом от уровня к уровню срывать эту насыпь. Может быть, разумно будет последовательно убирать аппаратуру из секций: это снизит нагрузку на нижние пояса обшивки до минимума. В конце концов, когда вы снимете все пластины, от ракеты останется только хрупкий скелет, и я даже представить себе боюсь, что может с этой конструкцией случиться, если вес аппаратуры умножить на семьсот.

— Понятно. — Теперь пришло время призадуматься Барленнану. — Вы сами не можете предложить какую-нибудь альтернативу этому плану? Ты верно заметил, что он потребует немалых усилий...

— Пока мы не можем предложить ничего. Мы последуем твоему совету и будем думать, пока твой наблюдатель не вернется с поста. Подозреваю, впрочем,

что все это впустую — вряд ли можно обойтись без применения машин, а их мы тебе доставить не можем...

— Это я уже давно понял.

Солнце продолжало кружить по небу, проходя чуть меньше двадцати градусов в минуту. Давно уже отзвучал повторенный многократным эхом крик, известивший наблюдателя, что его работа окончена; несомненно, наблюдатель был уже на пути к ракете. Матросы бездельничали, отдыхая и развлекаясь; время от времени они спускались по отлогому скату ямы, образованной выхлопами ракетных двигателей, и осматривали ракету вблизи. Все они были достаточно разумны, чтобы не приписывать ее свойства волшебству, но все равно она вызывала в них чувство благоговения. Они ничего не понимали в принципах ее действия, хотя объяснить это им было бы проще простого, если бы Лэкленд, наконец, перестал удивляться тому, как эти существа, которые не дышат, тем не менее способны разговаривать. Месклиниты обладали хорошо развитым сифонным органом, аналогичным двигательному органу у земных головоногих; этот сифон земноводные предки месклинитов использовали, чтобы быстрее плавать; у самих же месклинитов этот орган служил чем-то вроде голосовых связок, весьма похожих на человеческие, но они могли использовать его и в первоначальной функции. Таким образом, природа дала месклинитам все для понимания принципа реактивности.

Но моряки отнеслись к ракете с должным уважением не только потому, что они не понимали принципов ее действия. Их раса строила города, и они считали себя хорошими архитекторами; но высочайшие стены, которые они когда-либо возводили, не превышали и трех дюймов. Многоэтажные здания и даже крыши, построенные из иного материала, нежели лоскут материи, слишком противоречили их инстинктивному ужасу перед твердыми предметами над головой. Опыт, приобретенный отрядом, помог превратить бессмысленный страх в разумное опасение перед весом, но боязнь высоты осталась. Ракета была раз в восемьдесят выше любого архитектурного сооружения, которое они когда-либо возводили; и благоговение перед таким зрелищем было вполне понятным.

Прибыл наблюдатель, и Барленнан обратился к радио, но земляне так ничего и не придумали. Это его не удивило. Он не стал слушать извинений Ростена и вместе с отрядом принялся за дело. Даже тогда никто из землян и помыслить не мог о том, что у их помощника на Месклине есть какие-то свои намерения относительно ракеты. Любопытно, что теперь для таких мыслей уже не было никаких оснований.

Как это ни странно, работа оказалась не такой тяжелой и длительной, как ожидалось. Все объяснялось просто: камни и грунт, выбитые и разбросанные реактивной струей, лежали довольно рыхлыми грудами, поскольку из-за разреженной атмосферы на плато эта масса не уплотнялась. Конечно, человек в скафандре с нейтрализатором гравитации, который ученые надеялись разработать на основании информации, скрытой в ракете, не смог бы воткнуть лопату в эти груды, потому что тяготение само по себе действует как хороший паровой каток; они были рыхлыми только по месклинитским стандартам. Месклиниты спихивали эти груды вниз по отлогим склонам к растущему вокруг дюзовых выступов кургану; они очищали камни от налипшего грунта и скатывали их туда же, предварительно оповестив об этом товарищей громогласным воплем. Предупреждения эти были необходимы; камни мчались с такой скоростью, что человеческий глаз не успевал за ними следить, и почти всегда бесследно зарывались в кучах только что насыпанного грунта.

Теперь даже пессимисты начали ощущать, что никаких задержек больше не будет, хотя им уже столько раз приходилось распаковывать ожидавшую своей очереди аппаратуру и снова запаковывать ее. С радостным чувством наблюдали они, как сверкающий металл исследовательского снаряда дюйм за дюймом исчезает под грудами камней и грунта; и вот, наконец, ракета почти совершенно исчезла под курганом, а снаружи остался только конус высотой в фут, самый верхний уровень, где было установлено оборудование.

На этом месклиниты закончили работу, и большинство из них немедленно покинуло курган. Наверх втащили телепередатчик и установили объектив перед выступающим металлическим конусом, на котором была явственно видна тонкая линия, очерчивающая контуры

люка. Оставшись один, Барленнан растянулся перед ним в ожидании инструкций; Ростен, следивший за ходом работ так же напряженно, как все остальные, дал необходимые объяснения. Трапециевидная пластина крепилась по углам четырьмя болтами. Верхние два болта были примерно на уровне глаз Барленнана, нижние располагались на шесть дюймов ниже насыпи. Болты надлежало вдавить и повернуть на четверть оборота при помощи отвертки с широким лезвием; люди рассчитывали, что эту работу с успехом выполнят мощные клешни месклинита. При виде пластины Барленнан сразу убедился, что расчет этот был правильным. Широкие головки с прорезью легко выскочили наружу, но пластина пока не сдвинулась с места.

— Когда ты доберешься до нижних болтов и вытащишь их, советую тебе привязать к головкам верхних тросы и тянуть их с безопасного расстояния, — сказал Ростен. — Иначе этот кусок металла может грохнуться тебе на голову; он примерно в четверть дюйма толщиной. Да, кстати, пластины на нижних уровнях еще толще.

Совет был принят; капитан быстро разбросал грунт, пока не появился нижний край пластины. Нижние болты вывинтились так же легко, как и верхние, и через несколько секунд резкий рывок тросов вырвал пластину из гнезда в обшивке. Только что она была видна — и вот исчезла и появилась уже на насыпи; до слуха наблюдателя донесся резкий звук, похожий на ружейный выстрел. Солнце заглянуло в открывшийся люк и озарило установленный там аппарат. В смотровом зале и в ракете-обсерватории послышались восторженные крики.

— Теперь все в порядке, Барл! Мы благодарны тебе больше, чем это можно выразить словами. Отойди в сторонку и дай нам сфотографировать эту штуку, а потом мы объясним тебе, как извлечь из нее запись и как демонстрировать ее перед объективом.

Барленнан ответил не вдруг; но он сразу принялся за дело: подполз к телепередатчкику и повернул его объектив от носа ракеты.

— Сначала нам надо обсудить кое-какие вопросы, — спокойно сказал он.

Глава 19
НОВАЯ СДЕЛКА

Мертвая тишина воцарилась в смотровом зале. Изображение головы крошечного месклинита заполнило весь экран, но никто не мог расшифровать выражение его «лица». Никто не знал, что сказать; спрашивать Барленнана, в чем дело, было бы пустой тратой слов, ибо совершенно очевидно было, что он все объяснит сам. Он молчал довольно долго, а потом заговорил на таком хорошем английском языке, что этому поразился даже Лэкленд.

— Доктор Ростен, минуту назад ты сказал, что вы благодарны нам больше, нежели можете выразить это словами. Как я понимаю, это твое высказывание было вполне искренним; с одной стороны, я нимало не сомневаюсь, что сейчас вы действительно испытываете к нам чувство благодарности, но, с другой стороны, эти твои слова не больше, чем пустая риторика. Вы не собираетесь дать нам больше, чем когда-то предложили — прогнозы погоды, координатную информацию при плавании по незнакомым морям, а может быть, и кое-какую материальную помощь, например сбор специй, о чем в свое время говорил Чарлз. Я прекрасно сознаю, что по вашим понятиям на большее я не имею права; я вступил с вами в соглашение и должен придерживаться его условий — особенно потому, что свои обязательства по этому соглашению вы уже большей частью выполнили.

И тем не менее я хочу большего; а поскольку я уже привык уважать мнение по крайней мере некоторых из вас, я хочу объяснить, почему я так поступаю — если это возможно, я хочу оправдаться перед вами. Правда, я сразу оговариваюсь, что все равно поступлю по-своему, независимо от того, удастся ли мне вызвать в вас сочувствие моим целям и намерениям.

Как вам хорошо известно, я торговец и заинтересован прежде всего в обмене товаров. Чего только вы не предлагали мне в уплату за мою помощь, и не ваша вина, что все эти вещи не имели для меня никакой ценности. Ваши машины, как вы заявили, не могут работать в условиях тяготения и давления на моей планете; ваши металлы я не могу использовать —

и не нуждаюсь в них, даже если бы мог; во многих районах Месклина они лежат прямо на поверхности. Некоторые из моих соплеменников делают из них украшения; но из разговоров с Чарлзом я узнал, что для тонкой обработки металлов нужны сложные машины или по крайней мере огромное количество тепла, получить которое было бы для нас трудно. Кстати, штука, которую вы называете огнем, нам известна в более управляемых формах, нежели огненное облако; мне очень жаль, что я обманул Чарлза в этом отношении, но в то время мне казалось, что так будет лучше.

Возвращаюсь, однако, к главному. Итак, я отказался от всего, что вы мне предлагали, за исключением прогнозов погоды и координатной информации. Я думал, что этим вызову у вас подозрения, но ничего похожего на это не заметил. И все же, чтобы помочь вам, я согласился совершить самое длительное путешествие, известное в нашей истории. Вы твердили мне, как вы нуждаетесь в знаниях; и никто из вас не подумал, что в том же могу нуждаться и я, хотя я то и дело расспрашивал вас, когда видел ту или иную вашу машину. И вы всегда отказывались отвечать мне на эти вопросы, и всегда под одним и тем же предлогом. Поэтому я пришел к заключению, что имею право на любые действия, лишь бы заполучить знания, которыми владеет ваш народ. Вы всегда очень много говорили об огромной ценности того, что вы называете «наукой», и всегда подразумевали при этом, что мой народ этой самой науки не имеет. Но если наука так хороша и ценна для вашего народа, то я не понимаю, почему она не может быть хороша и ценна для моего.

Вы уже поняли, к чему я веду. Я предпринял это путешествие с той же целью, с которой вы послали меня, — чтобы получить знания. Я хочу знать вещи, при помощи которых вы совершаете такие замечательные дела. Ты, Чарлз, всю зиму прожил в таких местах, которые сразу сгубили бы тебя, если бы не помощь науки; но согласись сам, что такие же услуги она могла бы оказать и моему народу.

Поэтому я предлагаю вам новую сделку. Я понимаю, что, поскольку мы не выполнили свои обязательства по прежней сделке, вы неохотно пойдете на заключение

новой. Что ж, тут уж ничего не поделаешь; я не стыжусь напомнить вам, что ничего другого вам не остается. Вас здесь нет; вы не можете сюда прийти; со злости вы могли бы сбросить на нас какое-нибудь взрывчатое вещество, но и этого вы не сделаете, пока я нахожусь рядом с вашей машиной. Соглашение очень простое: знания за знания. Вы будете учить меня или Дондрагмера, или еще кого-нибудь из моей команды, кто имеет время и способности учиться; вы будете учить нас все время, пока мы будем разбирать для вас эту машину и передавать вам знания, которые она содержит.

— Одну ми...

— Погодите, шеф, — прервал Лэкленд возмущенного Ростена. — Я знаю Барла лучше, чем вы. Дайте мне сказать.

Они с Ростеном видели друг друга на своих экранах; несколько секунд руководитель экспедиции свирепо глядел на своего подчиненного, затем он осознал положение и сдался.

— Хорошо, Чарли. Скажи ему.

— Барл, я уловил в твоем тоне нотки презрения, когда ты говорил о предлоге, пользуясь которым мы отказывались давать тебе объяснения насчет машины. Поверь, мы вовсе не пытались одурачить тебя. Эти машины очень сложны; они так сложны, что люди, которые изобретают и строят их, сначала затрачивают почти полжизни, чтобы познать законы, на основе которых эти машины действуют, и постичь искусство их воплощения в металле. Кроме того, мы вовсе не принижали знаний твоего народа; правда, мы знаем больше, но это только потому, что мы дольше учились.

Я понял, что теперь ты хочешь узнать о машинах в ракете, причем намерен обучаться по мере того, как вы будете разбирать ее на части. Прошу тебя, Барл, поверь, что я говорю тебе чистейшую правду: во-первых, я бы не смог давать тебе объяснения, потому что просто сам не знаю ни одной из них, и, во-вторых, ни одна из них не может тебе пригодиться, даже если бы ты сумел в ней разобраться. Ведь это машины для измерения того, чего нельзя ни видеть, ни слышать, ни ощущать, ни попробовать на вкус, — того, что ты, возможно, увидишь в действии еще прежде, чем ты начнешь хоть немного разбираться в них. И это не

оскорбление; то, что я сейчас сказал, в равной степени относится и ко мне, а ведь я с самого раннего детства живу в окружении таких механизмов и даже пользуюсь ими. Но я все равно не знаю их устройства. И не узнаю до самой смерти; наша наука содержит столько знаний, что ни один человек не способен охватить все, и я должен удовлетвориться той только областью, которую знаю; возможно, за свою жизнь я успею прибавить к ней хоть что-то новое.

Вот так, Барл, мы не можем заключить с тобой такую сделку, потому что для нас физически невозможно выполнить по ней свои обязательства.

Барленнан не умел улыбаться, и он старательно удержался от того, чтобы изобразить подобие улыбки. Он ответил так же серьезно, как говорил Лэкленд.

— Нет, Чарлз, вы можете выполнить свои обязательства, хотя и не знаете этого.

Когда я пустился в путь, все то, что ты сейчас говорил про меня, было правдой; мало того, я всерьез намеревался отыскать с вашей помощью ракету, затем убрать радиоаппараты, чтобы вам ничего не было видно, а затем взяться за разборку этой машины, чтобы в процессе этой работы постигнуть всю вашу науку.

Очень медленно я начал осознавать, что ты никогда мне не лгал. Я понял, что вы никогда не стремились скрывать от нас свои знания, когда вы так быстро и так хорошо познакомили нас с закономерностями науки и техники, которые учитывают строители планеров там, на острове. А когда вы помогли Дондрагмеру сделать блок, я окончательно уверился в этом. Я все ждал, что в своей речи ты об этом упомянешь; почему ты не сказал ни слова? Это ведь хорошие примеры.

И только когда вы объяснили нам насчет планеров, я начал по-настоящему понимать, что означает ваш термин «наука». Еще перед тем, как мы уплыли с острова, я осознал, что это настолько простое устройство, что ваш народ не пользуется им уже давно, и тем не менее даже для его сооружения нужно знать столько законов мироздания, сколько моему народу и не снилось. Как-то, как бы извиняясь, ты случайно обронил, что планеры такого рода твой народ применял более двухсот лет назад. Можно себе представить, насколько же больше вы знаете сейчас — и этого для

меня достаточно, чтобы понять: я всего этого никогда не узнаю.

И все-таки вы можете сделать то, чего я хочу. Вы уже кое-что сделали, когда показали нам подъемник. Я не понимаю его, и Дондрагмер тоже, хотя порядочно поломал над ним голову; но мы оба догадываемся, что он чем-то сродни рычагам, которыми мы пользовались всю жизнь. Мы хотели бы начать все сначала, полностью отдавая себе отчет в том, что всех ваших знаний нам не усвоить — не хватит времени. Но мы очень надеемся узнать достаточно для того, чтобы понять, как вы сделали все ваши открытия. Даже для меня очевидно, что это не просто удачные догадки и даже не философствование, как у наших мудрецов, которые учат нас, что Месклин — это чаша. Тут я должен признать, что ты был прав; но я хотел бы узнать, как вы установили форму вашей собственной планеты. Я уверен, что вы знали это еще до того, как покинули ее поверхность и увидели ее со стороны. Я хочу знать, почему «Бри» плавает и почему вначале плавало каноэ. Я хочу знать, какая сила раздавила каноэ. Я хочу знать, почему в проломе все время дует ветер, — я ведь не понял ваших объяснений. Я хочу знать, почему у нас теплее всего зимой, когда мы почти не видим солнца. Я хочу знать, почему огонь обжигает и почему пыль от пламени смертоносна. Я хочу, чтобы мои дети знали, как работает радио и твой танк, а потом — и как ракета. Я хочу узнать многое — больше, чем смогу изучить, конечно; но если я смогу увлечь свой народ знаниями и пустить его по той дороге, по какой, должно быть, шли вы, тогда я охотно брошу торговлю.

Долгое время ни Лэкленд, ни Ростен не знали, что сказать. Молчание нарушил Ростен.

— Барленнан, если ты узнаешь все, что захочешь, и примешься обучать свой народ, скажешь ли ты им, откуда пришли эти знания? Считаешь ли ты, что им будет полезно узнать об этом?

— Некоторым — да; они захотят узнать о других мирах и о народе, который уже прошел тот путь к знанию, какой только что начали они. Остальным же — нет; у нас слишком много таких, кто любит перекладывать свой груз на чужие спины. Если они узнают, они не станут учиться; они просто будут спрашивать,

что им взбредет в голову — как это делал вначале я сам; и они никогда не поверят, что есть вещи, которые пока объяснить невозможно. Они будут думать, что вы их обманываете. Конечно, рано или поздно об источнике знаний узнают и эти, и тогда... В общем, по-моему, лучше будет, если они решат, будто я гений. Или Дон; в него еще легче поверить.

Ответ Ростена был краток и точен.

— Сделка заключена.

Глава 20
ПОЛЕТ «БРИ»

Сверкающий металлический скелет возвышался на восемь футов над плоским курганом из камней и грунта. Одни месклиниты деловито атаковали новый ряд пластин, верхние болты которых только что очистили от насыпи. Другие оттаскивали разрытую землю и камешки к подножию кургана. Третьи сновали взад и вперед по хорошо утоптанной дороге, ведущей в пустыню; те, что двигались к яме, волокли плоские тележки на колесиках, нагруженные припасами, а те, что двигались обратно, тащили порожние тележки. Здесь царила деловая суета; в сущности, у каждого был свой участок работы. Теперь тут работало два радиоаппарата; один на кургане, где землянин с далекого наблюдательного пункта руководил разборкой, а другой на некотором расстоянии в стороне.

Дондрагмер перед этим вторым аппаратом вел оживленный разговор с далеким невидимым собеседником. Солнце продолжало совершать бесконечные круги по небу, но оно уже постепенно спускалось к горизонту и медленно, очень медленно увеличивалось в размерах.

— Боюсь, что с опытами по преломлению света у нас все сложилось неудачно, — говорил помощник. — Отражение я понял хорошо; зеркала, которые я изготовил из металлических пластин, помогли мне во всем разобраться. Очень жаль, что устройство, с которого вы разрешили нам снять линзы, упало и разбилось; ведь у нас нет ничего похожего на стекло...

— Подойдет любой достаточно крупный осколок линзы, Дон, — отвечал аппарат. Это не был голос Лэкленда. Лэкленд оказался талантливым преподавателем, но время от времени уступал место у микрофона специалисту. — Любой осколок преломляет свет и даже дает изображение... Впрочем, об этом позже. Постарайся найти, что осталось от этого кусочка стекла, Дон.

Дондрагмер сказал, что сейчас этим займется, и повернулся было, чтобы уйти, но остановился.

— Может быть, ты мне скажешь, из чего делается это самое «стекло» и много ли для него требуется тепла? Ты же знаешь, у нас есть очень хороший огонь. Да, и еще этот материал, которым покрыта Чаша, — кажется, Чарлз называет его льдом. Он подойдет?

— Про огонь ваш я знаю, хотя будь я проклят, если понимаю, каким образом у вас горят растения в водородной атмосфере, даже если вы прибавляете туда кусочки мяса. Что же до остального, то лед, конечно, подойдет, если ты сумеешь его достать. Я не знаю состава песка в вашей реке, но ты попробуй расплавить его на самом жарком огне и посмотри, что получится. Заметь, успеха я не гарантирую; я только хочу сказать, что на Земле и на других известных мне планетах обычно стекло изготовляют из песка, в который для пользы дела добавляют некоторые другие вещества. Только будь я проклят, если знаю, как объяснить тебе, что это за вещества и где их искать...

— Благодарю тебя; я сейчас отряжу кого-нибудь для работы с огнем, а сам тем временем поищу кусочек линзы, хотя боюсь, что после такого удара остались только крошки. Зря мы стали разбирать этот прибор на краю кургана; эта штука, которую вы называете «цилиндр», так и покатилась вниз...

Помощник наконец отошел от радио и сейчас же натолкнулся на Барленнана.

— Твоей вахте пора заступать к пластинам — сказал капитан. — Я сейчас спускаюсь к реке. Тебе что-нибудь нужно для работы?

Дондрагмер рассказал о предложении насчет песка.

— Если можно, принесите немного песка, большого огня я разводить не собираюсь. Или у вас и без того будет полно груза?

— Никакого груза у меня не будет; просто я намерен развлечься. Сейчас, когда весенний ветер улегся и отовсюду опять дуют старые добрые бризы, самое время попрактиковаться в навигации. Что толку от капитана, который не умеет управлять кораблем?

— Это уж точно. Что, Летчики не рассказали, зачем у них этот машинный отсек?

— Рассказали и очень много. Только я проглотил бы эти их объяснения гораздо легче, если бы смог уверовать во все эти штучки насчет искривления пространства. И закончили они старой песней, что-де словами этого не объяснишь. Чем же, кроме слов, можно еще объяснить, скажи на милость?

— Я и сам об этом подумывал; полагаю, здесь речь идет о другом аспекте их количественного кода, который они называют математикой. Мне-то по душе больше механика; с ее помощью можно прямо начинать с чего-то полезного. — Одной рукой он указал на тележки, а другой — на подъемник.

— Ясное дело. Ох, сколько нам всего придется везти домой... а ведь кое о чем, наверно, дома лучше не распространяться. — Он жестом показал, что он имеет в виду, и помощник молча с ним согласился. — Сейчас-то, конечно, можно заниматься этим сколько душе угодно.

И капитан отправился своей дорогой, а Дондрагмер посмотрел ему вслед со смешанным чувством уважения и легкой насмешки. Хотел бы он, чтобы сейчас здесь оказался Риджаарен; островитянин никогда ему не нравился, и теперь Риджаарена можно было бы окончательно убедить, что команда «Бри» не состоит из одних лгунов.

Впрочем, тратить время на такие размышления не стоило. У него была работа. Конечно, отрывать пластины от металлического чудовища было не так интересно, как выслушивать инструкции по проведению очередного опыта, но свои обязательства по сделке следовало выполнять. Он стал взбираться на курган, сзывая свою вахту.

А Барленнан отправился на «Бри». Корабль был уже готов к походу, два матроса ждали на борту, огонь был разожжен. Вид огромной массы мерцающей, почти прозрачной ткани развеселил его. Как и помощник, он

вспомнил о Риджаарене, — представил себе, как бы отреагировал переводчик, если бы увидел, на что пошел этот материал. Тоже мне — нельзя доверяться сшитым тканям! Народу Барленнана также было кое-что известно, и в таких делах он умеет обходиться даже без подсказок друзей-Летчиков. Он чинил паруса этой нитью еще за десять тысяч миль от острова, и его швы выдержали даже ураган из долины ветра.

Он прополз в проход между перилами, удостоверился, что сзади все хорошо закрылось, и заглянул в огневую яму, выложенную металлической фольгой из конденсатора, подаренного землянами. Весь такелаж выглядел прочным и хорошо закрепленным; капитан кивнул экипажу. Один из матросов подбросил еще несколько палок в тлеющий без пламени огонь в яме; другой отдал швартовы.

Сорокафутовый шар, раздувшийся от горячего воздуха, стал тихо подниматься, и новый «Бри», «Бри» — монгольфьер, снявшись с плато, несомый легким бризом, поплыл по направлению к реке.

ПОВЕСТЬ

У критической ТОЧКИ

ПРОЛОГ

С расстояния в шестнадцать световых лет Сол кажется несколько менее ярким, чем звезда на острие меча Ориона. Поэтому искорку, вспыхнувшую в алмазных линзах странной машины, вряд ли зажгли его лучи. Но не одному оператору на корабле в этот момент подумалось, что робот как бы бросил прощальный взгляд на планетную систему, где его изготовили (это было бы вполне естественно для чувствительного и сентиментального создания). Робот уже начал падать на огромное темное тело, от которого его отделяло теперь всего лишь несколько тысяч миль.

На этом расстоянии даже обыкновенная планета казалась бы ослепительно яркой, ибо Альтаир — мощный источник света — и в данный момент занимал наилучшее положение. Альтаир — не переменная звезда, но вращение его столь стремительно, что он значительно сплющен, Тенебра же сейчас находилась в той части своей орбиты, где она получала наибольшее количество света от самых раскаленных и ярких полярных областей Альтаира. Несмотря на это, обширная поверхность планеты казалась мутным пятном, по яркости лишь незначительно превосходящим Млечный путь, на фоне которого она наблюдалась. Казалось, планета не столько отражала белое сияние Альтаира, сколько поглощала и гасила его.

Однако зрительные рецепторы аппарата при конструировании были рассчитаны именно на атмосферу Тенебры. Операторам было видно, как робот переключил свое внимание на планету; беловатый корпус из синтетического материала в металлической оправе мед-

ленно разворачивался. Батарея коротких, толстых цилиндров повернулась в направлении спуска. Струи пока еще не были видны — атмосфера была слишком разрежена, чтобы раскалиться от соприкосновения с ионным потоком, но тонны металла и пластика уже изменили ускорение. Тормозные двигатели вступили в борьбу с мощным притяжением планеты, в три раза превосходящей диаметром далекую Землю. Они сопротивлялись силе тяготения так успешно, что аппарат ничуть не пострадал, когда, наконец, вошел в плотные слои атмосферы.

По мере того как робот погружался в газовую оболочку нового мира, сияние в его алмазных глазах все более тускнело. Теперь он снижался медленно и равномерно. Пожалуй, если можно так выразиться, осторожно. Альтаир все еще сверкал вверху, но другие звезды меркли по мере того, как аппарат опускался.

Внезапно очертания аппарата изменились. До этого момента он напоминал ракету необычной конструкции, садящуюся на планету и тормозящую с помощью подвесных двигателей. То, что реактивные струи сверкали все ослепительней, было вполне естественно: чем ниже, тем плотнее становилась атмосфера. Однако сами тормозные двигатели не должны были светиться. А они светились. Все ярче и ярче сверкали струи, словно стремясь изо всех сил замедлить падение, ускорявшееся вопреки их усилиям. Пора было вмешаться далеким операторам. Ослепительно блеснули вспышки, но не в соплах двигателей, а на узлах металлических балок, на которых они были подвешены. Крепления двигателей были мгновенно срезаны, и аппарат перешел в свободное падение.

Но только на миг. Он был оснащен еще одним устройством — не прошло и полсекунды после отбрасывания двигателей, как над падающей глыбой раскрылся гигантский парашют. Можно было ожидать, что при такой огромной силе тяжести он тут же оторвется, но его конструкторы хорошо знали свое дело. Парашют выдержал. Невероятно плотная атмосфера — даже на этой высоте в несколько раз плотнее, чем земная, — надежно поддерживала огромную поверхность парашюта. Без малейших повреждений робот опустился на грунт планеты.

Через несколько мгновений яйцевидное тело робота, лежавшее нижней уплощенной частью на грунте, освободилось от легких креплений, соединявших его с парашютом, отползло на почти невидимых гусеницах в сторону от путаницы металлических строп и снова остановилось, словно для того, чтобы осмотреться.

Однако это лишь казалось, робот не осматривался. Зрение к нему еще не вернулось. Глаза, так зорко видевшие в вакууме, тоже нужно было отрегулировать, чтобы различие коэффициентов преломления алмаза и новой внешней среды не искажало изображения. Впрочем, это длилось недолго — регулирование осуществляла автоматически сама атмосфера, проникая в оптическое устройство.

После оптической регулировки почти полный мрак, царивший на планете, был уже не страшен для глаз робота — их усилители улавливали и уменьшали каждый квант света. Далеко отсюда люди не отрывались от телевизионных экранов, воспроизводящих все увиденное роботом.

Перед оператором предстал пересеченный ландшафт, на первый взгляд, не столь уж отличный от земного. Вдали виднелись контуры высоких холмов, размытые, возможно, покрытые лесом. Вблизи почву сплошь покрывала растительность, похожая на траву, но, судя по следу, оставленному роботом, куда более ломкая, чем земная трава. Кое-где на пригорках виднелись купы высоких растений. Мир этот казался совершенно неподвижным. Однако микрофоны, вделанные в массу пластика, время от времени регистрировали шумы и треск. И нигде не было заметно никаких признаков животной жизни.

Довольно долго робот задумчиво вглядывался в окружающее пространство. Вероятно, операторы надеялись, что живые существа, спрятавшиеся при спуске робота, снова вылезут из своих укрытий. Но надежды их не оправдались. Через некоторое время робот опять подполз к парашютным креплениям и стропам, включил освещение и внимательно осмотрел груду металлических перекладин, проводов и тросов. Затем снова двинулся в сторону, на этот раз весьма целеустремленно.

В последующие десять часов он тщательно исследовал район посадки, то освещая своим прожектором какое-нибудь растение, то надолго останавливаясь и без всякой видимой причины разглядывая местность. Порой он издавал звуки, разные по высоте и силе. Чаще он это проделывал в лощинах и уж, во всяком случае, не на вершинах холмов. Казалось, он изучает эхо.

То и дело робот возвращался к покинутым стропам и придирчиво осматривал их, словно ждал, что с ними что-то должно произойти. И конечно, в среде с такими экстремальными условиями события не заставили себя долго ждать. Робот с большим интересом наблюдал, как коррозия пожирает металл, и не оставлял района посадки до тех пор, пока не исчез последний кусочек металла.

Но гораздо интереснее было то, что на планете обнаружилась животная жизнь. Почти все живые существа были маленькие, но, судя по действиям робота, от этого их привлекательность для него ничуть не уменьшилась. Он разглядывал самым тщательным образом все, что появлялось в поле его зрения, стараясь подойти как можно ближе. Большинство этих существ имело чешуйчатый покров и восемь конечностей. Одни, очевидно, питались растениями, другие, похоже, были плотоядные.

После того как коррозия окончательно разъела металлические детали парашюта, операторы всецело занялись изучением животных. Наблюдения, впрочем, неоднократно прерывались, но это объяснялось скорее неполадками связи, чем невниманием. Несколько раз корабль, перемещаясь относительно планеты, терял связь с исследуемым районом. Однако вскоре методом проб и ошибок удалось установить период вращения Тенебры, и перебои в управлении прекратились.

Проект исследования планеты диаметром втрое больше земного с помощью одного-единственного аппарата мог показаться просто смехотворным. Один робот, конечно, был бы бессилен. Но робот, обслуживаемый группой мыслящих помощников, особенно принадлежащих к цивилизации, почти всесветной по своему распространению, — это уже нечто иное. Да еще, несмотря на тяжелейшие условия, в которые попал робот, операторы твердо рассчитывали на помощь ра-

зумных обитателей планеты. Это были опытные люди, кое-что знавшие о формах жизни во Вселенной.

Однако прошли недели, потом месяцы, а кроме существ, обладавших зачаточной нервной системой, на планете ничего обнаружить не удалось. Если бы операторы поняли принцип действия фасеточных глаз без хрусталика, присущих местным живым существам, они, возможно, смотрели бы на будущее более оптимистично. Но они этого не могли знать, и многие из них начали смиряться с мыслью, что исследование планеты потребует труда нескольких поколений.

Мыслящее существо обнаружили чисто случайно. Росту оно было добрых девять футов и, следовательно, в условиях этой планеты должно было весить значительно больше тонны. Согласно местным биологическим традициям, оно было покрыто чешуей и снабжено восемью конечностями. Однако существо это принадлежало к стопоходящим, то есть ходило на двух конечностях, следующими двумя, видимо, не пользовалось, а верхние четыре служили ему в качестве рук. Операторы убедились также, что существо это разумно: оно несло два длинных и два коротких копья с каменными наконечниками и все четыре держало наизготовку.

Наконечники из камня! Пожалуй, это несколько разочаровало наблюдателей-землян. Впрочем, они, возможно, припомнили, что происходило с металлами на этой планете, и не стали поспешно судить об уровне культуры туземцев по используемому ими материалу. Так или иначе, но они принялись внимательно изучать туземца.

Он шел медленно, явно стремясь оставлять поменьше следов. Вместе с тем он, видимо, учитывал, что совсем не оставлять следов просто невозможно. Время от времени он останавливался и сооружал хитроумное устройство из упругих веток довольно редко попадавшихся растений и заостренных каменных пластинок, неисчерпаемый запас которых он нес в большом кожаном мешке, закинутом за его чешуйчатую спину.

Назначение этих устройств стало понятным, когда туземец отошел достаточно далеко, и их можно было получше рассмотреть. Эти ловушки, сделанные так, чтобы вогнать острие камня в тело любого, кто попы-

тался бы идти по следу, вероятно, предназначались скорее для животных, чем для туземцев, — любое разумное существо могло легко избежать их, идя не по следу, а параллельно ему.

Однако интересно было уже и то, что предпринимались такие меры предосторожности. Роботу дали команду следовать за туземцем, соблюдая максимальную осторожность. Туземец прошел пять-шесть миль и поставил за это время около сорока ловушек. Робот легко обходил их, но несколько раз натыкался на другие, поставленные, видимо, раньше. Острые пластинки не причинили вреда аппарату, некоторые даже сломались о его пластиковую оболочку. Похоже было, что вся местность в округе «заминирована».

Идя по следу, робот подполз к холму с округлой вершиной. Туземец быстро взобрался на него и остановился у края узкой расщелины близ вершины. Он оглянулся, казалось, чтобы убедиться, не преследуют ли его, хотя к тому времени наблюдатели-земляне еще не обнаружили у него органов зрения. Решив, видимо, что опасности нет, туземец вытащил из своего мешка какой-то овальный предмет величиной примерно с грейпфрут, ощупал его своими тонкими пальцами и исчез в расщелине.

Через две-три минуты он вылез из нее уже без этого предмета. Спускаясь с холма, он тщательно обходил ловушки, и свои, и поставленные другими, и пошел уже в другом направлении.

Операторам пришлось быстро решить: следовать ли роботу за туземцем или сначала выяснить, что он делал на холме. Первое казалось более разумным — туземец уходил, а холм оставался стоять на месте. Однако они сочли, что туземца будет легко найти по следам. К тому же близилась ночь: весьма вероятно, что туземцу, как и другим животным Тенебры, было присуще особое свойство — через несколько часов после наступления ночи впадать в состояние анабиоза. Робот подождал, пока туземец исчез из виду, и начал подниматься по склону холма к расщелине. Она вела к неглубокому кратеру, на дне которого лежало около сотни овальных предметов, в точности похожих на только что оставленный там. Все они были аккуратно уложены в один ряд. Истинная природа этих предметов казалась столь

очевидной, что роботу даже не приказано было рассечь один из них. Это были яйца.

Тут, вероятно, возникла длительная и оживленная дискуссия. Поэтому робот долго бездействовал. Затем он покинул кратер, спустился по склону холма, с большой осторожностью прошел по «минному полю» и последовал за туземцем.

Это было не так просто, как днем, — пошел дождь, и видимость ухудшилась. Земляне еще не решили, как лучше передвигаться роботу в ночное время: придерживаться лощин и долинок и мало что при этом видеть или выбирать возвышенности и вершины холмов, чтобы хоть иногда иметь широкий обзор. Впрочем, в данном случае эта проблема не имела значения. Туземец выбирал путь, максимально приближенный к прямой, пренебрегая рельефом. Робот шел по его следу миль десять и очутился на поляне возле утеса, изъеденного гротами и пещерами.

В пещерах стояли туземцы, но они никак не реагировали на свет прожекторов робота. Либо это был сон, более или менее похожий на человеческий, либо ночное оцепенение, типичное для животных Тенебры.

Никаких признаков цивилизации, которая была бы выше уровня каменного века, робот не обнаружил и через несколько минут, выключив большую часть своих фар, отправился обратно к холму с кратером.

Он полз непрерывно и целеустремленно. Когда он взобрался на верхушку холма, в его боках открылось несколько отверстий, из которых высунулись механические подобия рук. Робот осторожно взял десять овальных предметов с одного конца ряда, не оставляя промежутков, и спрятал их внутри своего корпуса. Затем снова спустился по склону холма и принялся разыскивать и изучать ловушки. Он вынимал из них каменные лезвия, отбирая те, что были в хорошем состоянии, и прятал их в гнездах пластикового корпуса.

Покончив с этим, робот на максимальной скорости двинулся прочь. К тому времени, когда взошел Альтаир, робот с образцами местного оружия и похищенными яйцами был уже далеко от кратера и еще дальше от пещерного селения.

Раздвигая высокие растения, Ник вышел на открытое пространство, остановился и произнес несколько слов из тех, которые Феджин неизменно отказывался перевести. Он не был ни удивлен, ни раздосадован тем, что впереди увидел воду — ведь стояло еще раннее утро, — но его огорчило, что справа и слева тоже была вода. Проклятое невезение загнало его на полуостров, а возвращаться уже поздно.

Строго говоря, он не знал, что его преследуют, но ни минуты не сомневался в этом. После бегства он затратил два дня на то, чтобы максимально запутать свой след, и дал большой крюк к западу, прежде чем повернуть к своему селению. Правда, он не заметил никаких признаков преследования. Его задерживали в пути обычные препятствия — непроходимые участки местности да дикие звери; однако те, кто держал Ника в плену, пока его не догнали. Не случайно летающие животные и растения, которых нужно всегда остерегаться, не проявляли никакого интереса к местности позади него. Между тем в плену Ник убедился, что его похитители — превосходные охотники и следопыты, однако он надеялся, что они потеряли его след. Искушение было велико, но он не мог заставить себя поверить этому. Ведь им так хотелось, чтобы он привел их к Феджину!

Ник сделал над собой усилие и вернулся в мир действительности. Рассуждать нечего — надо решать, возвращаться ли назад или ждать, пока озеро высохнет; и в том, и в другом случае они могут его настигнуть. Решить, где риск больше, было нелегко, но Ник мог кое-что проверить.

Он подошел к воде, внимательно посмотрел на ее поверхность и энергично ударил по ней ладонью. Круги, медленно расходящиеся по озеру, его не интересовали, иное дело — брызги, поднятые ударом. Он смотрел, как они летели в его сторону, медленно опускаясь, и с радостью увидел, что даже самые крупные из них испарились, не долетев до поверхности. Озеру оставалось жить недолго; Ник сел и принялся терпеливо ждать.

Подул легкий ветерок, растения просыпались, встречая новый день. Ник чуял это ноздрями. Он знал, что будет: ветер усилится, на озере появятся... нет, не волны, а вихревые воронки под более теплыми потоками воздуха. С этого момента уровень воды в озере начнет снижаться даже быстрее, чем это будет нужно Нику. Ветерок позволит ему не задохнуться, если он не станет слишком приближаться к убывающей воде — да, теперь уже ждать недолго. Он хорошо видел поверхность озера. Вода отступала, исчезая, словно мираж. Ник осторожно двинулся вперед, с обеих сторон его окружала вода. Значит, этот полуостров действительно завершался мысом, рассекающим все озеро. Что ж, тем лучше.

Однако мыс не доходил до противоположного берега. Опять задержка! Добрых четверть часа ему пришлось ждать на его оконечности, пока озеро не высохло совсем. У Ника не хватило терпения, и он пошел вперед, вдыхая еще не рассеявшиеся пары. К счастью, с ним не случилось ничего дурного. Через несколько минут он уже взбирался на склон противоположного, восточного берега, пробираясь сквозь гущу высоких растений. Погони не было видно. Только два летающих хищника преследовали его. Он схватился за нож и с огорчением подумал о потерянных копьях. Впрочем, если он пойдет достаточно быстро, его не догонят. Он без колебаний нырнул в густые заросли.

Идти оказалось не очень трудно. Растения были гибкие, и он просто раздвигал их. Иногда, однако, приходилось прорубать себе путь, и это было не очень приятно, не столько потому, что требовало труда, сколько из-за ножа — воздух разрушал его. Ножей и так не хватало, а Феджин выдавал новые не слишком щедро.

Утро проходило, а преследователи все не появлялись. Большую часть дороги он двигался быстро, без задержек на схватки с дикими зверями. Ему на редкость повезло — обычно на сорокамильный переход приходилось четыре или пять схваток с хищниками, сегодня же на его долю выпало лишь одно сражение.

Проходили часы, Ник продолжал идти с такой скоростью, на какую только был способен. Единственное столкновение почти не задержало его. Это был летающий хищник, он плыл навстречу Нику и спикировал почти до самого грунта, ему наперерез. По счастью,

хищник был небольшой, и рука Ника оказалась подлинней его щупалец. Выхватив нож, Ник проткнул газовые пузыри хищника так удачно, что тот начал беспомощно барахтаться. Ник вложил оружие в ножны и пошел дальше, почти не замедлив шага и потирая руку, которой все же коснулось ядовитое щупальце.

Когда он, наконец, очутился в знакомых местах, рука уже перестала болеть, а Альтаир стоял высоко в небе. Ник немного изменил направление и прибавил шагу. Ему было неясно, что он будет говорить. Рассказывать обо всем происшедшем в подробностях, по порядку, пожалуй, отнимет много времени; важно, чтобы Феджин и остальные успели уйти. С другой стороны, придется все объяснить, иначе ему не убедить Учителя в реальности происшедших событий. Размышляя над этой проблемой, Ник невольно замедлил шаг. Вдруг чей-то голос окликнул его по имени:

— Ник! Да неужели?! Где ты был? Уж больно ты часто дома не ночуешь!

Ник, потянувшийся было за ножом, узнал голос и опустил руку.

— Джонни! Как приятно снова услышать настоящую речь! Что ты делаешь так далеко от дома? Неужели овцам больше негде пастись?

— Я охочусь, а не пасу стадо.

Продравшись сквозь подлесок, Джон Дулиттл вышел на открытое место.

— Но где ты был? Уже несколько недель, как ты ушел, мы даже перестали искать тебя.

— Вы меня искали? Это плохо. А, впрочем, толку от этого было мало, иначе я узнал бы о ваших поисках раньше.

— Как, как? Не пойму, что ты мелешь. И что это значит: приятно услышать «настоящую речь»? Какая еще бывает речь? Ну-ка, рассказывай.

— Это длинная история, и мне все равно придется рассказать ее всем, так что пошли домой. Нет смысла повторять ее дважды.

Не дожидаясь ответа, он направился к долине, туда, где они жили.

Феджин был на своем обычном месте в центре круга, образованного хижинами. Подойдя поближе, Ник окликнул Учителя.

— Феджин! Нам грозит беда! Есть у тебя еще какое-нибудь оружие, о котором мы не знаем?

Как обычно, прошло несколько секунд, прежде чем раздался ответ.

— Да это Ник! А мы уж не надеялись увидеть тебя! Что это за разговор об оружии? Ты собираешься с кем-то драться?

— Боюсь, что да.

— С кем же?

— С теми, кто похож на нас. Но они не разводят скот, не умеют пользоваться огнем и называют вещи по-другому.

— Где ты встретился с ними? Почему мы должны драться?

— Это длинная история. Пожалуй, лучше мне рассказать ее с самого начала. Но нам не следует терять времени.

— Начинай. И рассказывай поподробнее.

— Как и было решено, я не торопясь пошел на юг, нанося местность на карту. В районе, где мы обычно охотимся и пасем скот, больших перемен не произошло. А про те места, что находятся за его пределами, трудно сказать, изменилось ли там что-либо за последнее время и как именно. К концу первого дня я заметил отличный ориентир — гору правильной конической формы, гораздо более высокую, чем все виденные мною прежде. На второй день, вскоре после восхода солнца, я прошел вдоль восточного подножия этой горы. Ветер в тех местах очень сильный, поэтому на карте я дал ей название «Гора бурь». Там должно быть много трав и деревьев, растущих ночью. Разведку нужно планировать так, чтобы спускаться с горы до наступления темноты. В остальном все шло как обычно. Защищаясь, я убил достаточно зверей, чтобы прокормиться. Однако на третий день, когда гора уже скрылась из виду, какой-то зверь, сидевший в норе, высунул из нее лапу и схватил меня за ноги. Мои копья, видимо, не причиняли ему большого вреда. Я не вырвался бы, наверно, если бы меня не выручили.

— Выручили? — этот вопрос задал не Фиджин, а Джим. — Кто мог тебя выручить? Нас же там не было.

— Так это и был не наш — во всяком случае, не совсем наш. Выглядел он точно так, как мы, и копья

у него были такие же. Но когда нам удалось, наконец, прикончить зверя в норе и мы попытались заговорить друг с другом, оказалось, что у него совсем иные слова, чем у нас. Я даже не сразу понял, что он обращается ко мне. Я решил пойти с ним и разведать побольше. Это показалось мне важнее, чем просто съемка местности. В пути я стал понимать некоторые из его слов. Это было нелегко, потому что он соединял их как-то по-чудному. Однако мы охотились вместе и все время учились разговаривать друг с другом. Хотя шли мы не по прямой, я хорошо запомнил наш маршрут и могу нанести его селение на карту.

— Селение? — опять спросил Джим. Феджин промолчал.

— Другого названия я не знаю. Оно совсем не похоже на наше, это место у подножия крутой скалы. На склоне этой скалы много отверстий, среди них есть очень большие. Там-то и поселились пещерные жители. Мой спутник и был одним из них.

Ник рассказал о том, как встретили его эти существа. Он не сразу сообразил, что они живут в пещерах, и решил ночевать под открытым небом. Набрав валежника, он развел костер, приведя своих хозяев в крайнее изумление. Они обступили костер и не уходили, хотя начался дождь, несущий с собой вредные, ядовитые испарения. Ник прожил с пещерными жителями несколько недель, ознакомился с их бытом и научился сносно объясняться на их языке. Больше всего его удивило то, что они были неодинакового роста, от огромных девятифутовых до совсем маленьких, самых любопытных и дружелюбных. Слушатели Ника встретили это сообщение откровенным недоумением.

Ник рассказал пещерным жителям и их вождю по имени Быстрый о жизни в своем селении, обо всем, чему их научил Феджин: как возделывать почву, как добывать огонь. И вот что за этим последовало.

Вождь, властный и грубый повелитель своего племени, потребовал, чтобы Ник отправился к Феджину и привел его к пещерам — пускай Феджин научит пещерных жителей всему, что он знает. Ник с готовностью согласился передать просьбу Быстрого Феджину и выразил надежду, что Феджин поможет им. Но Бы-

стрый привык к беспрекословному повиновению, и Ник из гостя превратился в пленника. Быстрый под угрозой зверской расправы потребовал доставить к нему Феджина. Ник понял, что допустил роковую ошибку, и теперь опасность грозит не только ему, но и Феджину и всем его друзьям. Дождавшись ночи, он решил бежать. Его стража была уверена, что он никуда не уйдет до рассвета — слишком много опасностей грозило всякому, кто осмелится ночью углубиться в чащу леса. Ник, понимая, на какой риск он идет, все же отважился на ночной побег. Набрав сухих палок, он зажег одну из них и с факелом, хоть немного отпугивавшим ночных хищников, тронулся в путь. Шел он несколько суток. Он спешил домой, но, чтобы запутать преследователей, сделал длинный крюк на запад и лишь потом свернул на север, к родной долине...

Закончив свой рассказ, Ник добавил:

— Они меня так и не догнали. Но рано или поздно они найдут наше селение. Нам нужно уходить отсюда как можно скорее.

Наступило молчание. Потом все загалдели разом. Один только Ник молча ждал, что скажет Феджин.

Наконец робот заговорил.

— Ты, конечно, прав, пещерные жители отыщут наше селение. Они, вероятно, уже знают, где мы живем. Было бы крайне глупо с их стороны схватить тебя в пути. Они понимали, что ты идешь домой. Но я не вижу никакого проку в том, чтобы уходить отсюда: они будут преследовать нас везде. Очень скоро нам предстоит встреча с ними. Но я не хочу, чтобы вы вступали в бой. Я очень люблю всех вас, потратил немало времени на ваше воспитание, и мне будет горько видеть, как вы погибнете в резне. Вы никогда не дрались — этому я не учил вас — и не устоите против воинственного племени.

Поэтому, Ник, я хочу, чтобы ты и еще кто-нибудь из вас вышли им навстречу. Когда вы встретите Быстрого, скажите ему, что мы с удовольствием придем в его селение или пусть он приходит в наше, и я научу его людей всему, чему он захочет. Если ты сумеешь объяснить ему, что я не знаю его языка и что он сможет говорить со мной только через тебя, у

него, должно быть, хватит ума не причинить вреда кому-либо из вас.

— Когда нам выходить? Сейчас?

— Так было бы всего лучше, но ты долго шел и заслужил отдых. К тому же приближается вечер, и мы, вероятно, ничего не потеряем, если ты спокойно проспишь ночь. Отправляйтесь завтра утром.

— Хорошо, Учитель.

Ник ничем не проявил тревоги, которую вызывала в нем перспектива новой встречи с Быстрым. За те несколько недель, что Ник пробыл у скалы, он понял, что представляет собой этот дикарь, а Феджин никогда даже не видел Быстрого. Но Учитель так мудр; он научил Ника почти всему, что тот знал, и на протяжении жизни целого поколения — по крайней мере, жизни Ника — был в селении высшим авторитетом. Наверно, все будет так, как предсказал Феджин.

Вероятно, так оно и было бы, если б люди, управлявшие роботом, сумели сколько-нибудь правильно оценить необычайные способности пещерных жителей как следопытов. Когда пошел дождь, Ник разжег сторожевой костер, но не успел даже задремать, как услышал испуганный крик Нэнси и в то же мгновение увидел самого Быстрого, а бок о бок с ним шеренгу его отборных воинов. Они молча окружали холм и поднимались по склону.

II

— Что теперь будете делать?

Рекер не ответил. Ему было некогда болтать попусту даже со столь значительной персоной, задававшей этот вопрос. Нужно было действовать. Телевизионные экраны, связывающие его с Феджином, занимали всю стену перед ним, и на всех было видно одно: толпа похожих на еловые шишки существ, осаждавшая селение. Микрофон был выключен, чтобы ученики робота не слышали посторонних разговоров в пункте управления. Палец Рекера блуждал над тумблером включения, но не касался его. Рекер не мог придумать, что ответить.

Все, что он передал Нику через робота, было правильно. Никакой пользы от схватки быть не могло, но, к сожалению, она уже началась. Если бы Рекер и мог дать полезные советы по обороне селения, все равно было поздно. Человеческий глаз не в силах был отличить атакующих от обороняющихся. Копья мелькали в воздухе с потрясающей быстротой. В свете костров сверкали топоры и ножи.

— Во всяком случае, зрелище любопытное, — послышался тот же пронзительный голос, минутой раньше задавший вопрос. — От костров там светлее, чем днем.

Спокойный тон привел Рекера в бешенство: он-то не мог равнодушно относиться к беде, в которую попали его друзья. Однако он не потерял самообладания и не ответил резкостью, причем отнюдь не по соображениям престижа. Посторонний наблюдатель случайно подал ему одну мысль. Палец Рекера нажал тумблер микрофона.

— Ник! Ты меня слышишь?

— Да, Учитель!

На голосе Ника не отразилось чудовищное физическое напряжение, которое он испытывал в этот момент; у тенебрийцев органы речи не так тесно связаны с дыхательным аппаратом, как у землян.

— Хорошо. Пробивайтесь поскорее к ближайшей хижине. Спрячьтесь так, чтоб меня не было видно. Не удастся добраться до хижины — укройтесь за поленницей или где-нибудь еще — например, за склоном холма, если не найдете ничего лучше. Крикните мне, как только спрячетесь.

— Постараемся.

У Ника не было времени добавить еще хоть одно слово. А те, кто находился в пункте управления, могли только наблюдать, хотя пальцы Рекера уже нависли над другой группой тумблеров на сложной приборной панели перед ним.

— Один из них добрался, — произнес тот же высокий голос, и на этот раз Рекеру пришлось ответить.

— Я знаю их уже шестнадцать лет, но сейчас не могу отличить своих от нападающих. Как вам это удается?

Он быстро перевел взгляд с экрана на двух неземлян, высившихся над ним.

— У нападающих нет топоров, они вооружены только ножами и копьями, — спокойно сказал голос.

Человек поспешно повернулся к экрану. Да, не было оснований сомневаться в том, что дроммианин разглядел, как они вооружены. Он пожалел, что плохо знает Дромм и его обитателей. Рекер ничего не ответил тощему гиганту, но не стал следить за топорами, сверкавшими в свете костров. Действительно, те, кто держал их в руках, пробивались к хижинам на вершине холма. Это удалось не всем.

И все же кое-кто добрался до вершины. С полминуты четырехрукое, покрытое чешуей существо стояло в дверях одной из хижин, нанося удары тем, кто решался к нему приблизиться. Трое других, видимо раненые, подползли к нему и под защитой его могучих рук укрылись в хижине. Один из троих остался в дверях и, орудуя двумя копьями, оборонял от ударов снизу того, кто действовал топором.

Вот еще один обороняющийся пробился к первому, и оба отступили в глубь хижины. Никто из пещерных жителей не решился последовать за ними.

— Вы все в хижине, Ник? — спросил Рекер.

— Нас здесь пятеро. Не знаю, что с остальными. Алиса и Том, наверно, погибли. В начале боя они держались поблизости от меня, но я давно их не видел.

— Позови тех, кто не с тобой. Мне скоро придется кое-что сделать, и я не хочу, чтобы вы от этого пострадали.

— Они либо спрятались, либо мертвы. Бой затих. Теперь вас гораздо лучше слышно, чем прежде. Делайте, что задумали, за нас не беспокойтесь. Воины Быстрого, кажется, идут к вам. У хижины осталось только двое. Все остальные окружают место, где я видел вас недавно. Вы ведь не ушли оттуда?

— Нет, — согласился Рекер, — и ты прав, они меня окружают. Один из самых рослых воинов идет прямо на меня. Спрячьтесь все в хижине, постарайтесь, чтоб свет не попадал вам в глаза. Даю вам десять секунд.

— Хорошо, — ответил Ник. — Мы заберемся под столы.

Рекер медленно сосчитал до десяти, следя на экранах за приближением нападающих. На счете «десять» пальцы его коснулись рубильника, который одновременно включил двадцать тумблеров. И, как позднее рассказывал Ник, «весь мир вспыхнул».

На самом же деле вспыхнули только мощные прожекторы робота, которые не включались уже много лет, но были вполне исправны.

По замыслу Рекера, вспышка должна была мгновенно ослепить пещерных жителей, выросших в вечной мгле Тенебры. Однако он был вынужден с огорчением признать, что этого не произошло.

Пещерные жители были несомненно очень удивлены. На мгновение они даже остановились и принялись громко переговариваться. Затем гигант, шедший впереди, направился прямо к роботу, нагнулся и принялся разглядывать одну из фар. Земляне давно уже поняли, что у жителей Тенебры органы зрения каким-то образом связаны с колючими гребнями на их голове, и существо, которое, как подозревал Рекер, было самим вождем Быстрым, приблизило именно эту часть черепа к одному из небольших отверстий, излучавших свет.

Землянин вздохнул и выключил прожекторы.

— Ник, — позвал он. — Боюсь, моя выдумка провалилась, попробуй заговорить с этим, как его, Быстрым. Может, он как раз пытается побеседовать со мной, кто его знает.

— Попробую, — голос Ника был едва слышен.

Затем послышалось какое-то невнятное щебетание с фантастическим диапазоном звуков, от самых высоких до самых низких. Нельзя было понять, кто говорит, а тем более — о чем идет речь. Рекер раздраженно откинулся на спинку кресла.

— Нельзя ли использовать для боя манипуляторы робота? — прервал размышления Рекера резкий голос дроммианина.

— Можно, но в других условиях, — ответил Рекер. — Мы находимся слишком далеко от него. Вы, вероятно, заметили паузы между вопросами и ответами, когда мы переговариваемся с Ником. Мы на орбите Тенебры, но слишком далеко от ее поверхности, чтобы держаться все время над одним меридианом. Сутки на Тенебре равны примерно четырем земным; таким образом, раз-

деляющее нас расстояние превышает сто шестьдесят тысяч миль. Двухсекундная задержка с передачей команд делает робота не очень-то хорошим бойцом.

— Несомненно. Я должен был сам догадаться. Извините, что отнял у вас время в такой трудный момент.

Сделав над собой усилие, Рекер оторвался от сцены, разыгравшейся внизу, и повернулся к дроммианам.

— Боюсь, что извиняться нужно мне, — сказал он. — Я ведь знал о вашем предстоящем визите и о его целях. Разумеется, я должен был хотя бы поручить кому-нибудь показать вам все, раз уж я не мог сделать этого сам. Единственное мне оправдание — чрезвычайные обстоятельства, свидетелем которых вы являетесь. Позвольте мне хоть сейчас загладить свою вину. Вы, полагаю, хотели бы осмотреть «Виндемиатрикс».

— Ни в коем случае. Мне и в голову не пришло бы увести вас сейчас из пункта управления. К тому же сам корабль по сравнению с той увлекательной программой, которую вы осуществляете на планете, не представляет большого интереса. Вы вполне можете рассказать нам о нем здесь, пока ожидаете ответа вашего агента. Насколько я понимаю, ваш робот уже давно находится на Тенебре. Не расскажете ли мне, как вы завербовали там своих сторонников? А моему сыну, возможно, захочется осмотреть корабль, если кто-нибудь другой покажет его без ущерба для дела.

— О, конечно. Я не знал, что это ваш сын. В сообщении о вашем прибытии не упоминалось о нем, и я решил, что это ваш помощник.

— Все это пустяки. Познакомься, сын. Это доктор Хелвен Рекер. Доктор Рекер, это Аминадорнелдо.

— Очень рад познакомиться с вами, сэр, — пропищал младший из дроммиан.

— Я также весьма рад. Подождите минутку, и вам покажут «Виндемиатрикс», если только вы не предпочтете остаться здесь и присоединиться к нашей беседе.

— Спасибо. Мне больше хочется посмотреть корабль.

Рекер кивнул и ненадолго умолк. Он нажал кнопку и вызвал в пункт управления одного из членов экипажа. Его немного удивляло, зачем дроммианин захватил своего сына; уж наверно это было не без умысла. Впрочем, разговаривать без него будет легче, потому

что Рекер совершенно не мог отличить одного от другого, а путать их было неловко. С точки зрения землян, оба были гиганты; встав на задние конечности — поза для них совершенно неестественная — они смотрели бы на землян с высоты в девять футов. Они напоминали ласку или, вернее, бобра, поскольку тонкие пальцы, которыми заканчивались пять пар их конечностей, были снабжены перепонками. Сами конечности — короткие и сильные, а перепонки на двух передних парах превратились в узенькие бахромки вдоль пальцев — совершенно естественное эволюционное развитие разумных амфибий, живущих на планете, где сила тяжести вчетверо превышает земную. На теле у обоих на специальных лямках висели баллончики, от которых к углам рта отходили почти незаметные трубки. Дроммиане привыкли к кислородному давлению, примерно на одну треть превышавшему привычное для землян. Волосяного покрова на них не было, но кожа блестела, как мокрая шкура тюленя.

Дроммиане растянулись на полу в позах блаженного покоя, задрав головы повыше, чтобы видеть экран. Когда дверь отодвинулась в сторону и в помещение вошел член экипажа, один из них легко поднялся. Рекер представил их друг другу, и оба покинули пункт управления.

— Вы хотели узнать о наших агентах на планете, — обратился он к старшему дроммианину, продолжая разговор. — Что ж, попробую рассказать. Наибольшая трудность состояла в установлении контакта с поверхностью планеты. Отправленный туда робот — выдающееся достижение техники. Температура окружающей среды там близка к критической точке, а атмосферное давление почти в восемьсот раз превышает земное. В этих условиях легко распадается даже кварц, а потому прошло немало времени, прежде чем удалось сконструировать аппарат, способный выдержать такую среду. В конце концов с этим справились; робот находится там уже больше шестнадцати лет. Я биолог и в технике разбираюсь слабо. Если она вас интересует, здесь найдутся специалисты. Первый год мы вели разведку и наконец обнаружили разумных туземцев. Они кладут яйца, и нам удалось добыть несколько штук. Наши агенты на Тенебре — выводок из этих яиц. Мы начали

их учить с детства. И вот теперь, когда мы наконец приступили к настоящей разведке планеты, приключилась такая беда.

Он показал на экраны. Быстрый перестал разглядывать робота; похоже было, что он слушал кого-то; видимо, Нику удалось его заинтересовать.

— Если вы сумели сделать машину, которая так долго действует в подобной среде, вы, вероятно, можете создать корабль, который доставит на планету живых людей, — сказал дроммианин.

Рекер горько усмехнулся.

— Вы совершенно правы. Самое обидное, что такой корабль у нас есть, он почти готов к спуску. Да, мы рассчитывали уже через несколько дней установить непосредственный контакт с нашими воспитанниками внизу.

— Вот как! Наверное, вам пришлось долго повозиться с проектированием и постройкой.

— Так и было. Главная трудность не в спуске: робота мы посадили отлично с помощью парашютов. Все дело в другом — как потом взлететь...

— Почему? Насколько я понимаю, гравитация на поверхности Тенебры слабее, чем в моем мире. Любой ракетный двигатель может вас поднять.

— Конечно, если он будет работать. К сожалению, никто еще не изобрел ракетный двигатель, реактивная струя которого способна преодолеть давление в восемьсот атмосфер. Двигатели плавятся — не взрываются они только потому, что наружное давление слишком велико.

Дроммианин на мгновение призадумался, но потом мотнул головой совсем по-человечески.

— Понял. Но как же вы решили эту проблему? Какой-нибудь принципиально новый тип реактора?

— Ничего нового. Все известно уже сотни лет. В принципе это тот же тип корабля, который издавна применялся в моем мире для глубоководных исследований — так называемый батискаф. Ну, своего рода управляемый аэростат. Я могу описать его, если хотите, но вам лучше обратиться к...

— Учитель! — раздался знакомый голос из репродуктора. Даже Аминадабарли с планеты Дромм узнал его. Рекер повернулся и включил микрофон.

— Да, Ник? Что говорит Быстрый?

— В сущности, он сказал: нет. Он не хочет иметь дела ни с кем из этого селения, кроме вас.

— А ты объяснил ему, что мы не поймем друг друга?

— Да, но он ответил — если я сумел выучить его язык, то вы, мой Учитель, сделаете это еще быстрее. Он согласен оставить всех нас здесь, если вы пойдете с ним.

— Ясно. Пока что надо согласиться. По крайней мере, это убережет вас от новых бед. Быть может, нам скоро удастся устроить Быстрому небольшой сюрприз. Скажи ему, что я пойду с ним к его пещерам. Когда воины Быстрого уйдут, оставайтесь на месте. Разыщи всех, кто уцелел, и подлечи их. Вы, наверно, почти все пострадали в этой потасовке. Ждите сигнала от меня.

Ник вспомнил, что Феджин может ходить ночью без огня. Он думал, что разгадал замысел Учителя — ведь про батискаф он никогда даже не слышал.

— Учитель! — сказал он после минутной паузы. — А может, нам лучше убраться отсюда поскорее? Давайте условимся, где мы встретимся после того, как вы удерете от них. Ведь Быстрый обязательно вернется сюда.

— Не беспокойся. Оставайся здесь и поскорее приводи всех в порядок. Скоро увидимся.

— Хорошо, Учитель.

Рекер медленно кивнул и снова откинулся на спинку сидения. Дроммианин, видимо, достаточно долго пробыл на Земле и научился понимать людей.

— Вы повеселели, я вижу, — заметил он. — Видно, вы нашли выход из положения.

— Как будто так, — ответил Рекер. — Надо спустить батискаф, и все будет решено. У нашего робота гусеничный ход, поэтому его легко выследить. А батискаф передвигается в атмосфере — с точки зрения туземцев, летает. Батискаф спустится, подцепит робота своими наружными манипуляторами и унесет его от скалы куда угодно. Пусть Быстрый поломает себе голову.

— Но тогда прав Ник! Быстрый поспешит прямо в селение. Не лучше ли прислушаться к совету Ника?

— У них будет уйма времени после того, как мы унесем робота. А если они уйдут раньше, нам будет

трудно их найти. Съемки этого района неточны, да и то, что нанесено на карту, быстро меняется.

— Как так? Это звучит довольно странно.

— А Тенебра и есть довольно странная планета. Тектонические процессы на ней подобны погоде на Земле. Приходится гадать не о том, будет ли завтра дождь или ясное небо, а не превратится ли сегодняшнее пастбище завтра в высокий холм. Наши геофизики буквально грызут удила — ждут запуска батискафа, чтобы связаться с товарищами Ника. Главная причина такой изменчивости нам известна — атмосфера Тенебры состоит в основном из паров воды с температурой, близкой к критической точке, а кремниевые породы в таких условиях быстро разрушаются. За ночь планета так остывает, что какая-то часть ее атмосферы превращается в жидкость. А ночь длится почти двое земных суток, и за это время кора частично смывается в океан. Если учесть, что гравитация здесь равна трем *g*, не приходится удивляться, что кора то и дело перестраивается. Так или иначе, сейчас остается только ждать. До утра на Тенебре целых двое суток, и за это время там вряд ли произойдет что-либо интересное. Скоро явится мой сменщик и, если вы хотите, я смогу показать вам батискаф.

— Мне это будет очень интересно.

К сожалению, осмотреть батискаф удалось не сразу. Когда Рекер и дроммианин добрались до отсека, где обычно помещалось небольшое посыльное судно, он был пуст. Вахтенный офицер пояснил, что судно взял один из членов экипажа, которого сам Рекер еще до этого попросил показать корабль Аминадорнелдо.

— Дроммианин хотел посмотреть батискаф, доктор, и маленькая Изи Рич тоже.

— Кто?

— Да дочка советника Рича, которую он таскает с собой повсюду. Прошу прощения у джентльмена, который вас сопровождает, но политическая инспекция хороша, пока занимается делом. А когда инспекторы устраивают увеселительные прогулки для своих отпрысков...

— Я взял с собой сына, — поспешно прервал его Аминадабарли.

— Знаю. Но одно дело личность, достаточно взрослая, чтобы отвечать за себя, а другое — ребенок, пальцы которого приходится держать подальше от контактов под током...

Офицер, механик по специальности, замолк и покачал головой. Рекер заподозрил, что незадолго до этого вся компания побывала в машинном отделении, но не стал задавать вопросов.

— Не скажете ли, когда вернется посыльное судно? — спросил он.

Инженер пожал плечами.

— Понятия не имею. Флэнаген сказал девчурке, что полетит, куда она попросит. Вернется, когда ей надоест, так я думаю. Вы, разумеется, можете вызвать Флэнагена.

— Хорошая мысль.

Рекер повел своих спутников в радиорубку корабля, сел возле экрана и набрал сигнал вызова посыльного судна. Через несколько секунд экран засветился и на нем появилось лицо механика второго класса Флэнагена. Увидев биолога, Флэнаген приветственно кивнул.

— Хелло, доктор. Чем могу помочь?

— Мы хотели узнать, когда вы вернетесь. Кроме того, советник Аминадабарли хотел осмотреть батискаф.

— Я могу вернуться и забрать вас, когда захотите; мои гости увлеклись батискафом.

Рекер не без удивления спросил:

— А кто с ними?

— Был я, но я не особенно разбираюсь в этой штуковине. Они обещали ничего не трогать.

— Ненадежная гарантия! Сколько лет девочке Рича? Около двенадцати, не так ли?

— Примерно. Да я бы не оставил ее одну, но там дроммианин, а он заверил, что все будет в порядке.

— Я все же думаю...

Тут Рекеру пришлось умолкнуть. Четыре длинные перепончатые лапы с крепкими, как сталь, пальцами вцепились ему в плечи, и гладкая голова дроммианина появилась в поле зрения Флэнагена рядом с головою Рекера. Пара желто-зеленых глаз уставилась на изображение на экране, и молчание было прервано такими низкими звуками, каких на памяти Рекера еще никогда не издавали дроммианские голосовые связки.

— Возможно, я хуже знаю ваш язык, чем предполагал, — начал он. — Правильно ли я понял, что вы оставили двух детей без присмотра в корабле, находящемся в космосе?

— Не совсем детей, — возразил Флэнаген. — Девочка-землянка достаточно большая и разумная, а вашего сына вообще едва ли можно считать ребенком — он ростом с вас.

— Мы достигаем полного физического развития через год после рождения, — прервал его дроммианин. — Моему сыну четыре года, что соответствует примерно семи годам у землян. У меня создалось впечатление, что человечество — великолепнейшая раса, но поручить ответственное задание особе столь глупой, как вы, могут только существа, которые по уровню развития недалеко ушли от дикарей. Если с моим мальчиком что-нибудь случится....

Он остановился. Флэнаген внезапно исчез с экрана. Но дроммианин еще не выговорился. Повернувшись к Рекеру, лицо которого стало бледнее обычного, он продолжал:

— Содрогаюсь при одном воспоминании о том, что, находясь на Земле, я иногда оставлял своего сына на попечение людей. Я считал вашу расу цивилизованной. Если эта глупость приведет к наиболее вероятному роковому результату, Земля заплатит за это сторицей; ни один космический корабль землян не совершит более посадки ни на одной из планет Галактики, где считаются с чувствами дроммиан.

Его прервали, но не словами. Из репродуктора послышался страшный треск, и несколько предметов, видимых на экране, полетели к ближайшей стенке, с грохотом стукнулись о нее и тут же были отброшены назад, отнюдь не повинуясь законам противодействия. Все предметы неслись в одном направлении — том самом, в котором, как с ужасом осознал Рекер, находился воздушный шлюз посыльного судна. В поле зрения в ту же сторону пролетела какая-то книга и ударилась о металлический прибор, пересекавший помещение с несколько меньшей скоростью.

Но удары были уже не сильными. Репродуктор умолк. На посыльном судне воцарилось молчание — молчание безвоздушного пространства...

Аминадабарли умолк, не сводя глаз с телевизионного экрана. Хотя вел он себя отвратительно, Рекер проникся сочувствием к нему. Он и сам в подобном случае был бы, наверно, по меньшей мере мрачен. Однако сейчас некогда было предаваться состраданию, пока еще есть надежда, нужно действовать.

— Велленбах! Как вызвать батискаф? — отрывисто крикнул Рекер.

Через его плечо перегнулся дежурный по связи.

— Сейчас соединю вас, доктор.

Рекер отвел его руку.

— Погодите. Скажите, там нормальная установка? Я имею в виду — там обычный радиотелефон или что-нибудь, встроенное в панели?

— Совершенно обычный. А почему вы спрашиваете?

— Потому что, если не так, ребята, чего доброго, могут открыть воздушный шлюз или натворить еще что-нибудь, пытаясь ответить на вызов. Но если по внешнему виду установка обычная, девочка сможет ответить без риска.

— Понимаю. У нее не будет никаких затруднений. Я сам видел, как она говорила здесь по телефону с кнопочным набором номера.

— Хорошо. Вызывайте их.

Пока офицер нажимал одну кнопку за другой, Рекер старался скрыть чувства, охватившие его. Все еще нельзя было понять, что случилось на посыльном судне. Ясно одно — по какой-то причине прорвало воздушный шлюз, но батискаф мог и не пострадать. Если же порван шлюз и на батискафе, дети погибли. Впрочем, оставалось надеяться, что сопровождавший ребят механик надел на них скафандры. Нет, отчаиваться еще рано.

Наконец, экран засветился, и на нем появилось осунувшееся личико, очень бледное, с шапкой волос, казавшихся на экране черными, хотя на самом деле, как хорошо знал Рекер, они были рыжие. Лицо выражало ужас, едва сдерживаемый панический ужас, но все же оно было лицом живого человека. Сейчас это было важнее всего!

Тут в радиорубку ворвался еще один человек, он остановился рядом с неподвижным дроммианином.

— Изи! Ты цела?

Рекер без труда узнал советника Рича. Узнали его и Аминадабарли, и девочка на экране. После двухсекундной паузы — видно, батискаф был уже далеко от корабля — выражение ужаса исчезло с лица девочки, и, заметно успокоившись, она заговорила.

— Да, папа. Сначала я очень испугалась, но теперь все в порядке. Ты прилетишь ко мне?

На мгновение в радиорубке возникла неразбериха — Рич, Рекер и дроммианин пытались заговорить разом. Но верх взяло физическое превосходство Аминадабарли, и он оттолкнул всех и подсунул свою гладкую голову чуть ли не к самому экрану.

— Где второй, где мой сын? — визгливо спросил он.

Девочка ответила без задержки;

— Он здесь, с ним все в порядке.

— Я хочу поговорить с ним.

Лицо девочки ушло за пределы видимости, и они услышали ее голос, но не разобрали слов. Потом она снова появилась; волосы ее были растрепаны, на щеке кровоточила царапина.

— Он забился в угол и не хочет оттуда выходить. Давайте я прибавлю громкость, чтобы вы могли поговорить с ним.

Она не сказала ничего о своей царапине и, к удивлению Рекера, отец ее тоже промолчал. Аминадабарли же, казалось, и вовсе ничего не заметил. Он перешел на свой язык, которого в радиорубке никто, кроме Рича, не понимал, и говорил несколько минут, изредка останавливаясь, чтобы выслушать ответ.

Сначала сын ему вообще не отвечал, но потом уговоры отца, видимо, подействовали, и в репродукторе раздался слабый писк. Услышав эти звуки, дроммианин успокоился и стал говорить медленнее. Спустя минуту рядом с головой Изи появилась голова Аминадорнелдо. Рекер старался понять, стыдно ли тому, но выражение лица дроммиан было для него закрытой книгой. Однако в Аминадорнелдо явно заговорила совесть, потому что, послушав еще немного, ребенок повернулся к Изи и перешел на английский:

— Мне очень жаль, что я сделал вам больно, мисс Рич. Я очень испугался и подумал, что вы зря подняли такой шум, да еще зачем-то хотите вытащить меня из угла. Отец сказал, что вы старше меня и я должен во всем вас слушаться, пока мы с ним снова не будем вместе.

Девочка, видимо, правильно оценила ситуацию.

— Ладно, Мина, — ласково сказала она. — Мне почти не больно. Я буду заботиться о тебе, и мы вернемся к твоему папе... через некоторое время.

Добавив последние слова, она взглянула в объектив камеры, и Рекеру снова стало не по себе. Взгляд, брошенный на советника Рича, подтвердил его подозрения, девочка хотела дать им что-то понять, стараясь, видимо, не испугать своего спутника. Вежливо, но решительно Рекер вытеснил дроммианина из поля зрения передающей камеры. Изи кивнула ему; незадолго до этого она познакомилась с ним, когда осматривала «Виндемиатрикс».

— Мисс Рич, — начал он, — мы все еще не знаем точно, что у вас там случилось. Сможете ли вы что-нибудь объяснить нам? Где офицер, который сопровождал вас?

Девочка покачала головой.

— Я не знаю, где мистер Флэнаген. Он остался на посыльном судне, наверно, покурить. Велел нам не трогать никаких кнопок, — видно, думает, что мы глупенькие. Мы конечно, держались подальше от панели, да и вообще только поглядели и ушли из рубки, стали осматривать другие комнатки. А потом собрались было надевать скафандры, чтобы вернуться на посыльное судно, и тут услышали голос мистера Флэнагена: он оставил приемник включенным и настроил его как нужно. Он сказал, что находится у наружного шлюза и откроет его, как только закроет шлюз посыльного судна — оба судна были так близко друг к другу, что мы просто шагнули из одного в другое. Еще он велел, пока не придет, сидеть тихо и ничего не делать. Мина только раскрыл рот, собираясь ответить ему, как мы почувствовали толчок. Нас швырнуло к стене, меня так прижало — шевельнуться не могла, похоже было ускорение в три-четыре *g*. Мина ходил как ни в чем не бывало. Он попытался вызвать Флэнагена через пере-

датчик, никакого ответа не было, а я не разрешила ему ничего трогать. Ускорение продолжалось, наверно, с полминуты. Вам лучше знать. Оно прекратилось как раз перед тем, как вы нас вызвали...

К этому времени радиорубка заполнилась людьми. Двое-трое принялись что-то просчитывать на линейках; Рекер, отвернувшись от приемника, следил за одним из них и, когда тот кончил считать, спросил:

— Разобрались немного, Саки?

— Кажется, да, — ответил инженер. — Разумеется, девочка рассказала не очень точно, но по ее оценке ускорения и продолжительности его и учитывая массу батискафа, следует думать, что каким-то образом включилось одно кольцо ускорителей, работающих на твердом топливе. Это как раз и должно было дать немногим больше четырех *g* в течение сорока секунд; суммарное приращение скорости около мили в секунду. Определить положение судна нельзя, пока не выйдем в космос и не засечем его. Вычислить тоже не можем — мы же не знаем направления ускорения. Вообще-то я предпочел бы, чтобы «скаф» был подальше от планеты.

Рекер понял Саки и решил не уточнять, но Амінадабарли немедленно спросил:

— Почему?

Бортинженер взглянул на него, потом на изображение второго дроммианина на экране и, видимо, решил не ходить вокруг да около.

— Потому что приращение скорости на одну милю в секунду в любом направлении может вывести его на орбиту, входящую в атмосферу, — отрезал он.

— Когда это может произойти? — вмешался Рич.

— Понятия не имею. Вычислим в пути. Думаю, не позднее чем через несколько часов.

— Так что же мы тут болтаем? — завопил Амінадабарли. — Почему не ведется подготовка к их спасению?

— Подготовка ведется, — спокойно ответил инженер. — В повседневной эксплуатации было только одно судно, в резерве есть еще несколько. Одно готовится к отправлению и стартует не позже чем через десять минут. Вы полетите, доктор Рекер?

— Только лишняя масса, и никакой пользы, — ответил Рекер.

— Думаю, что это относится и ко мне, — сказал Рич. — Но все же я хотел бы — если найдется место. Конечно, неприятно быть вам помехой.

— Лучше оставайтесь здесь, — сказал Сакииро. — Мы будем держать связь с кораблем и со «скафом», так что вы будете в курсе событий.

С этими словами он выбежал из рубки.

Аминадабарли явно собирался настаивать на том, чтобы спасатели взяли его с собой, но после слов Рича, он просто не мог этого потребовать. Он облегчил душу, пробурчав:

— Только дурак-землянин мог подключить к недостроенному судну ускорители для запуска!

— Батискаф был совершенно готов, если не считать последней проверки сетей и соединений, — спокойно ответил другой инженер. — А двигатели предназначены как для запуска, так и для посадки. Их, собственно, не предполагалось подключать до последней минуты, и мы не сможем установить, почему произошло зажигание, пока не доберемся до батискафа. А сейчас искать виновных — только попусту терять время.

Он холодно взглянул на дроммианина, и Ричу пришлось вмешаться чтобы разрядить напряжение. Рекер мысленно признал, что дипломат знает свое дело. Казалось, сейчас этот огромный бобер выкинет всех людей из рубки, но Рич за какие-нибудь четыре-пять минут успокоил разъяренного гостя.

К этому времени спасательное судно было уже в полете, и с каждой минутой крепли надежды людей на корабле, на батискафе и у самих спасателей. Если «скаф» вышел на орбиту, не входящую в атмосферу Тенебры, опасности вообще не было. Аппаратура для производства пищи и восстановления воздуха на борту была давно смонтирована, и на нее можно было положиться. Компьютер на спасательном судне работал непрерывно, вычисляя возможные орбиты. В худшем случае батискаф должен был войти в атмосферу через три четверти часа после аварии. Если этого не случится в течение двух часов, такая возможность вообще исключалась.

На «скафе» были иллюминаторы; Изи сумела узнать некоторые созвездия. Это позволило приближенно определить, с какой стороны планеты находится «скаф». Однако без точных измерений пользы от этого сообщения было мало.

Через шестьдесят семь минут после аварии Изи сообщила о возникновении ускорения. К этому времени даже Аминадабарли прекрасно понимал, чем это грозит. Спасательное судно было уже «рядом», то есть примерно в половине диаметра планеты от батискафа, но они ничем не могли помочь попавшим в ловушку детям. Инженерам легко было запеленговать батискаф и определить его положение с точностью до нескольких миль, однако вычислить орбиту для его перехвата в атмосфере Тенебры они не умели. Слишком мало они знали об этой атмосфере. Ясно было одно — перехват возможен, когда батискаф опустится в нижние слои, а там ракетные двигатели спасателей работать не будут — слишком велико атмосферное давление. Через минуту после сообщения Изи Сакииро передал свои соображения по этому поводу на «Виндемиатрикс» и, прежде чем Аминадабарли успел раскрыть рот, повернулся к передатчику, настроенному на волну батискафа.

— Мисс Рич, пожалуйста, слушайте меня внимательно. Через несколько минут ускорение сильно возрастет. Пристегнитесь к сидению перед панелью управления и позаботьтесь о своем спутнике.

— Да ему ни одно из кресел не годится... — начала объяснять девочка.

— Четыре g — его норма, — вмешался Рич с борта «Виндемиатрикса».

— Тут ему придется получить чуть больше, — ответил Сакииро. — Надеюсь, он выдержит. Скажите ему только, пусть он ляжет на пол. Теперь, мисс Рич...

— Зовите меня Изи. Для экономии времени...

— Теперь посмотрите на приборную панель перед вами. Что вам знакомо на ней?

— Немногое. С левой стороны — выключатели света. Здесь написано. Наверху, в центре — управление связью. Около выключателей света — контрольные приборы, под особой крышкой — управление шлюзом. Чуть ли не два квадратных фута рычажков «Включе-

но-Выключено», и над каждым какие-то буквы... Тут я ничего не понимаю... — Изи умолкла.

Саки одобрительно кивнул.

— Ладно. Теперь поглядите на верхнюю часть панели. Справа от управления связью есть группа рычажков. И надпись «Поиск». Нашли?

— Да, вижу.

— Так, вот, убедитесь, что рубильник в левом нижнем углу этой группы находится в положении «Выключено». Проверьте. Затем переведите три рычажка группы «Атмосфера» в положение «Включено». Удостоверьтесь, что рубильник «D-I» выключен. Понятно?

— Да, сэр.

— Знаете, что вы сейчас сделали? Вы связали радиокомпас, настроенный на передатчик робота, находящегося на поверхности планеты, с аэродинамическим контрольным устройством вашего «скафа». Включение двигателей боюсь вам доверить. Если все пойдет как надо, автопилот посадит вас где-нибудь поблизости от робота, не беспокойтесь. В атмосфере вы не сгорите. Батискаф рассчитан на вход в атмосферу без торможения. Планета велика, но ничего... Даже если мы посадим вас с ошибкой в пятьсот миль, мы все равно вас разыщем. Понимаете?

— Да. Я уже привязала себя к креслу, а Мина лег на пол.

— Отлично. Теперь протяните руку к тому самому участку, где написано «Поиск», и возьмите на себя рукоятку рубильника. Вы не страдаете морской болезнью? Боюсь, что поначалу вам придется тяжко.

Сакииро на борту спасательного судна и люди в радиорубке «Виндемиатрикса» следили за ребятами — вот рука девочки потянулась за пределы поля зрения камеры. Они и не могли видеть как она включила рубильник. К удивлению инженеров, ничего особенного не произошло. Они ожидали, что внезапное ускорение втиснет девочку в кресло, но все обошлось благополучно.

Изи сообщила:

— Я чувствую, что судно кренится — планета сейчас слева от нас. Меня немножко прижимает к креслу. А вот мы снова выровнялись. Теперь то, что было «ни-

зом», очутилось впереди, если только панель передо мной находится в носовой части батискафа.

— Да, именно там, — ответил инженер. — Вы направляетесь к роботу. Скорость спуска будет уменьшаться и в атмосфере дойдет до пятисот миль в час. Торможение будет резкое. Ваше судно снабжено отделяющимися тормозными двигателями для преодоления теплового барьера. Не отвязывайтесь!

— Хорошо. А сколько все это продлится?

— Часа два. Вы отлично выдержите.

Тут в разговор вмешался Рич.

— Мистер Сакииро, а что если батискаф пройдет над вашим роботом, не погасив скорости? Как поступит автопилот? Перейдет в пикирование?

— Разумеется, нет. Это же корабль, а не ракета. Он войдет в вираж, и ускорение возрастет еще на 0,5 *g*. При необходимости автопилот посадит корабль. Но мы сумеем этого избежать.

— Каким же образом? Уж не хотиле ли вы, чтобы Изи управляла батискафом?

— Ну, не в прямом смысле этого слова. Однако, когда скорость «скафа» снизится до обычной при полете в воздушной среде, главные цистерны, обеспечивающие его плавучесть, заполнятся атмосферой Тенебры. Тогда я объясню Изи, как включить установки для электролиза. В цистернах образуется водород, и батискаф «всплывет» до такой высоты, на которой мы сможем подойти к нему. Жаль, что его ускорители не подключены. Но, я полагаю, мы сможем добраться до них, когда «скаф» повиснет на максимальной высоте. Вы же знаете, конструкция его так и рассчитана, чтобы на этой высоте могли включиться ускорители.

— Следовательно, вы ее спасете.

Это утверждение больше походило на вопрос. Сакииро был честный человек, но ему трудно было дать прямой ответ. И все же, поколебавшись, он сказал, глядя в глаза этому немолодому человеку, чье лицо на экране так откровенно выражало безысходную муку.

— Мы должны спасти обоих. Не скрою — дело трудное и опасное. Надо пересадить инженера с ракеты, «висящей» на реактивных струях своих двигателей, на внешнюю оболочку «скафа», чтобы он подключил про-

водку. А «скаф» ведь будет плавать, как воздушный шар. Это будет нелегко.

— А почему бы не перевести ребят на спасательное судно?

— Потому что их скафандры не выдержат давления на той высоте, где будет парить «скаф», — ответил Сакииро. — Я не знаком с дроммианскими конструкциями, но нашу-то знаю хорошо.

— Мистер Сакииро, — снова вмешалась в разговор Изи.

— Да, Изи.

— Может, дадите мне какую-нибудь работу? Противно сидеть сложа руки; мне даже становится чуть-чуть страшно.

Рич умоляюще взглянул на инженера. Как всякий дипломат, он был тонким психологом и к тому же хорошо знал свою дочь. Она вовсе не была истеричкой, но какой двенадцатилетней девочке доводилось попадать в такую переделку! Сам он не мог ничего придумать, чтобы занять ее внимание; к счастью, Сакииро понял все.

— Слева от вас — манометры, — сказал он. — Не сможете ли вы передавать нам их показания? А ваш друг пусть наблюдает за звездами и сообщит нам, когда они начнут меркнуть. Этим вы нам немного поможете. Продолжайте передачу, пока вам еще нетрудно следить за показаниями приборов; ускорение, возможно, вот-вот сильно возрастет.

Рич с благодарностью кивнул инженеру. Может, Аминадабарли выразил такие же чувства, но никто из присутствующих этого не мог заметить. В течение многих минут молчание нарушалось только голосами ребят, сообщавших о показаниях манометров и о яркости звезд.

Затем Изи сказала, что корабль опять дал крен.

— Отлично, — ответил Сакииро. — Это значит, что вы уже находитесь где-то над роботом. Теперь вас придавит ускорение побольше трех с половиной *g*; вам придется потерпеть, пока не погасится скорость батискафа. Ваше кресло автоматически откидывается на пружинах в наиболее удобное положение, но все равно ощущение будет не из приятных. Ваш приятель несомненно перенесет все это легко, предупредите его

только, чтоб он не вздумал вставать. Корабль несется в атмосфере с огромной скоростью — несколько тысяч миль в час, и переход из одного атмосферного потока в другой может дать здоровенную встряску.

— Мы готовы!

— Звезды меркнут. — Это сказал Аминадорнелдо.

— Спасибо. Можете еще раз сообщить мне показания манометров?

Девочка исполнила его просьбу, но чувствовалось, что ей уже трудно говорить. До начала последнего разворота «скаф» находился в свободном падении. Но сейчас рудиментарные плоскости батискафа уже получили опору в атмосфере, пусть еще сильно разреженной, и обеспечили его виражирование; положение резко изменилось.

Внезапно плавное движение батискафа, которое показалось Сакииро началом планирования и спуска, прервалось резкими толчками, которые следовали один за другим. Ремни прочно удерживали тело девочки, но голова ее, руки и ноги беспомощно болтались, словно у огородного пугала в ветреный день. Юный дроммианин впервые за все время не мог лежать спокойно. Сквозь скрип и грохот, которыми сопровождались толчки, из приемника доносились рыдания девочки и почти неуловимый для человеческого уха — так он был высок — вой Аминадорнелдо. Старший дроммианин вскочил, тревожно всматриваясь в экран.

Инженеры не могли понять, что случилось, но Рекеру показалось, что он нашел объяснение!

— Это удары дождевых капель! — закричал он.

Все с ним согласились. С наступлением ночи пары воды в атмосфере конденсировались и из-за особых гравитационных условий Тенебры сливались в огромные, диаметром в несколько десятков футов, шаровые скопления воды, падавшие на поверхность планеты. Их-то и назвали за неимением другого слова каплями... Кстати, в них растворялись некоторые газы, которые были ядовиты даже для выносливых аборигенов Тенебры. Батискаф ходил ходуном. Автопилот старался удержать судно на заданной траектории, но аэродинамические контрольные устройства позорно не справлялись со своей задачей. Не меньше двух раз батискаф перекувырнулся — во всяком случае, так решил Рекер,

увидев, как дроммианина швырнуло из одного угла кабины в другой. По чистой случайности его не ударило о рычаги управления. Правда, сейчас они были бесполезны. Что может сделать руль в положении левого поворота, если в этот момент о правое крыло ударилась капелька диаметром этак футов в пятьдесят? То, что вода была лишь немногим плотнее атмосферы Тенебры, не меняло дела. Сейчас судно попросту падало в самом прямом значении этого слова.

Для гравитации в три *g* скорость падения оказалась удивительно низкой. Причина этого была весьма проста. Несмотря на то, что внешняя атмосфера заполняла большую часть корпуса батискафа, объемный вес его был незначителен. Судно представляло собой сигарообразную оболочку длиной в двести футов. Единственной действительно тяжелой ее частью был шар в центре диаметром в сорок футов, где находились жилые отсеки. Вероятно, батискаф избежал бы серьезных поломок даже при посадке на твердый грунт. Но случилось так, что он упал в жидкую среду.

В настоящую жидкость, а не в то вещество в критическом состоянии, которое составляло большую часть атмосферы Тенебры.

Батискаф упал «брюхом» вверх, но плоскости уже были отброшены подобно тормозным двигателям, а центр тяжести был достаточно низок, и потому судно перевернулось в более удобное положение. Наблюдатели видели, как похожий на бобра гигант осторожно встал на ноги, медленно подошел к креслу девочки и прикоснулся к ее плечу. Она вздрогнула и попыталась приподняться.

— У тебя все в порядке? — прокричали оба отца почти в один голос.

Аминадорнелдо, помня наставления отца, подождал, пока ответит Изи.

— Кажется, да, — сказала она не сразу. — Прости, что я разревелась, папа, мне было так страшно. Я не хотела пугать Мину.

— Все хорошо, детка. Уверен, что никто не попрекнет тебя. Главное, что ты цела, да и корпус судна не пострадал. Иначе вас обоих уже не было бы в живых.

— Разумеется, — поддержал его Сакииро.

— Вас изрядно растрясло, но теперь все позади. Ну, раз уж вы попали на Тенебру, посмотрите в иллюминаторы — вы первые, кто видит воочию эту планету, не считая, конечно, тамошних жителей. Когда наглядитесь вдоволь, скажите мистеру Сакииро, он объяснит вам, как снова подняться наверх. Ладно?

— Ладно, папа! — Изи провела ладонью по все еще мокрому от слез лицу, отстегнула ремни и встала. — Ну, когда же они выключат двигатели? Скорее бы избавиться от этой тяжести! — сказала она.

— Тяжесть так и останется пока мы не вытащим вас оттуда, — ответил ей отец.

— Знаю. Я просто пошутила. Ой, снаружи, кажется, ночь: ничего не видать.

— Так оно и есть, если вы в том же районе, где робот, — ответил Рекер. — Впрочем, на Тенебре и в полдень немногим светлее. Даже свет Альтаира не может пробиться сквозь эту атмосферу, его недостаточно для того, чтобы человеческий глаз что-нибудь увидел. Вам придется включить прожекторы.

— Хорошо, попробую.

Девочка посмотрела на приборную панель, где еще раньше приметила выключатели света. Затем, к удивлению и радости инженеров, спросила Сакииро, те ли это выключатели. Саки потом говорил, что в этот миг его надежды на спасение детей возросли во сто крат.

Когда вспыхнул свет, ребята прильнули к иллюминаторам.

— Там не на что смотреть, — передала Изи. — Мы, видно, плюхнулись в озеро или океан. Гладь кругом, словно стекло. Даже ряби никакой нет. Я бы подумала, что здесь все твердое, если бы «скаф» не погрузился в это. Сверху опускаются туманные шары — большие-большие! Но они как будто тают, не долетев до поверхности. И больше ничего не видно.

— Это дождь, — сказал Рекер. — Озеро, вероятно, из серной кислоты. Думаю, что в это время ночи она уже порядком разжижена и настолько теплее атмосферы, что капли превращаются в пар, не достигнув озера. А волн и не должно быть, там же нет ветра. На Тенебре небольшой ветер — уже грозный ураган.

— Несмотря на изобилие тепловой энергии? — поразился Рич.

— Да, так. Для тепловой энергии нет объектов приложения. Она не может превратиться в работу в физическом смысле этого слова. Когда на Тенебре меняется температура атмосферы или даже фаза ее состояния, колебания ее объема столь незначительны, что разности давлений, порождающей сильные ветры, не возникает. Атмосфера Тенебры, вероятно, самая спокойная во всей Галактике.

— Но это же не вяжется с вашими словами насчет землетрясений на Тенебре! — сказал Аминадабарли.

Видно, он уже обрел прежнюю уверенность, раз мог говорить не только о глупости землян.

— Да, не вяжется, — согласился Рекер. — Придется допустить, Изи, что вы увидите волны, если вам придется поплавать на этом озере подольше. Однако эти волны никак не назовешь бурными, и они не унесут вас к чудесным берегам. Кажется, вы уже посмотрели здесь все, что можно. Теперь пора подниматься наверх и спокойненько дожидаться спасения.

— Ладно. Только мне хотелось бы знать, что заставит эту штуку плавать в атмосфере, и еще одно... Неужели при подъеме нас будет трепать так же, как и при спуске?

— Не бойтесь. Подниматься вы будете вертикально и гораздо медленнее. Как на воздушном шаре. Большая часть корпуса вашего корабля разделена на отсеки, и каждый отсек в свою очередь делится надвое гибкой мембраной. Сейчас эти мембраны прижаты атмосферным давлением к одной из стен каждого отсека. Когда вы приведете в действие устройства для электролиза, часть воды разложится. Кислород будет выбрасываться наружу, а водород постепенно заполнит пространство между мембранами и стенками отсеков и вытеснит из них атмосферу. В конструкции старых морских батискафов была использована та же идея, но там не нужны были мембраны.

— Понимаю. А сколько времени понадобится, чтобы образовалось достаточно газа и мы начали подниматься?

— Не могу сказать — нам неизвестна электропроводность атмосферы. Как только вы запустите установки, надо следить за амперметрами — они там над

выключателями, на каждый отсек отдельно. Если вы передадите мне их показания, я быстро все подсчитаю.

— Хорошо. Где же они? А вот, здесь... Вы очень понятно их обозначили. Вверху справа? Двенадцать рычажков и большой рубильник?

— Они самые. А над ними — амперметры. Включите их, а затем — главный рубильник и давайте мне показания.

— Ладно.

Тонкая рука поднялась и исчезла из поля зрения камеры; все услыхали щелканье выключателей. Потом Изи опустила руку на колени и тяжело откинула на спинку кресла свое тело, которое весило там триста фунтов; оглядев одну за другой шкалы приборов она сказала:

— На всех амперметрах ноль. А теперь что мне делать?

Страшная опасность, угрожавшая детям, надолго отвлекла Рекера от бедственного положения, в которое попали его любимое детище, робот Феджин, и воспитанные им жители Тенебры. На пункте связи с роботом все это время дежурил коллега Рекера, с которым они чередовались, непрерывно поддерживая контакт со своими питомцами.

Между тем события там продолжали развиваться. Ник, незаметно для самого себя оказавшийся в роли вожака всей группы, не мог примириться с мыслью о том, что любимый Учитель, их Феджин, уходит один во вражеский стан. Правда, он сообразил, что каменные ножи вряд ли причинят вред крепкому .белому материалу, в который одет Феджин, но все же тревога за Учителя не покидала его.

И он решил на свой страх и риск пойти на хитрый маневр, который, по расчетам, должен был поразить Быстрого и все его войско. От испарений, приносимых огромными каплями тенебрийского ночного дождя, пещерных жителей пока спасали костры, зажженные питомцами Феджина еще до нападения. Запас топлива для костров был сложен в большой штабель неподалеку от хижины, ставшей убежищем для Ника и его друзей. Ник, меньше других пострадавший в схватке с воинами Быстрого, натаскал побольше сучьев в свою хижину, а

остальные дрова поджег. План его был прост: костры скоро погаснут, поддерживать их будет нечем, и Быстрый со своими воинами задохнутся в испарениях дождя, от которого они обычно укрываются в пещерах.

Но Быстрый оказался не так уж глуп. Когда он обнаружил, что топлива для костров не осталось, он атаковал хижину Ника, чтобы отобрать припасенные сучья. Хотя силы были неравны, удобство «позиции» Ника помогло ему отбить натиск врагов и даже нанести им некоторые потери. Очень выручили Ника каменный топор и горящие сучья. Раскаленные угли, рассыпанные перед входом в хижину, послужили своего рода заграждением — подошвы нижних конечностей у тенебрийцев были достаточно чувствительны.

Дрожа от ярости, Быстрый был явно готов метнуть в Ника все четыре копья, которые он держал в руках, или прорваться по горячим углям к двери и схватиться с Ником и другими защитниками хижины врукопашную. Но он не сделал ни того ни другого. Спокойно опустив копья, он повернулся и пошел прочь. Потом, словно вспомнив о чем-то, снова обернулся к Нику.

— Ну что ж, Дровосек, спасибо за выручку. Я попрощаюсь с тобой. А ты попрощайся со своим Учителем.

Ник опешил.

— Как же так? Ведь вы ночью не сможете...

— Почему? Ты-то смог?

— А Феджин?

— Ну, ты же сам сказал, что он может делать все, что умеешь ты... А не захочет пойти, мы его поджарим на огне.

— Учитель! Феджин! Ты слышишь?! — истошно завопил Ник. Он кричал и кричал, забыв, что Учитель никогда не отвечает сразу.

— Что случилось, Ник? — наконец откликнулся коллега Рекера.

— Быстрый сказал, что поджарит тебя на костре, если ты откажешься пойти с ними. Ты выдержишь?

Пауза была длиннее обычной. Трудно было решиться на ответ — никто на корабле толком не знал, какова истинная температура пламени на Тенебре. А робот — штука дорогая...

— Н-нет... Я пойду с Быстрым, — ответил наконец дежурный устами робота.

— А нам что делать?

Рекер забыл сказать своему коллеге о том, что всей группе он велел оставаться на месте, и дежурный вышел из положения как сумел.

— Решайте сами. За меня не беспокойтесь, они меня не тронут. А с вами я потом свяжусь.

— Хорошо.

Ника вполне устраивало новое решение Учителя, поэтому он и не заикнулся о предыдущем. Он молча смотрел, как воины Быстрого с горящими сучьями в руках окружили Феджина полукольцом, и вся процессия медленно тронулась в путь.

Семь питомцев Феджина, уцелевших после боя, хотя и порядком израненных и потрепанных, впервые с тех пор как вылупились из яиц, оказались без своего наставника. Дотянув до рассвета у чуть теплившегося костра, они стали решать, что им делать дальше.

Оставаться в хижинах не было смысла — топлива нет, вся поросль на несколько миль вокруг селения давно уже вырублена, тратить силы на заготовку сучьев и подвоз их на примитивной тележке, сколоченной под руководством Феджина, явно не стоило. Лучше уйти подальше, где есть лес и где Быстрый не сразу их разыщет...

Они долго спорили, куда им отправиться. Ник не раз думал, что иногда было бы неплохо обладать таким непререкаемым авторитетом, каким пользовался Быстрый у своего племени. Победило предложение Нэнси. Ее поддержали Джим, Дороти, Бетси и Оливер. Да и сам Ник, хотя и не без досады, признал, что оно разумно. Нэнси предложила уйти на берег моря — сравнительно недалеко от их стоянки. Это море, как сказал им Феджин, было заполнено не водой, а серной кислотой и поэтому не испарялось с наступлением дня, как все водоемы и реки на Тенебре. И Феджину будет легко разыскать их — достаточно добраться до пещер и шепнуть: «Берег моря», а там уж он не собьется.

И они погрузили свой нехитрый скарб и оружие на тележку, собрали стадо, несколько поредевшее за ночь от набегов хищников, и тронулись в путь. Он был не очень долог, но утомителен — грунт здесь был

почти сплошь покрыт острыми кристаллами кварца. Ближе к берегу им стали все чаще попадаться лужицы и озерца со странной тяжелой маслянистой жидкостью. Такой жидкостью было заполнено и море, на берегу которого они разбили свой лагерь. К ночи, к началу дождя, они успели заготовить достаточно дров, поужинать и расположились на отдых под защитой спасительных костров.

Ник учел все, кроме одного — что дождевые капли падают и в море. Скоро ему пришлось убедиться в этом. Разведенная дождевой водой серная кислота вышла из берегов, и в свете костров они увидели, как холмик, на котором разбит их лагерь, превратился в остров, окруженный со всех сторон разлившимся морем.

Ночь была трудная и страшная. Они уцелели, но стадо еще более поредело. Надо было искать новую стоянку.

Посовещавшись, они решили перекочевать на более высокое место, но все-таки около берега моря, а Ник немедленно отправился к пещерам выручать Учителя.

К обрыву над пещерами Ник добрался еще засветло, но предпочел ничего не предпринимать до наступления темноты. Он был уверен, что Быстрый разведет костры. Однако, когда он уже в сумерках осторожно заглянул вниз, через край обрыва, костров там не было. Вероятно, в пути пещерные жители утратили огонь, а добывать его никто их еще не научил.

Ник долго размышлял, как же ему связаться с Феджином; план, родившийся в результате этих раздумий, был и хитрый, и дерзкий.

Собрав побольше сучьев, он извлек свои нехитрые принадлежности для добывания огня и развел костер на краю обрыва. Одну горящую ветку он сбросил вниз, к подножию утеса. Феджина он приметил сразу. Дальше события развивались именно так, как он предполагал.

Увидев огонь, пещерные жители кинулись за топливом, и по неопытности набросали столько сучьев, что погасили ветку. Заметив отблески пламени на вершине утеса, все во главе с Быстрым побежали по

извилистой и крутой тропе наверх. Ник не был уверен, бегут ли они только за огнем или же за тем, кто его разжег. Так или иначе, это отвечало его замыслу. Он начал спускаться вниз по обходной, более длинной тропе, поджигая за собой всю поросль, чтобы затруднить погоню. Когда пещерные жители со своим вожаком еще только подбегали к костру, Ник был уже рядом с Феджином.

— Учитель, это я, Ник! Вы меня слышите?

— Да, слышу хорошо. Как ты сюда пробрался? Значит, вся эта суматоха из-за тебя?

— Ну да! — торжествующе крикнул Ник. — Я пришел за вами!

Он торопливо рассказал Учителю обо всем, что случилось за те двое долгих тенебрийских суток, которые прошли с момента их разлуки, и предложил немедленно тронуться в путь.

Учитель молчал необычно долго. Нику, конечно, не могло прийти в голову, что где-то в полутораста тысячах миль от него, у пульта связи с роботом, идет оживленная дискуссия, в которую уже включился и Рекер. Там решали вопрос, уходить ли роботу от пещерного племени или пока остаться и начать их обучение...

Наконец Учитель заговорил:

— Ты знаешь, Ник, что я не могу так быстро ходить, как ты. Надо их задержать подольше. На утес ведет одна тропа?

— Да, если не считать обходной, по которой я прибежал. Но она намного длиннее. Вам надо сейчас же трогаться в путь. Идите на северо-восток до моря, а затем по его берегу — дневному, конечно. А я постараюсь задержать Быстрого.

Без лишних слов Феджин пополз на своих гусеницах, а Ник, подбирая на ходу сучья, валежник, сухие растения, побежал к глубокой расселине, где начиналась тропа, ведущая на утес, и разжег там костер. Потом собрал все сучья вокруг и принес их в расселину. Таким образом, выход к подножию утеса был прегражден огненной баррикадой. Капли, скатывавшиеся по расселине сверху, испарялись, не достигая этого огромного костра, и заполняли ее дно плотной пеленой паров, в которых тенебрийцы не могли дышать.

Поджигая по дороге все, что могло гореть, Ник быстро догнал Феджина.

Робот одобрил действия своего верного ученика, но заметил:

— Впрочем, вряд ли это нам поможет. К концу ночи они все равно нас догонят...

Однако прошло несколько часов, а погони не было видно.

Между тем, идти Нику становилось все труднее. Лужи и озерца дождевой воды встречались все чаще и разрастались в размерах. Феджин полз напрямую, Ник же был вынужден обходить их, иначе он бы давно потерял сознание.

— Видимо, теперь уж им и костры не помогут. Мне это нравится, — удовлетворенно сказал Феджин.

— А мне нет, — огорченно сказал Ник. — Впереди глубокие лощины. Сейчас по ним текут широкие реки прямо к морю. Мы застрянем обязательно, и они нас нагонят.

— Реки? Да ведь это отлично! Быстрому ни за что не переправиться через реку, а мы с тобой переберемся без труда.

— А я-то как же? — недоуменно спросил Ник.

— Потом увидишь.

Но реки как назло не попадалось. Они шли по берегу моря, позади уже появились смутные проблески колеблющегося света факелов погони, когда наконец перед ними открылась широкая лощина, заполненная водой. Спасительная река встретилась им как нельзя более кстати.

— Приготовься, Ник. Сейчас я тебя подхвачу. Не робей, все будет хорошо.

— Я готов.

Робот подполз к Нику. Из небольших люков в его белом корпусе высунулись четыре шарнирных манипулятора. Крепко, но бережно они подхватили Ника и закинули его на верхнюю плоскость корпуса.

Робот спустился в реку и пошел ко дну. Ник тотчас же потерял сознание; впрочем это было не страшно.

Спустя пятнадцать минут воины Быстрого подошли к месту, где следы робота исчезли в реке.

— Ну, и сколько времени вы выиграете, доктор?

Рекер ответил, не отрывая глаз от телевизионных экранов:

— Вероятно, весь остаток ночи и еще немного, пока река не высохнет после восхода солнца. А до восхода осталось часов двадцать.

— Может быть, за этот срок растения разрастутся так, что совсем скроют следы робота?

— Увы, мои представления о растительном мире Тенебры недостаточны.

— И это после шестнадцати лет наблюдений!

— За все шестнадцать лет у меня не было случая изучить характер растительности на северном берегу этой лощины, — немного раздраженно ответил Рекер. — От Ника я знаю только, что Быстрый — отличный следопыт, но у меня нет информации, позволяющей определить, что такое «отличный». Право же, советник, мне известно, что последние три недели вы живете как в аду. Но если вы будете только критиковать, вряд ли особенно поможете дочери. Вы становитесь похожим на Аминадабарли.

— Рад, что вы о нем упомянули, — в голосе Рича не слышалось обиды. — Я знаю, доктор, что вам трудно терпеть манеры дроммиан. Это довольно вспыльчивая раса, и их понятия о хорошем тоне не вполне совпадают с нашими. Аминадабарли необычайно сдержан для дроммианина, потому он и занимает столь высокий пост. Но я настоятельно прошу вас обуздать свои вполне естественные импульсы и не отвечать ему резкостью на его оскорбления.

Рекер на мгновение оторвал свой взгляд от экрана.

— Должен признаться, все сказанное вами никак не поможет спасению Изи и Мины; я и без того делаю все, что могу.

— Верю и благодарю, но я был обязан сказать вам об этом. Постарайтесь учесть особенности характера Аминадабарли. Он станет только больше уважать вас за это. И я тоже.

— Сделаю, что смогу, — обещал Рекер. — Но сейчас лучше бы он не появлялся еще несколько часов. Я перетаскиваю Ника через реку... Если вы предположите,

что я считаю Ника своим ребенком, то окажетесь недалеки от истины. Я не прочь поговорить, пока все идет гладко, но если вдруг замолчу на полуслове, не удивляйтесь. Вы говорили с детьми?

— Да. Они держатся молодцами. Счастье, что там этот дроммианин; боюсь, Изи сдала бы, если бы не чувствовала ответственности за своего Мину. Он, видимо, признал ее главенствующую роль, так что с моральным состоянием детей все в порядке. Да, кстати, говорил ли я вам о том, что обнаружил мистер Сакиро? Оказывается на батискафе остались открытыми несколько смотровых люков, так что сеть электролитических устройств, несомненно, подверглась коррозии под воздействием внешней атмосферы. Он надумал отправить туда ваших воспитанников для ремонта.

— Знаю. Я и сам сейчас не могу придумать ничего другого. Но для этого я должен сначала найти их, а они должны найти «скаф». Пока успокаивает хотя бы то, что механизмы будут бесперебойно снабжать детей пищей, воздухом и водой, так что они смогут прожить там сколько угодно долго.

— Да, но Изи не протянет долго в условиях тройной силы тяжести.

Рекер нахмурился.

— Простите, я об этом не подумал. А что говорит медицина?

— Ничего! Вопрос о детях никогда не изучался. Взрослые выдерживают по многу месяцев, это мне очень хорошо известно.

— Понятно. Ну, я полагаю, у вас больше оснований донимать нас, чем у Аминадабарли. Его сынок от тяжести не пострадает.

— Но может пострадать от другого. Синтезаторы батискафа производят пищу, рассчитанную на людей.

— Ну и что? Разве у дроммиан обмен веществ не такой же, как у нас? Они дышат кислородом, и я сам видел, как они ели нашу пищу здесь, на корабле.

— Вообще вы правы, но тут нужно кое-что уточнить. Их потребность в витаминах гораздо больше, чем у нас, хотя они и потребляют, подобно нам, жиры, углеводы и белки. Мина почти наверняка начнет страдать от авитаминоза, если застрянет там надолго. Отец его, как и я, не имеет точной медицинской информации.

Рекер присвистнул, и лицо его помрачнело. Рич подумал было, что его встревожили какие-нибудь события на Тенебре, но на экране по-прежнему виднелось лишь русло реки. Судя по продолжительности переправы, ширина потока была не меньше мили. Дипломат молча смотрел, как робот продвигался вперед и наконец выбрался на противоположный берег.

Дождь продолжался. Поскольку факел Ника погас, пришлось включить прожектор, чтобы вовремя увертываться от медленно падающих капель. Пробыв минут десять в нормальной атмосфере, Ник стал оживать. Придя в себя, он подобрал сук потолще, зажег факел, и путешествие продолжалось, как и до переправы, только их уже не тревожило больше, где сейчас находится Быстрый.

Вскоре пришел сменный оператор. Рекеру не хотелось передавать ему пост наблюдения — обстановка внизу все еще оставалась сложной, — но он понимал, что не имеет на это права. Человек просто не способен бодрствовать и быть в состоянии боевой готовности на протяжении целой тенебрийской ночи — двух земных суток. Поэтому Рекер рассказал сменщику, как обстоят дела, и нехотя покинул наблюдательный пункт.

— Не думаю, что мне удастся сразу заснуть, — сказал он Ричу. — Пойдемте в радиорубку, посмотрим, как поживает Изи.

— Два часа назад она спала, — ответил отец девочки. — Поэтому я и пришел посмотреть, что тут у вас творится. Впрочем, лишний раз поглядеть никогда не мешает. — Он помолчал и добавил: — Я люблю смотреть на нее, когда она просыпается.

Рекер помолчал.

Дежурный по связи сказал, что происшествий никаких, но Рекер и Рич уселись у экрана связи с батискафом. Разговаривать им не хотелось.

Рекер уже задремал, когда из приемника раздался голос Изи:

— Папа, ты здесь?

Возможно, Рич тоже дремал, но ответил он мгновенно:

— Да, дорогая! Что случилось?

— Батискаф двигается. Мина еще спит. Я не хочу будить его, но решила, что надо сказать вам.

— Расскажи обо всем доктору Рекеру. Он здесь и Тенебру знает лучше всех.

— Ладно. Помните, в первую ночь после посадки я думала, что мы лежим на дне, а озеро становится все глубже? Так?

— Да, Изи. Мы решили, что дождь разжижает кислоту, в которую попал «скаф», и плотность ее снижается, поэтому вы продолжаете погружаться.

— Правильно. Через некоторое время бортовые иллюминаторы погрузились в жидкость, и мы не могли видеть даже дождь. А под утро жидкость покрыла и верхний иллюминатор, так что мы уходим под воду.

— Ну, это не совсем точно, но я тебя понимаю. Тогда бы вы ничего не видели вокруг, верно? Откуда же ты знаешь, что сейчас вы начали двигаться?

— А нам видно, если включить фары. Мы на дне озера или океана, или еще чего-то, и в иллюминаторе виднеются скалы и какие-то смешные штуки вроде растений, и нас медленно несет мимо них. Иногда мы как будто подпрыгиваем, иногда нас покачивает. Когда мы касаемся дна, я слышу треск и скрип.

— Ясно. Ну, особых оснований для беспокойства пока нет. Хорошо бы, правда, разобраться, чем вызвана такая перемена на шестую ночь. С наступлением дня излишек воды испарится и вы окажетесь в обычном положении, если, конечно, вы все еще будете в озере или в море. Если же, что весьма вероятно, вас снесет вниз по течению реки, то, когда вода высохнет, вы можете оказаться где-нибудь на суше. Так что завтра, может быть, вы увидите пейзаж повеселее. Трудность у нас одна — как разыскать вас. Если вы начнете дрейфовать каждую ночь, то нелегко будет показать нашим питомцам, где вас найти. Вы уж сообщите нам поподробнее, какая местность вокруг вас, а мы будем все передавать Нику и его друзьям. Ты умница, что сразу нас вызвала, как только заметила, что вы поплыли.

— Спасибо, доктор. Мы будем смотреть во все глаза. Я ведь очень хочу познакомиться с вашим другом Ником.

— Мы тут стараемся изо всех сил, чтобы это знакомство состоялось.

— Может, мне лучше пока не засыпать, чтобы передать вам сразу, если что-то случится. Потом подежурит Мина, а я посплю.

— Это будет здорово! А здесь все время кто-нибудь будет вас слушать.

Рекер выключил микрофон и обернулся к Ричу. Дипломат испытующе глядел на него.

— Сколько из сказанного вами предназначено для поддержания бодрости Изи и сколько для моего успокоения? — спросил он.

— Я просто подбавил немного розовой краски, — сознался Рекер. — Ради детишек. Но я не лгал. Думаю, что довольно скоро смогу подвести свою «команду» к «скафу». Признаюсь, я не очень-то уверен в том, что они сумеют что-нибудь сделать, когда найдут его. Учтите, мы в сущности не имеем почти никакого представления о среде, в которой находится батискаф. Прежде чем давать какие-либо указания Нику, нам придется дождаться его сообщения.

Рич строго посмотрел на биолога, но потом смягчился.

— Резонно, — согласился он.

Если Рич и собирался продолжать, то такой возможности ему не дали.

— А мне это совсем не кажется резонным!

Кому принадлежал этот пронзительный голос, сомневаться не приходилось.

— Все земляне, присутствующие тут, несут просто чушь! Научить орду дикарей исправить проводку в машине, которая опередила их развитие на две тысячи лет! Абсурд! Самое абсурдное утверждение, какое я когда-либо слыхивал! Любое мыслящее существо старше трех лет от роду поймет, что только второй батискаф может дать какие-то шансы на спасение потерпевших аварию. Между тем я не слышал ни единого слова о таком проекте. Видно, для землян деньги дороже жизней.

— Я тоже не слышал, чтобы на Дромм были посланы радиограммы с подобным предложением, — отрезал Рекер. — Насколько мне известно, Дромм обладает не меньшим промышленным потенциалом, чем Земля, и находится немногим дальше от Альтаира. Видимо, дроммиане не очень-то рвутся искать выход

из трудных ситуаций, возникших, с их точки зрения, по чужой вине, даже если речь идет о спасении жизней.

Никто из землян не мог определить, как Аминадабарли реагировал на это. А Рич не дал ему времени, чтобы сказать хоть одно слово.

— Вы забываетесь, доктор Рекер, — резко сказал он. — Если советник Аминадабарли согласится пойти со мной, я готов обсудить с ним все рациональное, что, возможно, содержится в ваших словах, а также весьма ценную идею, которую он сам здесь подал. Если вы способны добавить какие-либо соображения, сообщите их мне в корректной форме. Прошу вас, сэр.

Дипломаты покинули радиорубку. Дежурный по связи смущенно взглянул на Рекера.

— С дроммианами так нельзя разговаривать, — заметил он наконец.

— Знаю, — ответил Рекер. — Рич меня предупредил. Мне очень не хотелось этого, но необходимо было как-то отвлечь его внимание от дочки. Возможно, я немного поспешил... Но так или иначе, Рич какое-то время будет занят, дроммианин тоже, а мы займемся тем, чтобы вызволить ребят из беды. Теперь уж я никогда не стану совать свой нос в космическую дипломатию.

— По правде говоря, вы меня успокоили. А что вы скажете насчет этого предложения — строить новый «скаф»?

— Я не инженер, — резко заговорил Рекер, — но отлично представляю, сколько времени уйдет на это, нам не поможет даже опыт постройки первого батискафа. Я как биолог утверждаю, что никто из ребят не доживет до спуска второго. Если Рич и дроммианин хотят попробовать — пускай, не надо их отговаривать. Новый «скаф» пригодится. Да, может быть, я и ошибаюсь в оценке сроков. Но я уверен, что спасательную операцию придется вести по уже разработанному плану.

— А ведь дроммианин был прав насчет ремонта проводки?..

— Вы имеете в виду наше намерение поручить ремонт группе Ника? Да. Правда, это не настолько абсурдно, как изображает Аминадабарли. Я ведь уже шестнадцать лет воспитываю их. Учатся они очень быстро, и их можно считать такими же разумными

существами, как и нас, людей. Уж конечно, они смогут соединить несколько проводов.

На лице дежурного отразилось сомнение.

— Если только соединят те провода, которые нужно, — пробормотал он. — А чем будут изолировать сростки?

— Они варят клей из чешуи животных. Я научил их. Надо еще проверить, является ли он изолятором, но это меня не особенно волнует.

— Хотя вы и полагаете, что жидкость в их организме содержит серную кислоту?

— Я же сказал: это меня не особенно волнует, — подчеркнул Рекер. — Главная задача сейчас — связать их между собой. Вы уверены, что не можете поточнее определить местоположение робота и «скафа»?

— Совершенно уверен. Они работают на разных волнах, к тому же я не имею возможности определить коэффициент рассеяния волн атмосферой в этой части спектра. Я уж не говорю о точном измерении толщины атмосферы или уменьшении погрешности, вообще присущих радиолокации. Пятьдесят шансов из ста за то, что они находятся сейчас на расстоянии сорока миль друг от друга, но девять из десяти — за то, что это расстояние не превышает ста миль. Точнее я сказать не могу, поскольку ни робот, ни станция «скафа» не дают мне частот, необходимых для более точного определения.

— Ну, что ж. Придется мне расспросить Изи и сопоставить ее данные с картами Ника. Хорошо еще, что Ник сумеет заметить свет прожекторов «скафа» за несколько миль.

Дежурный понимающе кивнул. Оба погрузились в молчание, созерцая включенный экран. Но он был пуст; если Изи и не спала, выполняя свое обещание, то в рубке ее не было. Иногда до них доносились негромкий глухой стук и скрежетание. Вероятно, судно все еще несло течением, но ориентиров, заслуживающих внимания, девочка пока не заметила.

Рекера, наконец, сморило, и он уснул, сидя в кресле. Дежурный не спал, но принял одно-единственное сообщение: Изи отправилась отдыхать, а на вахту заступил Аминадорнелдо. Его дежурство тоже, видно, шло без тревог. Репродуктор молчал.

Час за часом батискаф без помех плыл вперед. Иногда он останавливался то на мгновение, то на несколько минут. Но всякий раз течение снова сдвигало его с места. Изи проснулась и занялась завтраком. Потом приготовила обед, довольно невкусный, — так, во всяком случае, она сказала. Аминадорнелдо отозвался об этом обеде учтиво и свалил все недостатки на синтезаторы. Что хорошего можно приготовить из аминокислот, жиров и декстрозы? Тут даже витамины в порошке не улучшат вкуса.

Долгая ночь Тенебры все продолжалась. Рекер снова отдежурил смену в пункте управления роботом и помог Нику и Феджину добраться до места, которое, как он полагал, было близко к тому, где разбили стоянку остальные члены их группы. Даже одна ночь на планете, которая без малого за сто часов оборачивается вокруг оси, может изрядно надоесть. Впрочем, иногда и ночью бывает не скучно, подумал Рекер, без особого удовольствия вспомнив те часы, когда Быстрый совершил свой набег.

После восхода Альтаира обстановка начала проясняться. Ник узнал местность, по которой они шли, и заверил, что они встретятся с друзьями часа через два. Пришел сменщик, и Рекер ввел его в курс дела. Наконец из радиорубки поступило сообщение, что батискаф, кажется, остановился.

— Спросите, пожалуйста, лейтенанта Велленбаха, не сможет ли он обеспечить телевизионную связь между радиорубкой и нашим пунктом, — сказал Рекер инженеру, который принес известие от Изи. — Похоже, что скоро мне придется вести одновременные переговоры с батискафом и моими учениками.

— Не сомневаюсь, сэр, — ответил инженер. — Никаких затруднений это не вызовет.

— Хорошо. А теперь я пройду в радиорубку послушать, что скажет Изи. Сюда вернусь, когда связь будет налажена.

— Вам же надо поспать, доктор! — воскликнул его сменщик.

— Надо, но пока я не могу еще позволить себе это. Вы посидите со мной, когда я вернусь, и дергайте меня за рукав, если я начну нести околесицу.

Рекер знал, что поступает вопреки здравому смыслу, но не мог заставить себя уйти сейчас, когда события начали развертываться. И он поспешил в радиорубку.

Рич и Аминадабарли были уже там. Дипломат-землянин, видимо, успокоил своего коллегу хотя бы на время, поскольку появление Рекера не вызвало взрыва. Когда биолог вошел в радиорубку, Изи что-то передавала. Рекер прислушался.

— ...минут с тех пор, как мы опять сдвинулись с места. Снаружи так же темно, как и раньше, но качка не так сильна, наверно, течение стало слабее. Если я правильно следила за временем, солнце уже взошло, так что вода, надо думать, испаряется.

Девочка умолкла, и тогда Рекер заговорил:

— Как я понимаю, Изи, ни ты, ни Мина не видели во время дрейфа никаких существ, живущих в воде?

— Только растения. Или что-то похожее на растения.

— А теперь как?

— Так же.

— Значит, вы, верно, еще не достигли океана. Ник утверждает, что там есть животные. Хотя их, конечно, могли распугать ваши прожекторы... Выключи их, пожалуйста, минут на пять примерно, а потом включи разом, чтобы осветить всех, кто мог подплыть к вам за это время.

— Хорошо, но только я хочу оставить освещение в рубке управления. Здесь нет иллюминаторов, так что свет не будет виден снаружи. Я боюсь выключать свет, потом в темноте я могу задеть не тот выключатель, когда надо будет снова зажигать.

— Ты права. А я и не подумал об этом.

— За последние три недели я о многом передумала.

На миг маска беспечности, надетая ради младшего товарища, чуть сдвинулась, и перед ними предстала несчастная, испуганная двенадцатилетняя девочка, которая вот-вот потеряет самообладание. Рич закусил губу и сжал кулаки. Остальные земляне старались не встречаться с ним взглядами. Аминадабарли внешне оставался совершенно бесстрастным. Затем маска была водворена на место, и к дроммианскому малышу об-

ратилась веселая девчурка, какой они ее все хорошо знали до аварии.

— Мина, пойди, пожалуйста, к иллюминатору в большой лаборатории. Крикни мне оттуда, и я выключу прожекторы.

— Хорошо, Изи.

Длинное тело пересекло экран. Потом из другого помещения раздался писклявый голос, и пальцы девочки легли на выключатели.

— Теперь снаружи темно, Мина?

— Да, Изи. Я ничего не вижу.

— Хорошо. Скажи мне, если что заметишь. Некоторое время будет темно. Доктор Рекер, отец Мины с вами?

— Да, я здесь, мисс Рич, — ответил сам Аминадабарли.

— Скажите, пожалуйста, мне и доктору Рекеру, сколько времени требуется вашим глазам, чтобы привыкнуть к темноте.

Рекер не переставал удивляться тому поразительному результату, к которому может привести воспитание. Судьба подарила Ричу чудесного ребенка. Он знавал студентов на добрый десяток лет старше Изи, которые по интеллекту отставали от нее. Важные мысли и соображения приходили ей в голову раньше, чем Рекеру, а ведь беда случилась не с ним...

Он вернулся к действительности, когда услышал свое имя.

— Доктор Рекер, Мина ничего не разглядел. Возможно, впрочем, что за пять минут ваши морские животные еще не опомнились от страха.

— Может быть, — согласился Рекер. — Не исключено, что их вообще не очень-то интересует батискаф. Будем все же исходить из предположения, что вы еще не достигли моря. Когда наступит утро и дождь испарится, интересно будет увидеть, находитесь ли вы в озере или торчите где-нибудь на суше. В любом случае нам понадобится возможно более подробное описание окружающей местности.

— Знаю. Мы уж постараемся.

— Мы тут готовим одно приспособление. Оно позволит вам напрямую разговаривать с Ником, и ты сможешь непосредственно давать ему указания; тебе не

придется больше полагаться на мой пересказ твоих сообщений. Устройство скоро заработает.

— Отлично! Знаете, с той самой минуты, как я увидела вас в пункте управления роботом, мне захотелось самой поговорить с Ником. А как я буду говорить с ним, когда он найдет нас? На «скафе» есть наружные микрофоны и репродукторы?

— О, да, мистер Сакииро объяснит тебе, как их включить. А через меня вы будете говорить, пока он еще не нашел вас.

— Хорошо. Мы вас вызовем снова, когда вода окончательно спадет. Мина голоден, и я тоже.

Рекер откинулся в кресло и подремал несколько минут. Потом тоже почувствовал голод и поел. Вот тут-то ему и захотелось спать по-настоящему. Но по переговорному устройству сообщили, что робот установил телекамеру в пункте управления, и он поспешил туда. Прошло много часов, прежде чем он отправился спать.

Ник и Феджин только что нашли своих соратников на новой лагерной стоянке, и Ник рассказывал им о своих приключениях. Рекер слушал его напряженно — следовало учитывать, что Ник многое воспринимал иначе, чем земляне.

На этот раз в рассказе Ника для него не было ничего нового, но Рекеру все равно надо было знать, что сделали товарищи Ника. Как Ник и наметил, они много занимались топографической съемкой, и доклады их отняли несколько часов. Обычно карты показывали роботу, и их фотографировали на борту корабля. Затем каждый составитель по своей карте давал подробные пояснения. Приморская местность, где развертывались сейчас события, была достаточно своеобразна даже для Тенебры, поскольку почти полностью затоплялась каждую ночь. Поэтому много времени ушло на приведение ранее составленных карт в соответствие с последними наблюдениями.

Чересчур много времени...

Увлечение топографией могло дорого обойтись ученикам Рекера и если не сорвать поиски батискафа, то

надолго затормозить их. Но по счастливой случайности все обошлось благополучно.

Пока все были заняты картами, Бетси, скользнув взглядом по окрестным холмам, заметила фигуру, мелькнувшую среди кустов. Она быстро сообразила, что это может быть только один из воинов Быстрого — все ее друзья были рядом. Незаметно для других она шепнула об этом Нику. Опасность была велика: ведь это означало, что воины Быстрого сумели перебраться через реку шириной в целую милю и вот-вот нагрянут сюда. Сметливость и решительность Ника порадовали бы Рекера, но в тот момент он ничего не заметил: чтобы не спугнуть разведчика, Ник решил действовать самостоятельно, без помощи Учителя. Воин Быстрого был схвачен живым. Правда, прежде чем сложить оружие, он потребовал, чтоб Феджин гарантировал ему безопасность — не так уж глупы оказались эти пещерные дикари! Рекер устами робота сумел убедить воина в том, что здесь он в безопасности, и тут у него родилась новая идея. Он решил привлечь к поискам батискафа все племя Быстрого.

Монолог Рекера был долгий и трудный для обеих сторон. Ведь ученики его тоже еще ничего не знали о батискафе. Не так просто оказалось объяснить и относительно цивилизованным спутникам Феджина и тем более лазутчику Быстрого, что за штука космический корабль. Единственной ближайшей аналогией могла послужить убогая тележка, которую смастерили ученики робота. Нужно было все облечь в такие слова, которые Ник смог бы и понять, и перевести на примитивный язык тенебрийцев.

— У вас где-то неподалеку находится «тележка» с моими собратьями. Она прилетела сверху и не может улететь назад. У нее кое-что поломалось — ведь и у вас иногда что-нибудь ломается, например, наконечник копья. Надо разыскать ее и починить. Что и как — я расскажу потом.

Рекер-Феджин сумел убедить воина пещерного племени, что в награду за такую помощь он обучит племя многим полезным делам, в том числе и добыванию огня, а потом будут прилетать новые «тележки» и привозить тенебрийцам всякие полезные вещи.

За этим необычным диалогом следили и дети в батискафе, и оба дипломата.

Не обошлось без очередной вспышки ярости со стороны Аминадабарли. Но вмешательство Изи спасло положение.

— Пожалуйста, не сердитесь на доктора Рекера, хорошо? Мы с Миной видим, что он все делает, чтобы нам помочь. А если воины Быстрого найдут нас, они не сумеют причинить нам никакого вреда...

Длинная очередь пронзительных звуков, вырвавшаяся из уст «малыша» Мины, очевидно, подкрепила увещевания Изи, потому что старший дроммианин заметно поостыл.

Рекер смог приступить к подробному инструктажу «команды» робота. Он направил три поисковые группы, указав им направления и примерные районы разведки. Ник и Бетси вместе с роботом оставались в лагере и охраняли стадо.

Шел двадцать седьмой день по земному счету (и всего седьмые сутки по тенебрийскому времени), с тех пор как началась трагическая история с батискафом.

Родители не отходили от камеры, подбадривая своих детей, а те были настроены по-деловому. Они почти не отрывались от иллюминаторов, осматривая местность вокруг, и то и дело просили разрешения включить прожекторы, чтобы облегчить поиск.

Рекер долго не соглашался. Ему все же не хотелось, чтобы Быстрый нашел «скаф» раньше Ника. Но, отправив поисковые группы «своих» тенебрийцев, он почему-то уверился, что они быстрее разыщут судно, и позволил Изи включить свет. Хотя до ночи было еще далеко, прожекторы в той сумеречной мгле, которая называлась на Тенебре днем, могла служить отличным маяком.

Теперь предстояли долгие часы ожидания. Три пары разбрелись в разных направлениях, и связи с ними не было.

Как стало известно потом, одна из пар, Джон и Нэнси, вскоре обнаружили источник неясного света и к концу дня подошли к нему, но это оказался кратер действующего вулкана. Они было хотели заночевать вблизи него, но когда совсем рядом с ним огромная

глыба скалы отвалилась и рухнула в огненную бездну, благоразумно решили ретироваться.

На обратном пути впереди снова забрезжил свет. На сей раз это был обыкновенный костер. Минуту спустя их окликнули знакомые голоса Оливера и Дороти. Они тоже заметили издалека свечение вулкана, но ночь застала их в пути. А на соседний холм они убежали, увидев факел Джона и решив, что это пещерные жители. Две пары разведчиков устроились на ночлег возле костра, так и не выполнив своей основной задачи...

А на корабле продолжалась неусыпная вахта у каналов связи с роботом и с батискафом. Не сводя глаз с экранов, но выключив свои микрофоны, земляне говорили о том единственном, что волновало весь экипаж — о детях в батискафе и их судьбе. Рекера тревожила близившаяся ночь — ведь судно опять либо затопит, либо унесет куда-нибудь, и снова надо будет выспрашивать Изи, цепляться за сомнительные ориентиры и посылать разведку в новых направлениях. И всех страшило, что невероятной выдержки и самообладания маленькой Изи может не хватить...

Их невеселую беседу прервал пронзительный вопль в репродукторе связи с батискафом:

— Изи! Иди сюда скорей! Тут что-то шевелится!

— Сейчас, Мина. Иду! — Экран пересекла фигурка Изи. — Наверно, это какое-нибудь животное, вроде тех, какие держит Ник в своем стаде.

После паузы издалека снова послышался голос девочки.

— Ничего не вижу. Одни кусты.

— Он только что был тут. Совсем такой же, как Ник. Во-о-н у того куста стоял, — пропищал Аминадорнелдо.

— Ну, что ж, подождем. Он еще вернется.

Рич покосился на Рекера и сокрушенно покачал головой.

— Этого я и боялся. Они теперь сон и покой потеряют. Им каждый куст будет...

Его прервал внезапный крик, такой пронзительный, что они не сразу сообразили, кто это кричит.

— Папа! Доктор Рекер! Мина прав — это Ник!

В голосе Изи звучали почти истерические нотки. Мужчины тревожно переглянулись. Рич жестом попросил Рекера ответить. Рекер кивнул и включил микрофон.

— Ты уверена, что это действительно Ник, Изи? — спросил он как можно более непринужденным тоном. — Видишь ли, Ник должен был оставаться в лагере. Вас ищут шестеро других, они пошли попарно. Ты видишь двоих?

— Нет, — ответила Изи, теперь уже гораздо спокойнее.

Отец ее откинулся на спинку кресла, и на лице его было написано облегчение.

— Нет, там был только один. Я видела его какую-нибудь секунду. Погодите, вот он опять. Я все еще вижу только одного из них — вернее, его голову и плечи, если их можно так назвать. Он прячется в кустах. Вот он подходит ближе. Он должен видеть «скаф», хотя я не понимаю, куда и чем он смотрит. Я не уверена, что он ростом с Ника, но фигура такая же. Не пойму, как вы их отличаете друг от друга...

— Скажите мне, у него за спиной или в руках есть что-нибудь?

— Да. Справа у него что-то вроде рюкзака, перекинутого через... через... ну, через то место, что мы называем бедром. Спереди на рюкзаке висит нож, впрочем, может быть, есть и второй на перевязи с другой стороны. У него четыре копья — точно такие же, как у Ника и его друзей; чем больше я гляжу на него, тем больше мне кажется, что это сам Ник.

— А топор у него есть? — спросил Рекер.

— Если и есть, то где-нибудь сзади и левее, и нам его не видно.

— Д-да... Вот теперь тебе придется доказать, что ты сумеешь договориться и с воинами Быстрого. Мои ученики носят только два копья, а те, кто пошли вас искать, взяли с собой одни топоры. Ну, что ж, нам придется немного изменить план; мы надеялись, что наши ребята найдут вас первыми. Случай решил по-

другому; очевидно, на вас наткнулся один из охотников Быстрого.

— Ваши разведчики вернутся в лагерь, верно, еще нескоро? — спросила Изи, подумав немного.

— Боюсь, что так. Не раньше, чем через неделю. Но Быстрый даст свой ответ Нику, конечно, раньше.

— Если бы только время не так тянулось в этом дурацком мире, где один день длиннее четырех. Мне кажется, вы немного изучили язык Быстрого, пока робот был в пещерном селении?

— Да. Не особенно хорошо, правда. Людям очень трудно произносить звуки их языка. Мы много записали на пленку. Звуки мы тебе передадим, если ты думаешь, что это пригодится, а некоторые слова я тебе переведу. Во всяком случае, это поможет скоротать время.

На экране появилось улыбающееся лицо Изи.

— Даже очень поможет. Правда, папа?

Теперь даже Рич улыбнулся.

— Так, так, доченька. Вы знаете, Рекер, она способна выучить любой язык.

— Да ну? Но она говорила только по-английски даже со своим молодым другом.

— А какой человек способен выговорить хоть одно словечко по-дроммиански? Но понимает его она, во всяком случае, не хуже меня.

— Ну, тогда я не поручусь, что она выговорит хоть одно тенебрийское слово.

— Возможно. Но давайте-ка лучше займемся главным. Что делает сейчас туземец, дочка?

— Он ходит вокруг «скафа» на расстоянии тридцати-сорока ярдов, должно быть, разглядывает его. Если и заметил нас через иллюминаторы, то виду не подает. Пока он один. Вы, наверное, правы, доктор Рекер.

— Да, я не сомневаюсь, что это воин Быстрого, — ответил Рекер. — Если он затеет что-нибудь, сразу скажи нам.

— Ну так вот! Он уходит в ту сторону, откуда пришел. Топора у него точно нет. Сейчас его уже почти не видно, наши прожекторы туда не достают. Ушел совсем.

Рекер посмотрел на стенные часы и быстро прикинул что-то в уме.

— До начала дождя осталось четыре часа. Скажи, Изи, у него был зажженный факел или вообще какой-нибудь огонь?

— Нет. Может, он потом зажжет.

— Племя Быстрого пока еще не умеет это делать. Наши воспитанники добывают огонь трением. Если тот, кого ты видела, не имел с собой огня, то до Быстрого ему всего три-четыре часа ходьбы. Быстрый сейчас либо у своих пещер, либо где-то на пути к тому месту, где Ник и робот вчера переправились через реку. Возможно, они даже ближе к тебе, чем я думаю. Будь начеку и сразу дай нам знать, как только они появятся. Тогда мы сможем определись расстояние точнее.

— Поняла. Будем высматривать их, — ответила Изи. — А пока мы ждем, почему бы не послушать ленты с их записями? Чем скорее мы начнем учить их язык, тем больше будет от него пользы.

С наступлением ночи возникло новое осложнение, которого следовало ожидать. Русло реки снова наполнилось водой. Батискаф подхватило и понесло. Определить скорость, с которой они плыли, дети не могли, хотя внимательно следили за растениями и другими предметами, удаляющимися от них в свете прожекторов. Во всяком случае, скорость была непостоянной. Оценки были весьма приблизительные: «иногда двигаемся как будто быстрым шагом, иногда ползем, иногда стоим на месте». Хуже всего, что дети даже не заметили, когда именно батискаф сдвинулся с места. Они вдруг почувствовали сильный толчок и, подбежав к иллюминаторам, увидели, что местность вокруг была уже незнакомой. С начала дрейфа могла пройти минута, и полчаса.

Это новое событие явно обрадовало Рекера, хотя девочка сначала чуть не разревелась.

— Успокойся, Изи, — сказал Рекер. — Мы получили лишний шанс, что наши доберутся до вас раньше, чем пещерные жители. Ведь им придется искать вас заново. А мы сумеем точнее определить положение батискафа.

— Как же это? — спросила Изи дрожащим голосом. — Вы не знали, где мы, когда батискаф сдвинулся с места, мы не знаем, куда нас несет и с какой

скоростью, не знаем даже, когда все это началось. Значит, мы знаем меньше, чем ничего, если так можно сказать. А прошлой ночью все-таки кое-что было известно.

— Мы не знаем, — согласился Рекер, — но зато нам легче догадаться. Мы уверены, насколько это вообще возможно без карт всего района, что вся эта местность находится в бассейне океана, открытого товарищами Ника. Значит, течение несет вас именно в океан и в конце концов вы окажетесь там — не нынешней ночью, так на следующую или на третью. Стало быть, Нику останется только искать вас вдоль берега, либо на суше, либо где-то близко к берегу на море по вашим огням. Не думаю, чтобы вас отнесло далеко в море: течение реки быстро слабеет, а не забывайте, что настоящего ветра на Тенебре ведь не бывает.

Изи заметно приободрилась.

— А если нас вынесет в море, что смогут сделать Ник и другие? — вдруг спросила она. — До нас не доберется ни он, ни Быстрый, а ветров тут не бывает, хоть я и не понимаю, почему...

— Ну, это тебе трудно пока объяснить. Вот будешь в школе изучать физику, тогда легко поймешь... а впрочем... — и Рекер принялся долго и невнятно объяснять особенности поведения газов под высоким давлением.

— Спасибо. Я постараюсь вспомнить про это, когда вернусь в школу, — терпеливо выслушав его, сказала Изи. — Но вы не ответили, как все-таки доберется к нам Ник, если мы окажемся в море. Простите, если я помешала вам заговорить мне зубы.

Впервые за несколько недель Рекер громко расхохотался.

— Молодец, девочка. Нет, я не пытался заговаривать тебе зубы. Просто ты задала мне тот же вопрос, что и все гости, побывавшие здесь за шестнадцать лет. Ты, как говорится, нажала на красную кнопку. Ну, а насчет твоего вопроса, так ты уж предоставь это мне. Утром я поговорю об этом с Ником — сейчас он все равно ничего не может сделать...

— Хорошо, — сказала Изи. — Если вы так спокойны, не стану тревожиться и я. Но как я догадаюсь, что мы уже в море?

— Чуть только часть воды утром испарится, вы всплывете на поверхность, как тогда, в озере. Может случиться даже, что вы оторветесь от дна ночью, когда река вольется в море. Следи за донным ландшафтом и сообщи нам, если вы начнете всплывать.

— Хорошо. Это будет легко.

Но когда «скаф» остановился, они все еще были на дне. К этому времени люди на обоих концах линии связи успели поспать, но до наступления дня на планете оставалось еще несколько часов. Течение почему-то замедлилось, и тяжелое судно застряло. Рекер предположил было, что оно уже вышло в океан, но проверить это можно было только днем. А пока дети занялись тенебрийским языком; делать больше было нечего.

И тут батискаф начал всплывать. Движение это было таким медленным и постепенным, что прошла минута или две, прежде чем ребята поняли, что происходит. С наступлением дня Рекера покинули сомнения — теперь он почти точно знал, где находится батискаф. Накануне река высохла гораздо быстрее. Он попросил Изи слушать повнимательнее и вызвал Ника.

Рекер послал к нему робота. Когда они вернулись, Ник спросил, что случилось.

— Сейчас расскажу, — ответил Феджин. — Сходи-ка к тележке, возьми ведро, потом подойди ко мне. Я буду вон у того озерка.

— Сейчас.

Ник мигом взбежал на холм. Манипуляторы робота Рекер пускал в дело только в крайнем случае.

Озерко, о котором говорил Рекер, заполняло круглую впадину, а в эти часы оно занимало лишь небольшую часть впадины. Рекер давно знал, что жидкость эта — олеум, то есть серная кислота со значительными примесями ионов металлов и атмосферных газов.

— Эта штука не течет, Ник? Она удержит жидкость?

В ответ Ник погрузил ведро из звериной шкуры в озерко, дополна зачерпнул и, вытащив, подождал, пока посудина обсохнет снаружи.

— Думаю, что все в порядке, оно не течет, — сказал, наконец, Ник. — Но почему это так важно? Нам ведь не нужно носить жидкость далеко, озерки есть повсюду.

— А я и не хочу тащить ее в ведре, Ник. Опорожни его.

Ученик повиновался.

— А теперь опусти ведро в озерко боком и отпусти... нет, наполнять его не нужно.

Ведро наклонилось, и в него влилось три-четыре галлона олеума. Теперь его борта поравнялись с поверхностью озерка; в таком положении ведро и осталось. Ник очень удивился: он считал, что оно быстро пойдет ко дну.

Вскоре Ник начал понимать сущность закона Архимеда.

— Теперь проверь, сколько груза оно выдержит, прежде чем затонуть, — сказал Рекер.

Ник не спросил даже, что означает новый глагол «затонуть»; он немедленно, без возражений, все исполнил. К его нескрываемому удивлению, ведро не затонуло даже после того, как он доверху завалил его ломкими ветками растений. Рекер на этом не остановился и продолжал показательный урок. По его приказанию Ник взбаламутил ногами поверхность озерка. Поднятые им волны захлестнули ведро, и оно почти тотчас же затонуло.

— Как ты думаешь, можно построить какую-нибудь посудину наподобие этого ведра, которая выдержит несколько человек? — спросил Рекер.

Ник ответил неуверенно.

— Готов сказать «да». А зачем нам такая штука?

Рекер рассказал о сообщениях Изи, о появлении разведчика пещерных жителей и поделился своим предположением, что батискаф достиг моря. Остальное Ник понял сам. И сразу же намного опередил Учителя — такой уж у него бы характер.

— Понимаю! — воскликнул он. — Корабль в океане, где никто его не достанет! А вы показали нам, как можно путешествовать по океану. Вы хотите, чтобы мы сделали большое ведро, добрались до того корабля и перетянули его на другой берег, где Быстрый не сможет досаждать нам. Отлично! Мы начнем делать ведро, как только вернутся остальные!

— Погоди минутку, Ник. Пересекать океаны, даже такие небольшие, как тенебрийский, не так-то просто. Кроме того, надо подумать и о другом. Что если вы окажетесь в этом... этом ведре ночью?

Ник призадумался.

— Когда уровень океана поднимается, — продолжал Рекер, — плотность его падает, и я опасаюсь, что еще в начале ночи ваше ведро затонет, и вы вместе с ним...

— Да, — задумчиво согласился Ник и опять замолчал, но потом снова преисполнился энтузиазма. — Погодите минутку. Ведро тонет, потому что в него попадает жидкость, и оно становится тяжелее, чем вытесняемый им объем... Верно я говорю?

— Верно.

— А что, если вместо ведра у нас будет мешок, наполненный воздухом? Завяжем его поплотнее и море не проникнет внутрь, сколько бы ни поднималось.

— Все это верно, если твой мешок не пропустит ни капельки. Было бы здорово сделать судно из многих мешков, связанных вместе. Тогда даже если некоторые из них дадут течь, вы все же останетесь на плаву.

— Ясно.

— Так и порешили!

— А Быстрый?

— Я займусь им сам. Мы ведь ему предложили соглашение.

Ник задумался.

— Ну да! А вдруг он не захочет? Если у корабля вчера был его разведчик, может, он решил сам, без нас искать.

— Я все еще думаю, что это чистая случайность. Если же окажется, что ты прав, мы займемся этим, когда надо будет. Изи говорит, что охотно померяется силами с Быстрым. Правильно я говорю, Изи?

— Конечно.

— Тебе что — нравится Быстрый? — удивленно спросил Ник. — А я не могу забыть, что он убил двух моих друзей.

— Я никогда его не видела, — сказала Изи. — Конечно, он поступил плохо, напав на ваше селение, но... наверно, он просто не мог придумать лучшего способа получить то, что ему было нужно. Будь ты половчее, Ник, тебе удалось бы заставить Быстрого делать то, что тебе надо, и убедить его, будто он придумал это сам.

— Никогда в жизни о таком не слыхивал! — воскликнул Ник.

— Что ж, тогда послушай внимательно мои разговоры с Быстрым, если он снова найдет нас, — ответила девочка тоном, который поразил даже ее отца своей уверенностью. — Кое-чему научишься.

Изи продолжала поучать таинствам дипломатии изумленного, но сомневающегося Ника. Рекера немало позабавил этот диалог, но через несколько минут он тактично перебил Изи, попросив ее рассказать Нику что-нибудь о строительстве лодок и плотов. Об этом молодой тенебриец знал еще меньше, чем о дипломатии, а нуждался в таких поучениях гораздо больше. Изи охотно сменила тему, — ее же не заставляли молчать!

Однако скоро Мина, добросовестно несший обязанности наблюдателя, позвал ее — они как будто всплыли на поверхность моря. Изи прервала разговор и убежала. Через мгновение она крикнула, что ее приятель, кажется, прав.

— Мы болтаемся дальше от берега, чем вы предполагали, доктор Рекер, — сообщила она. — Берег едва виден, наш самый мощный прожектор только-только достает до него. Разглядеть ничего нельзя. Может, это какой-нибудь мыс или островки.

— А Мина тоже не видит?

— Говорит, что нет, — ответила Изи после короткой паузы. — Кстати, у него зрение вообще хуже, чем у меня.

— Так... Вероятно, ты не сможешь определить, двигаетесь вы или стоите на месте.

— Океан абсолютно спокоен, никаких волн нет. Как тут скажешь, двигаемся мы или стоим. Единственное, что нам видно, это здоровенные медузы, которые плавают в воздухе. Они медленно движутся в разных направлениях, но большинство как будто к берегу.

— Ну, хорошо, — сказал Рекер. — Следи за океаном, чтобы ничего не упустить, и просвещай Ника, пока он готов тебя слушать. Вдвоем с Бетси они сделают все, что можно, но до возвращения остальных мало что успеют. А те вернутся, вероятно, только завтра к вечеру по тенебрийскому времени, то есть через пять-шесть суток по нашему.

— Ладно, доктор, вы о нас не беспокойтесь. Эти летучие медузы очень занятные.

Рекер выключил микрофон и в задумчивости откинулся на спинку кресла. Пожалуй, он удовлетворен. Кажется, все идет нормально. Может, медленнее, чем хотелось бы... но на большее трудно было бы надеяться. Настроение это, видимо, отразилось на лице Рекера, потому что мысли его были угаданы совершенно точно.

— Вы, я вижу, довольны собой, землянин?

Не стоило поднимать глаза, чтобы узнать говорящего. Рекер попытался, впрочем безуспешно, изменить выражение лица.

— Н-ну... не совсем так, советник...

— Почему не совсем? — так же резко спросил Аминадабарли. — Как вы вообще способны испытывать сейчас удовлетворение хотя бы в малейшей степени? Разве вы хоть чего-нибудь достигли?

— Думаю, что да, — не без удивления ответил Рекер. — Мы довольно точно знаем теперь, где находится ваш мальчик, а через неделю или десять дней туда доберется наша спасательная группа.

— Через неделю или десять дней? А затем вам придется присвоить ученые степени по электротехнике всей толпе дикарей и возносить мольбы о том, чтобы коррозия окончательно не разъела всю проводку на этой вашей нелепой посудине! Сколько времени, по вашему мнению, займут сами спасательные работы?

— Мне не хотелось бы гадать, — ответил Рекер насколько мог мягче. — Как вы совершенно справедливо заметили, мы не знаем, какой ущерб нанесен проводке из-за того, что смотровые люки остались открытыми. Понимаю, ждать тяжело, но ведь они уже целый месяц там, и с ними не случилось ничего плохого...

— Где же предел глупости человека? — воскликнул дроммианин, апеллируя ко всей Вселенной. — Вы только что говорили с планетой и слышали не хуже меня слова девочки с Земли о том, что мой сын видит не так хорошо, как она.

— Я действительно слышал, но, боюсь, не вполне оценил значение этих слов, — признался Рекер.

— У дроммиан зрение такое же острое, как у людей, а может, и получше. И мой сын всегда был нормальным ребенком для своего возраста. Если он видит хуже

вашей девочки, значит с ним что-то неладное. Я лично предполагаю, что причина этого — низкое содержание кислорода. И уж, конечно, ваши инженеры не предусмотрели возможности изменить состав воздушной среды на корабле.

— Боюсь, что нет, — сокрушенно сказал Рекер. — Ведь судно рассчитано на людей. Признаюсь, советник, я недооценил серьезности положения. Постараюсь ускорить операцию. Вероятно, я смогу получить от инженеров схемы проводки и скажу Нику, что надо делать немедленно, не ожидая остальных. Да, кстати, удалось ли вам получить медицинскую консультацию с Дромма? Насколько мне известно, с Земли несколько часов назад прибыл врач, который занимается сейчас улучшением рациона питания на батискафе.

— Наша Эта-Кассиопея на полпарсека дальше отсюда, чем ваше Солнце, поэтому мне не удалось получить ответ так быстро, — нехотя признался дроммианин. — Впрочем, он должен скоро поступить.

Рекер понял, что сделал ловкий ход, вынудив у дроммианина признание. К сожалению, у людей вынужденное признание ошибки не способствует хорошему настроению; дроммиане в этом отношении ничем не отличались от землян. Поэтому, пусть на время, Аминадабарли пришлось распрощаться со своим высокомерным тоном. Он немедленно удалился в свою каюту, где «бестолковые» инженеры-земляне по крайней мере ему обеспечили должный состав воздуха, и погрузился в мрачные раздумья.

Как только появился сменщик, Рекер отправился к инженерам. Сакииро и его коллеги согласились с предложением Рекера. Они тут же извлекли чертежи, чтобы решить, какие указания и каким образом передать Нику.

На это ушло несколько часов. Затем Рекер перекусил и отправился в каюту немного поспать.

Когда он снова появился в наблюдательном пункте, сменщик обрадованно поднялся ему навстречу.

— Изи хочет что-то сообщить, — сказал он, — но только вам лично.

Рекер включил микрофон.

— Я здесь, Изи, — сказал он. — Что случилось?

— Я решила, что лучше сказать вам... Вы говорили, что мы не будем двигаться, — немедленно откликнулась девочка. — А мы вот уже пять или шесть часов приближаемся к берегу.

Рекер улыбнулся.

— Ты уверена? А может, берег сам приближается к вам? — спросил он.

— Совершенно уверена. Нам хорошо виден один участок берега, и море от него не отступает, это нас несет к нему. Там есть кое-что, хорошо заметное. Правда, только сейчас мы сумели разглядеть это как следует.

— Что же это такое? — спросил Рекер, поняв по паузе, что от него ждут этого вопроса.

Изи посмотрела на него с тем выражением, которое дети приберегают специально для взрослых, совершивших грубую ошибку.

— Толпа туземцев. Их там примерно полсотни, — сказала она.

VI

Ник в сотый раз сердито посмотрел в ту сторону, где должен быть океан. Он, разумеется, ничего не увидел; чтобы лагерь не затопило ночью, пришлось расположиться так далеко от дневного берега, что его не было видно. А ему очень хотелось видеть море, и не только видеть, но и плавать по нему. Но пока что надо было строить плот. Вдвоем с Бетси они построить его, конечно, не могли. Приходилось ждать, пока вернутся разведчики. На заготовку шкур у них не хватало времени — стадо и сбор топлива отнимали большую часть дня.

Ник не знал, сколько требовалось шкур. Феджин, к его удивлению, не захотел сказать даже приблизительно. Ведь Рекеру не были известны ни плотность жидкости в океане, ни плотность атмосферы Тенебры, ни даже вес его учеников. Да и размер кожаного мешка — бурдюка — ему тоже не был известен. Он предложил Нику разобраться во всем самому — Феджину частень-

ко приходилось делать это в процессе обучения своих питомцев.

Ник решил изготовить пробный бурдюк. Забивать еще одно животное из их поредевшего стада ему не хотелось, и он отправил Бетси на охоту. Через несколько часов она принесла шкуру довольно крупного зверя, и в конце концов шкура превратилась в непроницаемый бурдюк. Ник придирчиво осмотрел его и остался доволен. Он потащил его к тому озерку, где утром плавало ведро.

Испытание бурдюка доставило Нику мало удовольствия. Он потерпел поражение в соревновании с надутым, вертлявым бурдюком — тот так и норовил выскользнуть из-под Ника. Как он ни хитрил, как ни цеплялся за него всеми восемью конечностями, бурдюк снова и снова, крутясь, сбрасывал его в озерко.

Единоборство с бурдюком приводило Ника в неистовство, но каждый раз, взбираясь на его крутые бока, он преисполнялся решимости удержать равновесие. В конце концов он установил, что бурдюк выдерживает его. Усталый и запыхавшийся, Ник потащил мешок к берегу.

— Не знаю, сколько таких штук нам еще понадобится, наверно, много, — сказал он Бетси. — Плот надо делать на шестерых — двое останутся сторожить стадо. А пока будем по очереди охотиться и заготовим еще несколько шкур.

— Ладно, — согласилась Бетси. — Нам еще надо научиться держаться на этих пузырях.

— Может, теперь Учитель нам что-нибудь подскажет, — предложил Ник. — Кстати, Бетси, мне пришла в голову одна мысль. Помнишь, он объяснял нам, что голоса можно передавать из одного места в другое с помощью каких-то особых приспособлений? А вдруг Учитель вовсе и не Учитель, а всего лишь приспособление, доносящее до нас чей-то голос? Как ты думаешь?

— Может быть, ты и прав. Но какое это имеет значение?

— Ну как же! Феджин говорит, что чем больше знаешь, тем лучше.

— А может, он и сам скажет, если мы его спросим. Он ведь всегда отвечает на наши вопросы, когда считает, что мы сами не сумеем найти ответ.

— Правильно. Но сейчас важно одно — построить плот. Не стоит задавать всякие другие вопросы: Учитель может сказать, что нельзя разбрасываться.

— Хорошо, — ответила Бетси.

За разговорами они и не заметили, как добрались до вершины холма, где стоял робот. Бетси и Ник подробно рассказали о своих делах. Феджин молча выслушал их.

— Вы хорошо поработали, — заметил он наконец. — Кое-что узнали. Советую вам сделать деревянную раму величиной со стену хижины, а мешки привяжите по углам. У вас получится устойчивый плот. А пока будете работать, подумайте вот над чем: батискаф приближается к берегу. Осложнение заключается в том, что Быстрый и большая часть его племени, видимо стоят на берегу и ждут, пока батискаф прибьет к ним течением. Изи не узнала Быстрого, но никого другого там быть не может. Неясно одно: принял ли Быстрый наше предложение или хочет захватить батискаф ради собственной выгоды? Пока что ждать от него ответа рано. Но если мы не получим ответа до конца дня, нам придется, я думаю, полагаться только на себя и действовать соответственно.

— Как именно?

— Вот вы сами и подумайте. Но при любом решении, я полагаю, вам без плота не обойтись, а потому принимайтесь за него поскорей.

Учитель умолк. Ученики взялись за работу. Провозившись несколько часов, они сделали прямоугольную раму размерами пятнадцать на двадцать футов. На нее ушло около трех десятков жердей, как назвал бы их землянин. Ник и Бетси связали их друг с другом под прямыми углами, образовав прочную решетку. Впрочем, их мало радовала мысль, что эта решетка будет служить им полом. Промежутки между перекладинами были так велики, что в них проваливались ноги, а ноги у тенебрийцев еще меньше приспособлены к хватательным движениям, чем у землян. Однако Ник и Бетси решили, что с этим неудобством придется смириться.

Они обо всем доложили Учителю, и тот одобрил их работу. Ник и Бетси не сумели уловить в голосе Рекера желания отвязаться, но в тот момент ему было не до них. Батискаф был уже всего в пятидесяти ярдах от берега и сел на мель. Узкая полоска моря не позволяла воинам Быстрого добраться до батискафа, но расстояние отнюдь не препятствовало Изи практиковаться в тенебрийском языке. Рекер был лишен удовольствия слышать этот разговор. Микрофоны наружной связи были вполне разумно размещены у иллюминаторов, так что Изи нужно было кричать, чтобы ее слышали и на корабле. Но она не особенно старалась кричать; на время она забыла о Рекере и, честно говоря, даже об отце. Ее не очень-то интересовали ни биология, ни геология, ни малоизученный климат Тенебры. Своим спасателям она больше ничем не могла помочь и только ожидала от них известий. А тут перед ней появились живые существа, с которыми она хоть как-то умела объясняться. Поэтому она с увлечением болтала, и людям лишь изредка удавалось привлечь ее внимание к себе и что-то от нее узнать.

Она выяснила, что в толпе на берегу находится и Быстрый. Рекер сейчас же передал эту новость Нику. Но Изи не могла ответить, собирается ли Быстрый действовать по плану, с которым к этому времени его наверняка уже ознакомил бывший пленник Ника. Рекер не понимал, чем объясняется такая неосведомленность девочки: то ли Изи плохо владеет языком, то ли Быстрый преднамеренно уклончив в своих ответах. Рекер, конечно, нервничал. Неопределенность и раздражала и тревожила его.

Во второй половине дня вернулись Джим и Джейн. Они рассказали о своих приключениях, но сейчас их сообщения интересовали Рекера только в плане изучения геологии планеты. Ему было не до того.

Теперь, когда прибавилось еще два работника, сооружение плота пошло быстрее. Зверя вокруг нового лагеря, естественно, было больше, чем в окрестностях старого селения, и шкуры заготовили быстро. Сначала поплавки крепили по углам, помня указания Учителя, но к концу дня их сделали столько, что уже нельзя было найти свободное место еще хотя бы для одного

поплавка. А как это отразится на устойчивости, строители даже не подумали.

Работа, разумеется, шла с перерывами. Нужно было поесть, запасти топлива на ночь, охранять скот. Несколько раз, к общему удивлению, стадо подвергалось нападению летающих хищников. Обычно такие нападения были редки. Эти странные существа быстро понимали, где им грозит наибольшая опасность, и избегали ее. А тут пришлось сразиться с четырьмя хищниками подряд чуть не за один час. Это было и необычно, и весьма неприятно: не всем удалось увернуться от прикосновения щупалец, длинных и ядовитых, которые в значительной мере компенсировали такие недостатки хищников, как уязвимость и медлительность.

Питомцы Феджина обратили внимание на то, что в атмосфере произошли какие-то неуловимые изменения, но поток воздуха с юга на запад, вызванный активностью далекого вулкана, был настолько слаб, что его почти невозможно было ощутить. Поэтому до начала дождя никто не заметил ветра.

К этому времени плот был в основном закончен — во всяком случае, для новых поплавков уже не оставалось ни одного свободного местечка. Никто, разумеется, не знал, сколько тенебрийцев сможет поднять этот плот. Решили так: когда остальные вернутся, отнести плот к океану и там на деле все проверить.

Когда зажглись вечерние костры, товарищей Ника поразило еще одно загадочное явление: дождевые капли опускались не по вертикали, а как-то странно — вкось. Нэнси и Джон, которые еще не вернулись с разведки, уже наблюдали такое накануне ночью у самого вулкана, но там им было ясно, почему это происходит. Ник сообщил о загадочном явлении Феджину.

— Знаю, — ответил Учитель. — По словам Изи, то же самое делается поблизости от корабля. Капли там заметно отклоняются к берегу. Жаль, что девочка не может точно определить направление. Все это очень любопытно.

— Та, которую вы называете Изи, должно быть, вообще не чувствует ветра? — спросил Ник.

— Так ведь она же в корабле. А ты чувствуешь?

— Немножко. Особенно теперь, когда движение капель показывает, что он все же есть. Мне кажется, ветер даже усиливается.

— Если ты в этом окончательно убедишься, скажи мне, — ответил Рекер. — А мы будем передавать тебе все, что нам сообщат с батискафа.

Рекер верно сказал — «мы». Из всех отсеков корабля в наблюдательный пункт и радиорубку сбежались геологи, инженеры и операторы. По огромному кораблю быстро распространилась весть, что на Тенебре происходит нечто загадочное. Тотчас же возникло множество всяких гипотез.

Изи с увлечением описывала волнующую картину, которая была видна из батискафа. Ночной дождь она видела уже не раз, но впервые попала в такое место, где могла непосредственно наблюдать его воздействие на уровень моря. Берег находился в пределах видимости, и море пузырем вздувалось над ним по мере того, как олеум разбавлялся водой. Зрелище было необычным и тревожным. Получалось так, что дети смотрели на берег сверху вниз; батискаф всплывал, и вздыбившееся море уносило его все дальше в глубь суши. Так продолжалось до тех пор, пока плотность жидкости не упала настолько, что та уже не могла удерживать батискаф на плаву. Он погрузился в море, но дети еще долго ощущали толчки — движение его не прекращалось.

— Я больше ничего не вижу, папа, — закричала, наконец, Изи. — Мы можем спокойно прервать передачу. Да мне и спать уже хочется. Если понадобится, разбуди нас.

— Хорошо, Изи. — Рич отвечал за Рекера и других слушателей. — Сейчас в лагере Ника ничего особенного не происходит, если не считать ветра, а он им вроде не угрожает.

Девочка на миг появилась на экране, улыбнулась, пожелав доброй ночи, и исчезла; затем показалось узкое лицо Аминадорнелдо, и связь с ними прервалась до утра.

Теперь все столпились в наблюдательном пункте, откуда можно было видеть поверхность суши близ стоянки Ника. Там, впрочем, не происходило ничего особенного. Робот, как обычно, стоял в центре лагеря,

окаймленного кострами — с одной стороны их было меньше, с другой — больше. Трое тенебрийцев стерегли костры с северо-восточной стороны, а четвертый обходил как часовой остальные три четверти окружности. Можно было легко понять, почему они так неравномерно распределили сторожевые посты. Костры на северо-восточной стороне гасли в десять раз чаще, чем на всех остальных. Ник и его товарищи без передышки бегали с факелами, зажигая погасшие костры. Но непосредственная опасность, судя по всему, им не грозила. Помощнику Рекера удалось по времени движения дождевой капли через отрезок, равный длине корпуса робота, измерить скорость ветра. Она достигла рекордной цифры — почти две мили в час. Ученые, узнав об этом, не смогли ни объяснить это явление, ни прогнозировать его возможные последствия. Только один член экипажа, уходя с вахты, задержался у дверей наблюдательного пункта и задал роковой вопрос:

— А лагерь далеко от моря?

— Милях в двух от дневной линии берега.

— А от ночной?

— Море достигает долины ниже подножия их холма.

— А вы не опасаетесь, что ночью, когда плотность морской воды не выше плотности воздуха, даже этот жалкий двухмильный ураган способен натворить много бед?

Рекер опешил. Потом окинул взглядом собравшихся и прочитал на лицах то же, что испытывал сам: эта мысль не приходила в голову никому из них. Рекер задумался — опасение и впрямь было обоснованно... Его охватила тревога. Рич мгновенно понял, о чем думает Рекер.

— Считаете, доктор, надо их отодвинуть подальше, пока не поздно? — спросил он.

— Не уверен. Они не смогут перебросить все свое имущество, ведь их только четверо. Жалко оставлять их пожитки... Все-таки холм на целых пятьдесят футов выше обычного ночного уровня моря.

— При таких колебаниях уровня моря пятьдесят футов — не очень-то много...

— Не знаю. Не могу рещить.

— Полагаю, вам придется что-то предпринять, — твердо сказал Рич. — Если море затопит их, вы потеряете все.

— Да, но...

— Какие там «но»! Смотрите!

Это крикнул тот самый член эпипажа, который первым заговорил о ветре. Его взгляд был прикован к экрану, обращенному в сторону моря. И Рекер, и Рич мгновенно поняли, что именно он увидел, еще не успев взглянуть на экран.

Намного раньше, чем обычно, маслянистые языки моря начали лизать подножие холмов на востоке. На какое-то мгновение все словно онемели. Но Рекер тут же опомнился, и Ричу пришлось проститься с представлением о нем, как о медлительном, непрактичном, нерешительном «типичном ученом». Когда его ученикам и его делу грозила явная и непосредственная опасность, он принимал решения и отдавал приказы быстро и твердо.

— Ник! И все остальные! Посмотрите, что вам угрожает с востока, и немедленно за работу! Все записи и особенно карты хорошенько завернуть и привязать к плоту! Оставьте достаточно веревок, чтобы привязаться к плоту самим. Вы и карты — самое важное, не забывайте об этом. А потом уж постарайтесь закрепить оружие на себе или на плоту. Быстрее!

— А как же скот?

Рекер прервал Ника:

— Сейчас это неважно. Спасайте самих себя, карты и оружие!

Тенебрийцы принялись за работу, ни о чем больше не спрашивая. Наблюдатели, затаив дыхание, следили за тем, как далеко внизу шло состязание на скорость между мыслящими существами и стихией.

Море, сильно разбавленное дождем, уже захлестнуло холм и разом погасило костры, так что панорама лагеря на экранах сразу потускнела. Через минуту на экранах операторы увидели фигуры четырех скорчившихся туземцев. Плот так и не всплыл, а двигался рывками, скребя поплавками по суше, которая стала теперь дном океана. Рекер отдал приказание роботу следовать за плотом.

VII

Тенебрийские ночи были очень тяжелы для дроммианина Аминадабарли. Для людей, которым приходилось иметь с ним дело, пока на планете царила тьма, они были еще тяжелее. Он просто не мог видеть людей, занятых работой, не имевшей прямого отношения к спасению его сына. Его необузданные эмоции быстро и неуклонно подводили его к мысли о том, что земляне — самая бездушная, самая недружелюбная раса во всей Галактике. И даже усилия Рича, который постоянно отвлекал его делами, ничего не могли изменить.

Сам Рекер был слишком занят, чтобы размышлять о Дромме и экспансивности его жителей. К счастью, роботу ни с кем не пришлось вступать в схватку; ни один из хищных представителей морской фауны не приближался к плоту и его беспомощным пассажирам. Бдительный робот не видел никого. Хотя это в какой-то степени облегчало положение Рекера, он как биолог был разочарован. Ему хотелось хоть что-нибудь узнать об обитателях кислотной среды с весьма малым содержанием кислорода.

Так или иначе, четверке тенебрийцев, привязанных к плоту, непосредственно ничего не угрожало. Тем не менее плот не должен был удаляться от робота — нужно было все время внимательно следить за ним.

Постепенно течение ослабло, и плот прочно заклинило. Был даже момент, когда Рекер чуть не уснул в кресле.

Наконец наступил день. Четверка тенебрийцев осталась невредимой, но все же положение обострилось. По мере того как вода испарялась, плотность моря возрастала, и в конце концов плот всплыл. К счастью, течение исчезло и их уже никуда не несло. Всплывая, плот перевернулся, и два часа подряд оператор не без ужаса взирал на безжизненные тела тенебрийцев, болтающиеся под плотом. Но дрейф закончился удачно — в небольшом озерке.

Когда испарение прекратилось, озерко так обмелело, что плот, в сущности, не плавал, а лежал на телах бесчувственных тенебрийцев. Рекер дал роботу команду вытащить его на берег. В конце концов груда мокрых

тел, жердей и бурдюков очутилась на суше. Ник и его друзья постепенно приходили в себя.

К этому времени батискаф тоже оказался на материке. Подобно плоту, он закончил свои странствия в другом озерке, на дне другой долины, но не на плаву, а на мели — озерко было слишком неглубоким. Изи и ее друг-дроммианин как бы очутились в герметичном замке, окруженном рвом, который надежно преграждал путь Быстрому.

А Быстрый оказался тут как тут. Через час после того, как озерко перестало испаряться, пещерные жители явились, хотя за ночь батискаф унесло на значительное расстояние.

— Отсюда уже не видно моря, — сообщила Изи.

Появление Быстрого ничуть не встревожило девочку, она считала, что установила с ним прекрасные отношения. Не вызвала у нее особого волнения и весть о ночных приключениях Ника.

Итак, Ник и Бетси, Джим и Джейн вышли невредимыми из ночных испытаний; уцелели и карты, и оружие, привязанные к плоту. Теперь надо было разыскать место их стоянки, хотя Рекер не рассчитывал найти там что-либо из имущества. Стадо, конечно, погибло. Вряд ли уцелела и тележка.

Найти стоянку оказалось легче, чем Рекер предполагал. На помощь пришел Джим. Он проявил наиболее острое «чувство направления», которое у тенебрийцев, как и у землян, представляет собой сочетание зрительной памяти с пониманием сущности простейших явлений природы. Определив направление на море, они уже не испытывали никаких затруднений. Ведь их несло от лагеря в глубь материка почти по прямой. Час спустя была найдена тележка, а вокруг нее остатки костров. К удивлению Рекера, ни тележка, ни сложенные на ней пожитки нисколько не пострадали. Ведь вода в наступавшем океане была немногим плотнее атмосферы!

— Мы, пожалуй, сумеем сэкономить немного времени, — сказал он наконец, когда имущество группы было осмотрено. — Отправляйтесь к морю, плот несите с собой. А тележку оставьте на месте и напишите записку остальным двум парам; пускай они идут вслед

за вами. Мы испытаем плот и пройдем по морю на юг вдоль берега, сколько успеем.

— Будем искать дотемна? — спросил Ник. — Или нам нужно вернуться сюда засветло?

— Почти дотемна, — тотчас же ответил Феджин. — Обследуем побережье, а потом свернем в глубь материка, чтобы уйти подальше от океана.

— Тогда те, кто возвратятся, пусть пойдут с тележкой прямо на юг. У нас и у них будет трудно с едой. Стадо ведь потеряно.

— Потеряно? А я вроде бы видел, как Джим и Джейн сгоняли довольно много голов в одно место.

— Да, потеряны не все, но осталось так мало, что нам нельзя их забивать, пока не подрастет новый выводок. Надо здесь оставить кое-кого из наших — разыскивать остальной скот. Может, он просто разбрелся.

Рекер лихорадочно соображал. Потеря стада — серьезный удар по его группе. Без стада ученикам Рекера придется почти непрерывно охотиться, чтобы прокормиться. Но все-таки они пока проживут. А вот Изи и ее спутник, если их не спасти в самое ближайшее время, могут погибнуть. Значит, все силы надо бросить на спасение детей.

— Вы пойдете к морю. Как быть со стадом, решим позже. Если плот не поднимет всех, лишние вернутся и займутся поисками скота.

— Хорошо.

Голос Ника звучал спокойно. Если Учитель сказал, что новое дело важнее стада, значит, так оно и есть, во всяком случае, для самого Учителя. Ник огорчился, что сам-то он этим чувством не проникся. Спорить он не стал, но раздумья и беспокойство его не оставляли.

Вчетвером они без труда несли плот, хотя было нелегко идти против ветра, а в этот день ветер, по мнению Ника, еще усилился.

Они быстро прошли две мили, отделявшие их от моря, и сейчас же приступили к испытанию плота. Оказалось, что он держит всех четверых, хотя и очень неустойчив. Рекер подсказал им, как смастерить некое подобие весел, и все теперь усердно учились ими орудовать.

— Зачем вы вообще послали их на поиски? — вмешался вдруг Аминадабарли. — Робот может идти по берегу с такой же скоростью, с какой они гребут на этом дурацком плоту, притом батискаф находится не на море, а на суше. Если вы надеетесь, что от ваших учеников будет хоть какой-то толк, почему бы им не пойти вместе с роботом?

— Потому что без плота они не смогут добраться до наших детей. В остальном вы совершенно правы. Если они найдут его, им все равно придется возвращаться за плотом.

— Понимаю, — сказал дроммианин.

Рекер взглянул на него. Если учесть меру дроммианского терпения, этот субъект вел себя сейчас необыкновенно любезно. С чего бы это? Однако у биолога не было времени для размышлений на эту тему: Ник и его спутники все еще нуждались в пристальном наблюдении.

Дроммианину пришла в голову некая мысль. Он отправился в свою каюту и растянулся на полу, чтобы спокойно все обдумать. Часа через два, крайне довольный собой и преисполненный еще большего чувства превосходства над бестолковыми землянами, он отправился в радиорубку, чтобы поделиться со своим сыном и девочкой с Земли блестящей мыслью, которая должна способствовать успешному и скорейшему их спасению.

Радиорубка была, как всегда, битком набита людьми. Один из них, незнакомый дроммианину, стоял перед камерой.

— Изи! — кричал он в микрофон. — Ты поняла меня? Спроси сейчас же Быстрого: правда ли, что он знает, когда и где должны появиться новые реки и холмы? Спроси, почему он не боится жить в пещере, раз скала может в любое время обрушиться от подземного толчка.

— Хорошо, сейчас, — спокойно ответила девочка, и ее лицо исчезло с экрана.

Разъяренный Аминадабарли даже не заметил этого. Как смеют эти маленькие уродцы присваивать себе идеи, только что родившиеся в его мозгу? Неважно, что он еще не разработал их в деталях. Они должны были подвести именно к той мысли, которую сейчас высказал ученый-землянин. В этом Аминадабарли был

уверен. Возможно, впрочем, что гипотеза недостаточно обоснованна... Действительно, предположение, что пещерные жители способны почти инстинктивно прогнозировать тектонические процессы, что они заранее знали, например, куда понесет батискаф, и потому так быстро нашли его, пожалуй, звучит малоубедительно. Да, конечно же, поразмыслив хорошенько, он это увидел совершенно ясно. Вся эта концепция носит чисто спекулятивный характер. Просто жаль, что девочка будет даром тратить время. Сейчас он сам займется этим и поведает сыну об уязвимых местах этой гипотезы. А потом предложит более перспективый план... как только разработает его в деталях...

Тут он заметил, что и Аминадорнелдо исчез с экрана. Видимо, ушел с девочкой-землянкой. Что ж, не беда. Все равно ему нужно еще додумать кое-что. Минут пятнадцать-двадцать он был погружен в размышления и почти не слышал пустой болтовни землян. Потом дети вернулись, спокойные и деловитые. Изи сразу заговорила о деле.

— Кажется, вы правы, — сказала Изи. — По-моему, они даже удивились, что не всякий знает заранее, когда и где начнутся подземные толчки или когда выйдет из берегов озеро и в каком направлении оно будет разливаться. Им даже трудно было объяснить мне, по каким признакам они это узнают.

Геофизик, беседовавший с Изи, и его коллеги обменялись взглядами.

— Пусть все же попытаются объяснить! — сказал геофизик. — Записывайте то, что они говорят, и передавайте нам; неважно, поняли вы сами или нет. Потом мы используем учеников Рекера, чтобы изучить динамику процессов в коре планеты!

Это было уже выше сил Аминадабарли — заниматься сейчас такими пустяками! Пренебрегая правилами вежливости, как земной, так и дроммианской, он протиснулся в глубину радиорубки. Обтекаемое тело его раздвинуло толпу землян, словно корабль, рассекающий воду. Аминадабарли встал перед экраном и, не глядя на Изи, словно ее и не было, торопливо заговорил с сыном, испуская пронзительные звуки, от которых человеческим ушам было просто больно. Земляне не прерывали его. Размеры дроммианина и его конечности

с десятком коготей каждая призывали к благоразумию даже того, кто совершенно не знал нрава этих инопланетян.

Сын явно пытался вставить в речь отца хоть словечко, однако попытки его были тщетны. Старший умолк лишь тогда, когда, казалось, окончательно исчерпал свой словарный запас. Ответ он получил немедленно, но вместо дроммианина ответила ему Изи, конечно, на своем родном языке: ее голосовые связки не были способны воспроизводить звуки дроммианской речи.

— Мина все знает, сэр. Доктор Рекер просил меня сказать и вам, когда вы появитесь. Вы ушли из пункта связи как раз перед тем, как я начала разведку. В общем, доктор Рекер все сказал Нику, и задолго до наступления ночи Ник подплывет на плоту как можно ближе к нам. А потом они поволокут плот по суше. Быстрый говорит, что они с моря заметят свет наших прожекторов. Робот пошел обратно в лагерь, чтобы встретить остальных и показать им дорогу сюда.

Дроммианин совершенно опешил, но нашел в себе силы проявить учтивость и заговорил по-английски.

— Вы просили Быстрого объяснить, как пройти из лагеря к месту, где вы находитесь? — растерянно спросил он.

— Ну да. Это придумал Мина. Мне надо было раньше сказать об этом доктору Рекеру или одному из вас.

Сообщение о том, что предложение исходит от сына, заметно успокоило Аминадабарли. Большинство землян втайне усомнилось в истинности слов девочки. Они знали, сколько лет юному дроммианину, да и об Изи уже успели составить довольно четкое представление.

— Сколько времени нужно Нику, чтобы добраться до вас? — спросил Аминадабарли.

— Быстрый считает, что Ник пешком придет к нам немного позднее полудня.

— А вы не предлагали вашему другу Быстрому сделать такой же плот, как у Ника?

— Предлагала. Он не умеет и вообще не представляет, что это такое. Его воины могут заготовить сколько угодно шкур, но не знают, как сделать мешки... ну, герметичными. И они не умеют варить клей. А я тоже

не умею. Вот Быстрый и ждет, пока Ник доберется сюда со своим плотом.

— И, конечно, отнимет плот у Ника.

— Ой, нет, что вы! Он ничего не имеет против Ника. Я рассказала ему, кто такой Ник, как робот украл яйца, положенные в расселину; он, кажется, немного рассердился на робота, но это не страшно. Я обещала научить его всему, что он захочет узнать. У нас с ним очень хорошие отношения.

Дроммианин не мог скрыть своего удивления.

— Это доктор Рекер вам посоветовал?

— Вовсе нет! Я сама придумала. Вернее, мы с Миной. Мы решили, что самое правильное — подружиться с пещерными жителями. Возможно, они и не смогут повредить «скаф», если разозлятся на нас, но на всякий случай так будет вернее.

— Понимаю!

Аминадабарли был несколько сбит с толку. Он весьма учтиво закончил и отправился опять на наблюдательный пункт к Рекеру. Едва он успел выйти из радиорубки, как ученые набросились на девочку с новыми расспросами.

Тем временем четверо туземцев и робот двигались на юг, таща за собой тележку и отвечая на ходу на бесконечные вопросы ученых с корабля. К удивлению дроммианина, в наблюдательном пункте набилось почти столько же народу, сколько незадолго до этого в радиорубке. Аминадабарли не сразу понял, о чем идет спор.

— Может, мы сумеем определить расстояние методом засечки? И в районе «скафа», и в районе лагеря ветер, очевидно, дует прямо в сторону вулкана.

— Да, но мы не знаем точно направления. К тому же он может меняться под воздействием сил Кориолиса.

— Ну, на такой планете, как Тенебра, возможное отклонение невелико. К тому же, мы можем определить обратный азимут. Ведь гора на картах уже обозначена. Мы сможем использовать направление ветра, чтобы засечь местоположение «скафа»...

Дроммианин услышал все это, войдя в помещение наблюдательного пункта, но ничего не мог понять. Лишь спустя несколько минут до него дошло, что речь идет о вновь открытом вулкане. Ему было ясно, что

такой мощный источник тепла может вызвать возникновение воздушных потоков даже в предельно сжатой газовой оболочке Тенебры.

— А что, если каждую ночь ветер станет гнать батискаф все дальше в глубь материка? — спросил он. — Не окажутся ли наши ребята в опасной близости от вулкана?

— Пока не нужно тревожиться. Какой бы ни был ветер, в глубине материка море все равно будет состоять главным образом из воды, так что далеко их не унесет. А кроме того, бьюсь об заклад: если извержение не прекратится, то ни днем, ни ночью на много миль от вулкана вообще не будет воды в жидком состоянии.

Аминадабарли не дослушал до конца. У него появился новый повод для волнений, а уж волноваться-то он умел! Он ринулся обратно в радиорубку на максимальной скорости.

Ученые на время оставили Изи в покое ради новой сенсации. Аминадабарли не стал задумываться, спят ли дети или, может, беседуют с пещерными жителями.

— Мисс Рич! Мина! — бесцеремонно завопил он в микрофон.

На этот раз на экране появилась Изи, потирая кулачком сонные глаза. Аминадабарли не понял этого жеста или сделал вид, что не понимает.

— Где мой сын? — спросил он.

— Спит.

Обычно Изи была не столь лаконична.

— Ну ладно, поговорю с вами. Вы слышали о том, что стало ясно, почему дует ветер?

— Да. Кажется, это вулкан. Я заснула сразу же после того, как услышала о нем. А что, есть еще новости?

— Не то чтоб новости. Эти гадалки — ваши ученые соотечественники — вдруг сообразили, что каждую ночь батискаф будет относить к вулкану и вам грозит серьезная опасность. Что думает об этом ваш друг Быстрый?

— Во всяком случае, еще несколько дней нам ничего не грозит. Свет вулкана отсюда не виден.

— Вам-то он не виден. А важно то, что видят и думают туземцы. Вы спрашивали Быстрого?

— Нет. Я же только недавно узнала об этом. И вообще это меня не тревожит. Если бы они увидели

свет, они тут же сказали бы нам. Они решили бы, что это робот. В худшем случае мы можем подойти к вулкану через несколько тенебрийских суток. Во всяком случае, не завтра.

— Не завтра! Да кто говорит о завтрашнем дне? Нет, для меня навсегда останется тайной, как вам, землянам, удалось создать свою цивилизацию! Разумные существа составляют планы на будущее, слышите!

— Разумные существа не делают поспешных выводов, — отрезала девочка, потеряв спокойствие впервые после аварии. — Я не строю планы на послезавтра, потому что к концу завтрашнего дня нас здесь уже не будет. Пожалуйста, скажите мистеру Сакииро, чтобы он приготовил посыльное судно к встрече.

Она повернулась и вышла, вернее, просто исчезла из поля зрения камеры. Аминадабарли был так поражен, что даже не рассердился на ее неучтивость.

VIII

Когда Ник добрался до батискафа, Изи уже проснулась. Он без труда нашел судно — свет прожекторов был хорошо виден с побережья. Ветер дул прямо в сторону батискафа. Ник и его друзья еще ничего не знали о вулкане и мысль о том, что они сбились с пути, не могла их тревожить. Выйдя на берег, они взвалили на себя плот и двинулись на огонек.

Феджин с четырьмя учениками пришли раньше — даже тихоходный робот двигался по суше быстрее, чем неуклюжий, громоздкий плот по морю. Быстрый был настроен весьма благожелательно.

Через несколько минут после прихода робота он потребовал, чтобы ему показали, как добывают огонь. Изи велела Джону научить его. Тот повиновался беспрекословно, вынул свой лучок, и через две минуты огонь уже пылал.

Тогда Быстрый решил взяться за дело сам. К тому времени, когда Ник, Бетси, Джин и Джейн пришли к батискафу, таща плот, вождь уже добыл огонь и пребывал в отличнейшем настроении.

На «Виндемиатриксе», напротив, настроение было неважное. Изи проснулась сердитая. Она не забыла оскорбительных реплик дроммианина и отказалась объяснить не только ему, но и вообще кому бы то ни было, на чем основана ее уверенность в том, что они с Миной смогут покинуть батискаф еще до конца следующего тенебрийского дня. Разумеется, она вела себя по-детски. Но Изи и была ребенком. Советника Рича попросили вмешаться. Он пристально посмотрел в лицо дочери, потом отвел глаза от экрана и сказал:

— Пожалуйста, попросите мистера Сакииро подготовить посыльное судно к встрече с батискафом. Насколько я понимаю, потребуется некоторое время на подвеску и регулировку наружных ускорителей.

Затем он поспешно покинул помещение, не отвечая на сыпавшиеся градом вопросы, и заперся в своей каюте.

— Что же нам делать? — спросил геофизик.

— Пожалуй, то, о чем он просил, — ответил другой ученый. — Рич как будто уверен, что девочка знает, о чем говорит.

— Он-то уверен. А она?

— В конце концов, даже если ребенок ошибается, никому вреда не будет от того, что мы подготовим спасательное судно к полету, — сказал третий. — Почему вы так тревожитесь?

— Просто мы понимаем, что будет с Изи и ее отцом, если она ошибается, — ответил геофизик. — Хорошо, если она знает, что говорит. А если ее просто вывел из себя этот десятиногий бобер и она, не подумав, брякнула...

Он положил конец дискуссии, подключив еще один телефон и передав инженерам просьбу Рича.

Робот уже не был в центре событий, хотя и мог наблюдать за их ходом. Его ученики, видимо, влились в племя Быстрого и получали указания либо от самого вождя, либо от Изи из батискафа. Никто уже не спрашивал Феджина, что и как делать. События разворачивались такими темпами, что многое ускользало от Рекера. Он слышал о ссоре Изи с Аминадабарли, о ее намерении покинуть завтра Тенебру, но не больше других знал о том, как она собирается это сделать.

Рекер имел представление о том, чем занимаются тенебрийцы, но далеко не все было ему понятно, а добиться объяснений он не мог. Ему не приходило в голову, что Изи прервала поступление информации на «Виндемиатрикс» только для того, чтобы досадивший ей дроммианин ничего не узнал. Так или иначе, Рекеру оставалось лишь наблюдать, фотографировать, записывать на пленку доходившие до него обрывки разговоров и пытаться как-то истолковывать все, что он улавливал.

Плот спустили на поверхность озерка, и Ник с Бетси перевезли Быстрого к батискафу. Рекер видел, как у одного из иллюминаторов тенебрийцы вступили в беседу с детьми, но не слышал ни слова — робот находился слишком далеко. Беседа была долгая и довольно оживленная; закончилась она только вечером. Затем плот вернулся к берегу, все начали собирать свои пожитки и вскоре тронулись в путь. Пещерные жители помогали нести плот и тащить тележку. Быстрый впервые за все время обратился к роботу и приказал ему следовать за собой. Переводчиком служил Ник. Рекер решил, что тенебрийцы уходят, спасаясь от ночного наступления моря. Естественно было ожидать, что в эту ночь оно разольется по меньшей мере так же, как и прошлой ночью.

— Куда унесет сегодня ночью большой корабль? — спросил он скорее ради того, чтобы пещерные жители могли продемонстрировать свой дар прогноза. Для него было неважно, что ему скажут. Он предполагал, что Быстрый вообще не снизойдет до ответа, но вождь был в прекрасном настроении. Он пошел рядом с роботом, весело болтая с ним; Ник переводил. Вождь подробно описал местность, куда они направились, и район, куда, по его предположению, батискаф будет занесен течением. Он рассказал также, каким образом он знает об этом. Геофизики слушали, делали заметки и заботливо следили за магнитофонами, записывающими беседу. В этой зоне системы Альтаира царило такое безмятежное счастье, какого она, вероятно, давно не видывала. Пожалуй, только Аминадабарли и Рекер не разделяли общего благодушного настроения.

Часа через два Быстрый остановил воинов. Ночь вступила в свои права, и пошел дождь.

Целых шестнадцать лет появление вечерних костров знаменовало собой начало сорокавосьмичасового отдыха на борту «Виндемиатрикса», потому что ночью на Тенебре не случалось ничего — там всегда шел дождь. Теперь все изменилось... Дискуссии, временами переходившие в жаркие споры, не прекращались. Инженеры работали без отдыха, подвешивая к оболочке посыльного судна гидроферроновые ускорители и сеть управления ими.

Рекер наотрез отказался покинуть наблюдательный пункт. Он был уверен, что дело идет к развязке, и боялся даже думать о ней. Беспокойство это особенно обострилось при встрече с дипломатами. Рекер больше всего страдал от того, что вдруг потерял уверенность в себе. Он продолжал ломать голову, как ему научить своих подопечных произвести необходимый ремонт батискафа и как заставить их выслушать его.

Но вот ночь подошла к концу. Ничего серьезного не произошло ни в лагере, ни в батискафе. Вскоре все направились туда, где, по прогнозу Быстрого, должен быть батискаф. Это значило, что им придется пройти почти столько же, сколько накануне ночью — Быстрый считал, что «скаф» снесло не очень далеко.

Рекер продолжал терзаться — он не мог представить, каким образом эта смелая девочка собирается с помощью пусть смышленых, но совершенно невежественных аборигенов поднять батискаф для контакта с посыльным судном. В те редкие мгновения, когда он засыпал, его мучили чудовищные кошмары: он считал себя ответственным за судьбу детей, и сознание собственного бессилия было для него нестерпимо.

Нетрудно себе представить, что пережили геофизики, когда батискафа не оказалось там, где его ожидали найти. Каждый из ученых выдвигал свою гипотезу, и никто не слушал соседа. Аминадабарли потерял сознание, и в течение нескольких минут все только и говорили, что о способах оказания первой помощи. К счастью, дроммианин скоро сам пришел в себя, ибо никто из людей не имел ни малейшего понятия, чем ему помочь.

А через четверть часа батискаф обнаружили на прежнем месте. Родители вздохнули с облегчением, но геофизики на корабле и тенебрийцы недоумевали, как это

случилось. Споры между учеными разгорелись с новой силой, а тем временем вокруг батискафа закипела работа. Туземцы действовали явно по какому-то определенному плану, но Рекер никак не мог понять, что они намерены делать.

Быстрый выслал несколько вооруженных охотничьих партий, причем в каждой из них был один из учеников Феджина с топором. Плот то и дело сновал между берегом и батискафом. Быстрый и несколько его помощников тщательно осмотрели обшивку судна. Изи непрерывно разговаривала с ними, но Рекер и его коллеги не могли ее слышать. Туземцев очень заинтересовала верхняя часть корпуса батискафа, куда отводилось избыточное тепло из жилых отсеков, и они принялись карабкаться по корпусу, пользуясь многочисленными скобами, укрепленными на нем. Батискаф был круглый и едва касался дна, поэтому равновесие его было мгновенно нарушено и он двинулся к плоту. Любознательные аборигены поспешили спрыгнуть с него. Плот подошел ближе к роботу, и Рекер, наконец, услышал несколько фраз. Ник сказал Бетси:

— Мы можем выиграть много времени. Если учителя, сидящие внутри, не будут возражать, мы перекатим эту штуку ближе к берегу, и нам будет удобнее работать.

Ник и Бетси столкнули плот снова на глубокое место и погребли к батискафу. На этот раз Рекер знал, о чем пойдет речь и, увидев, как Изи одобрительно кивнула, понял, чем закончились переговоры. Он встревожился и немедленно позвонил бортинженерам. Те заверили его, что батискаф абсолютно герметичен и его перекатывание никакого вреда, кроме разве неприятных ощущений для юной команды, не принесет.

Плот подплыл к берегу, и Ник стал что-то кричать Быстрому. Рекер понял лишь несколько слов, но этого было достаточно. Как только плот достиг мели, Быстрый влез на него. Затем плот вернулся к батискафу, вождь и Бетси схватились за скобы и принялись осторожно карабкаться вверх. Ник остался на плоту, чтобы в любой момент отвести его в сторону. Все обошлось без происшествий — Быстрый и Бетси проявили необычайную ловкость. Они держались над самой по-

верхностью олеума. К счастью, скобы шли вокруг корпуса, хотя Бетси и Быстрый вряд ли знали об этом раньше.

Перевернувшись дважды, батискаф оказался на мелком месте. Теперь он уже почти не плавал, и Бетси с Быстрым пришлось затребовать подкрепление — их веса было уже недостаточно. После третьего оборота батискаф лег правым бортом на берег. Тенебрийцы спрыгнули с него, и тут возникло небольшое осложнение — батискаф покатился было в обратном направлении. Но Рекер заставил слушать себя; он быстро объяснил Нику, что надо с наружной стороны подложить колодки из дерева, и батискаф прочно стал у берега. Изи и Мина принялись с любопытством разглядывать робота, который стоял всего в нескольких ярдах от них, а Рекер поспешил заговорить с ними, — он хотел узнать, что же Изи намерена делать.

— Хелло, Изи. Наконец-то мы вместе.

— Хелло, доктор. Да, ваши воспитанники здесь. Я думала, мы сумеем обойтись без них, но они здорово помогли нам. Вы хотите посмотреть, что мы тут будем делать?

Этот вопрос, мягко выражаясь, ошеломил биолога.

— Посмотреть? Да мы же только приступаем к работе. Я сейчас вызову инженеров — пусть послушают, что я буду говорить Нику и остальным. Они бы уже были тут, но я не ожидал, что мы так быстро найдем вас. Мы выясним, что случилось с проводами — коррозия или обрыв и...

Изи, видимо, заговорила раньше, чем он произнес последние слова, но из-за двухсекундной задержки сигнала он услышал ее не сразу.

— Простите, доктор, но мне бы не хотелось, чтобы Ник начал мудрить с проводкой. Я сама в ней ничего не понимаю и не представляю себе, как он может там не напутать чего-нибудь. Мы скоро взлетим и без этого, и лучше скажите ему, чтобы он не совался в смотровые люки, если они действительно открыты.

Девочка говорила, как всегда, вежливо, но в голосе ее слышалась твердость, которой нельзя было не заметить. Рекер сначала опешил, а потом возмутился.

— Почему ты не хочешь, чтобы работал Ник? Кто может заменить его? Конечно, он незнаком с электричеством, но какой будет толк, если вместо него этим займешься ты или Быстрый? Мы обдумывали этот план несколько недель и ты не можешь...

— Не знаю, сколько времени вы его обдумывали, но я могу, — ответила девочка все еще учтиво. — Быстрый сделает то, что я попрошу, а Ник, — то, что прикажет ему Быстрый. Сначала мы попытаемся осуществить предложение Быстрого. Я уверена, что у нас получится как надо, ну а если не пойдет, тогда мы подумаем о вашем плане.

Рекер беспомощно огляделся. Девочка права. У него нет ни малейшей возможности навязать ей свою волю. Может быть, ее отец... Но Рич слушал из радиорубки, и на лице его, которое Рекер видел на экране ретранслятора, можно было прочесть удовлетворение. Биолог сдался.

— Что ж, ладно, Изи. Может, ты мне скажешь, в чем состоит план Быстрого? И почему, если ты не доверяешь мне и Нику, тебе пришло в голову прислушаться к тому, что говорит невежественный дикарь, пещерный житель?

— Ваши ученые друзья очень даже прислушиваются к его словам, — язвительно ответила Изи. — Если я скажу вам, меня услышит отец Мины, начнет копаться в этом плане и искать недостатки, а папа будет волноваться. Вы просто посмотрите, что мы станем делать. Теперь уже недолго ждать.

— А что думает твой молодой друг? Он не сердится, что ты не посвящаешь в эти дела его отца?

— Он ничего не имеет против, правда, Мина?

— Правда, — пропищал молодой дроммианин. — Папа велел мне делать все, что скажет Изи, а потом он был очень груб с ней. Мы ему покажем!

Услышав такое, Рекер взметнул брови и немного повеселел. Если кто-то собирается поставить Аминадабарли в глупое положение, то...

План Быстрого вскоре перестал быть загадкой. На экране появилась группа охотников, волочивших безжизненное тело летающего хищника. Опасные щупальца этого существа были обрублены — вот зачем каждую

охотничью партию сопровождал ученик Феджина с топором. Охотники проткнули часть газовых пузырей — столько, сколько нужно было, чтобы тело хищника не могло взмыть вверх. Остальные пузыри были целы. Нетрудно было догадаться, как их собирались использовать.

Отсеки водородных камер батискафа на нижней стороне его корпуса были снабжены клапанами для уравнения давления. Клапаны эти имели выводные трубки из пластика для сбрасывания в наружную среду излишков электролитического водорода. Обычно давление внешней атмосферы удерживало эти трубки в закрытом, точнее, сплющенном состоянии. Однако было вполне возможно ввести в такую трубку снаружи другую, твердую трубку и впустить в отсек газ или жидкость. Именно этим и занялись теперь тенебрийцы. Рекер не знал точно, из чего они сделали трубки, но он не удивился их находчивости. Конечно, при перекачке много газа пропадало, но это никого не тревожило. Летающих хищников, слава богу, было достаточно.

— Понимаю, — сказал Рекер через несколько минут. — Но я предвижу одну опасность.

— Какую? — быстро откликнулась Изи. Очевидно, и у нее возникли кое-какие сомнения.

— Батискаф рассчитан на подъемную силу водорода. Откуда ты знаешь, что газ, которым вы пользуетесь, поднимет вас так высоко, чтобы можно было включить ваши ускорители, даже если мы доставим на борт инженера, чтобы...

— Почему вы думаете, что этот газ — не водород?

— А почему ты думаешь, что это водород?

— Ну, а что еще можно найти на этой планете, что было бы легче воды в парообразном состоянии?

— Гм, наверно, очень много всяких газов... Впрочем, не знаю. Я об этом не думал. — Тут его осенило. — Ты что, говорила с инженерами?

— Конечно. Я не хочу дерзить, но скажите сами, у кого еще я могла узнать что-нибудь толком о нашем судне? Вы, конечно, хорошо знаете планету, но этого мало...

— Вот оно что... — медленно протянул Рекер. — Я действительно меньше занимался батискафом, чем надо было бы, но насчет проводки с инженерами говорил...

На этом, собственно, все и кончилось. Ник вспомнил о своем плавании на плоту и позаботился, чтобы передние камеры батискафа были заполнены больше, чем задние. Батискаф понесло ветром в сторону вулкана. Он поднимался так медленно, что детям пришлось досыта наглядеться на устрашающее зрелище извержения. Войдя в нагретые слои атмосферы, батискаф начал угрожающе снижаться по направлению к огнедышащей горе, но вовремя выровнялся и пошел на подъем — водоворот в камерах тоже нагрелся. Зарево внизу постепенно удалялось и меркло, и счастливая Изи со своим другом стали ждать встречи со спасательным судном.

ЭПИЛОГ

— Я давно говорил, что земляне беспомощны и вообще никчемны. — Как ни счастлив был Аминадабарли, он с большим трудом расставался со своими концепциями. — Вы потратили многие недели, пытаясь организовать спасательную экспедицию, а дикари, у которых меньше знаний, чем у любого из этих детей, оказались сметливее вас. Вы десять или двадцать лет учили собственных агентов на этой планете. И что же? За одну неделю вы узнали больше полезного от аборигенов, с которыми раньше не потрудились установить непосредственный контакт.

— Ну да, аборигены. Они немедленно попробовали бы съесть робота, — возразила Изи. — Не забудьте, мы с Миной хорошо узнали Быстрого. Он не тронул робота, потому что тот мог учить его — с помощью Ника! Иначе он просто не обратил бы на него внимания. Или уничтожил бы.

Аминадабарли поискал глазами сына, но тот мотнул головой, подтверждая слова Изи.

— Как бы то ни было, — снова заговорил дроммианин, — но аборигены с их самобытной культурой могут оказаться полезными, и я скоро докажу это.

— Как? — спросил Рекер.

— Через три месяца сюда прибудет экспедиция с Дромма. Я этого добьюсь. Мы сумеем договориться с Быстрым не хуже вас, и тогда поглядим, кто быстрее обогатит геофизику знаниями о Тенебре.

— Разве не выгоднее работать совместно и обмениваться информацией?

— Я сыт по горло сотрудничеством с землянами, и если мое мнение чего-нибудь стоит, то все дроммиане согласятся со мной. Ты ведь выучился языку Быстрого, сынок?

— Да, папа, но...

— Никаких «но». Понимаю, ты подружился с Изи... и полагаю, что, пробыв с тобой все это время, она стала менее ядовитой, чем большинство землян, но я-то знаю, о чем говорю. Свяжись-ка с Быстрым через робота.

— Но я не могу, папа.

Даже земляне поняли, что Аминадорнелдо смущен.

— Не можешь? Как это не можешь? Ты же сейчас сказал, что изучил их язык...

— О, я хорошо понимаю их, но говорить не могу.

— Значит, ты слушал, а говорить предоставил девочке с Земли? Мне стыдно за тебя. Ты отлично знаешь, что никогда нельзя упускать возможность изучить новый язык.

— Я ее не упустил папа.

Аминадабарли начал выходить из себя.

— Тогда во имя обоих солнц, чем ты занимался?

Люди, успевшие уже изучить нрав дроммианина, никогда еще не слышали, чтобы голос его звучал столь громоподобно. Аминадорнелдо беспомощно посмотрел на Изи.

— Хорошо, — сказала девочка. — Мы ему покажем.

Она заняли свои места перед микрофоном, и Изи включила его. Затем, не отрывая глаз друг от друга, они одновременно заговорили. Они издавали удивительно странные звуки; то они говорили вместе, то звучал голос одного дроммианина, когда нужно было взять особенно высокую ноту, а то — только Изи, когда требовались ноты более низкие. В ответ из репродуктора донеслись подобные же звуки. Изи отвечала Быстрому, одновременно пуская в ход руки, — подсказывала сво-

ему «маленькому» спутнику, что говорить дальше. Они явно выработали своего рода код глухонемых для объяснения друг с другом. Конечно, они говорили гораздо медленнее Быстрого, но туземец, видимо, их отлично понимал.

— Он здесь, советник, — сказала Изи после небольшой паузы. — Что вы хотите передать ему? Группа переводчиков готова приступить к работе. Надеюсь, вы простите Мине сотрудничество с девочкой с Земли. У нас, право же, не было другого выхода.

Никому не пришло в голову рассмеяться.

ПОВЕСТЬ

Огненный ЦИКЛ

1. ЛОГИСТИКА

На первый взгляд, если принять во внимание общий рельеф лавового поля, планер выглядел значительно лучше, чем можно было ожидать. Хвостовое оперение было в порядке; обшивка фюзеляжа пострадала только в нижней части; даже узкие крылья казались невредимыми. Окажись здесь где-нибудь в пределах трех тысяч миль катапульта, можно было бы поддаться соблазну и попробовать снова поднять аппарат в воздух. Даже Дар Лан Ан мог бы обмануться, будь его глаза единственными приемниками информации.

Но полагаться приходилось не только на зрение. Ведь именно он был тем бедолагой, который вел эту машину. Он видел, как изрытая черная поверхность лавового потока ринулась ему навстречу, когда внезапный порыв ветра потащил планер по направлению к безымянному вулкану; он ощутил удар, а затем упругий толчок, когда пружинистая деревянная рама воздушного корабля приняла на себя часть энергии столкновения; и, что самое главное, он услышал, как треснули лонжероны обоих крыльев. Первое, что пришло ему в голову, была мысль не о том, каким образом снова подняться в воздух, а о том, стоит ли перед тем, как покинуть планер, придать ему более явственные признаки крушения. Впрочем, дело, конечно, было не в этом. Истинной причиной беспокойства Дара были книги.

Разумеется, книг было не так уж много; Ри Пел Ун был слишком предусмотрителен, чтобы доверить одному пилоту сколько-нибудь значительные сведения о

городе. Но и эти книги не должны были пропасть втуне. Его долг — доставить их в Ледяную Крепость, а восемь сотен лет — срок вполне достаточный для того, чтобы воспитать в себе глубокую преданность долгу. Именно столько прожил на свете Дар Лан Ан.

К счастью, книги оказались не слишком тяжелыми. Он решительно принялся за дело, стараясь уложить все необходимое в компактный узел, который не мешал бы ни при ходьбе, ни в случае, если бы пришлось взяться за оружие. Когда он наконец выпрямился и двинулся в путь, прочь от места катастрофы, он нес на себе книги, весившие примерно половину его собственного веса, в десять раз меньше еды, а также арбалет и стрелы, с которыми не расставался с самых ранних дней. В планере осталась бóльшая часть продовольствия, зато не осталось ни одной книги.

Маршрут он продумал, пока упаковывал ношу. Путь к намеченной цели по большому кругу составлял чуть более двух тысяч миль, из которых половина приходилась на океан. Расстояние, которое он намеревался пролететь, было значительно длиннее — из-за островов, дававших возможность пересечь океан перегонами не более пятидесяти миль каждый. Он решил держаться этого маршрута, потому что уже несколько раз летал таким путем и хорошо знал местность. Разумеется, с грунта ориентиры будут выглядеть иначе, но для его фотографической памяти это не должно представить больших затруднений.

Сначала, конечно, ему пришлось отклониться от избранного направления. Такой путь повел бы его чуть ли не прямо через гору, на подступах к которой он разбился. Благодаря особенностям своего телосложения Дар был гораздо более искусным скалолазом, нежели любое человеческое существо, однако вершина горы курилась желтоватым дымом, а лава под ногами, как ему показалось, была несколько теплее, чем если бы она просто нагрелась от солнца. И потому, хотя ближайшая точка океанского побережья, к которой он устремлялся, находилась на северо-востоке, а ближайший край лавового поля лежал прямо на севере, он двинулся на северо-запад, так что алое солнце, именовавшееся Тиром, повисло слева и позади него, а маленький голубоватый Аррен — за спиной.

Лавовое поле нелегко пройти пешком, даже без тяжелой ноши. А с грузом, как у Дар Лан Ана, это оказалось настоящей мукой. Подошвы его ног были достаточно крепки, чтобы не бояться острых каменных обломков, которые ему не удавалось обойти, но здесь не было ничего похожего на ровную тропинку. Снова и снова он мысленно увеличивал сроки, необходимые для этого перехода, но так ни разу и не признался себе, что, быть может, не сумеет дойти до цели.

Дважды он ел и пил, если так можно выразиться о символических глотках и крохах, которые он себе позволил. Оба раза он даже не замедлил шаг. От места, где разбился планер, до края лавового щита было менее пятидесяти миль, но, если бы он упал и заснул на середине пути, он бы наверняка погиб от жажды. Нигде на лавовом поле, насколько он знал, не было воды; между тем лето приближалось, а он испытывал в воде не менее острую нужду, чем человеческое существо в таком же положении.

Когда он ел в первый раз, гора была уже достаточно далеко, и он повернул на север, так что Тиир теперь светил ему прямо в спину. Аррен догонял красное солнце, но тени все еще были коротки. И хотя Дар Лан Ан был привычен к сиянию двух солнц, ему было довольно трудно оценивать рельеф на расстояниях более чем в несколько десятков ярдов, и потому он часто избирал далеко не самый прямой и короткий путь.

И все же он двигался вперед. Когда он «принимал пищу» во второй раз, вулкан уже скрылся из виду, а еще через несколько часов ему показалось, что он различает впереди полосу зелени. Разумеется, это мог быть мираж, но Дар Лан Ан понятия не имел о миражах. Это могло быть и более плотное скопление мясистых колючих растений с толстыми, как бочки, стволами, которые росли там и сям прямо из лавы. Но путник был уверен, что это настоящий лес, растительность, а значит, и много воды, в которой он с каждым шагом нуждался все острее. Он облегченно вздохнул, поправил на плечах узел с книгами, допил остатки воды и вновь зашагал к далекому горизонту. Свою ошибку он обнаружил несколько раньше, чем вновь ощутил жажду.

Двигаясь напрямик, он смог бы легко пройти расстояние до леса. Даже со всякого рода зигзагами и

обходами, к которым вынуждало его лавовое поле, он сумел бы покрыть это расстояние, прежде чем муки жажды доконали его. Мысль о серьезных препятствиях просто не приходила ему в голову, потому что во время прежних своих полетов он не замечал на лавовом поле ничего, кроме однообразного чередования небольших трещин и незначительных холмов. Как оказалось, его подвела не память, его обманула сама местность.

Тиир уже почти закончил свое движение к западу и заметно поднялся над горизонтом, готовясь к ежегодному скачку назад, к Аррену, когда Дар Лан Ан наткнулся на препятствие. Это была не стена, он преодолел бы любую стену; это была трещина — трещина, которая образовалась, должно быть, когда лавовая масса почти полностью затвердела, ибо она была слишком глубока и длинна, чтобы ее можно было объяснить простым разрывом застывшей корки под давлением жидких расплавов снизу.

Он не заметил ее с воздуха просто потому, что она не была прямой; она извивалась змеей среди обычных неровностей местного рельефа, и он следовал вдоль нее более часа, прежде чем ему открылось истинное положение вещей. Это случилось, когда трещина повернула назад, по направлению к уже далекому теперь вулкану.

Поняв, что происходит, Дар Лан Ан сразу же остановился и прежде всего поспешил укрыться в тень под нависшей скалистой плитой. Он не стал упрекать себя, хотя сознавал, что поступил неразумно, а немедленно сосредоточился на возникшей перед ним проблеме.

Стены провала были неприступны. Обычно поверхность застывшей лавы шероховатая и грубая, так что любой представитель племени Дар Лан Ана способен, цепляясь когтями, найти опору даже на почти вертикальной поверхности, но тут был разлом в цельной спаянной массе. Правда, в породе было полно пузырьков газа; разлом вскрыл эти пузырьки, и оставшиеся от них лунки были достаточно велики, чтобы можно было цепляться за них, но только вблизи от поверхности. На противоположной стене расселины было видно, как уже на глубине в несколько ярдов лунки уменьшались до размеров булавочной головки, а еще глубже пропадали вовсе. Кроме того, стена была не просто вертикальной. Ее поверхность была волнистой, так что,

откуда бы он ни начал спуск, рано или поздно он бы повис без опоры под ногами. Нет, о спуске нечего было и думать.

Перепрыгнуть расселину было невозможно — почти повсюду она была слишком широка даже для прыжка без груза, а Дар Лан Ану в голову бы не пришло бросить свою ношу.

Веревки у него не было, ремней, которыми он стянул узел, не хватило бы даже на длину его прыжка. И ничто не росло на лавовом поле, из чего можно было бы свить трос или устроить перекидной мостик. Растения здесь были с мясистой мякотью внутри, без всяких признаков древесной структуры, а кожица их оказалась настолько непрочной, что не выдерживала даже нажима его когтей.

Он долго не мог найти правильное решение только потому, что не мыслил себя отдельно от своих книг. Поразительно, сколько времени понадобилось ему, чтобы сообразить: нет никакой необходимости расставаться с книгами навсегда; достаточно сначала перебросить книги через пропасть, а затем перепрыгнуть самому.

Это разрешало почти все проблемы, поскольку он сразу же припомнил несколько мест, где наверняка смог бы перескочить на ту сторону, если бы не ноша. Ему только требовалось найти такое место, где на другой стороне расселины, на расстоянии броска, была бы относительно ровная площадка.

В конце концов он нашел то, что нужно. В тот момент он не думал, сколько времени было потеряно. Он просто свалил узел с плеч на черный грунт, проверил прочность упаковки — не хватало, чтобы узел рассыпался в воздухе! — прикинул вес на одной из своих могучих рук, а затем, раскрутившись на месте, как это делает метатель молота, швырнул узел через провал. Он не сомневался, что все обойдется благополучно; на самом деле узел пролетел даже дальше, чем рассчитывал Дар Лан Ан, и на секунду он испугался, что узел попадет на изрытое поле за ровной площадкой. Но вот узел перестал катиться, он лежал на виду и был, по-видимому, цел и невредим; и тогда, успокоившись, Дар Лан Ан примерился и перепрыгнул через пропасть сам.

Если бы ему пришлось составлять отчет об этом происшествии, он не стал бы углубляться в детали.

Большинству людей было бы трудно удержаться от упоминания о том, что они чувствовали, когда бежали к краю бездны, как, собрав все силы, взвились в воздух, как бросили взгляд в тошнотворную глубь под собой и затем тяжело ударились о твердую и грубую поверхность лавы на той стороне. Впоследствии один человек много рассказывал обо всем этом. Конечно, и Дар Лан Ан испытал все положенные ощущения, но после прыжка он думал уже только о книгах. Он двинулся дальше.

Тиир был заметно выше, когда он наткнулся на новую трещину. Теперь ему понадобилось меньше времени, чтобы переправиться, но все-таки это была новая задержка; и в конце концов, когда красное солнце вошло почти в зенит и сделалось вдвое больше, чем оно казалось с места крушения планера, он был вынужден признать, что лето все-таки захватило его на лавовом поле, а лето — это не такое время года, которое можно провести вдали от больших запасов воды.

Значит, его смерть наступит несколько раньше, чем он ожидал, и надо будет что-то сделать с книгами. Вероятно, когда он не вернется домой в срок, его примутся искать; он еще не слишком удалился от обычного воздушного маршрута между Кварром и Ледяной Крепостью, и поисковым группам не понадобится напрягать воображение, чтобы понять, где он находится. Нужно только сделать что-то, чтобы его можно было легко заметить с воздуха. Он поразмышлял, не стоит ли вернуться к планеру, но скоро понял, что больше не способен на такое путешествие — хотя бы потому, что слишком ослабеет к тому моменту, когда доберется до трещин, и не сможет перебраться через них. Конечно, если бы он сразу отдал себе отчет, как мало у него надежды пересечь лавовое поле, он оставил бы книги в планере; но тогда ему просто в голову не приходило усомниться в своих силах. И теперь ему предстояло исправить эту ошибку или, по крайней мере, дать возможность исправить ее кому-то другому.

Естественно, никаких следов на голых камнях он не оставил, и поисковым группам, которые найдут планер, не будет от этой находки никакого толку. Они будут знать только, в какую сторону он пошел; но им не известно точно, когда произошло крушение, и ничто не подскажет им, какое расстояние он успел пройти.

Они не смогут предположить, как и он сам, что ему не удалось добраться до края лавового поля; никто точно не знает, каковы условия в такой близости от вулкана.

Наблюдатель с воздуха не сможет обнаружить его тело на фоне лавы, ибо ни размеры его, ни цвет ничем не выделяются на этой местности. Все каменные обломки вокруг примерно одинаковой расцветки, и потому бесполезно пытаться выложить из них какой-нибудь заметный узор, который мог бы привлечь внимание поисковых групп. В его узле не было ни материала для достаточно большого флага, ни краски, которой можно было бы что-нибудь написать на скалах. Единственными предметами, пригодными, по мнению Дар Лан Ана, для решения этой проблемы, были пряжки на его ремнях.

Железные, плоские, хорошо отполированные, они могли служить зеркалами, хотя и были весьма малы. Поскольку другого выхода не оставалось, надо было приспособить эти пряжки. Он все еще продолжал брести к северу, когда пришел к этому выводу.

Теперь оставалось решить, остановиться ли тут же на месте и посвятить оставшееся время выкладыванию из пряжек узора, который с максимальной надежностью привлечет внимание наблюдателя с пролетающего планера, или же продолжать идти до тех пор, пока он не почувствует приближение конца. Последнее решение имело то преимущество, что давало ему надежду добраться до какого-нибудь особенно удобного места, скажем, до пика или до нагромождения лавовых пластов, которое само по себе бросится в глаза поисковой группе. То, что при этом он мог найти воду и спасти собственную жизнь, не играло для него никакой роли; выбирая решение, он уже считал себя мертвым. Единственное преимущество первой альтернативы состояло в том, что остаток жизни он мог бы провести в тени, а это было бы куда приятнее, чем тащиться дальше и дальше под огнем двух солнц. Неудивительно, что он решил продолжать путь.

Он брел, карабкался, взбирался в зависимости от характера местности, а красное солнце все поднималось, все росло. Вот оно уже начало попятное движение к востоку, и только равномерное движение Аррена на запад могло еще служить ориентиром для Дар Лан

Ана. Вероятно, поправки, которые Дар вводил в свой курс, были несколько неопределенные; вероятно, его путь, путь к концу, вообще нельзя было назвать курсом в истинном смысле этого слова, ибо, по мере того как шло время и поднималась температура, его мозг все сильнее одолевали мучительные сигналы жажды, которые слало его тело. Человеческое существо на его месте давно бы уже погибло — умерло и высохло бы до последней капли влаги. Но у Дар Лан Ана не было потовых желез, его нервные ткани выдерживали температуры, близкие к точке кипения воды, и потому он терял драгоценную жидкость не столь быстро, как человек. Правда, с каждым выдохом вода все же понемногу уходила, и дышать становилось все больнее. Он уже не знал, почему так колышется ландшафт впереди: быть может, дрожит горячий воздух, а быть может, у него что-то со зрением; ему то и дело приходилось наводить на один предмет оба глаза, чтобы удостовериться, что видит он правильно. Выступы скал на короткие мгновения принимали облик живых существ; однажды он поймал себя на том, что сворачивает с пути — обследовать лавовый валун. И долгие секунды прошли, прежде чем он смог убедить себя, что за валуном никто не прячется. Здесь никто не жил; никто не мог двигаться. Звуки, достигавшие его ушей, были просто треском разогретой и лопающейся под солнечным светом лавы. Это он слышал и раньше.

И все-таки определенно какое-то движение было. Может, нужно вернуться и посмотреть?..

Вернуться. Это единственное, чего нельзя делать. Из всех возможных действий это — самое бесполезное. По-настоящему бесполезное. И если уж галлюцинации завладели его мозгом настолько, что могут толкать его на такие поступки, значит, он ближе к концу, чем думал. Пора остановиться и заняться отражателем, пока не утрачен контроль над мышцами.

Он не стал тратить время на бесполезные сожаления, он просто остановился и принялся внимательно оглядываться. В нескольких ярдах от него возвышалась глыба застывшей лавы, выдавленной некогда из коры и поднятой почти вертикально давлением жидких скальных пород снизу. Ее верхний край отстоял от подножия на добрых три ярда, что вдвое превышало рост Дар Лан Ана, но поверхность скалы была доста-

точно грубая и шершавая, чтобы за нее можно было цепляться когтями, и он подумал, почему бы ему не разложить свои пряжки на вершине.

Он стащил с плеч узел с книгами и прислонил его к горячей скале. Проверил, туго ли затянут узел, и закрепил его у скалы одной из лямок; после лета, вероятно, и здесь пойдут дожди, и Дар не мог позволить, чтобы книги промочило или унесло потоком.

Затем он снял с себя ремни и стал осматривать их одним глазом, в то время как другой глаз был устремлен на верхушку скалы, где он намеревался разложить пряжки. Два или три ремешка оказались лишними, и он положил их возле узла; остальные, с пряжками, он опять затянул на себе, чтобы освободить обе руки.

Как он заметил еще снизу, верхняя поверхность скалы была сильно иззубрена, и ему не составило большого труда закрепить ремни вокруг выступов. Одну пряжку он установил так, чтобы она отражала луч прямо на юг и под небольшим углом к горизонту; другую он предназначил для глаз наблюдателя, пролетающего точно над скалой. Вряд ли, конечно, они смогут привлечь внимание — ведь по-настоящему рассчитывать можно было только на лучи Аррена; красное солнце до и после лета появляется в небе лишь на очень короткое время, а в самое жаркое время воздушные трассы всегда пусты. Но все же это было лучшее, что мог сделать Дар Лан Ан. Когда кусочки металла были уложены так, как ему хотелось, он, прежде чем спуститься, еще раз оглядел окрестности.

Ландшафт перед его затуманенным взором дрожал и колыхался. Ему снова показалось, будто что-то живое скользнуло за валун — тот самый валун, мимо которого он проходил. Он решил, что это галлюцинации, и начал спускаться, сосредоточив все внимание на поиске опоры для рук и ног; ему вовсе не улыбалось провести последние часы жизни в мучениях от боли в сломанных костях — пусть даже все равно уже нет времени устроиться поудобнее.

Он благополучно достиг грунта и после недолгого размышления перетащил узел с книгами в тень. Затем спокойно улегся, положив голову на узел, скрестил руки на груди, закрыл глаза и расслабился. Делать больше было нечего; быть может, веками взлелеянное

чувство долга и не было удовлетворено полностью, но даже это чувство не могло бо́льше поставить перед ним никакой задачи.

Было бы невозможно выразить его мысли словами. Без сомнения, ему было жаль умирать раньше своих соплеменников. Очень может быть, что он обозревал черный ландшафт, простиравшийся перед его глазами, и лениво высчитывал, сколько ему еще надо было бы пройти, чтобы остаться в живых. Но все же Дар Лан Ан не был человеком, и впечатления, формировавшие бо́льшую часть его мыслей, строились на свойствах зрения и на опыте, разительно отличавшихся от зрения и опыта человеческого существа, а потому никак не могли быть адекватно переведены в терминах человека Земли. И даже Нильс Крюгер, юноша в высшей степени восприимчивый и к тому же изучивший психологию Дара как никто другой, даже он отказывался представить себе, что́ происходило в сознании Дара с той минуты, когда тот лег умирать, и до того момента, когда он, Крюгер, настиг его.

Дар не услышал, как приблизился юноша, хотя в обычных обстоятельствах обладал достаточно острым слухом. Впрочем, он не был в совершенном забытьи, потому что запах воды заставил его не только открыть глаза, но и вскочить на ноги. Всего секунду взгляд его беспорядочно метался по всем направлениям, а затем оба глаза уставились на существо, которое перебиралось через скалистые обломки в десятке ярдов от него.

Никогда до этой минуты не было у Дар Лан Ана причин усомниться в своей памяти или в здравости своего рассудка, но тут он почувствовал, что либо с памятью, либо с рассудком что-то неладно. Общий вид этого существа был более или менее привычный, но размеры... Оно было на добрый фут выше нормального роста, и это было просто невозможно. Остальные признаки уродства были менее заметны — глаза в передней части лица, клювообразный нарост надо ртом, розоватый цвет кожи вместо фиолетово-черного; но именно рост не вязался решительно ни с чем из того, что хранилось в памяти Дара. Его соплеменники, если не считать жертв случайности, которых приходилось переделывать заново, имели рост не более полутора ярдов, Учителя — чуть менее двух с половиной. А кроме них не было никого, кто ходил бы на двух ногах.

Новое обстоятельство заставило его забыть даже о размерах незнакомца. Запах воды, поднявший его на ноги, исходил от этого существа; оно было буквально пропитано водой. Едва осознав это, Дар Лан Ан двинулся к пришельцу, но вынужден был остановиться после первого же шага — слишком ослаб. Он пошарил за спиной руками, ища опору — скалистую плиту, в тени которой лежал. Так он стоял, опираясь на нее, а немыслимое существо все приближалось; запах воды обжигал ноздри, и вдруг все вокруг словно поплыло куда-то. На глаза опустилась завеса, грубый камень больше не причинял боли спине. Он почувствовал, как подкосились ноги, но уже не помнил, как упал, ударившись о лавовую поверхность.

2. ДИПЛОМАТИЯ

Его привел в сознание вкус воды, как некоторое время назад заставил очнуться ее запах. Несколько долгих секунд он упивался водой, которая струйкой лилась в его рот, не открывая глаз и не замечая ничего особенного в ее вкусе. Он ощущал, как вместе с драгоценной влагой силы вновь вливаются в его организм, и он бездумно наслаждался этим новым ощущением.

Так, конечно, вряд ли будет продолжаться, когда он откроет глаза. И вот Дар открыл глаза. То, что он увидел, почти мгновенно отрезвило его.

Дело было не в том, что человеческое лицо, склонившееся над ним, казалось чудовищным; человеческий облик уже отпечатался в его памяти до того, как он потерял сознание, и более не поражал его. Всего две-три секунды ясного сознания понадобились ему, чтобы понять, что хотя существо не есть личность в его понимании, оно, очевидно, не является враждебным и не полностью лишено здравого смысла. В конце концов ведь это оно дало ему воду и вернуло к жизни. И тревога, охватившая сейчас Дар Лан Ана, была вызвана не самим фактом присутствия и не наружностью Крюгера, а источником воды. Оказалось, что это странное существо выжимает ему в рот воду из одного из мясистых растений. И этот поступок положил начало

первому недоразумению, которые со временем изрядно осложнили их будущую дружбу.

Дар Лан Ан немедленно заключил, что Крюгер, должно быть, житель этого вулканического района, раз уж он так прекрасно осведомлен о свойствах местной растительности. Это, естественно, заставило его относиться к юноше с изрядной настороженностью. Со своей стороны, Крюгер, следовавший за аборигеном от самого места крушения планера, видел, что тот не обращает никакого внимания на эти растения, столь напоминающие земные кактусы, и лишь с большим трудом смог догадаться и убедить себя, что, очевидно, бедственное положение этого малыша вызвано жаждой.

Крюгер знал, что в положении Дара он был бы глубоко благодарен любому существу, которое напоило бы его водой, будь это человек, или же ходячий колодец, но он также отлично сознавал, что благодарность не является универсальной чертой характера даже среди его соотечественников. Поэтому, когда Дар Лан Ан открыл глаза, он положил наполовину выжатый кусок «кактуса» рядом с аборигеном и отступил. Он сделал это не только из соображений собственной безопасности; ему хотелось также показать этому малышу, что опасаться не надо.

Прежде всего Дар Лан Ан разрешил самую насущную проблему. Не спуская одного глаза со своего диковинного спасителя (он долгое время не подозревал, как неприятно действует такой взгляд на человека), он поискал другим глазом кусок растения, вернувшего ему жизнь, схватил его и поднес ко рту. Он пил и пил в твердой уверенности, что выжмет из него всю воду до последней капли, но тут его осенила новая мысль, заставившая его остановиться.

Крюгер увидел, как его новый знакомый вдруг вынул измочаленное растение изо рта, и с некоторым напряжением стал ждать, что будет дальше. Он не испытывал страха, так как абориген был гораздо меньше его ростом, но был достаточно опытен, вернее, сообразителен, чтобы понимать, что рост и способность причинять вред не всегда связаны между собой. Естественно, он надеялся, что сейчас последует какой-то жест, который можно будет истолковать как явно дружественный, но ему трудно было представить себе, каким должен быть этот жест, чтобы не оставалось

никаких сомнений. И все же Дар Лан Ану удалось найти этот жест.

С огромным усилием, которое едва вновь не ввергло его в беспамятство, он поднялся на ноги, осторожно, все еще не спуская одного глаза с Крюгера, выбрался на солнечный свет и проковылял ярдов двадцать от своей скалы. Здесь он остановился и собрался с силами, затем нагнулся, выдрал из грунта еще один кактус, пососал сочащийся корень, чтобы убедиться, что это растение того же вида, вернулся к скале и протянул кактус Крюгеру. Мысленно склонив голову перед существом, соображающим быстрее, чем он сам, юноша принял дар и сделал несколько глотков. Пятью минутами позже они сидели бок о бок, и каждый пытался извлечь смысл из звуков, издаваемых собеседником.

Разумеется, оба они еще не вполне доверяли развивающейся дружбе. Дар Лан Ан не отделался от подозрений, вызванных осведомленностью собеседника о растительности на лавовом поле, Крюгер же пытался увязать очевидное невежество своего нового знакомого относительно той же растительности с его менее очевидным интеллектом. Ему пришло в голову, что Дар такой же чужак в этом мире, как и он сам, но он же видел крушение планера и даже потратил какое-то время на обследование этого аппарата, когда пилот покинул его. Вряд ли такими устройствами пользовались пришельцы из других миров; пришелец находился бы либо в своем корабле, либо в каком-то не менее сложном вспомогательном аппарате, либо же на ногах, как сам Крюгер. Впрочем, оставалась еще одна возможность. Не исключено, что это маленькое человекообразное существо так же, как и Крюгер, потерпело крушение, но только оказалось более изобретательным и сумело построить планер. Это хорошо согласовывалось с быстротой мышления, которую оно — или она, или он — уже продемонстрировало, пусть даже эта быстрота и вызвала у Нильса некоторое чувство неловкости.

Человеческому существу свойственно цепляться за любую гипотезу, которую оно выдвигает для объяснения непонятной ситуации. И потому, хотя предположение о том, что Дар Лан Ан является представителем расы, чужой в этом мире и более развитой, нежели его собственная, ранило его гордость, эта мысль прочно

засела в мозгу у Крюгера и в течение последующих дней превратилась почти в уверенность.

В этом отношении у Дара было перед ним преимущество. Самые сильные его предрассудки проистекали не из его собственных идей и гипотез, а из идей, внушенных ему Учителями и книгами. Ни Учителя, ни книги никогда не упоминали о чем-нибудь похожем на Нильса Крюгера, и потому Дару открывался широчайший простор для того, чтобы выработать собственную точку зрения относительно природы этого странного существа. Ни одна из них ему не нравилась. Вот почему, пока его мышцы вновь обретали силу, он продолжал думать.

Одно было очевидным: существо это разумно и, видимо, располагает какими-то природными способами общения. Пока неясно, есть ли у него голос, но это нетрудно установить. В порядке эксперимента Дар Лан Ан произнес несколько слов, обращаясь к гиганту.

Крюгер отозвался немедленно, он издал серию звуков, совершенно бессмысленных, с точки зрения Дара, но во всяком случае свидетельствовавших о том, что странное существо обладает речью. Это был один из экспериментов, которые они произвели друг над другом и которые вызвали у обоих одинаковую реакцию; в данном случае оба одновременно пришли к выводу о том, что необходимы уроки языка, и тут же принялись за дело. Все равно было слишком жарко для того, чтобы продолжать путь, да и Дару требовалось время, чтобы окончательно окрепнуть.

По мере того как солнца удалялись друг от друга (частичное затмение произошло в тот момент, когда Дар ожидал смерти), тень от скалы становилась все уже, но все же ее хватало, чтобы укрыть Дара и Крюгера. Крюгер уселся, опершись спиной о скалу; Дар снова лег, подложив узел под голову.

Существует несколько способов учить незнакомый язык. К сожалению, в их положении они могли воспользоваться только одним, да и для этого материала было маловато. Лавовое поле, несколько кактусов, короткие тени и над всем этим — два солнца; более чем скудный демонстрационный материал для существительных, не говоря уже о глаголах. Прилагательных можно было подобрать множество, но как объяснить,

какое прилагательное применяется в каждом конкретном случае?

Крюгер подумал о рисунках, но у него не было ни карандаша, ни бумаги, а наброски, которые он попытался сделать на поверхности лавы с помощью обломка скалы, когда он взглянул на них, мало что говорили даже ему самому. И уж, конечно, они ничего не говорили Дару.

Но мало-помалу некоторые звукосочетания обрели для обоих более или менее одинаковый смысл. Было бы заведомой ложью назвать разговором их обмен мыслями, но доводить собственные мысли до собеседника им все же удавалось. К тому времени, когда красное солнце исчезло за горизонтом на юго-востоке, оба согласно решили, что теперь они вместе двинутся к границе лавового поля и постараются найти там более приятное питье, чем сок кактусовых растений, и более подходящую еду, чем тошнотворная мякоть кактусов.

Вообще-то Крюгера эта затея не очень привлекала. За те месяцы, что он провел на планете, он прошел на север около трех тысяч миль, стремясь уйти от порой невыносимого, палящего жара красного солнца, и только на последних сотнях миль постепенно осознал, что все чаще видит голубое солнце. Причина не вызывала сомнений: голубое солнце было «циркумполярным» в северной части северного полушария, или, как сказал бы навигатор «Альфарда», его склонение для этой планеты было плюсовым. Беда в том, что Крюгер понятия не имел, как движется планета относительно голубой звезды; он и предположить не мог, вызывает ли это движение какие-либо заметные сезонные изменения на планете, и если вызывает, то как долго длятся эти сезоны.

Последние несколько недель, перед тем как он увидел в воздухе планер Дара, Крюгер раздумывал, не повернуть ли ему снова на юг. Появление планера послужило первым прямым указанием (если не считать сомнительных случаев наблюдения каких-то огней с борта «Альфарда») на то, что планета населена; Нильс двинулся вслед за планером. Ему просто повезло, что он оказался поблизости и видел, как разбился Дар, вернее, крушение произошло неподалеку от того места, где находился Крюгер. Он шел следом за маленьким

пилотом несколько дней; он перепрыгивал через те же провалы, что и Дар, при этом смертельно рискуя, так как весил гораздо больше, а его мускульная сила была пропорционально меньше; но он не мог позволить себе потерять это существо из виду и был потрясен, когда его «проводник» беспомощно свалился посреди лавовой пустыни. Даже тогда он еще надеялся вопреки всякой логике, что ему удастся узнать от этого существа о каком-нибудь убежище на юге, подальше от палящего жара голубого солнца, где он найдет цивилизованное общество. Ведь в конце концов планер направлялся на север, значит, откуда-то он вылетел.

Впрочем, раз пилот намерен продолжать путь к северу, остается только присоединиться к нему. Возможно, он стремится добраться до такого места, где ему будет хорошо; Крюгер сознавал, что сам он не в состоянии определить, что может означать это «хорошо» в смысле температуры, воды и пищи, но, во всяком случае, очевидно одно: лавовая равнина доставляет Дару не больше удовольствия, чем человеческому существу. В этом они, безусловно, сходились, и потому стоило рискнуть и следовать за ним.

Стало гораздо прохладнее, когда красное солнце наконец зашло, и Крюгер по опыту знал, что на этой широте пройдет не менее семи-восьми земных суток, прежде чем оно снова взойдет. Оба спутника были голодны, но голодная смерть им не угрожала, и Дар Лан Ан почти полностью оправился за эти шестьдесят или семьдесят часов с момента появления Крюгера. Голубое солнце перекатилось на юго-запад, но пройдет еще немало земных суток, прежде чем оно начнет светить им прямо в лицо.

Они двигались медленнее, чем в свое время Дар. Это в основном объяснялось физическим строением Крюгера: ни одно человеческое существо не могло состязаться в проворстве с маленькими и гибкими аборигенами Абьёрмена. Разница в скорости передвижения чувствовалась, например, во время переходов через скалы, когда когтистые конечности Дара служили ему особенно добрую службу, и не вполне окрепшему еще аборигену приходилось частенько останавливаться, поджидая своего неуклюжего спутника.

Тем не менее продвигались они довольно успешно. Опасные трещины больше не попадались, и спустя

несколько десятков часов на застывшей лаве там и сям стали появляться островки плодородной почвы. Растительность становилась гуще, время от времени во впадинах на поверхности лавы можно было заметить лужицы воды. Очевидно, они приближались к краю лавового потока, ибо сама по себе лава была слишком пористой и не могла бы удержать на себе жидкость. Лужицы были затянуты коркой и пленкой каких-то пахучих растений, напоминавших Крюгеру морскую водоросль. Путники согласились еще некоторое время отдавать предпочтение кактусовому соку и не пробовать воду из этих луж; но само появление лужиц изрядно их подбодрило. Дар подтянул узел повыше и, как показалось Нильсу, удвоил скорость. Идти становилось все легче, неровности на поверхности лавы были теперь заполнены почвой, покрытой растительностью. Растения эти поначалу были невелики и напоминали Крюгеру кусты на газонах, но по мере того, как лужи встречались чаще, а участки лавы, видневшиеся из-под слоя дерна, — реже, растения становились крупнее, и вскоре стали попадаться настоящие деревья.

Большинство из этих растений Крюгер знал не хуже Дара — он в изобилии видел их во время своего путешествия по югу; и он на ходу выискивал среди них те, чьи листья и стебли, как он уже твердо усвоил, были съедобны. У него не было ни малейшего желания пробовать какие-нибудь другие. Когда Дар увидел растение, которое он знал, и предложил своему спутнику, тот покачал головой и сказал:

— Не пойдет. Все, что я ел на этой планете, мне пришлось пробовать впервые, не ведая, буду ли я сыт или же умру. После пяти проб у меня дважды болел живот, и я рад, что так дешево отделался. Я лучше подожду, пока не найду что-нибудь знакомое.

Дар не понял из этой тирады ничего, кроме отказа; отказ же он запомнил как еще одну загадку, требующую объяснения. В качестве рабочей гипотезы он принял, что Нильс знает растение, но оно ему не нравится. Такое предположение по крайней мере укладывалось в теорию о том, что Крюгер является обитателем лавового поля.

К тому времени, когда голубое солнце обошло небо и повисло на западе, деревья сделались уже достаточно густыми, чтобы укрывать путников в своей тени, а

подлесок пошел такой частый, что серьезно мешал продвижению. Ни у кого из путников не было режущих инструментов, если не считать небольшого ножа в чехле, сохранившегося от комплекта оборудования из скафандра Крюгера, однако ножиком этим нельзя было прорубить путь через заросли.

В результате продвигались они теперь крайне медленно. Нетерпение, которое испытывал Дар, внешне ничем не проявлялось, по крайней мере так казалось Крюгеру, почти не разбиравшемуся в выражении лица аборигена.

Уроки языка продолжались, причем весьма успешно благодаря изобилию и разнообразию объектов, попадавшихся им по дороге. Крюгер чувствовал, что теперь они могли бы обмениваться мыслями совершенно свободно, и не понимал, почему этого не происходит. Оба знали уже множество существительных и порядочное количество глаголов. Постоянно увеличивался и запас прилагательных, поскольку предметов для сравнения было под рукой сколько угодно. Когда то и дело попадаются деревья разных размеров, нетрудно усвоить понятия «большой» и «маленький»; другое дело, когда надо сравнивать большую скалу и маленький кактус — неизвестно, идет ли речь о размере, о цвете или о форме или же вообще о чем-то совершенно не имеющем отношения ни к тому, ни к другому, ни к третьему.

И тем не менее что-то было неладно. Крюгер постепенно начал подозревать, что в языке его спутника имеются только неправильные глаголы, а склонений в нем столько же, сколько самих существительных. Со своей стороны Дар почти не сомневался, что язык Крюгера в большей, чем это пристало разумному языку, степени изобилует омонимами; звукосочетание «дерево», например, определяет и растение с длинными перистыми пурпурными листьями, и другое растение — с более коротким стволом и почти круглыми листьями, и совсем другое, различные образцы которого отличаются друг от друга размерами.

Конечно, они не могли сосредоточиться только на лингвистических проблемах. Джунгли кишели жизнью, и не все животные были безобидны. Обоняние Дара предупреждало их о близости некоторых плотоядных, но далеко не о всех; несколько раз ему приходилось хвататься за арбалет, а Крюгер стоял рядом, сжимая

рукоятку ножа и надеясь на лучшее. Иногда животных, видимо, отпугивал незнакомый запах человека. Крюгеру приходило в голову, что та же причина может помешать зверю пожрать его, но он не горел желанием проверить это предположение на практике.

В первые сто часов путешествия по джунглям Дар подстрелил какое-то небольшое животное и, расчленив его ножом Крюгера, принялся есть с большим удовольствием. Крюгер взял кусок сырого мяса не без колебаний, но все же решил попытать счастья. Это было, разумеется, против всяких правил, но ведь если бы он следовал этим правилам — брать анализ любой пищи, прежде чем принимать ее, — он бы умер от голода еще несколько месяцев назад. На сей раз мясо оказалось вполне съедобным, хотя и не особенно вкусным, и по прошествии восьми-десяти часов Нильс решил, что может добавить еще одно блюдо к своему весьма куцему списку разрешенной еды.

Едва они вступили в джунгли, как Дар изменил курс и повернул на север-восток. Крюгер попытался выяснить причину и, поскольку запас слов у них увеличился, в конце концов понял, что его спутник стремится достичь не то озера, не то моря — короче говоря, речь шла о каком-то большом водоеме. Неплохое решение, хотя в воде они теперь не испытывали недостатка, так как то и дело переходили через многочисленные ручьи. Крюгер уже знал, что здесь, на севере, дожди идут регулярно в течение примерно ста часов перед восходом красного солнца и около пятидесяти часов после. Там, где он начал свое путешествие, далеко на юге, красное солнце не покидало неба, а голубое всходило и заходило как бы независимо от него; там погоду предсказать было гораздо труднее.

Однако дождя не было, и тут Крюгер заметил, что Дар словно к чему-то прислушивается. Он уже знал, что его спутник обладает острым слухом, хотя где у него уши — непонятно, и потому стал прислушиваться сам. Вначале он слышал лишь обычные лесные шумы — шелест ветвей и листьев на ветру, возню многочисленных живых существ, шорох капель, падающих с листьев, который, казалось, никогда не стихал, сколько бы времени ни прошло с последнего дождя. Но вот Дар несколько изменил направление, несомненно, он

что-то услышал. Они прошли еще с полмили, прежде чем Крюгер понял, в чем дело.

Он вскрикнул и остановился. Дар Лан Ан вывернул один глаз назад в его сторону и тоже остановился. Он плохо разбирался в человеческой мимике, но сразу заметил, как изменился цвет кожи на лице Крюгера.

— Что? — произнес Дар. Это звукосочетание было принято у них в качестве обобщенного вопросительного слова.

— Мне кажется, нам лучше держаться подальше от этой штуки.

— Что? — Дар повторил вопрос, и это означало, что слова Крюгера до него не дошли.

— Так ведь это как будто... — Крюгер запнулся; он не находил подходящего слова. Тогда он решил прибегнуть к жестам. К сожалению, начал он с того, что показал рукой назад, в ту сторону, откуда они шли, и Дар понял это так, что Крюгер уже сталкивался с этим явлением, чем бы оно ни было, еще до их встречи. И он не ошибся, но не уловил крайнего нежелания своего спутника вновь столкнуться с этим явлением. Несколько секунд он молча следил за жестикуляцией юноши, а затем, отказавшись от попыток уразуметь в чем дело, зашагал вперед.

— Дар, стой! — Это было еще одно слово, которое Дар уже знал, и он повиновался. Он недоумевал. Они были далеко от лавового поля; возможно ли, чтобы это существо знало о джунглях что-то такое, чего не знал сам Дар? Правда, звуки были незнакомы аборигену; именно поэтому он и хотел узнать в чем дело. Неужели гигант испугался? Тогда следует поразмыслить. Если источник этих звуков мог причинить вред Крюгеру, значит, более чем вероятно, что он может быть опасен и Дару. С другой стороны, возможно, что Крюгер не боится, а просто испытывает отвращение. Тогда Дар упустит случай собрать информацию, которая, возможно, окажется достойной занесения в книгу. Следовательно, он оказался перед выбором: либо он рискует потерять книги, которые были ему доверены, либо упустит случай их пополнить. По-настоящему серьезной была именно эта альтернатива; опасность для жизни не имела значения.

Быть может, более полное представление об опасности удастся получить, если понаблюдать за поведе-

нием Крюгера: насколько он будет упорствовать в своих стараниях удержать Дара подальше от источников звуков. С этой мыслью Дар вновь двинулся на глухое неритмичное «плоп, плоп, плоп», теперь уже отчетливо доносившееся из-за деревьев.

Крюгер растерялся. Ему и в голову не приходило силком навязывать Дару свое мнение; он не знал, к чему привела бы попытка такого рода. Ни за что на свете не хотел он совершать поступки, которые могли вызвать враждебность или хотя бы нарушить установившееся между ними доверие. Поэтому ему оставалось лишь одно — подчиниться. Дар, вывернув один глаз назад, увидел, что человек последовал за ним, и спокойно пошел дальше, уверенный, что настоящей опасности нет. Он зашагал быстрее, насколько позволял подлесок. Через несколько минут лес поредел, теперь уже не надо было с трудом продираться сквозь ветви и сплетения лиан. Для Дара это было облечением; Крюгер же окончательно уверился, что был прав.

— Дар! Стой! — Абориген повиновался, не понимая, в чем дело; затем он с изумлением уставился на Крюгера, который обошел его и зашагал впереди. Сделав движение, соответствующее у людей недоуменному пожиманию плечами, он двинулся следом. Человеческое существо шло медленнее, чем ему бы хотелось, но, возможно, на то были особые причины.

Причины действительно были. Через сотню ярдов подлесок кончился, и почти там же кончились деревья. Перед ними простиралась голая гладкая поляна шириной ярдов в пятьдесят.

Для Дара это было просто место, где легко ходить; он наверняка двинулся бы напрямик, стремясь пересечь поляну и продолжить путь к источнику непонятных звуков. Но его остановили. Впервые за время знакомства Крюгер не только прикоснулся к нему, но и твердо преградил ему путь рукой, в которой по такому случаю силы хватало с избытком. Дар удивленно взглянул на него, затем глаза его обшарили поляну. Он уже не пытался оттолкнуть своего спутника-гиганта. Он уставился на середину открытого пространства обоими глазами.

Источник звуков находился там. Бóльшая часть поверхности была покрыта, казалось, чем-то гладким и твердым, но центр пребывал в постоянном движении —

там, словно в огромном котле, кипела клейкая грязь, каждые несколько секунд вспучивался громадный пузырь, лопался со звуком «плоп», который они слышали, и выпускал облако пара, лениво уползавшее в сторону.

Крюгер позволил Дару поглядеть на странную картину минуту-другую, затем повторил слово «Стой!» и отошел на несколько шагов назад. В джунглях нелегко найти камни, но они были все еще достаточно близко от большого лавового потока, и потому глыбы лавы попадались здесь довольно часто. Нильс нашел такую глыбу, с большим трудом отбил здоровенный кусок, вернулся с ним к Дару и швырнул на твердую, казалось бы, поверхность. Корка засохшей грязи проломилась, а лавовый булыжник с плеском исчез.

— Такие места мне не нравятся, — твердо сказал Крюгер, не обращая внимания на то, что Дар его не понимает. — Я сам попался вот так несколько месяцев назад, и когда выбрался по древесному корню, который не дал мне потонуть, — кстати именно об этот корень я ударился и надолго потерял сознание, — то увидел, что на дереве вырезано мое имя, а также несколько строчек, повествующих о том, каким славным пареньком я был. Я не виню их за то, что они бросили меня; у них были все основания считать, что я утонул. В тот раз мне удалось вывернуться, но это вовсе не значит, что мне хочется попробовать еще разок; мой скафандр теперь далеко, очень далеко отсюда.

Дар ничего не сказал; он только твердо пообещал себе во всем слушаться своего спутника, пока они не уйдут подальше от вулканической области — родины этого великана. Но какой, однако, материал для книги!

3. ПЕДАГОГИКА

Этот грязевой гейзер и еще несколько других остались далеко позади, но выходы лавы еще встречались, и Дар во всем следовал Крюгеру. Они по-прежнему держались направления на северо-восток — Нильс и не пытался изменить курс, — но что-то неуловимо изменилось в их отношениях.

Прежде всего неизбежное взаимное недоверие, которое оба испытывали вначале, столь же неизбежно

исчезало. Другая перемена, менее логичная в своей основе, проистекала из явно комического недоразумения: Дар был твердо уверен, что Крюгер является аборигеном малоизученных вулканических областей Абьёрмена, тогда как сам Крюгер был так же уверен, что Дар Лан Ан вообще не житель этой планеты. В результате Дар все время обращался к Крюгеру за советами. Если ему удавалось подстрелить животное нового вида — естественно, нового для него, — он ждал от Нильса указаний, съедобно ли оно. Понятно, немало отменного мяса выбрасывалось, ибо Крюгер отнюдь не спешил рисковать своим здоровьем и своей жизнью, пробуя новые виды пищи.

Однажды Дар подстрелил такое же животное, какое человек попробовал в самом начале их пути через джунгли. На этот раз он не стал задавать вопросов; он просто попросил нож и принялся за дело. Крюгер, получив свою порцию, поглядел на нее с некоторым отвращением.

Он не любил сырого мяса, хотя оно ничуть не повредило ему в прошлый раз. Тогда он не делал попыток остановиться и развести огонь, ибо руководителем был Дар, а представление Дара об обеде сводилось, по-видимому, к тому, чтобы съесть как можно больше на месте и остальное дожевать на ходу. Теперь же советы и предложения исходили от Крюгера, и он решил зажарить мясо.

Ему удалось достать из скафандра и захватить с собой все предметы первой необходимости, которые не были слишком обременительны в походе. Зажигалки не входили в комплект оборудования скафандров, и он сам сконструировал зажигалку из миниатюрной солнечной батарейки, катушки и конденсатора рации. И теперь на глазах у ошеломленного Дара он пустил ее в ход. Убедившись, что устройство по-прежнему дает хорошую искру, он отправился на поиски сухого топлива.

Это было не так-то просто в сыром от дождей лесу, но у Крюгера был немалый опыт еще с тех времен, когда он шел к лавовому полю. Дар не понимал, чего хочет Нильс; он просто ходил за ним по пятам и смотрел, жуя на ходу. Ему было любопытно, он чувствовал, что происходящее, возможно, окажется достой-

ным занесения в книгу, хотя утверждать это с полной уверенностью не мог.

Его отвлеченный интерес мигом испарился, едва он ощутил первую волну жара от костра Крюгера. Он выронил кусок мяса, прыгнул к тому месту, где лежал арбалет, и схватил оружие на изготовку. Он не произнес ни слова, и Крюгер, занятый костром, ничего не заметил. За его спиной происходила душевная борьба, от исхода которой в буквальном смысле зависела его жизнь, а он и не подозревал об этом.

Дар уже начал натягивать тетиву, но остановился, глядя одним глазом на оружие в своих руках, а другим на хлопотавшего у огня человека. Томительные мгновения он раздумывал, склоняясь то к одному решению, то к прямо противоположному. Огонь был сущим кошмаром в жизни Дар Лан Ана; Дар был воспитан в смертельном страхе перед огнем. Его народ никогда им не пользовался, но молнии и случайно сконцентрировавшиеся лучи Аррена время от времени вызывали появление пламени. Учителя и книги единодушно заклинали избегать его. Он был концом всякой жизни, он будет концом и собственной жизни Дара, но до этого оставалось еще несколько лет. Добравшись до края лавового поля и вновь оказавшись среди изобилия пищи и воды, Дар выбросил из головы ожидание преждевременной смерти, и было ужасно, что оно так внезапно вернулось вновь.

Но великан, по всей видимости, вовсе не имел в виду Дар Лан Ана. Может, огонь этот вообще был каким-то личным делом Крюгера и не имел к Дару никакого отношения? В конце концов, игра с огнем — вполне подходящее занятие для того, кто живет по соседству с вулканами. При этой мысли Дар несколько расслабился и даже положил арбалет, хотя и не отважился отойти от него далеко.

Он продолжал наблюдать за человеком, но уже без следа того отвлеченного любопытства, с каким следил за сооружением костра. Мысленно он брал на заметку все; не было никаких сомнений, что Учителя в Ледяной Крепости пожелают занести это в книгу.

Сначала странное существо развело очень сильный огонь, затем дало огню почти угаснуть, так что языки пламени исчезли. Однако жа́ра оставалось еще порядочно, и тогда Крюгер вновь напугал спутника: свою

порцию мяса он осторожно положил на раскаленные угли.

Дар знал, что Нильс голоден; у него уже было достаточно четкое представление о том, сколько еды нужно человеку. И перед ним встала непостижимая загадка: почему это странное существо уничтожает свою пищу?

К тому времени, когда, съев мясо, Крюгер завершил свой жуткий ритуал и принялся затаптывать костер, Дар уже потерял способность чему-либо удивляться. Увидев, что все кончилось, он поднялся на ноги и снова двинулся в путь, раздраженный и недоумевающий.

На самом деле представление о том, что все кончилось, было в корне ошибочным, хотя ошибку эту разделяли и Дар, и Крюгер. Первые свидетельства ошибки Крюгер ощутил примерно через час после еды, и вскоре приступы боли заставили его беспомощно кататься по земле. Дар, которому приходилось наблюдать подобные симптомы у своих соплеменников, понятия не имел, чем они могли быть вызваны сейчас, и не знал, чем можно помочь. Спазмы продолжались более часа. В промежутках между приступами Крюгер размышлял о том, что это, быть может, его последняя ошибка. В конце концов возмущенный желудок извергнул источник раздражения и, наградив своего хозяина в назидание еще несколькими спазмами, успокоился. Но прошло еще некоторое время, прежде чем Крюгер смог собраться с мыслями и задать себе вопрос: почему мясо, совершенно безвредное в сыром виде, при поджаривании приобрело столь зловредные свойства? Может, причиной послужил дым от костра? Что-нибудь вроде креозота, которым дома предохраняют от порчи вяленое мясо... Но для доказательства его гипотез понадобилась бы хорошо оборудованная химическая лаборатория. Сейчас же ему достаточно было самого факта, и даже больше чем достаточно.

Дожди прекратились через положенное время после восхода Тиира над южным горизонтом, и температура вновь повысилась. Всякий раз, когда красное солнце завершало в небе свою очередную странную петлю, Крюгер думал, что в следующий раз он уже не выдержит. Много месяцев назад он понял, что выдержать не сможет, по крайней мере на средних широтах, где

он тогда находился. В тех областях планеты петли описывались полностью над горизонтом — Тиир там никогда не заходил. Зато он удивительнейшим образом менял свои видимые размеры; Крюгеру просто не повезло, что Тиир имел максимальный видимый диаметр и, следовательно, поднимал температуру на этой планете-парилке до максимума именно в крайних северных точках своих петель. Дело же заключалось в том, что для той местности, где он тогда находился, петли целиком находились в южном полушарии небесной сферы, и, чтобы оставить их хотя бы частично за горизонтом, лучше всего было бы двигаться к северу. Но тогда возникал естественный вопрос: а сможет ли он уйти достаточно далеко на север? Его знания географии этой планеты сводились к воспоминаниям о том, что он видел с посадочной орбиты. Немного. Но ему ничего не оставалось, как только пойти на риск.

Они продвинулись еще недостаточно далеко на север, чтобы оказаться вне пределов досягаемости красного солнца, но уже можно было надеяться, что все обойдется благополучно. Если верить часам Крюгера, на этих широтах Тиир находился над горизонтом всего восемь суток из своего восемнадцатисуточного периода. И Крюгер совершенно бы успокоился, если бы не нараставшая с каждым днем угроза со стороны Альциона, который Дар Лан Ан именовал Арреном. Конечно, превосходно, что красный карлик досаждает теперь не постоянно, а с большими перерывами, но что в этом толку, когда в это же время голубой гигант превращается из второстепенного и временного противника в основную и смертельную угрозу? Одолеваемый этими мыслями, Крюгер всячески старался ввести в их лексикон понятие температуры, дабы иметь возможность выяснить у своего спутника, есть ли на этой планете место, которое было бы пригодным для человеческого существа.

Медленно, но верно речь Дара в восприятии Крюгера становилась все более осмысленной. И постепенно у Нильса начало складываться общее представление о цели, к которой они стремились.

Очевидно, Дар тоже искал прохладное место. Эту информацию Крюгер воспринял с нескрываемым восторгом. Правда, понятие Дара о «прохладном» могло оказаться и ловушкой, но в сложившейся обстановке

он охотно принял прилагательные с противоположными значениями, и одно это казалось обнадеживающим. Другим не менее приметным признаком были постоянные попытки пилота описать нечто, весьма напоминающее лед.

Вначале Крюгер усомнился, правильно ли он понял Дара, и принялся настойчиво теребить своего спутника, требуя более точных описаний. Но Дар упорно держался своей терминологии, и в конце концов Крюгера осенило: видимо, конечной целью их путешествия является космический корабль, который доставил Дара на Абьёрмен. А уж там лед наверняка имеется, хотя бы и искусственный!

Где-то на их пути лежал океан, о существовании которого Нильс догадывался и раньше. Но он не был уверен, о чем идет речь, — действительно ли об океане или просто о большом озере, и поэтому он спросил, нельзя ли обойти это препятствие. Упорство, с которым Дар пытался выразить несостоятельность такого предположения, убедило его, что имеется в виду именно океан.

И только тут Крюгеру пришла в голову мысль о географических картах. Пусть у него нет никаких способностей к рисованию, но он все же сумеет начертить вполне приличную схему их маршрута от лавового поля до места, где они сейчас находятся. И тогда Дар поймет, что́ он старается показать, тогда появится понятие «карта», а дальше все будет зависеть от способностей Дара к воспроизведению увиденного.

Им пришлось остановиться, пока он рисовал свою схему, но его усилия увенчались несомненным успехом. Дар не только сразу же усвоил необходимое слово и понял вопрос, который затем последовал; он оказался превосходным картографом — естественное следствие многолетних полетов, ибо карта была для него чем-то вроде вида на местность с высоты. Он делал чертеж за чертежом, поясняя предстоящий маршрут и обнаруживая великолепное знание географии планеты.

Им предстояло продолжить курс на северо-восток, пока они не дойдут до морского побережья. Это не был кратчайший путь к берегу, но он выводил их к точке, от которой цепь островов протягивалась к другому материку. Переправившись через океан, они двинутся по берегу налево. Как понял Крюгер, это будет

поворот к западу, но в действительности это было направление на восток; они были гораздо ближе к северному полюсу Абьёрмена, чем он полагал, и должны были миновать его прежде, чем достигнут другого берега. Дар не отметил этого на своей карте. Они пройдут по берегу довольно значительное расстояние, после чего повернут в глубь материка. Затем очень скоро их путешествие закончится. Дар с удовлетворением очертил в этом месте обширное пространство, произнес: «Лед!» — и отодвинулся с видом человека, завершившего титанический труд. Крюгер, однако, был в недоумении. Он показал на очерченный район и спросил:

— Ты хочешь сказать... где-то здесь? Здесь? Или здесь?

— Точно здесь. — Дар ткнул в точку, которой обозначил конец маршрута.

— Но почему ты сказал, что здесь везде лед? Не может у вас быть столько кораблей, чтобы занять полпланеты.

— Я не понимаю «корабли». Здесь всюду лед.

— Все-таки до меня это не доходит.

К тому времени у Дара было уже достаточно недоразумений из-за языка, и непонятливость Крюгера его не рассердила; он снова принялся вычерчивать карты. На сей раз карты были круглые, и очень скоро Крюгер понял, что это виды планеты в разных ракурсах. Способность Дара к картографии лишь подтверждала теорию Крюгера о его инопланетном происхождении и ничуть не удивила юношу. Но его поразили некоторые детали.

— Ты хочешь сказать, что здесь действительно имеется большая область, покрытая льдом?

— Две области. — Дар указал на свои карты.

Крюгер нахмурился. Полярные шапки обычно хорошо заметны из космоса, а он не видел ничего подобного перед посадкой. Правда, он не был опытным наблюдателем и во время посадки больше следил за действиями пилота. К тому же атмосфера Абьёрмена не была лишена облачного покрова. Возможно, в силу этого он проглядел полярные шапки. Не может же быть, чтобы обе полярные шапки находились тогда на ночной стороне планеты; во время посадки ее положе-

ние относительно красного и голубого солнц было таково, что ночной стороны вообще не было.

Как бы то ни было, наличие области, покрытой льдами, его воодушевило. Разумеется, джунгли в какой-то мере защищали путников от приближающегося Тиира, здесь было терпимее, чем в лавовой пустыне, но высокая влажность сводила это преимущество почти на нет. Крюгер не отваживался снять одежду только из-за ультрафиолетового излучения Аррена.

Оказалось, что им просто необходимо сделать остановку часов на пятьдесят, то есть на период максимального приближения Тиира, — время, для которого в языке Дара имелось специальное название, естественно переведенное Крюгером как «лето». Они расположились лагерем на берегу ручья — оставалось только надеяться, что он не пересохнет за время их пребывания здесь, построили шалаш с тростниковой крышей, которая должна была давать тень и которую следовало непрерывно увлажнять для прохлады, и принялись ждать. Малиновый диск Тиира, просвечивающий сквозь листву деревьев, постепенно разбухал, передвигаясь к востоку и медленно поднимаясь; продолжая разбухать, он перевалил через высшую точку своего пути и снова направился к горизонту, который Крюгер все еще считал юго-восточным, хотя из-за близости полюса это был скорее северо-восток; достиг максимальных размеров и вновь стал уменьшаться на глазах, пока наконец не скрылся из виду. Всего за пятьдесят часов он проскочил треть своей видимой петли на небосводе, и Крюгер был искренне признателен ему за такую быстроту. Когда Тиир зашел, они снова двинулись в путь.

— А ты уверен, что мы идем к тому месту на берегу, которое ближе всего к цепи островов?

На сей раз Дар понял вопрос.

— Я не знаю точно, но, по-моему, мы идем правильно. Я много раз летал над этими местами.

— Но ты не можешь пользоваться ориентирами; в этих джунглях не видно ничего, что было бы меньше горы, а гор здесь не было. Вдруг мы уклоняемся в сторону?

— Это возможно, но не имеет большого значения. Вдоль берега тянутся низкие холмы — вулканические

сопки. Ты можешь забраться на одну из них, если мы не увидим островов с берега.

Крюгер решил пока не уточнять, почему именно он должен будет взбираться на сопку.

— Но предположим, что даже с вершины мы не увидим ни одного острова. Куда мы тогда пойдем? Не лучше ли будет сейчас двинуться к берегу напрямик, так, чтобы потом у нас не было сомнений, в какую сторону идти?

— Но я не знаю пути, который ты предлагаешь.

— Этого пути ты тоже не знаешь; ты никогда раньше не ходил здесь пешком. Если твои карты правильны, мы не заблудимся и нам не придется попусту тратить время, когда мы выйдем к побережью.

Некоторое время Дар Лан Ан размышлял над этим образчиком мудрости, а затем безоговорочно согласился. Они изменили курс. Все шло как прежде. Впоследствии Дару пришло в голову, что Крюгер руководствовался стремлением как можно скорее вновь попасть в вулканические районы.

Оставалось пройти еще несколько сотен миль, хотя в этом Крюгер не был уверен — масштабы на картах Дара оставляли много места для сомнений. Для романиста XIX века их путь послужил бы превосходной темой; дорога через джунгли в период дождей неимоверно трудна. Перед ними вставали заросли и болота; им угрожали опасные хищники: время тянулось бесконечно и однообразно. Случайные выходы лавы, изъеденные эрозией, на какое-то время облегчали им продвижение, но затем их снова обступали джунгли.

Очень медленно сокращался путь Тиира над горизонтом — от восьми дней в районе грязевых гейзеров до семи и затем до шести. Одновременно менялся наклон суточного движения Аррена. На лавовом поле голубое солнце стояло над южным горизонтом выше, чем над северным; теперь его высота почти не менялась. Именно это обстоятельство навело Крюгера на мысль о том, что они должны быть сейчас совсем недалеко от северного полюса Абьёрмена. В известном смысле это было даже неплохо, но, с другой стороны, если они находились практически на полюсе, то где же полярная шапка? Или, раз уж Дар упорно твердит, что она находится за океаном в том направлении, куда они идут, почему она не на полюсе? Крюгер не со-

мневался, что подготовленному человеку разрешить эту проблему не составило бы никакого труда, но семнадцатилетний паренек, несостоявшийся пилот звездолета, не имел надлежащего образования.

Во всяком случае, он все еще не мог с уверенностью сказать, что полярная шапка интересует его сама по себе; по-видимому, соплеменники Дара просто посадили свой корабль на окраине вечных льдов, и Дар упоминает о полярной шапке только как об ориентире. Нильс еще не знал, что он будет делать, когда доберется до этого корабля, одно ему было ясно — добраться надо во что бы то ни стало.

На протяжении всего долгого пути их общение между собой становилось все более непринужденным. Они говорили на смеси двух языков с большим преобладанием слов из языка Дара. Крюгер шел на это умышленно; при встрече с другими представителями расы Дара он хотел обойтись без посредничества Дара. Они разговаривали совершенно свободно еще до того как достигли побережья, хотя им по-прежнему приходилось прибегать и к многократным повторениям, и к жестикуляции. Но несмотря на это их основное недоразумение все еще оставалось неразъясненным, и, казалось, разъяснить его теперь было бы еще труднее, чем раньше. Беда в том, что теперь это происходило все чаще; каждый считал, что выражает свои мысли ясно и понимает другого полностью, а между тем бывало и так, что воспринятая мысль весьма отличалась от мысли выраженной. Так получилось, например, когда однажды они обсуждали вопрос о помощи, которую им могли бы оказать соплеменники Дара.

— Ты говоришь, что многие твои товарищи совершают полеты на планерах тем же курсом, каким летел ты, когда разбился, — заметил Нильс. — В таком случае, может, имеет смысл, когда мы попадем на то место на берегу, над которым проходит ваш регулярный маршрут, разжечь костер, чтобы привлечь их внимание? Это избавило бы нас от долгого и тяжелого пути.

— Боюсь, я не понимаю, каким образом это могло бы нам помочь, в особенности если бы ты развел очень заметный костер.

— Разве тогда они не подобрали бы нас?

— Что ж... Да, я полагаю, что так. Хотя боюсь, что тогда мне не захочется достигнуть Крепости слишком быстро.

Возможно, все тут же и выяснилось бы, продолжи Крюгер хоть чуть-чуть этот разговор, но ему уже приходилось слышать, как Дар говорит о Крепости. У него сложилось впечатление, что когда Дар называет ледяную шапку Крепостью, это слово в его понимании приобретает какой-то религиозный смысл, значение которого маленький пилот явно не желал обсуждать. Короче говоря, Крюгер понял слова Дара так: существует расписание перелетов, и Дар может прибывать на место только в определенные моменты. По-видимому, даже крушения как-то учитываются этим расписанием. Вывод был достаточно произвольный, но он совпадал с другими высказываниями Дар Лан Ана, и Крюгер не хотел обижать своего маленького приятеля. Поэтому разговор перешел на другие темы, и Дар остался в полном убеждении, что он исчерпывающе объяснил Крюгеру, что произойдет, если по несчастливой случайности какой-нибудь пилот заметит костер и обнаружит рядом его, Дар Лан Ана.

— Что ты будешь делать, когда мы достигнем льдов? — снова спросил Крюгер. Если вопрос окажется скользким, подумал он, Дару ничего не стоит обойти молчанием любую тему, которую он не пожелает обсуждать.

— Осталось еще несколько лет, — ответил тот спокойно. — Двадцать два года, если я правильно помню дату. Если для меня найдется планер, я, наверное, вернусь к своей постоянной работе. Если нет, буду делать то, что укажут Учителя.

Крюгер уже знал, что под словом «год» следует понимать полный цикл красного солнца; значит, время, о котором говорил Дар, составляет примерно тринадцать месяцев. Прежде чем он успел задать новый вопрос, абориген его опередил:

— А что будешь делать ты? Ты действительно пойдешь со мной до ледяной области и предстанешь перед Учителями? Я ведь считал, что ты намерен остаться на побережье, когда мы туда дойдем.

— Я полагаю, мне будет удобнее пойти с тобой до тех пор пока ты мне позволишь. Конечно, это твой

народ; если ты не хочешь, чтобы я встретился с ними, твое право.

— Я очень хочу, только я не знал, как ты на это посмотришь.

— А чего мне раздумывать? Мне помощь нужна больше, чем тебе, и может, твои Учителя захотят оказать мне поддержку, в которой я нуждаюсь. Я понимаю, вы там очень заняты, раз ты намерен сразу же вернуться к работе, но я могу и подождать. Может быть, когда пройдет то время, о котором ты говорил, они освободятся и примут во мне участие. А я со своей стороны буду охотно делать для твоих друзей все, что в моих силах.

На сей раз Дар ответил не сразу. К тому времени, когда Крюгер узнал его достаточно хорошо, чтобы понять, как ужасно должны были звучать для аборигена эти слова, он уже забыл подробности разговора. По всей вероятности, он так никогда и не осознал, что́ чувствовал Дар в тот момент. Ответ был самый уклончивый, какой только удалось придумать маленькому пилоту:

— Я уверен, что все как-нибудь устроится.

Таким образом, основное недоразумение не только не удалось разрешить, напротив, оно еще более усугубилось, по крайней мере для одной из сторон.

Несмотря на это дружба между ними крепла. Во всяком случае, Крюгер был готов поклясться в этом; он знал свое отношение к Дару и имел достаточно случаев убедиться, что и Дар относится к нему не хуже. Один из таких случаев произошел еще в пути, когда они вышли на побережье — через несколько «лет» они все-таки вышли на побережье.

Джунгли немного поредели, все чаще стали появляться проплешины лавы и вулканического пепла. Очевидно, местные вулканы были действующими еще сравнительно недавно. Карабкаться здесь пришлось чаще. Ни один из склонов не превышал и сотни ярдов, но они подчас были весьма крутыми, ведь угол естественного откоса для рыхлого вулканического пепла составляет около тридцати градусов. Памятуя, о чем в свое время говорил Дар, Крюгер ожидал, что океан может появиться с минуты на минуту, и все же он застиг его врасплох.

Они вскарабкались на гребень одного из холмов, по виду ничем не отличающегося от других, и вышли на ровное место, с которого перед ними впервые открылся широкий, на много миль, обзор. Их взору предстала удивительная картина.

Впереди, по обе стороны от них, располагались две большие вулканические сопки ярдов по триста высотой. Между ними сверкало и искрилось поле интенсивной синевы, которое могло быть только огромной массой воды. Это был океан, к которому они стремились столь долго и упорно. И все же не он приковал к себе внимание путешественников. Несколько минут они стояли молча, уставившись на то, что лежало между ними и океаном, — в долине между вулканами и частично на склонах. Затем оба почти одновременно повернулись друг к другу и задали один и тот же вопрос:

— Это твой народ?

4. АРХЕОЛОГИЯ

Строго говоря, никакого народа они не увидели, но было явное свидетельство того, что он существует. Города не возводятся сами собой, а то, что лежало между сопками, было городом в понимании как человека, так и обитателя Абьёрмена. Очень высоких зданий не было. От силы три или четыре этажа, если судить по расположению окон. Окна, по-видимому, были довольно большими, иначе их было бы трудно разглядеть на таком расстоянии, но они не были застеклены, так как не отражали света. Это, конечно, могло объясняться и случайностью, но уж слишком мала была вероятность, что из тысяч стекол, озаренных светом двух солнц, ни одно не отражало лучи в сторону путешественников.

Крюгер почти мгновенно сообразил, что если его представления о Даре правильны, такой город вряд ли может быть делом рук соплеменников пилота. И все же он ждал ответа. Молчание продолжалось несколько секунд; Дар также ждал ответа на свой вопрос. Крюгер ответил первым:

— Нет, этот город строил не мой народ. Я никогда раньше не видел его или что-либо на него похожее.

Дар воспринял это заявление с некоторым недоверием, но в свою очередь заявил, что ничего не знает об этом месте.

— Укрытия на полярной шапке находятся внизу, — сказал он. — Эти же построены на поверхности. Мой город, Кварр, тоже находится на поверхности, но форма и цвет зданий у нас совсем другие. Я тоже никогда не видел чего-либо, похожего на этот город.

Дар надеялся, что слово «тоже» не прозвучало слишком подчеркнуто.

— По-моему, город покинут. Пойдем осмотрим его.

И тут Дар в полной мере продемонстрировал дружеские чувства, которые он питал к человеческому существу. Ведь будь он один, он бы постарался обогнуть этот город так далеко, как только возможно. Слова Крюгера о том, что город покинут, не доставили ему желанного удовлетворения; Учителя хранили в тайне сведения о некоторых фазах существования этого огненного мира. Но несмотря на сомнения, граничившие со страхом, Дар Лан Ан не стал возражать против предложения Крюгера, и они двинулись к городу вниз по склону холма.

Однако прежде им пришлось пройти еще несколько миль через джунгли. Дар с интересом отметил про себя, что даже обычных шорохов лесного зверья не было слышно в зарослях. Крюгер, если и обратил на это внимание, не проронил ни слова. А может, он и не заметил, подумал Дар: он уже давно понял, что у него слух гораздо острее, чем у его приятеля-великана. Отсутствие диких животных могло, между прочим, означать, что город вовсе не покинут, как полагает Крюгер, и Дар взял арбалет на изготовку.

Впрочем, случая применить оружие так и не представилось. Они вышли из джунглей и остановились на краю пустыря шириной в несколько сотен ярдов, за которым возвышались первые здания. Остановившись, они внимательно оглядели их.

Они не заметили никакого движения, и даже чуткие уши Дара не уловили ничего подозрительного. Выждав несколько минут, Крюгер снова двинулся вперед. Он не оглянулся, не посмотрел, следует ли за ним Дар, но пилот не отставал; мысли, совершенно чуждые человеческому существу, теснились в его мозгу. Он все еще держал арбалет наготове. Если что-нибудь должно

случиться, если его необъяснимое доверие к Нильсу Крюгеру будет обмануто, то пусть это случится сейчас, сию минуту. Но к его чести следует сказать, что оружие было направлено не на Крюгера.

Грунт под ногами неожиданно сменился твердой мостовой, и когти Дара слабо царапнули по ней. Как и здания, мостовая была сложена из квадратных, хорошо подогнанных лавовых блоков. Здания были не такие высокие, какими казались Крюгеру на расстоянии, то есть не высокие в абсолютном смысле; они имели по три-четыре этажа, как можно было судить по расположению окон, но высота каждого этажа не превышала полутора ярдов.

Здания эти трудно было назвать домами, по крайней мере с точки зрения Крюгера. Для этого они были слишком открыты. Более половины площади стен занимали незастекленные окна, а нижний этаж вообще, казалось, состоял из сплошных дверей. Да, они имели прочные крыши и могли, очевидно, служить известным укрытием от дождей, но этим их удобства в качестве жилья и ограничивались.

Сами двери, если их так можно было называть, производили весьма странное впечатление. Обследовав снаружи несколько зданий, Крюгер обнаружил, что уже не в состоянии определить, то ли двери, по очертаниям похожие на колокол, прорезаны в нижних этажах через каждые два-три фута, то ли наружные стены нижних этажей состоят из колонн необычной формы. Последнее предположение казалось более вероятным, ибо слово «дверь» мало подходило к проходу, ширина которого у основания чуть превышала ярд, высота едва доходила до четырех футов, а форма напоминала гауссову кривую.

Одно путешественники поняли очень скоро: оба говорили чистую правду, когда отрицали какую-либо связь с этим городом. Для Крюгера потолки были слишком низкими, что же касается Дара, то он хоть и мог без труда передвигаться в любом из помещений, однако двери предназначались явно не для таких, как он. Осознав это, Дар уже готов был разрядить арбалет, и все-таки окончательно не успокоился.

Крюгеру хотелось бы обследовать внутренние помещения какого-нибудь здания, но Дар предложил вна-

чале осмотреть город. И они двинулись дальше по улице.

Улица вела к океану, но, по-видимому, не доходила до него. Планировка города отличалась замысловатостью; казалось, будто ни одна из улиц не пересекает его из конца в конец. Крюгер держал путь к морю, полагая, что самые большие и интересные здания должны располагаться вдоль набережной.

В какой-то степени он оказался прав. Город действительно простирался до самого океана, и чем дальше, тем внушительнее становились здания. Но самые большие здания находились не на берегу, а... на дне залива.

Крюгер не сразу осознал увиденное. Дар был поражен еще более; он уже склонялся к тому, чтобы поверить, что Крюгер не имеет никакого отношения к строителям города, но был совершенно уверен, что строители, как и Нильс, были огнепоклонниками — об этом свидетельствовало не только расположение самого города, но и строительный материал. Подобная гипотеза не очень-то согласовывалась со зданиями, возведенными, казалось, прямо под водой в полном пренебрежении к различиям между водой и воздухом. Дар знал об огне мало, но даже он понимал, что огонь и вода несовместимы. Он придвинулся ближе к своему приятелю-великану.

— Этот город древнее, чем я думал, — медленно произнес Крюгер. — Чтобы берег опустился или же уровень воды поднялся настолько, чтобы затопить эти здания, должно было пройти немало времени. Вряд ли можно говорить о внезапном толчке, в этом случае город был бы разрушен.

— Что же мы теперь намерены делать?

— Я бы все-таки хотел осмотреть один из домов изнутри. Вдруг удастся отыскать что-нибудь полезное, да и вообще мне любопытно.

Дар обнаружил, что, несмотря на груз восьмивековых традиций, ему тоже любопытно, и без возражений последовал за Крюгером, когда тот подошел к ближайшему зданию, опустился на четвереньки и прополз внутрь через один из проходов в стене. Внутри Дар смог выпрямиться, и над его макушкой еще оставался значительный просвет; он свободно прошелся по помещению, тогда как Крюгер некоторое время оставался на коленях.

Открытая структура внешней стены имела то преимущество, что пропускала много света, и тем не менее здесь было мало такого, чего бы они уже не видели, заглядывая с улицы. Да и смотреть было почти не на что. Комната — или зал футов пятнадцати шириной — тянулась во всю длину здания параллельно улице; обстановки не было. Во внутренней стене прохода имелись двери, по форме и размерам точно такие же, как и те, что вели с улицы; правда, их здесь было не так много. Крюгер выбрал наудачу одну и прополз в нее. Дар последовал за ним.

Помещение, в которое они попали, также узкое и длинное, тянулось наискосок к улице. Дверь находилась в одном его конце, а в другом, примерно на фут от пола, возвышался какой-то помост. На полу в четырех местах весьма хаотично были расставлены куполообразные предметы с гофрированной поверхностью, что делало их похожими на перевернутые формочки для желе высотой примерно пол-ярда и таким же диаметром. Они были выполнены из какого-то светлого камня. Крюгер, упершись ногами в стену, едва мог сдвинуть с места один из них. Каково было их назначение — непонятно. С другими предметами обстановки дело обстояло проще: там было какое-то прямоугольное изделие из металла с выдвижными ящиками и еще зеркально гладкая поверхность из превосходно отполированного обсидиана, вделанная в одну из стен. Зеркало, если только это было зеркало, по размерам и форме не отличалось от дверей.

Выдвижные ящики бюро или шкафа — или как его там назвать — запирались простыми щеколдами. Верхний ящик был пуст, зато следующий был чуть ли не доверху набит металлическими предметами, из которых половина предназначалась для неизвестных целей, а другая половина вполне могла сойти за чертежные принадлежности. Там были циркуль, пластина с насечками, полукруглый транспортир, размеченный глубоко врезанными в металл штрихами на восемнадцать делений, и несколько инструментов явно для резания и гравирования. Один из них, похожий на обоюдоострый скальпель с довольно длинной рукоятью, Крюгер показал Дару и предложил взять с собой. Дар все время пользовался ножом Крюгера для разрезания мяса, с тех пор как оценил преимущества стального лезвия.

Рукоять по форме не совсем подходила для руки Дара, но и у ножа Крюгера она была не лучше, а тут его по крайней мере устраивал размер.

Продолжая осмотр, они наткнулись на торчащую из стены трубку с подобием газовой горелки на конце. Крюгер решил, что это приспособление для газового освещения.

На площадке в глубине комнаты имелось два неглубоких тазообразных углубления около четырех футов в диаметре. Крюгер в первый момент принял их за вазы для цветов либо ванны. Однако, подойдя ближе, он почувствовал жар. Он и так все время с головы до ног был мокрым от пота, поэтому он поначалу решил, что ему показалось, но, коснувшись стены, с испуганным криком отдернул руку: поверхность была обжигающе горяча.

Только огромным усилием воли Дар не впал в панику. Он не желал иметь никакого дела с источниками тепла, искусственными или природными, и он отступил к дверям, так что Крюгеру пришлось закончить осмотр одному. Это потребовало некоторого времени, ибо едва он решил, что смотреть больше нечего, как взгляд его упал на небольшую металлическую пластину, вделанную в пол. Она казалась совершенно гладкой, но при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что по краям ее имеются два крошечных углубления.

Крюгер вернулся к выдвижному ящику с инструментами, извлек циркуль и, вставив его острия в углубления, ухитрился подцепить и приподнять пластину. Он не слишком осторожничал, но на металлической поверхности не осталось ни царапины. Впрочем, Нильс не сразу обратил на это внимание.

Несколько секунд он молча разглядывал тусклую пластинку с двумя маленькими дырочками, а затем снова принялся за работу, орудуя импровизированным рычагом. Через несколько минут пластинка отскочила. Под ней оказалось именно то, что ожидал увидеть Нильс: две серебристые проволочки, изолированные черным гибким покрытием и подсоединенные к металлическим трубочкам. Конечно, инопланетная техника могла сильно отличаться от земной, но, по мнению Крюгера, перед ним была обычная штепсельная розетка, предназначенная для подачи электрического тока в любую точку по желанию обитателей комнаты.

Немелодично насвистывая, он глядел то на серебряные проволочки, то на трубку с насадкой, торчащую из стены, то вновь на проволочки. Затем вставил пластинку на место и, к огромному облегчению Дара, покинул комнату.

Все увиденное не испугало, но глубоко поразило Крюгера. Отлично сохранившийся город, правда, в настоящее время без единого жителя (он был покинут, очевидно, совсем недавно), и тем не менее большей своей частью погруженный в океан (а это требовало многовекового опускания суши), с домами, оборудованными одновременно и газовым освещением, и электричеством.

Дар тоже был не в состоянии разрешить эту проблему. Он безоговорочно принял аргументацию Нильса по всем пунктам, кроме вопроса о газе и электричестве, — здесь он пожелал получить квалифицированную консультацию. Крюгер как мог объяснил ему, пока они отдыхали в затемненном зале у выхода из здания. Тиир в это время находился в максимальной близости, и продолжать поход все равно было невозможно. Дар с завидной легкостью усвоил, что газовый свет — одна из форм огня, и поспешно перевел разговор на электричество. Крюгер не ожидал, что ему удастся дать сколько-нибудь доступное толкование, и был приятно удивлен, обнаружив, что Дар, по-видимому, вполне его понимает. Разумеется, объяснение длилось долго, но к тому времени, когда Тиир снова опустился на холмы, Нильс был почти убежден, что объяснения его нашли благодатную почву.

Затем, естественно, возник вопрос: что им со всем этим делать? По мнению Крюгера, самое правильное — обследовать по крайней мере еще одно или два здания, чтобы убедиться, насколько они типичны; тогда в их распоряжении будет вполне достоверная информация, которую Дар сможет передать соплеменникам. Надежды Крюгера на то, что ему в свою очередь удастся поделиться ею с землянами, были куда скромнее, но это вовсе не значило, что он от них отказывался.

Перед Даром стояла более серьезная проблема. Конечно, он тоже был заинтересован; ему бы очень хотелось привести в этот город отряд соплеменников, и, быть может, кого-нибудь из Учителей, чтобы они узнали об электричестве, о котором рассказывал Крюгер.

Но в то же время факт оставался фактом: он нарушил жесткие древние инструкции — не просто приказы Учителей, но и заветы, запечатленные в книгах еще в те времена, когда его народа не было на свете, — запрещающие иметь дело с огнем. Несомненно, строители этого города, кем бы они ни были, никогда не слыхали об этих законах. Что будет, когда он представит в Ледяную Крепость полный отчет обо всем виденном? Пошлют ли сюда экспедицию или накажут его? Разумеется, все это касалось лично его; спросить совета у Крюгера он не мог. Человеческое существо тоже, очевидно, не слыхало об этих законах, но его вряд ли за это можно осуждать; оно воспитано совершенно по-другому.

Впрочем, вопрос о том, что делать с полученной информацией, стоял особо, а пока они, по-видимому, имели возможность узнать еще кое-что. Поэтому Дар последовал за Крюгером и еще несколько часов потратил на доскональный осмотр зданий.

Здешние здания отличались друг от друга примерно так же, как дома в любом земном городе, но различия эти не были особенно заметными. Диковинное сочетание газовых трубок с электропроводкой встречалось везде. Дар отметил, что трубки имелись только во внутренних помещениях, тогда как выходы электросети чаще попадались во внешних залах и даже на внешних стенах. Можно было подумать, что у жителей города было какое-то предубеждение против использования электричества в целях освещения. Крюгер отверг предположение Дара, что они могли просто не додуматься до электрического света. По его мнению, всякий, кто сумел создать надежные источники электрического тока, питающие целый город, давно бы столкнулся хотя бы с идеей электрической дуги. Возможно, он был прав.

Хотя Тиир зашел не так давно, над городом, пока они занимались осмотром, пролилось несколько грозовых ливней. В тот момент, когда они решили, что насмотрелись достаточно и пора снова отправляться в путь, разразился новый ливень. Конечно, можно было идти и под дождем — Крюгер все равно был вечно мокрым от пота, — но ливень ухудшал видимость, и они решили переждать.

И на этот раз дождь продолжался не слишком долго; вскоре небо стало светлеть. Дар взвалил узел на плечи, и они двинулись в дорогу, хотя дождь еще продолжал хлестать. Струи бились о мостовую с таким шумом, что разговаривать было трудно, и ручьи с клокотанием катились под уклон, к океану, по лишенным сточных канав улицам. Может быть, именно поэтому чуткие уши Дара не предупредили их об опасности. Во всяком случае, впоследствии Дар ссылался именно на это.

Какова бы ни была причина, оба они до последнего момента не подозревали, что в городе есть еще кто-то. Их остановили сразу и словом и делом: им крикнули «Стой!», и арбалетная стрела раскололась о мостовую прямо перед ними. Сообразив, что стрелу, должно быть, пустили откуда-то сверху, Дар и Крюгер торопливо зашарили глазами по крышам вокруг себя, но ничего не заметили.

Команда была дана на языке Дара, и отвечать взялся пилот. Подавляя желание взять на изготовку свой арбалет, он осведомился:

— Что вам надо?

— Вы пойдете с нами.

— Почему? — Крюгер понял достаточно, чтобы задать свой вопрос.

— Вы... ... ...город.

Нильс уловил смысл только начала и конца фразы.

— Что им не нравится? — спросил он у Дара.

— Мы им не нравимся. Мы... Нам... Приходить в город было нехорошо.

— Почему?

— Они не говорят. — Дар не стал объяснять, что он, кажется, знает, в чем дело; времени для пространных объяснений не было.

— Ты хоть представляешь, кто это может быть?

— Представляю, но точно не знаю.

— Что, по-твоему, мы должны делать?

— Что они скажут. — Дар стоял посреди пустынной мостовой и не имел никакого желания вступать в арбалетную дуэль с хорошо укрывшимся противником, о численности которого он не имел представления. Но его мучил один вопрос:

— Что нам будет за то, что мы проникли в ваш город?

— Что скажут Учителя. Решаем не мы.

— А что делалось раньше?

— Уже много лет никто не оказывал Учителям неповиновения. Вначале, когда народ был молод, такое случалось; нарушители подвергались наказанию и больше никогда не осмеливались ослушаться.

— Ну, а если мы не знали, что оказываем неповиновение?

— Ты должен был знать; ты являешься личностью. Того, кто с тобой, возможно, простят. Это решат Учителя.

— Но я никогда не слыхал об этом городе; мои Учителя никогда не говорили мне о нем, и о нем нет упоминаний в книгах. Откуда же я мог знать?

— У тебя, должно быть, очень глупые Учителя. Может быть, тебя и нельзя за это винить.

Дар был так возмущен, что решился на ответное оскорбление, которое Крюгер непременно бы пресек, если бы успевал следить за разговором.

— Разве я из вашего города?

— Нет.

— Ваши Учителя говорили вам о моем городе?

— Нет.

— Значит, на Абьёрмене две компании глупых Учителей.

Если бы Крюгер понял, о чем идет речь, он бы нисколько не удивился, получив в ответ град стрел, но ничего подобного не произошло. Невидимый собеседник просто вернулся к начальной теме разговора.

— Вы пойдете с нами без боя?

— Пойдем. — Дар ответил, более не советуясь с Крюгером. В конце концов Нильс уже спрашивал у Дара, что они должны делать, следовательно, у него не было своего мнения.

Не успел Дар кончить, как из близлежащих зданий высыпало около пятидесяти двуногих существ. Крюгер воспринял их появление без собого удивления, но Дар был безмерно поражен тем обстоятельством, что физически противник ничем не отличался от него самого. Дару пришлось немало путешествовать; во время деловых полетов к Ледяной Крепости и в другие места он встречался с представителями своей расы из десятков городов, разбросанных по всему Абьёрмену, но никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь из них жил вне сферы влияния городов, управляемых Учителями (если

не считать каких-то непойманных дикарей). Впрочем, против фактов не пойдешь; существа, обступившие его, были точными копиями обитателей любого из городов, где ему пришлось побывать. Даже кожаные ремни у них были такие же, как у него, а что касается арбалетов, которыми было вооружено большинство их них, то они словно бы вышли из мастерской Мерр Кра Лара в родном городе Кварре.

Тот, кто, по-видимому, был начальником, заговорил сразу же, как только подошел:

— Ты только что употребил слово, которое я никогда не слышал прежде. Что такое «книга»?

Крюгер не понял этого вопроса; Дар ни разу не заикнулся о том, что находится в узле, о котором он так заботится. Невежеству своего спутника-человека Дар, возможно, и не удивился бы, но чтобы о книгах никогда не слыхал представитель его собственной расы, — это было просто невероятно! Жизнь не может идти своим чередом без записей о прошлой жизни!

Оправившись от изумления, он попробовал объяснить, что такое письменность, но слушатель, как видно, был не способен усвоить и переварить полученные сведения. Силясь внести ясность, Дар извлек из узла одну из книг, раскрыл ее и сделал попытку объяснить значение отдельных букв, но это привело к совершенно неожиданному результату.

— Я не совсем понимаю, — сказал начальник, — зачем вам это, раз вы можете спросить у Учителя обо всем, что вам нужно знать. Возможно, наши Учителя знают, зачем это вам. Мы покажем им твои книги; дай их сюда.

5. КОНФИСКАЦИЯ

Делать было нечего; один арбалет ничего не стоил против двух десятков. На мгновение у Дара мелькнула мысль попытаться совершить прорыв сквозь окружавший их отряд и засесть в укрытии в ближайшем здании, но он от нее отказался. Пока он жив, еще есть надежда вернуть книги.

— Я предпочел бы нести книги сам и самому показать их вашим Учителям, — произнес он.

— Нет никакой нужды вести тебя к ним, если только они не прикажут, — отозвался начальник. — А вот книги они непременно захотят посмотреть. Я пойду к ним, покажу книги и спрошу, что делать с вами.

— Но я хочу их видеть, мне надо объяснить, почему я не знал, что нарушаю ваш закон.

— Я сам передам им это. Закон ты нарушил, и твое желание не имеет никакого значения.

— А разве они не захотят увидеть моего спутника? Ты ведь сам сказал, что он не такой, как все.

— Да, его я возьму с собой.

— Тогда я тоже тебе понадоблюсь. Он плохо знает настоящую речь, а я выучил некоторые слова из его языка.

— Если Учителя захотят не только видеть его, но и говорить с ним и им понадобится твоя помощь, за тобой пошлют. — Начальник протянул руку, и Дар неохотно передал ему свой бесценный узел.

Прозвучала команда, и отряд двинулся в ту сторону, откуда шли Дар и Крюгер. Однако, выйдя на улицу, по которой путники направлялись к океану, отряд пересек ее и зашагал по направлению к склонам вулкана, обращенным к побережью, — того вулкана, что находился по левую руку, когда путники подходили к городу.

Вот когда Дар пожалел, что в свое время не выучил как следует язык Крюгера. Перед ним стояла задача вернуть книги и вырваться из плена, и чем скорее, тем лучше; если не удастся, то бежать без книг и сообщить в Ледяную Крепость, где они находятся. Сделать это следовало непременно в ближайшие двадцать лет; иного выхода не было. В случае удачи ему помог бы Нильс Крюгер. Однако в данный момент обсуждать с ним это ни в коем случае нельзя — пришлось бы употреблять слишком много слов, понятных противнику. Возможно, позже их оставят одних, если же нет, Дару придется обойтись тем жалким запасом английских слов, которым он владеет. Тут его осенило, и он обратился к Крюгеру по-английски:

— Нильс, говори, пока идем. На твоем языке. Все равно что.

Он не мог выразиться яснее; ему хотелось, чтобы Крюгер говорил обо всем, что им встречается по дороге, он надеялся, что смысл того или иного слова в ряду

со словами, уже известными ему, окажется достаточно ясным и он ухватит его. Крюгер не понимал этого, но он видел, что у Дара что-то на уме, и постарался пойти ему навстречу. А как только он заговорил и именно о том, что больше всего интересовало Дара, дело сразу пошло на лад.

Такой метод вряд ли оказался бы плодотворным для человеческих существ, но при необыкновенной памяти Дара он мог кое-что дать. И все же запас слов маленького пилота пополнялся чрезвычайно медленно, и далеко не все слова были поняты им правильно.

А тем временем группа миновала вулкан, следуя по узкой полосе берега, покрытой слежавшимся пеплом. По другую сторону были джунгли, они спускались почти к самому океану отдельными скоплениями растительности, между которыми громоздились груды изверженных камней и блестели лавовые проплешины. Около двух часов отряд пробирался через эти участки, постепенно удаляясь от берега. Местность более не повышалась; они находились примерно на уровне моря, и Крюгер ожидал, что вот-вот перед ними окажется какое-нибудь болото. Вместо этого они вдруг вступили в полосу тумана.

Впервые на Абьёрмене Крюгер столкнулся с этим явлением, и оно его страшно удивило. Туман при такой жаре? И тем не менее вот они, ползущие клочья водяного пара, и чем дальше уходил отряд, тем их становилось больше и встречались они чаще. Юноша достаточно разбирался в физике, чтобы сообразить: либо что-то охлаждает почти насыщенный воздух, либо где-то поблизости имеется масса воды с температурой более высокой, нежели температура воздуха. И он не очень удивился, когда оправдалось второе предположение. По обеим сторонам тропы появились лужи, а затем отряд вступил на ровную площадку длиной в двести-триста ярдов, испещренную водоемами, над которыми поднимались плотные облака испарений. Некоторые водоемы яростно бурлили, гладкую поверхность других заливал яркий солнечный свет, но вода была горячая, по-видимому, во всех. Дар заметно нервничал — заметно для аборигенов; Крюгер все еще не разбирался во внешних проявлениях его чувств. Абориген, несший узел с книгами, полюбопытствовал:

— Твой спутник сказал тебе что-то неприятное?

— Нет, — отозвался Дар. — Но если здесь кто-то и нарушает законы, так это ваш отряд.

— Почему? Эти места для нас не запретны; нам указали здесь жить.

— Ваши Учителя?

— Разумеется.

— В этом пару?

— Это водяной пар; он никому не мешает. Гляди, твой приятель его не боится.

Крюгер шагнул к одному из водоемов — охрана насторожилась, но не помешала ему — и теперь внимательно всматривался в воду и в камни вокруг. До этой минуты ему ни разу не приходилось встречать на планете известняк, а здесь лужа была окружена бордюром из известнякового туфа, возвышавшимся фута на два над грунтом.

Закончив осмотр, Крюгер удовлетворенно кивнул. Затем он вернулся к отряду — охрана с поразительным терпением ждала, пока он завершит обследование, — и спросил того, кто нес узел:

— Как часто эти?..

У него не было слова для обозначения нужного глагола, и он просто вскинул вверх и развел в стороны руки, так что его поняли все, кроме Дара. Начальник без малейших колебаний ответил:

— По-разному. Иногда раз в два-три года, иногда двадцать или тридцать раз в год.

— Как высоко?

— Иногда просто выплескивается через край, иногда на высоту дерева. Много шума, много пара.

В том, что в вулканическом районе имеются гейзеры, не было, разумеется, ничего удивительного. Но Крюгер ранее полагал, что дикие и полуцивилизованные народы обычно избегают таких мест. Некоторое время он размышлял, к каким выводам об этих существах он может прийти на основании полученных ответов, пока с сожалением не признал, что никаких практических выводов сделать невозможно.

Путь их близился к концу. Они пересекли полосу гейзеров и по ту сторону джунглей увидели скопление построек, которое и было «городом» этого племени. Строения рассказали о племени гораздо больше, чем любые слова.

Это были примитивные хижины, крытые тростником, посолиднее шалашей, которые некогда сооружал Крюгер в летнее время, но куда более жалкие, чем африканские краали. На подходе к деревне начальник что-то крикнул, и все население высыпало из хижин встречать отряд.

В свое время Крюгер прочитал немало приключенческих романов и именно из них почерпнул бóльшую долю сведений о жизни примитивных народов. Поэтому вид собравшейся толпы несколько смутил его. Все они были совершенно одинакового роста. В первый момент Нильс решил, что это все воины, а женщинам и детям строго приказано оставаться дома. У него немного отлегло от сердца, когда он заметил, что вооружены только его пленители и Дар. Прошло какое-то время, и его стало угнетать молчание толпы. По логике вещей им следовало забросать отряд вопросами о пленниках; вместо этого они просто таращили на Крюгера глаза.

Первым нарушил молчание Дар, и не потому, что он завидовал вниманию, которое привлек к себе Крюгер, а потому, что его беспокоила судьба книг.

— Так когда же мы увидим этих ваших Учителей? — спросил он.

Глаза того, что нес узел, вывернулись на него.

— Когда они скажут. Прежде всего мы намерены поесть, но пока готовят пищу, я доложу им о вашем возвращении.

Кто-то из толпы вмешался:

— Уже доложили; мы слышали, как вы подходили, и по голосу чужака поняли, что вы сделали свое дело.

Крюгер уловил смысл этой фразы; теперь он понял, почему жители деревни удивлены их появлением меньше, чем можно было ожидать. Отряд, видимо, послали, чтобы захватить чужаков; его и Дара, верно, заметили, когда они шли к городу через поляну. По времени все совпадало.

— Учитель, который отвечал, сказал, что отряду и пленникам можно поесть, а потом велел обоих пленников привезти к нему.

Ни Крюгер, ни Дар не возразили, хотя Нильса, как всегда, смутил вопрос о пище.

Часть пищи, та, что подали вначале, оказалась растениями; их внесли в огромных корзинах, которые

поставили прямо на землю. Все расселись вокруг корзин и занялись едой, так что Крюгеру было нетрудно выбирать то, что он уже знал и что, по его мнению, было безопасно. Тем временем многие жители деревни отправились к гейзерам с другими корзинами, наполненными кусками мяса. Затем они вернулись и заменили этими корзинами опустевшие вместилища. К своему величайшему изумлению, Крюгер обнаружил, что мясо — горячее, такое горячее, что в руки не возьмешь. По-видимому, оно было сварено в одном из гейзеров.

Оба путника все еще были голодны, но, памятуя о неудачном эксперименте Крюгера, ни один из них не осмелился попробовать мясо. Они угрюмо наблюдали, как жители деревни уплетают его за обе щеки, как вдруг Нильса осенило.

— Дар, этот народ — такой же, как ты. Ты видишь, вареное мясо им не вредит; так поешь хотя бы ты. Одному из нас следует поддерживать свои силы.

И хотя Дар испытывал некоторое сомнение по поводу своего сродства с жителями деревни, последнее соображение затронуло его чувство долга. После непродолжительной борьбы с собственной совестью он признал, что Крюгер прав. Смущение, с которым он приступил к трапезе, было сразу же замечено окружающими и вызвало, казалось, не меньшее удивление, нежели внешний вид человека.

В конце концов Дара спросили, в чем дело, и когда он поведал о несчастливом опыте Крюгера с жареным мясом, все с удивлением уставились на юношу.

— Не понимаю, как такое могло случиться, — заявил один из жителей деревни. — Мы всегда готовим мясо; таков обычай. Возможно, твой друг воспользовался водой из отравленного источника.

— Он вообще не пользовался водой. Там была только река с холодной водой, а воду нам было держать не в чем, — во всяком случае, у нас не было вместительных сосудов.

— Как же в таком случае он готовил мясо?

— Держал мясо на огне.

Едва он произнес слово «огонь», как все разом заговорили; Дар уже решил, что ему наконец-то удалось вызвать у этого народа разумную реакцию, но тут же обнаружил, что его просто не поняли.

— Этот огонь был недалеко отсюда? — спросили его. — Учителя приказывают нам сообщать, как только начинают действовать какие-нибудь другие вулканы, помимо тех, что находятся неподалеку от Великого Города.

— Это не вулкан. Он сделал огонь сам.

Все вновь уставились на Крюгера, и воцарилась тишина. Никто не переспросил Дара; средний абьёрменец слишком уверен в собственном слухе и памяти, чтобы вообразить, будто он мог превратно понять столь простую фразу. Но Дар очень ясно почувствовал недоверие собравшихся и готов был биться об заклад на свои драгоценные книги, что знает, каков будет следующий вопрос. И он оказался бы в выигрыше.

— Как он это сделал? На вид он странный, но не могучий.

Последнее слово не обязательно означало физическую мощь; этим обобщающим термином они пользовались, говоря о любых дарованиях.

— У него есть такое приспособление, что, если его потрогать по-особому, появляется маленький огонек. Этим огоньком он зажигает кусочки дерева, а когда они загораются, он использует их для того, чтобы зажечь большие куски.

Спрашивающий усомнился, большинство остальных — тоже. Под одобрительный ропот он произнес:

— Я должен это видеть.

Дар с трудом удержался от того, что люди называют улыбкой.

— А ваши Учителя согласны подождать, пока он вам показывает, или лучше им тоже показать эту штуку?

Этот вопрос вызвал оживленную дискуссию среди жителей деревни. В результате один из них поспешил к маленькой хижине, расположенной на окраине поселка. Дар с интересом следил за тем, как он исчез в хижине, и попытался прислушаться к доносившимся оттуда неясным голосам. Но он ничего не разобрал, и ему оставалось только ждать, пока вернется посыльный.

Учитель велел принести дерево, сколько потребуется чужаку. Он хочет видеть, как разводят огонь.

Аборигены мигом рассыпались по хижинам, а Дар тем временем растолковал Крюгеру, о чем шла речь.

К тому моменту, когда он кончил, дерево уже несли отовсюду.

Ни единого сучка не принесли прямо из джунглей; очевидно, оно был нарублено раньше и сохло в хижинах. Судя по форме (а кроме того, учитывая образ мышления аборигенов), собирали это дерево не на дрова, а для каких-то других целей. Впрочем, дерево есть дерево. Крюгер выбрал несколько сучьев, настрогал своим ножом лучины, затем поднял охапку побольше и встал, всем своим видом показывая, что он готов. Дар двинулся было к маленькой хижине, куда бегал посыльный, но его тотчас же остановили:

— Не туда, незнакомец!

— А разве ваши Учителя не там?

— В этом шалашике? Разумеется, нет. Они там *говорят*, это верно, но они пожелали *видеть* тебя и твоего огнедельца. Ступай за мной.

Говоривший зашагал по тропе, которой они вступили в деревню, и пленники последовали за ним. Все остальные потянулись гуськом.

Утоптанная тропа вилась среди горячих ключей. Она привела их к огромному водоему, расположенному по другую сторону открытого участка. Видимо, этот водоем переполнялся чаще, чем остальные, а может, подземные источники, питавшие его, были богаче минеральными солями, только барьер известняка вокруг него достигал в высоту трех футов. Вода в нем яростно кипела.

Пространство вокруг было ровным, только на краю барьера одиноко возвышалась глыба известняка. Глыба эта, диаметром ярда в полтора, имела форму купола с уплощенной верхушкой и была примерно такой же высоты, что и барьер. Поверхность, весьма гладкую, испещряли глубокие отверстия.

Крюгер не обратил бы никакого внимания на странное сооружение, если бы не то обстоятельство, что именно здесь они остановились, а все население деревни собралось вокруг. Это заставило его приглядеться внимательнее, и он пришел к выводу, что перед ним образец довольно искусной каменной кладки. По-видимому, внутри находились Учителя; отверстия служили для наблюдения и вентиляции. Входа не было видно. Возможно, он находился с внутренней стороны барьера и потому его нельзя было увидеть снаружи, а возможно, вообще был где-то в отдалении и к нему вел туннель.

Крюгер не удивился, когда из этого каменного холмика послышался голос.

— Кто ты такой?

Вопрос был задан не в пространство; грамматические особенности языка не оставляли сомнений, что адресован он именно Крюгеру. Мгновение юноша колебался, не очень уверенный, как ему следует отвечать; затем решил говорить правду.

— Я — Нильс Крюгер, ученик пилота с звездолета «Альфард».

Ему пришлось переводить существительные, облекая их смысл в наиболее подходящие известные ему слова абъёрменского языка, но он остался весьма доволен собственным переводом. Однако следующий вопрос заставил его усомниться в правильности принятого решения.

— Когда ты умрешь?

Крюгер смешался. По всей видимости, этот простой и естественный вопрос имел своей единственной целью выяснить, как долго ему осталось жить, но он вдруг оказался не в состоянии на него ответить.

— Не знаю, — только и смог он произнести.

Последовало молчание, не менее длительное, чем пауза, вызванная его собственной растерянностью. Затем скрытый за камнем голос заговорил вновь; у Крюгера создалось впечатление, будто Учитель чем-то озадачен, но решил пока отложить разговор на эту тему.

— Говорят, ты умеешь делать огонь. Докажи свое умение.

Крюгер, понятия не имевший, что думает о нем невидимый собеседник, и чрезвычайно этим смущенный, повиновался. Дело оказалось несложным: дрова были сухие, к тому же Аррен давал достаточно света для солнечной батарейки. Сноп искр заставил ближайших к нему аборигенов испуганно попятиться, но Крюгер этого не заметил, как не замечал в свое время арбалета Дара. Стружки занялись мгновенно, и через минуту на скалистом грунте в нескольких ярдах от каменного укрытия Учителей уже пылал вполне приличный костер. Все это время вопросы следовали один за другим, и Крюгер с трудом успевал на них отвечать. Почему куски дерева сначала должны быть маленькими? Почему он отобрал дерево посуше? Откуда берутся

искры? Отвечать было необычайно трудно. Крюгер оказался в положении студента, вынужденного читать институтский курс лекций по физике или химии на французском языке, который он изучал менее года. Костер уже догорал, а он все еще пытался изъясняться — как словами, так и жестами.

Существо в каменном укрытии удовлетворило наконец свой интерес к огню — вернее, к тому, что знал об огне Крюгер, — и перешло к проблеме, которая, по-видимому, интересовала его гораздо больше.

— Ты явился к нам из того мира, который движется вокруг Тиира, или из того, что кружит вокруг Аррена?

Дар просто не понял, о чем идет речь, но Крюгер понял отлично. Он был словно громом поражен, как, впрочем, любой другой человек на его месте, чья излюбленная теория в один прекрасный момент оказывается совершенно несостоятельной.

— Провалиться мне на месте, — пробормотал он, не в силах тут же придумать связный ответ.

— Что ты сказал?

Крюгер совершенно упустил из виду, что имеет дело с существами, обладающими отличным слухом.

— Это просто выражение удивления на моем языке, — торопливо ответил он. — Мне кажется, я не понял вашего вопроса.

— А мне кажется, ты понял.

И хотя в голосе вопрошающего не было ничего человеческого, мысленному взору Крюгера вдруг предстал строгий учитель по ту сторону барьера, и он решил по-прежнему быть с ним полностью откровенным.

— Нет, я не с Аррена; я даже не знаю, есть ли у него планеты, а у Тиира нет других планет, кроме этой. — Его собеседник воспринял новое слово без объяснений; видимо, смысл был понятен ему из контекста. — Мой мир кружится вокруг солнца, гораздо менее яркого, нежели Аррен, но куда более горячего, чем Тиир, а расстояние от него до этой системы я не могу выразить на вашем языке.

— Значит, есть другие солнца?

— Да.

— Зачем ты явился сюда?

— Мы исследовали... узнавали, каковы другие планеты и их солнца.

— Почему ты один?

Крюгер подробно рассказал, как он случайно свалился в скафандре в грязевое озеро, как его друзья пришли к естественному заключению, что он погиб, и как он спасся, зацепившись за случайно подвернувшийся древесный ствол.

— Когда вернется твой народ?

— Я вовсе не жду их назад. У них нет никаких оснований полагать, что этот мир обитаем; городов соплеменников Дара, о которых он мне рассказывал, мы не заметили, а деревню вашего народа вообще не разглядеть. Как бы то ни было, наш корабль находился в разведывательном рейсе, который продолжался довольно долго по вашему летосчислению, и может пройти еще столько же времени, прежде чем он вернется домой и будут изучены данные об этой системе. Но даже при этом условии я не вижу, к чему бы им сюда возвращаться; найдутся дела и поближе к дому.

— Значит, для твоего народа ты уже умер.

— Да, боюсь, что так.

— Ты знаешь, как действуют ваши летающие корабли?

Крюгер заколебался, но вовремя вспомнил, что уже назвал себя учеником пилота.

— Да, я знаю, какие силы их движут, и знаю их технику.

— Почему же в таком случае ты не построил корабль и не вернулся домой?

— Знание и умение — разные вещи. Я, например, знаю, как возник этот мир, но я бы не смог создать его своими руками.

— Почему тебя сопровождает тот, кого ты зовешь Даром?

— Я встретился с ним. Двоим легче, чем одному. И потом, я искал на этой планете место, где было бы достаточно прохладно для человеческого существа, а он рассказал мне о полярной шапке, к которой направлялся. Для меня этого было достаточно.

— А что ты собирался делать среди его соплеменников, если бы встретился с ними на этой самой полярной шапке?

— Наверное, попытался бы ужиться с ними. В каком-то смысле они были бы для меня единственным

народом; если бы они позволили, я бы относился к ним, как к своему народу.

Последовала пауза, словно скрытые под камнем Учителя совещались или раздумывали. Затем вопросы возобновились, но на сей раз они были обращены к Дар Лан Ану.

Он ответил, что является пилотом и обычно совершает рейсы между Кварром и Ледяной Крепостью. Его спросили о местоположении города, и ему пришлось рассказать весьма подробно. Кто знает, то ли Учителя действительно пребывали в неведении, то ли испытывали правдивость Дара.

Ни слова не было сказано о принадлежности Дара к этой планете, и по мере того, как продолжался допрос, недоумение Крюгера все возрастало. Ему и раньше приходила в голову мысль, что, поскольку Дар совершенно очевидно принадлежит к той же расе, что и пленивший их народец, они тоже, видимо, пришельцы из иного мира. Правда, в таком случае непонятно, почему они живут чуть ли не дикарями, но, возможно, они оказались здесь в результате крушения своего корабля. Эта версия объясняла, почему Учителя интересовались способностью Крюгера построить космический аппарат. По правде говоря, эта версия объясняла вообще все, кроме разве того, почему Учителя сидели в укрытии.

— Что такое «книги», которые ты нес и о которых ты так беспокоишься?

Этот вопрос мгновенно вернул задумавшегося Крюгера к действительности. Он и сам давно хотел спросить об этом.

— Это записи о том, что узнали и сделали за свою жизнь мои соплеменники. Записи, которые оставили нам те, кто жил до нас, давно уже нами изучены и возвращены в хранилища Крепости, однако существует закон, по которому каждый народ должен создавать свои книги, и книги эти тоже должны быть сохранены, как и те, что созданы раньше.

— Понимаю. Интересная мысль; в положенное время мы ее рассмотрим. Теперь о другом: у некоторых наших соплеменников создалось впечатление, будто ты считаешь, что иметь дело с огнем — преступление. Это правда?

— Да.

— Почему?

— Так говорят наши Учителя, да и древние книги свидетельствуют о том же.

— Они говорят, что огонь убьет вас?

— Да, но это еще не все. Быть убитым — это одно, все мы умрем в надлежащее время. Но тут, видимо, что-то похуже. Я понимаю это так: когда умираешь от огня, становишься еще более мертвым. Или что-то в этом роде. Ни Учителя, ни книги не дают ясных указаний.

— И все же ты водишься с этим существом, которое делает огонь, когда только захочет.

— Вначале мне это было неприятно, но я решил, что, поскольку это не настоящая личность, у него должна быть и совсем иная система законов. Я не сомневался, что информация, которую я принесу о нем моему народу в Ледяную Крепость, перевесит любые совершенные мною проступки. А кроме того, я всегда держался от огня как можно дальше.

Вновь наступила продолжительная пауза, а когда Учитель заговорил опять, тон его и слова были исполнены благорасположения.

— Вы оба дали много сведений, говорили охотно и были нам полезны. Мы ценим это и благодарим вас. На некоторое время вы останетесь здесь. За вами присмотрят, напоят, накормят. Боюсь, что сейчас мы еще не имеем возможности предоставить пришельцу прохладу, к которой он так стремится, но со временем можно будет устроить и это. Положите книги и зажигательное устройство на камень, и пусть все уйдут.

6. ИССЛЕДОВАНИЕ

Миновал период, когда частые дожди сменялись солнечным светом, ненадолго вернулся и вновь скрылся Тиир. К этому времени у обоих путников сложилось мнение, что Учителя захватившего их племени доброжелательны, но весьма упрямы. Их слова не расходились с делом. К несчастью, они сказали, чтобы Нильс Крюгер и Дар Лан Ан всегда находились под рукой для бесед, и жители деревни, слепо им повиновавшиеся, в точности выполняли это указание.

Их трудно было назвать пленниками в полном смысле слова. Они могли бродить где хотели, по деревне и в ее ближайших окрестностях; им запрещалось только заходить в хижину, куда жители ходили разговаривать с Учителями. Более того, когда эти невидимые существа узнали о часах Крюгера (а это случилось во время второй беседы), они весьма любезно согласились, что Дару и Крюгеру незачем оставаться все время поблизости при условии, если они будут возвращаться через определенные интервалы, которые тут же на месте и были определены по взаимному соглашению. Здесь, как понял Крюгер, действовал тонкий психологический расчет. В той же беседе Дару дали понять, что книги вскоре будут ему возвращены, хотя когда именно — оставалось неясным. «В настоящее время мы изучаем их с большим интересом». Любопытно, отметил Крюгер, что при этом от Дара не потребовали уроков азбуки. Но — и это было самым важным — теперь Дар был прикован к деревне своим обещанием надежнее, чем стальными цепями. Он даже решительно отказался обсуждать проекты, которые предусматривали бы уход из деревни без драгоценных книг.

Скорее с точки зрения заимствования опыта, а не почему-либо еще, Крюгер однажды спросил, распространяется ли на пленников закон деревни, запрещающий посещение города. Он ожидал резкой отповеди и был приятно удивлен, когда им разрешили ходить в город при условии, что они оттуда ничего не возьмут и не сломают. Он умолчал о ноже, в свое время присвоенном Даром, и с легким сердцем дал требуемое обещание.

Дара удивило подобное решение Учителей; ему казалось несколько странным, что пленникам разрешают то, в чем отказывают пленителям. Однако никто из жителей не проявил к ним неприязни, и в конце концов они пришли к заключению, что для этого народа слово Учителей является абсолютным и непререкаемым.

Несколько раз они пользовались полученным разрешением, но не нашли в городе ничего, что бы заинтересовало их, как при первом осмотре. Крюгер предпринял тщательные поиски силовой установки, питающей городскую электросеть, но так и не нашел. Это его огорчило; ему очень хотелось узнать, какими источниками энергии пользовались строители города.

Учителя никогда не проверяли, точно ли они выполняют поставленное им условие, но однажды, во время очередной беседы, пленникам пришлось пережить несколько неприятных минут.

— Дар, — произнес Учитель, — из какого материала сделаны пряжки твоих ремней?

Пилота этот вопрос, по-видимому, ничуть не обеспокоил, но Крюгер насторожился и торопливо сказал:

— Они были на нем еще до того, как мы сюда пришли; они не из города.

— Это мы понимаем, — сказал Учитель. — Но мы хотели узнать не об этом. Так как же, Дар?

— Они из железа, — честно ответил тот.

— Так мы и думали. А не можешь ли ты объяснить, откуда могли появиться подобные предметы у личности, которой запрещено иметь дело с огнем и чей народ живет по тому же закону?

— Я могу сказать, но не могу объяснить, — поправил его педантичный Дар. — Множество вещей из такого же материала мы обнаружили неподалеку от города и в самом городе, когда мы только начали жить. Мы взяли, что нам хотелось, никто не запрещал нам этого. Я и не подозревал, что железо имеет какое-нибудь отношению к огню. — Он смущенно взглянул на пряжки.

На этом разговор закончился, вернее, он был прерван самым неожиданным образом. Один из гейзеров неподалеку от того места, где сидели пленники, избрал именно этот момент, чтобы освободиться от излишков своей энергии, и принялся выбрасывать огромные массы кипящей воды. Дар и Крюгер не стали тратить времени на прощальные приветствия; они кинулись прочь со всей быстротой, какую допускали затянувшие все вокруг облака пара.

Дважды Крюгер падал, споткнувшись о неровности грунта; оба раза он вскакивал на ноги, когда вода уже настигала его. Целую вечность, как им показалось, а на самом деле — менее минуты, они не думали ни о чем, кроме спасения.

Очутившись в безопасности, вне пределов извержения, они остановились. Им обоим пришла в голову одна и та же мысль, но на сей раз уже не о собственной безопасности. И еще долго после того, как рассеялись облака пара, они оставались на месте и выжидали в

надежде хоть разок увидеть Учителей, которые, по логике вещей, должны были удирать во все лопатки, как и они. Однако, несмотря на все старания, они не заметили никакого движения и, когда воздух очистился совершенно, увидели, что каменный купол по-прежнему стоит на месте и поблизости от него никого и ничего нет. Тогда они вернулись назад и обошли водоем, возле которого он находился, стремясь осмотреть купол со всех сторон, ибо сейчас было самое время обнаружить вход, но ничего не нашли.

Когда после этого происшествия они снова явились к куполу, то были несколько удивлены: беседа возобновилась, словно ничего и не произошло. Крюгеру очень хотелось спросить, как Учителям удалось спастись, но он так и не смог заставить себя заговорить на эту тему.

К этому времени он уже немало рассказал о своем народе; Дар — тоже. Крюгер успешно осваивал язык, гораздо успешнее, чем во время своих прежних бесед с Даром.

Что же касается Дара, то, хотя его познания в астрономии были весьма ограниченны, он все же понял, что Крюгер не принадлежит к числу жителей вулканических районов. А Нильс так и не разобрался, кто такие Дар и жители деревни — аборигены этой планеты или пришельцы. Учителя всегда ловко уклонялись от прямых ответов на этот вопрос, ничто, казалось бы, не опровергало первоначального предположения юноши о том, что они такие же пришельцы, как и он сам.

Их времяпрепровождение не ограничивалось только исследованиями и беседами. Несколько раз ровное течение жизни нарушалось. Как-то Крюгер провалился в замаскированную яму, видимо, ловушку для диких зверей; и только то обстоятельство, что она, судя по всему, предназначалась для очень крупной добычи, спасло его от заостренного кола. В другой раз, выходя из здания, расположенного на окраине города довольно высоко на склоне одного из вулканов, Крюгер и Дар едва не стали жертвами лавины вулканического пепла, подмытого, вероятно, недавними дождями. В последний момент они успели юркнуть обратно в здание, а потом целую вечность — как показалось Крюгеру — блуждали по этому строению в поисках запасного выхода, ибо двери, выходившие на склон, были полностью завалены.

Несколько раз Дар возобновлял свои просьбы о возврате книг; его время истекало — и во многих отношениях. Но Учителя продолжали изучать конфискованные тома и потому никак не могли дать вразумительный ответ, когда смогут вернуть книги.

Не однажды, когда они оставались одни, Крюгер предлагал не возвращаться в деревню, а двинуться к Ледяной Крепости и затем вернуться с достаточным подкреплением, чтобы вынудить Учителей вернуть собственность Дара. Но пилот решительно отказывался. И только под давлением обстоятельств он был вынужден отступить от своего решения.

Они обследовали большую часть города, обращенную к деревне, но почти ничего не знали о дальних его районах. И когда они уже отчаялись найти что-нибудь новенькое, когда даже Крюгеру надоело блуждать среди пустынных зданий, Дар неожиданно заметил, что одна из улиц на дальней окраине тянется вокруг второго вулкана, куда они еще ни разу не доходили. С берега эта улица была незаметна; Дар увидел ее, находясь на склоне первой сопки, неподалеку от того места, где их едва не засыпало. Они решили, не откладывая, обследовать эту улицу.

Потребовалось немало времени, чтобы спуститься с одного вулкана, пересечь равнинную часть города и взобраться на склон другого, к той точке, откуда, как подсказывала память Дара, начиналась заинтересовавшая их улица. Когда они наконец добрались до нее, стало ясно: на очередную беседу с Учителями они наверняка опоздают. Они всегда были очень пунктуальны, ибо сознавали, что от этого в известной степени зависит их свобода, но на сей раз решили рискнуть.

Вначале улица отлого поднималась по склону, обращенному к океану. Снизу невозможно было определить, поднимается ли она к вершине зигзагообразно или вьется вокруг сопки спиралью. Вскоре они убедились в справедливости второго предположения.

Они устремились к вершине в надежде получить более полное представление о рельефе местности. Дар никак не мог понять, какой смысл строить дороги, ведущие к горным вершинам, но решил воздержаться и до поры до времени не высказывать своего мнения.

— Все равно, — заявил он, — если ты действительно хочешь добраться туда, совершенно незачем идти по дороге. Нам не впервые карабкаться по склонам.

— Да, но кто знает, с чем мы можем столкнуться на этом склоне. Вспомни, что произошло на той стороне города. Нам не поздоровится, если начнется новый оползень, а спрятаться будет негде.

— По-моему, бояться нечего. Грунт на этой сопке гораздо прочнее, чем там, и я не заметил здесь никаких признаков недавних обвалов.

— Ну, на той сопке я их тоже не замечал... И потом здесь, наверное, никто еще не пытался лазить. Может, она только и ждет, когда мы ее потревожим.

Они могли бы и не спорить попусту: им так или иначе не удалось бы добраться до вершины. Когда исчезли из виду последние здания города, дорога выровнялась и оба путника двинулись по мощеному пути. Видимость отсюда была превосходная. Обернувшись, они увидели, что рисунок затопленных улиц отчетливо проглядывает сквозь прозрачную воду залива; можно было даже различить границы города, который некогда целиком находился на суше. Впереди на много миль тянулась почти прямая линия побережья.

В глубине материка, насколько хватало глаз, простирались джунгли. Даже с этой высоты невозможно было увидеть лавовое поле, где они встретились впервые. Пока им еще оставалось непонятным, для чего построена эта дорога; казалось, она не ведет никуда. С возрастающим любопытством они поспешили дальше.

Скрылся за склоном сопки залив; они прошли еще с полмили и вдруг оказались на краю кратера. Это было совершенной неожиданностью: только что по обе стороны от дороги под одним и тем же углом поднимался и уходил вниз склон сопки, и вдруг склон внизу исчез, а дорога побежала над жутким обрывом глубиной в добрую сотню ярдов. Ее ограждали тяжелые металлические перила. Путники приблизились к ним и заглянули вниз.

Кратер (если это был кратер) располагался не на вершине сопки, а на ее склоне; дорога проходила по верхнему его краю, и до вершины оставалось несколько сотен ярдов. Это не был кратер в обычном понимании этого слова; внутренние стены его были совершенно отвесные, и Крюгеру вначале показалось, что они очень

тонкие. Внимательно приглядевшись, он заметил, что внутренняя стена провала сложена вовсе не из той породы, что склон вулкана, и только тогда до него дошло, что это — искусственное сооружение.

Стены, выполненные из бетона или из какого-то похожего на бетон материала, были обработаны инструментами. Дно в отличие от небольших кратеров не сходилось на конус, но в то же время и не было совершенно плоским. На дне поблескивало озерцо, и почти все пространство вокруг него было покрыто растительностью. Вдоль подножия бетонной стены тянулась неширокая площадка, лишенная растительности. Можно было разглядеть, что в стене на площадку открываются какие-то входы: то ли в пещеры, то ли в туннели. Оба исследователя, осененные единой мыслью, принялись искать спуск.

Однако на внутренних стенах не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало лестницу, поэтому единственно логичным им представлялось идти дальше по дороге: должна же она быть как-то связана с «ямой». И действительно, дорога вскоре пошла под уклон. На самом крутом участке спуска длиной ярдов двести на гладкой до этого мостовой появилось подобие ступенек, очень узких и низеньких; возможно, это вообще была гофрировка, чтобы предотвращать скольжение.

Вскоре они достигли места, где вплотную у дороги, нависая над нею и над ямой, росли деревья. Они-то и помешали путникам разглядеть сверху, куда ведет дорога; как оказалось, из-за них не удалось также разглядеть множество построек, расположенных через равные промежутки внизу, на склоне. По стилю строения не отличались от зданий, которые они уже видели в городе, если не считать того, что все они были одноэтажными. Дар и Крюгер посовещались, стоит ли, не откладывая, обследовать здания или целесообразнее прежде выяснить, куда ведет дорога, а уж затем вернуться к зданиям (если будет время). Решили остановиться на втором варианте.

Впрочем, выяснить, куда ведет дорога, оказалось несложно. Еще ярдов двести внизу по склону, и она вывела на мощеную площадку, которую Крюгер сходу мысленно окрестил «автомобильной стоянкой». После более детального осмотра он убедился, что ничего интересного здесь нет, и исследователи вернулись к зда-

ниям. Стоило им войти в первое же здание, как Крюгер сразу же забыл о том, что они опоздали на обязательное свидание с Учителями.

Так вот где она, городская силовая установка, подумал он. Все электрические генераторы мало чем отличаются друг от друга независимо от того, кто их строил и что приводит их в движение. Машины в первом здании были электрическими генераторами, в этом не приходилось сомневаться. Они были колоссальные, хотя Крюгер и не мог с уверенностью определить, достаточно ли они велики, чтобы питать целый город. Их огромные якоря были установлены на вертикальных осях, а источник механической энергии располагался, видимо, под грунтом. Сообразив это, Крюгер торопливо принялся искать, и вскоре его поиски увенчались успехом: он нашел наклонный ход, который, как он и ожидал, вел куда-то вниз.

Но ход этот был слишком узкий и низкий. Крюгеру пришлось бы ползти на четвереньках, а уклон был крутой. Даже если бы ему и удалось благополучно спуститься, обратный путь оказался бы очень трудным, а то и вовсе невозможным, ибо скат был покрыт гладким металлом, не дающим почти никакого трения. Дар находился в еще худшем положении; размеры хода мешали ему меньше, зато впервые его когти оказались менее пригодными для передвижения, чем башмаки Крюгера. В конце концов Крюгер решил, что осторожность — основа доблести, и отложил осмотр подземного этажа напоследок.

Время шло, осмотр прочих зданий оказался захватывающе интересным. В них размещалось самое разнообразное техническое оборудование; к разочарованию Крюгера, вся эта техника была слишком громоздкой, чтобы что-нибудь можно было взять с собой, но сомнений больше не оставалось: строители города принадлежали к необычайно высокоразвитой цивилизации. Генераторы и моторы, краны и механические станки рассказали все самое важное, что нужно было знать об этом народе, за одним, впрочем, исключением: что вынудило его уйти, покинуть свой город и свои машины? Будь это война, здесь все было бы разрушено; после эпидемии должны были остаться хоть какие-то скелеты, если только жители не были существами, подобными моллюскам. Крюгер вырос на Земле в

первое десятилетие межзвездных перелетов, он готов был предположить все что угодно, но и ему не по душе была мысль о разумных моллюсках.

А кроме того, все здесь противоречило одно другому: наполовину затонувший город, покинутый, верно, столетия назад, — и в то же время лишь тонкий слой пыли на машинах, мостовые без единой травинки, прямые, без трещин стены с полностью сохранившейся облицовкой, прочная каменная кладка, за которой, видимо, тщательно следили до самого недавнего времени... Да и машины выглядели так, словно стоит их только вычистить и подвести к ним энергию, как они тут же заработают!

Возможно, когда-нибудь эти здания послужат настоящей школой, в которой любой компетентный археолог сможет узнать об их создателях практически все что угодно; кстати, один из домов почти наверняка был настоящей школой. В нем находился великолепный рельефный макет двух вулканов, города между ними, залива — хоть уровень воды не был обозначен совершенно — и гигантской ямы, возле которой стояло само это здание. Вдобавок имелись и модели многих машин, установленных в других зданиях. Наши исследователи провели бы в этом здании, вероятно, многие часы, если бы не одно обстоятельство.

Здесь тоже оказался ход, ведущий вниз с первого и единственного этажа; на сей раз он был достаточно велик и позволял Дару пройти, не сгибаясь. Уклон здесь тоже был не такой крутой, как в предыдущем случае, и пол оказался шероховатым, так что когти аборигена без труда могли отыскать в нем опору. Наконец, ход этот вел к яме. Сообразив все это, исследователи, не тратя времени попусту, двинулись вперед по отлогому спуску.

Специального освещения не было, но и рассеянного света вполне хватало. Некоторое время туннель тянулся без ответвлений; затем стали попадаться боковые проходы. Судя по эху, они вели в пустые помещения, но там было слишком темно и разглядеть что-нибудь не представлялось возможным. Неожиданно далеко впереди забрезжил слабый свет.

Впрочем, они не успели по-настоящему осознать это явление. В тот самый момент, когда Дар уловил свечение, позади раздался свистящий рев и их настигла

внезапная волна жара. Они ринулись вперед — и тотчас рев смолк и жар исчез. Слабый ток воздуха, который они все время ощущали своими спинами, вынес на них облако пара и повлек его дальше по туннелю.

— Что за чертовщина?! — вырвалось у Крюгера.

— Опять гейзер? — Дар скорее спрашивал, чем отвечал.

— Очень уж кратковременный...

И Крюгер осторожно двинулся назад, к источнику рева и жара, готовый в случае необходимости тут же повернуться и бежать по направлению к яме.

Так и случилось. Все повторилось снова. После нескольких попыток им стало ясно, что бьющие поперек туннеля струи раскаленного пара включаются всякий раз в тот момент, когда кто-нибудь давит своим весом на участок пола ярдах в десяти от сопел, извергающих пар.

— Весьма интересно, — заключил Крюгер. — Скажи спасибо, что они установили эту штуку в целях предупреждения. Им ничего бы не стоило поставить реле прямо под этими распроклятыми трубами.

— Мне кажется, они стремились к тому, чтобы никто не мог выйти отсюда наружу, — добавил Дар. — Им было безразлично, попадет ли кто-нибудь или что-нибудь снаружи сюда. Мне чрезвычайно интересно, что может оказаться на выходе из туннеля. Твой нож при тебе, Нильс?

— Разумеется. И я готов следовать за тобою, о Робин Гуд!

Зарядив арбалет и выставив его перед собой, маленький абьёрменец зашагал под уклон, навстречу свету. Крюгер двинулся следом. И хотя оба они понимали, что весь этот шум помешал им проникнуть в кратер незамеченными, никто из них не высказывал этого соображения вслух.

7. ТЕХНИКА

Им не стоило беспокоиться. Они были даже разочарованы, когда после часа поисков на дне кратера им пришлось сделать вывод, что на этом ограниченном участке нет ни одного живого существа крупнее белки.

Справедливости ради следует отметить, что при этом они ощутили облегчение, но, с другой стороны, назначение ловушки в туннеле представлялось теперь еще более непонятным. Они обсудили этот вопрос, пока отдыхали у водоема и ели дичину, которую добыл Дар.

— То, что мы не нашли здесь ничего живого, по-моему, вполне естественно, — заметил Крюгер. — Ведь город-то покинут. Но можно было ожидать, что здесь найдется хотя бы какой-нибудь скелет.

Дар поковырял когтем глинистую почву.

— Не уверен. Долго не держатся даже те кости, с которых начисто объедено все мясо, а уж кости, на которых осталось много мяса, исчезают совсем быстро. И все же можно рассчитывать, что в этих берлогах в стене, которые мы видели сверху, сохранились какие-нибудь следы обитания.

Эти «берлоги» они уже обследовали — в пустых бетонных пещерах не оказалось ни обитателей, ни другого выхода из кратера.

Крюгер был склонен посидеть и порассуждать о том, какое назначение мог иметь кратер в те дни, когда город был обитаем, но Дар подходил к вопросу с сугубо практической стороны.

— Сейчас нам неважно, кого они здесь держали: плохих соплеменников или плохих животных, — произнес он. — Беда в том, что здесь застряли мы. С голоду мы не погибнем: есть и пища и вода. Но мне осталось жить не так уж много лет, и я не желаю провести их в этом месте, да и книги мои далеко. Не лучше ли подумать, как нам отсюда выбраться?

— Пожалуй, — признался Крюгер. — Но все же, если бы мы знали, кого здесь держали, мы бы лучше представляли себе, с чего начать... Если бы знать, что это клетка для льва, нам бы по крайней мере было известно, что ее запоры предназначены для львов. А так...

— А так нам известно все про эти запоры, как ты их называешь. Стоит нам подняться по этому туннелю, как становится жарко. Я не очень ясно представляю себе, что случится, если я попаду под этот кипяток, но я склонен полагать, что Учителя не зря предостерегали меня от подобной опасности. И, как я заметил, даже тебе, хотя ты и не боишься огня, не очень-то хочется подставлять себя под эти трубы с паром.

— Ты прав. Я не боюсь огня, которым могу управлять, но тут совсем другое дело. Впрочем, погоди-ка... ты только что сказал... Когда мы шагаем по этому туннелю, мы наступаем на пусковую панель пола... Но ведь она расположена не прямо перед соплами? И она не подходит к ним слишком близко, иначе мы с тобой были бы сейчас в волдырях с головы до ног. Может, стоит попытаться перебежать через участок пола, который включает клапаны?

Дар усомнился.

— Что-то уж слишком просто, — сказал он. — Получается, будто здесь держали кого-то, кто просто боялся шума? Ведь если ты прав, больше бояться ему было нечего.

— А быть может, так оно и было, — возразил Крюгер. — Во всяком случае, рискнем.

На сей раз, когда они ступили на роковую панель пола, рев пара их не испугал. Крюгер, пока мог, двигался вперед, навстречу вихрям горячего газа, но затем вынужден был остановиться. Струи пара извергались из сопел на одной стороне коридора и, как правило, исчезали в более широких отдушинах на противоположной стороне. Клочья дымящегося тумана обволакивали Дара и Крюгера, но воздуха для дыхания хватало, и они стояли окутанные горячими облаками, и минуту за минутой выжидали на краю этого фонтана смерти.

В конце концов Крюгер был вынужден признать, что Дар оказался прав. Они стояли гораздо ближе к месту извержения, чем в тот момент, когда пар забил впервые, но теперь струи пара фонтанами устремлялись ввысь. Видимо, устройство было сложнее, чем полагал Крюгер.

Не исключено было и другое объяснение, но Крюгер не хотел на нем останавливаться. Он не знал, пришло ли оно в голову Дару, и не стал его об этом спрашивать, когда они вернулись на берег водоема.

— Как ты думаешь, годится эта ловушка для небольших животных, которых мы ели? — после долгого молчания спросил Дар.

— Понятия не имею, — сказал Крюгер. — И не вижу, чем это нам поможет, если это и так.

— Я тоже сначала так думал, но потом ты сказал одну вещь, и я стал вычислять, какой нужен вес, чтобы

включить этот клапан. Мы уже убедились, что наш общий вес включает клапан; я думаю, твой вес отдельно тоже включает, но мы не знаем, включается ли клапан только от моего веса, и если да, то какой минимальный вес заставляет устройство срабатывать?

— Если его включает и твой вес, что нам толку знать все остальное?

— Но ведь нет никакой необходимости наваливаться всем весом на одно место. Можно уложить на пол ветки и бревна, так что мы...

Крюгер вскочил; заканчивать эту фразу не было нужды. На сей раз Дар двинулся вверх по туннелю первым, Крюгер следовал за ним на расстоянии нескольких шагов.

Рев пара оповестил их, что реле сработало. Крюгер замер на месте, и Дар, пятясь, вернулся к нему. Рев прекратился. Не оставалось сомнений: клапан включил именно Дар. Определить точное положение спусковой панели в темноте прохода было трудно. Дар долго переступал вперед и назад, пока наконец не нащупал край чувствительного участка с точностью до дюйма. После этого он обратился к своему спутнику:

— Нильс, если ты сходишь обратно на открытое место и отыщешь несколько обломков камня различного веса, мы сможем узнать чувствительность этого реле. Я останусь здесь и отмечу место.

— Ладно. — Крюгер понимал, что на уме у малыша, и повиновался без лишних слов.

Через пять минут он вернулся, держа в руках обломки лавы весом килограммов на двадцать — приблизительно столько же, сколько весил Дар. Они принялись накладывать камень за камнем на чувствительный участок пола и через несколько минут рева и тишины, сменявших друг друга, установили, что механизм действительно приводится в движение тяжестью и что требуется около пяти килограммов, чтобы открыть клапаны. Далее они выяснили, что эти пять килограммов действуют по всей ширине коридора на участке длиной по крайней мере футов в тридцать. Оказалось также, что простое разбрасывание камней по поверхности участка ни к чему не приводит, но, как только общий вес достигал пяти килограммов, пар начинал бить.

— Можно еще попробовать перебросить мост, — заметил Дар.

— Слишком много возни, — отозвался Крюгер с некоторой безнадежностью. — Ведь у нас всего два ножа, когда мы с этим управимся?

— Если ты сможешь придумать что-нибудь другое, я буду рад. А если нет, давай работать.

Как это нередко случалось, возразить Дару было трудно, и исследователи вернулись под открытое небо искать подходящий материал.

К сожалению, доводы Крюгера тоже были весьма резонны. У них было всего два ножа, и оба не слишком тяжелые. Как и на любой другой планете, деревья на Абьёрмене самые различные, но среди них нет ни одного с древесиной достаточно мягкой, чтобы его можно было повалить при помощи кинжальчика за полчаса и даже за полдня. Путешественники надеялись найти дерево достаточно толстое, чтобы оно не прогибалось под их тяжестью, и в то же время достаточно тонкое, чтобы его можно было срезать и перетащить. Роща на дне кратера была не очень велика, и они могли бы удовлетвориться меньшим, чем им хотелось: ни один из них не запомнил подходящего ствола во время осмотра местности накануне — тогда они думали совсем о другом.

Крюгер был по-прежнему настроен скептически. И не то, чтобы он был так уж ленив, но мысль атаковать с ножиком даже не слишком толстый ствол ему не улыбалась. Вероятно, именно подобные ситуации служили толчком к большей части открытий и изобретений за последние полмиллиона лет. Неудивительно, что во время поисков голова юноши была занята совсем другим. И неудивительно также, что некоторые факты, давно уже разложенные по полочкам в кладовой его памяти, вдруг слились воедино. Видимо, так рождаются идеи.

— Послушай, Дар, — сказал он неожиданно. — Раз город покинут и силовые установки, несомненно, выключены, откуда же берется пар? Я могу себе представить, что сохранилось и все еще действует простое устройство из рычага и клапана, но как насчет энергии?

— Пара вокруг много, — отозвался Дар. — Верно, им не пришлось копать слишком глубоко, чтобы до-

браться до огня, который питает эти вулканы или дает горячую воду жителям деревни.

Лицо Крюгера вытянулось, когда он понял, что до этого он мог бы додуматься и сам.

— Все равно, — сказал он, — по-моему, запас пара там ограничен. Давай наложим на спусковую панель камней и попробуем подождать, пока эта штука не истощится.

— Пару вышло уже довольно много, — сказал Дар с сомнением, — но что-то не видно признаков истощения. А впрочем, можно попытаться. Пусть груз лежит там, это нам не помешает. Пошли.

— Вдвоем идти незачем. Я скоро вернусь.

Крюгер возвратился в туннель и принялся катить один из обломков, которые они оставили на полу, по направлению к ловушке до тех пор, пока рев не оповестил его, что дело сделано; менее чем через две минуты он вновь присоединился к Дару.

По иронии судьбы, единственное дерево, которое подходило для их целей, оказалось от туннеля дальше всего. Но жаловаться было бесполезно, и они, вооружась своими маленькими ножами, приступили к работе. Древесина была помягче, чем у сосны, но все равно понадобилось немало времени, чтобы перепилить десятидюймовый ствол такими «инструментами». Прежде чем дерево рухнуло, они несколько раз отдыхали и сделали перерыв, чтобы поохотиться и поесть.

Крона дерева напоминала многослойный зонтик, причем между слоями было расстояние до четырехпяти футов. По замыслу друзей, на стволе следовало оставить несколько сучьев из самого нижнего слоя и из слоя, ближайшего к вершине, — они должны были служить «ножками», которые будут удерживать ствол на весу над грунтом. Поначалу Крюгеру казалось, что работа займет целую вечность, но решимость и приобретенные навыки дали свои плоды, и через каких-нибудь двое-трое земных суток мост был готов. Оставалось только перетащить его к туннелю. Все это время рев пара не затихал ни на секунду; чтобы убедиться в том, что устройство действует исправно, не было даже нужды подниматься в туннель. Если звук и ослабевал, то это происходило так постепенно, что они за работой этого не замечали. И вдруг рев прекратился.

Это случилось как раз в тот момент, когда они начали тащить бревно к туннелю. Секунду эхо шипящего рева еще металось между стенами кратера, а затем наступила тишина. Крюгер и Дар поглядели друг на друга, а потом, ни слова не говоря, помчались к входу.

Дар добежал первым, хотя ноги у него были короче; подлесок на пути почти не мешал ему, тогда как Крюгеру с трудом приходилось продираться. По полу туннеля струилась горячая вода, видимо от пара, который на протяжении последних часов конденсировался на стенах и потолке. Дышать удавалось только благодаря сквозняку в кратере, видимость была слабая — в облаках тумана можно было видеть всего на расстоянии нескольких шагов. С трудом продвигались они вперед, по мере того как ветер разгонял пелену тумана, и наконец дошли до груды камней, оставленных неподалеку от спусковой панели. Дар намеревался двигаться дальше, но Крюгер удержал его.

— Постой минутку, давай-ка посмотрим, на месте ли камень, который я положил на панель. Может, его смыло потоком, он ведь был не очень тяжелый.

Как казалось Дару, чтобы сдвинуть с места шестикилограммовый булыжник, потребовалось бы что-нибудь посильнее этих струек, но он все же послушался Нильса. Через несколько секунд они убедились, что камень по-прежнему лежит на месте; очевидно, реле все еще находилось под давлением и извержение прекратилось по какой-то другой причине. Несколько неуверенно Крюгер двинулся вперед и остановился рядом с камнем. Ничего не произошло. Какое-то время Нильс и Дар задумчиво глядели друг на друга, думая об одном и том же.

Никто из них не знал тонкостей устройства, управляющего подачей пара. Оно могло быть оборудовано различными предохранителями, которые выключают его незадолго до полного истощения источника, и эти предохранители, возможно, перекрывались другими реле — на всякий случай. Беда в том, что его создатели не были ни людьми, ни, насколько можно судить, соплеменниками Дара; просто невозможно было догадаться, какое устройство они могли счесть целесообразным.

— Мне кажется, есть только один способ все выяснить, Дар. Лучше, если я пойду первым; я, вероятно, смогу выдержать небольшую порцию пара, если эта штука заработает, а вот что она сделает с тобой, неизвестно, если судить по тому, что говорили твои Учителя.

— Все это так, но мой вес меньше. Может, лучше, если вперед пойду я?

— А что толку? Если она не сработает от тебя, мы все равно не будем знать, сработает ли она от меня. Нет, ты оставайся и будь готов лететь ко мне со всех ног, если мне удастся пройти.

Дар не стал спорить и только помог своему великану-спутнику убедиться, что немногие вещи, которые тот нес на себе, пригнаны и привязаны достаточно надежно — никому из них не хотелось возвращаться, случись что-нибудь уронить. Когда с этим было покончено, Крюгер не стал терять времени; он бросился бежать вверх по туннелю со всей скоростью, на которую был способен.

Дар смотрел ему вслед, пока не уверился, что Нильс пробежал далеко за линию сопел; тогда побежал и он. Он нагнал Крюгера у выхода из туннеля, но они не остановились до тех пор, пока не выскочили из здания, в котором начинался проход. Ни звука не слышалось позади, как ни прислушивался Крюгер. Постепенно он отдышался и наконец произнес:

— Кажется, все в порядке. Что будем делать дальше? На беседу с этим Учителем там, в деревне, мы опоздали чуть ли не на полгода. Как ты полагаешь, сумеем мы убедить его, что наше опоздание было случайным, чтобы он не сердился на нас и отдал твои книги?

Дар подумал. Даже ему начали надоедать все эти отговорки на его просьбы вернуть книги. Поэтому слова Крюгера показались ему вполне справедливыми. Дар был достаточно честен, чтобы признаться самому себе: их опоздание не было таким уж случайным, им следовало вернуться в деревню задолго до того, как они попали в западню в кратере.

— Интересно, почему жители деревни не пришли за нами? — спросил он неожиданно. — Они ведь знали, где мы находимся, и, уж конечно, давно могли бы нас отыскать.

— Справедливое замечание, но я пока не знаю, как на него ответить. Вряд ли их испугал пар; они привыкли к гейзерам.

— А вдруг они знали, что мы попались в ловушку, и решили нас там оставить? Поисковый отряд мог услышать шум пара издалека, а чтобы проверить, там ли мы, им стоило только заглянуть через край кратера.

— Вполне возможно... Правда, ловушка настолько проста, из нее так легко выбраться, что вряд ли они могли предположить, будто мы останемся в ней навсегда. А если так, здесь кругом должны были бы установить стражу; они бы нас наверняка встретили прямо на выходе.

— Возможно, и был страж, да только один, который не знал, что этот шум может что-то обозначать... Они ведь могут предполагать, что источник пара неистощим; я бы на их месте именно так и думал. И он, видимо, только сейчас кинулся за подкреплением. Как-никак я вооружен, и он, верно, решил, что не стоит пытаться задержать нас в одиночку.

— Все это проверить очень трудно... разве что остаться и посмотреть, не появится ли здесь кто. Так как, будем ждать?

— Я думаю — нет. — Дар отвечал, все еще преодолевая внутреннее сопротивление. — Вероятно, ты во всем прав. Мы и так потеряли много времени, а у меня осталось всего шестнадцать лет. Давай-ка снова двинемся к Ледяной Крепости и будем надеяться, что еще успеем вернуться сюда с подкреплением и отобрать книги.

— Такое решение меня устраивает... и всегда устраивало. Мне надоела эта парилка; готов поклясться, что здесь с каждым годом становится все жарче. Пошли, и побыстрее.

Так они и сделали, и вскоре вулкан и город остались позади.

Идти берегом по плотному, слежавшемуся песку оказалось довольно легко, хотя полоса пляжа была очень узкой: у Абьёрмена не было достаточно массивной луны, которая вызывала бы заметные приливы, а те, что вызывались Тиироом, здесь, по соседству с полюсом, можно было не принимать во внимание. Крюгер выразил опасение, не оставляют ли они на песке слишком отчетливые следы, но Дар напомнил

ему, что, находясь в плену, они столько о себе порассказали, что их возможным преследователям и без следов известно, куда они направляются. Быстрота, только быстрота могла выручить беглецов.

В лесах, подступавших к побережью, было множество зверья, но ни одно животное, казалось, не выказывало перед путешественниками особого страха. Время от времени арбалет Дара сшибал очередную жертву, которую они тут же разделывали и поедали либо на ходу, либо на привалах перед сном.

Раз-другой в глубине материка мелькали верхушки вулканических сопок, но лишь однажды вулкан преградил им дорогу; пришлось затратить несколько часов, чтобы перебраться через небольшое поле лавы, некогда извергнутой в океан.

Побережье позади просматривалось на несколько миль, и время от времени Дар выворачивал назад один глаз, но видел только диких животных, совершенно равнодушных к путникам.

Так они шли и шли. Жара, как в парной, чередовалась с теплыми дождями, которые их ничуть не освежали. Изредка Крюгер останавливался, чтобы искупаться; и хотя вода в океане тоже была теплой, ему становилось легче, и он чувствовал, что игра стоила свеч. Впрочем, купался он лишь тогда, когда Дар собирался отдохнуть — сам абьёрменец в купаниях не нуждался и вообще, кажется, не думал ни о чем, кроме как о времени, которое они тратят в пути.

У них не было возможности точно измерять пройденное расстояние, и даже Дар не мог с уверенностью сказать, когда же появятся желанные острова, но в конце концов они их увидели. Дар с облегчением вздохнул, когда вдали на горизонте показался первый маленький горбик.

— Идти пятнадцать лет. Мы еще успеем.

Возможно, его уверенность и была излишне преувеличенной, но Крюгер представления не имел о масштабах карт, которые видел, и потому не знал, что цепь островов, по которой Дар собирался перебраться через океан, тянулась миль на восемьсот, и еще столько же миль отделяли последний из них от точки назначения на краю ледяной шапки. Он принял на веру заявление аборигена и только спросил:

— Как мы будем перебираться по воде?

— Поплывем, — ответил Дар Лан Ан, и он имел в виду именно то, что сказал.

Крюгер встревожился, и последующие часы отнюдь не уменьшили его тревоги. Он уже не сомневался, что Дар намерен совершить путешествие на плоту, ибо плот был единственным средством передвижения, которое они могли соорудить с помощью своих инструментов. Признаться, эта перспектива его не воодушевляла, а ведь он еще не знал, какое расстояние им предстоит покрыть. Материала для парусов не было; впрочем, когда Нильс упомянул о парусах и когда ему наконец удалось объяснить, что это такое, Дар сказал, что ветер все равно будет встречный. Им придется грести.

— А что, ветер никогда не меняется? — в смятении спросил Крюгер. От мысли, что это громоздкое сооружение, которое они возводили собственными руками на берегу, им же и придется двигать, ему стало не по себе.

— Очень редко.

— Откуда ты знаешь?

— Я летал этим маршрутом всю свою жизнь, а тот кто не знает воздушных течений, не может водить планер.

— Но ты же говорил, что через эту цепь островов ваши планеры обычно держат путь к Ледяной Крепости, — неожиданно заметил Крюгер.

— Да, те, что летят из Кварра.

— Почему же в таком случае мы не видели ни одного планера?

— Просто ты не смотришь вверх. Я уже видел три планера с тех пор, как мы остановились здесь. Вот если бы твои глаза были устроены, как у меня...

— Оставь в покое мои глаза! Почему ты не подал им сигнала?

— Каким образом?

— Собирался же ты пускать зайчика своими пряжками, когда я тебя нашел; а кроме того, можно было развести костер.

— Твое зажигательное устройство осталось у наших друзей, но если бы мы даже разожгли костер, то теперь-то ты знаешь, что мой народ старается избегать огня. Если бы пилот заметил дым, он бы обогнул его стороной и скорее всего принял бы его за вулкан.

— А как же насчет зайчиков? Твои пряжки сияют по-прежнему!

— Разве можно направить в цель луч отраженного света? Я прибегнул к этому методу просто потому, что в то время он был для меня единственно доступным; если бы не ты, я бы сейчас был таким же мертвым, каким буду через пятнадцать лет.

— Ты смог бы заметить луч света, отраженный пряжкой?

— Нет. Однажды мне пришлось видеть столь безупречно плоское зеркало, что отраженный им луч солнечного света был заметен даже при небольшом тумане, но у пряжек поверхность гораздо грубее.

— Но раз они рассеивают луч, тем легче будет попасть им во что-нибудь. Почему бы тебе не попробовать?

— Я думаю, это пустая трата времени, но, если ты можешь придумать, как нацелить луч, попробуй в следующий раз, когда появится планер.

— Дай мне, пожалуйста взглянуть на твои пряжки.

Дар повиновался с видом человека, уступающего надоедливому ребенку. Крюгер внимательно осмотрел металлические пластинки. Они оказались более плоскими, чем можно было судить по словам Дара, прямоугольными, размером два на четыре дюйма. В каждой пряжке имелось по два отверстия величиной примерно с квадратный дюйм, а между ними — круглая дырочка, служившая для крепления крючка, которым прижимался ремень, продетый в крупные отверстия. Закончив осмотр, Крюгер улыбнулся, но, возвращая пряжки владельцу, сказал:

— Ловлю тебя на слове; я воспользуюсь твоим предложением. Дай только мне знать, когда появится планер, если я не замечу его сам.

Дар снова принялся за работу; идея Крюгера, чтобы он там ни задумал, его не заинтересовала, тем не менее он время от времени послушно обшаривал горизонт одним глазом. Его несколько раздражало, что и Крюгер теперь то и дело задирает голову с той же целью, но он был достаточно великодушен и признавал, что этому несчастному существу при его физических недостатках не остается ничего другого. Однако, когда Крюгер первым заметил приближающийся планер, это его огор-

чило. Впрочем, он стал с интересом наблюдать, как Нильс собирается сигнализировать пряжками.

Но он увидел только, что Крюгер держит пряжку перед одним из своих маленьких глаз, причем глаз этот, по-видимому, смотрит на приближающийся планер через дырку в центре. Дар решительно не понимал, каким образом это может помочь целиться отраженным лучом. Он видел на лице Крюгера пятнышко света, прошедшего сквозь отверстие, но ему, разумеется, было невдомек, что юноша видит собственное отражение на задней поверхности пряжки и ставит ее так, чтобы отраженный луч света точно совпал с отверстием, в которое он наблюдает за планером. Стараясь не шевелиться, Нильс спросил:

— Пользуетесь ли вы какими-нибудь сигналами, составленными из вспышек света... чем-нибудь таким, что было бы сразу понятно пилоту?

— Нет.

— Ну, в таком случае будем надеяться, что пилота заинтересует мелькание луча.

С этими словами Крюгер принялся покачивать пряжку.

Дар Лан Ан был поражен — дальнейшие действия пилота недвусмысленно свидетельствовали о том, что он заметил странные вспышки. Дар не в силах был скрыть своего изумления, но Нильс только небрежно отмахнулся. В конце концов, он был еще так молод.

8. ПЕРЕЛЕТ

Планер не стал садиться; для этого пилот был слишком осторожен. Что бы там внизу, на берегу, ни вызывало эти вспышки, ясно было одно: это не стартовая катапульта, и если бы он сел, то не смог бы больше взлететь. А у него на борту были книги, и он не собирался ими рисковать. Тем не менее он снизился настолько, что разглядел фигуры Дара и Крюгера. Внешний вид человека поразил его не менее, чем в свое время Дара.

Одно из достоинств планера заключается в том, что он летит бесшумно. Именно это его преимущество в сочетании со сверхострым слухом абьёрменцев позво-

лило Дару перекинуться с пилотом несколькими словами. Разумеется, разговор шел урывками, пока планер проносился над головами путников; он прерывался, когда планер улетал, входил в вертикальный поток над лесом, набирал утраченную высоту и вновь возвращался. В конце концов Дару удалось сообщить пилоту сведения, которые для него оставались важнейшими: где сейчас находятся его книги.

— Понял! — выкрикнул наконец пилот. — Лечу дальше, разгружусь и передам твое сообщение. Оставайся на месте. Что-нибудь еще передать Учителям?

— Да. Расскажи о моем спутнике. Сам видишь, он — не личность. Но он знает многое из того, чего нет в книгах; он должен сам предстать перед Учителями.

— Он может говорить?

— Да, хотя и не очень хорошо. У него есть свои слова, совсем не такие, как у нас, а наши он знает еще не все.

— А ты знаешь его слова?

— Да, некоторые.

— Тогда лучше всего взять вместе с ним и тебя. Это сбережет время, а времени остается не так уж много.

— Не знаю точно, но у меня такое впечатление, что он не умрет в положенное время; он полагает жить дольше. Может, нужды в спешке и нет.

Разговор прервался, так как в этот момент планер взмыл ввысь, и этот вынужденный перерыв позволил пилоту осмыслить полученные сведения. Вновь пролетая над ними, он крикнул:

— Во всяком случае, оставайся с ним. Я сообщу все, что ты мне сказал, и кто-нибудь вернется сюда, чтобы передать решение Учителей. Если тебе удастся соорудить катапульту для запуска четырехместного планера, это ускорит дело; переносные катапульты, по-видимому, уже разобраны.

Он стал решительно набирать высоту, скользя кругами, а Дар повернулся к Крюгеру, чтобы пояснить ему те места из разговора, которые Нильс либо не расслышал, либо не понял.

— Я об этом догадывался, но никак не мог поверить, — сказал наконец Крюгер.

— О чем именно?

— Что это «время», о котором ты так часто упоминаешь, означает время твоей жизни. Каким образом тебе известно, когда ты умрешь?

— Мне это известно всю мою жизнь; это часть знания, занесенного в книги. Жизнь начинается, продолжается отмеренное время, а затем кончается. Потому-то книги и должны перейти в Ледяную Крепость, чтобы Учителя с их помощью могли обучить тех, кто будет жить после нас.

— Ты хочешь сказать, что все вы умрете в одно время?

— Разумеется. Практически все мы начинаем жить в одно и то же время, за исключением тех немногих, кто по несчастливой случайности начинает с опозданием.

— Как вы умираете?

— Этого мы не знаем, быть может, знают Учителя. Они сказали нам, когда мы умрем, но ни разу не упоминали, каким образом.

— Что это за народ — ваши Учителя?

— Они вовсе не народ. Они... Они — Учителя... То есть они выглядят, как все мы, но они гораздо больше... даже больше, чем ты.

— Значит, они больше похожи на твоих соплеменников, чем на меня? Или они так же отличаются от них, как я от тебя?

— Они совершенно такие же, как я, если не считать размеров... и конечно, они очень много знают.

— И продолжают жить от одного поколения до другого... то есть на протяжении времени жизни одной группы народа и до времени жизни следующей группы... А все обычные твои соплеменники умирают, когда приходит срок?

— Так говорят Учителя, и так говорится в книгах.

— Сколько же времени вы обыкновенно живете?

— Восемьсот тридцать лет. Сейчас нам восемьсот шестнадцать.

Крюгер посчитал в уме и попытался представить себе, что бы он чувствовал, если бы знал, что жить ему осталось всего девять месяцев. Он ни минуты не сомневался, что ему бы это не было безразлично, но Дар Лан Ан, видимо, считал это в порядке вещей. Крюгера, естественно, волновал вопрос, нет ли у его маленького друга тайного желания пожить подольше?

Он не осмелился спросить об этом вслух, предмет мог оказаться в высшей степени деликатным. Инициативу беседы перехватил Дар, и Крюгер вдруг понял, что маленький абьёрменец по-настоящему жалеет его именно за то, что он, Нильс, не знает, когда умрет. И хотя Дар не обладал запасом необходимых слов, чтобы выразить это чувство, и хотя оно, это чувство, не совсем поддавалось четким определениям, все же у юноши создалось впечатление, что сам Дар ни за какие блага не решился бы жить под гнетом этой неизвестности.

— Однако хватит об этом. — Дар, верно, тоже понял, что находится на грани, перейдя которую может ранить чувства своего собеседника. — Пилот предложил мне попытаться построить катапульту, чтобы они смогли забрать тебя отсюда. Нам следует хотя бы начать, прежде чем они возвратятся. Собственно, от нас требуется только установить столбы, тросы они наверняка привезут с собой.

— Как работает эта катапульта?

Дар объяснил. По-видимому, речь шла об очень большой рогатке. Сложность работы состояла в том, чтобы прежде всего правильно расположить устройство (ибо ему надлежало забросить планер в пределы достаточно надежного вертикального потока); кроме того, опорная конструкция, к которой крепятся тросы, должна быть достаточно прочной, чтобы выдержать предстоящую нагрузку, — им вовсе не улыбалась перспектива увидеть, как сбитые наскоро бревна выскакивают из грунта. Что касается первого требования, то выполнить его на морском берегу было нетрудно, осуществление второго зависело от опыта. Эта работа оказалась значительно легче сооружения плота, здесь не нужны были слишком толстые бревна. Большую их часть Крюгер срезал и обработал ножом по указаниям Дара; маленький абориген сам устанавливал и закреплял бревна быстро и умело.

Аррен, лениво ползущий над горизонтом, отмечал течение времени, но они его почти не замечали. Они прерывались, только чтобы поохотиться, поесть, отдохнуть, но Крюгер так никогда и не узнал, сколько времени потребовалось планеру, который они видели, чтобы завершить полет к ледяной шапке, и сколько времени отняла организация спасательной экспедиции. Наверняка меньше года — ведь они ни разу не видели

Тиир за это время, — но когда со стороны океана показался первый планер, катапульта была готова.

Аппарат сел рядом с катапультой. На протяжении получаса снизилось еще два планера, из каждого вылез пилот. Все трое были приятели Дара, и он представил их Крюгеру. Ни тогда, ни позже Крюгер так и не научился их различать, и он пришел в большое замешательство, когда обнаружил, что даже Дара он отличает от других только по знакомым пятнам, царапинам и трещинам на его кожаных ремнях да по железным пряжкам, которые он применял для сигнализации. У других пряжки на ремнях были не то из рога, не то из кости.

Пилотов звали Дар Эн Вэй, Ри Сан Со и Дар Ту Кен. Крюгера огорчило такое обилие «Даров», он сообразил, что отныне уже не сможет удобства ради называть своего друга сокращенным именем. Он спрашивал себя, не связаны ли эти имена какой-то степенью родства, хотя, судя по тому, что рассказывал ему в свое время Дар Лан Ан, это представлялось маловероятным.

Один из планеров был значительно больше остальных; Крюгер решил, что это и есть четырехместный аппарат, о котором упоминал давешний пилот. Дар Лан Ан подозвал его к этому планеру, после чего все принялись совещаться, каким образом разместить в нем громадного землянина. Сиденье пилота, разумеется, должно быть неприкосновенным, убрать же остальные и поместить Крюгера прямо на непрочном полу кабины было рискованно. Что же касается самих сидений, то ни одно из них его не вмещало, хотя по форме они казались ему весьма удобными. В конце концов решили соорудить импровизированную подстилку из тонких веток, скорее матрас, нежели сиденье, достаточно прочный, чтобы Крюгер не провалился сквозь обшивку, но в то же время и легкий; последнее требование имело весьма важное значение для равновесия планера, и без того в какой-то степени нарушаемого весом юноши. Из всего, что ему довелось услышать, Крюгер понимал, что между вымиранием одной расы и появлением следующей проходит какой-то период времени. Но когда он спросил об этом пилотов, ему никто не ответил. Вновь прибывших попросту испугал вопрос, и впредь они, по-видимому, были

склонны считать Нильса еще бóльшим уродом, чем считали раньше, когда судили только по его внешнему виду. Поэтому пилот большого планера не стал возражать против того, чтобы его аппарат с Крюгером на борту повел Дар Лан Ан.

Когда с этим было улажено, Дар спросил: «Где же остальной флот? Или они полагают, что на деревню, захватившую его книги, можно напасть такой крошечной группой?»

Ри Сан Со ответил ему:

— Мы пока не собираемся в ту деревню. Учителя хотят сначала получить от тебя подробный отчет, а кроме того, они хотят поглядеть на твоего спутника. Ты ведь сказал, что он знает больше, чем говорится в книгах, поэтому, по их мнению, важнее доставить в Ледяную Крепость его, тем более что он страдает от жары.

Дар Лан Ан вынужден был согласиться с разумностью приведенных доводов, хотя потеря книг и угнетала его. Крюгер же просто захлопал в ладоши от радости: каждый раз, когда он слышал слово, которое, по-видимому, означало «лед», у него начинался приступ ностальгии. Конечно, неплохо разок-другой сходить в парилку, но он-то торчит в ней без малого целый земной год!

Запуск планеров не составил особого труда. Планеры по очереди закрепляли якорем на определенном расстоянии от опорных столбов, к носу при помощи крючка прицепляли трос, а легкий, нерастягивающийся шнур протягивали вверх к скобе, через блок и назад к кабестану. Кабестан проворачивали до тех пор, пока трос следом за шнуром не достигал скобы, после чего шнур отделяли и убирали, и планер спускался с якоря. В тот момент, когда он проносился над скобой, крюк срывался с его носа и падал, и все устройство подготавливалось вновь для следующего запуска.

Планер, на борту которого находился Дар Лан Ан и Крюгер, был запущен несколько иначе. На этот раз съемный крюк крепили на скобе, а кабестан установили на подставке в кабине; планер удерживался скользящим узлом, распустить который пилот мог, не двигаясь с места. В результате трос вознесся вместе с планером, и Крюгер смотал его, когда они были уже высоко в воздухе. Только после этого Дар поделился с ним, что

могло бы произойти, если бы крюк застрял в пусковой скобе.

— Но разве у тебя на такой случай нет какого-нибудь способа освободить свой конец троса? — спросил Крюгер.

— Мы пробовали такое устройство, но пилот обычно не обладает достаточно быстрой реакцией, чтобы им воспользоваться. Узнаешь, что крюк застрял, только когда трос заденет нос твоего планера и вырвет тебя из привязных ремней.

Крюгер проглотил слюну и промолчал.

Полет был интересный, но почти без происшествий. Разумеется, по понятиям Крюгера, летели они медленно; Дар беспрестанно лавировал. Ему приходилось нырять с одного восходящего потока на другой, и Крюгер только удивлялся, каким образом он находит эти потоки. Со своей стороны Дар не всегда мог объяснить это; ему потребовалась целая жизнь, сорок земных лет, чтобы набраться этой мудрости. Неудивительно, что он не в силах был передать ее человеку за один полет.

Одно было ясно: на Земле Дар Лан Ан преспокойно брал бы любые призы на любых состязаниях планеристов, даже если бы он понятия не имел, что участвует в состязаниях. И дело даже не в том, что лететь сейчас пришлось свыше полутора тысяч миль; просто сам Дар относился к перелету как к чему-то совершенно обыденному, и думал о возможности аварии не более чем пассажир, совершающий рейс из Гонолулу в Нью-Йорк. И по мере того как тянулись часы, а берега не было и в помине, Крюгер начинал понимать, какое для этого требуется искусство.

Когда же берег наконец появился, то оказалось, что он совершенно не похож на тот сравнительно плоский берег (если не считать нескольких вулканических сопок), что они покинули, — он был весь взрыт. Там громоздились горы, образовавшиеся явно в результате сбросов и разломов, — молодые горы, как определил бы геолог. Все свидетельствовало об этом: и крутые обрывы, и бесчисленные горные реки, изобилующие водопадами и порогами, и острые голые пики. Воздушные течения здесь были невероятно сложными, и Дар пользовался ими с почти сверхъестественным искусством. Остальные планеры давно исчезли из виду: меньшая нагрузка на крылья позволяла им «прыгать»

с одного вертикального потока на другой. Дар не хотел рисковать.

Как только показался берег, он начал забирать влево и пересек береговую линию в длинном пологом скольжении. Чаще всего они летели слишком высоко, и им не удавалось различить животных или отдельные деревья в лесах, одевавших нижние склоны гор. Но время от времени, чтобы воспользоваться воздушными потоками, вытесняемыми вверх по очередному горному кряжу, планер нырял вдоль подветренной стороны какой-нибудь долины, и тогда Крюгер мог убедиться, что растительность здесь иная, чем за океаном. Одна из причин этого была очевидна: температура здесь гораздо ниже. В начале полета Крюгер чувствовал себя лучше всего в наивысших точках движения планера, теперь же воздух был прохладен даже у самой земли.

Шли часы, становилось все холоднее. Крюгер не знал, сколько они пролетели, но понимал, что расстояние это измеряется сотнями миль. Он устал, был голоден и хотел пить. Дар, казалось, относился ко всему этому с полным безразличием, как и к холоду, который все чаще заставлял Нильса вспоминать о покинутых джунглях с некоторой грустью. Они мало говорили на протяжении всего пути; всякий раз, когда Крюгеру хотелось спросить, долго ли им еще осталось лететь, он сдерживался из нежелания показаться нытиком. В конце концов первым заговорил Дар.

— Мы можем не успеть до темноты, — произнес он вдруг. — Скоро мне придется сесть, и мы полетим дальше, когда снова взойдет солнце.

Крюгер с удивлением взглянул на голубое солнце, на которое уже давно не обращал внимания. По-видимому, Дар прав. Аррен был над самым горизонтом, позади и чуть правее планера; он медленно опускался. Крюгер попытался воспользоваться этим фактом, чтобы выяснить, где же, в каком месте планеты они сейчас находятся; должен же заход Аррена что-то означать, ведь до этого он видел в небе голубое солнце непрерывно в течение шести земных месяцев. Одно было ясно: Тиир в этом году не взойдет. Они перелетели на «темную сторону» Абьёрмена. Ледяная шапка была бы здесь как нельзя более уместной.

Тем не менее, прикинув угол, под которым голубая звезда опускалась за горизонт, Крюгер решил, что она

опустится не слишком глубоко. Он поделился своими соображениями с Даром.

— Ведь такой темноты, чтобы ничего не стало видно, не будет, верно? — спросил он.

— Верно, но мы обычно не летаем, если в небе нет ни Тиира, ни Аррена, — отозвался Дар. — Вертикальных потоков воздуха становится гораздо меньше, и их труднее различить даже с близкого расстояния. Конечно, я сделаю все, чтобы успеть в Крепость до того, как зайдет солнце; мне вовсе не хочется просидеть на верхушке горы пятнадцать-двадцать часов.

Крюгер от души пожелал ему удачи.

С уверенностью определить движение солнца было трудно, ибо планер часто и резко менял высоту, однако не приходилось сомневаться в том, что оно садилось. Внимание Крюгера было настолько поглощено заходящей звездой, что он совсем упустил из виду ландшафт внизу, чего бы никогда не сделал при других обстоятельствах, и ледяная шапка появилась на горизонте задолго до того, как он ее заметил. Но, заметив, он уже не мог от нее оторваться.

Первое, что бросилось ему в глаза, была огромная река; она тянулась параллельно их курсу и уходила в сторону далекого теперь океана. Следуя взглядом вверх по ее течению, Нильс обнаружил, что река берет начало у подножия гигантской стены, розовато мерцающей в почти горизонтальных лучах Альциона. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что стена эта — основание ледника. Река тянулась в глубь континента, но это была река, забитая льдами. В направлении к центру материка горы становились все выше, но Крюгеру казалось, что они становятся все ниже, ибо подножия их скрывались под вековыми напластованиями снегов. Впереди, насколько хватало глаз, простиралось ледяное поле. Бóльшую часть льдов удерживали в неподвижности громадные скалы, пронизывающие ледяную толщу насквозь, но по краям льды откалывались и сползали, словно стремились проложить себе путь к океану. Здесь, на краю полярной шапки, толщина льда достигала не менее тысячи футов. «Какова же она дальше, в глубине континента?» — подумал Крюгер.

Но появление ледовой шапки означало, что они уже близки к цели, иначе Дар не стал бы приближаться к местам, изобилующим нисходящими потоками. На

вопрос Крюгера, так ли это, пилот ответил утвердительно.

— Да, мы успеем добраться. Еще два подъема, если мне удастся найти восходящие потоки, и тогда остальной путь мы пройдем на снижении.

От дальнейших вопросов Нильс воздержался и, как зачарованный, следил за тем, как леса внизу уступили место снежным полям, а плодородные почвы — черным и серым скалам.

Но вот наконец пилот указал вперед, и юноша увидел высоко на склоне одной из гор террасу, скорее всего естественную, которая могла означать не что иное, как только посадочную площадку. Долина внизу была заполнена льдом, продолжением ледника, так и не растаявшего на протяжении доброго десятка миль, после того как он дополз до этого места. На террасу открывались входы каких-то громадных туннелей, уходивших, вероятно, в самую глубину горы. Несколько крылатых силуэтов перед туннелями не оставляли никаких сомнений относительно назначения этого места.

Крюгеру казалось, что они могут немедленно начинать спуск к террасе, однако Дар Лан Ан слишком хорошо знал, какие яростные нисходящие течения возникают вдоль края террасы, когда солнце не освещает этот склон горы, и потому воспользовался последней возможностью набрать высоту. Несколько минут, пока он, поднимаясь, описывал круги, планер был озарен последними лучами Альциона, и его, должно быть, видели наблюдатели внизу.

Затем солнце исчезло за скалистым пиком, и под планером распахнулась терраса. Дар провел аппарат поперек ровной площадки, имея под собой в запасе ярдов двести, сделал два крутых скользящих поворота, чтобы сбросить высоту, и словно перышко посадил планер перед входом в один из туннелей. Крюгер, окоченевший от холода во время последнего подъема, с радостью выкарабкался из аппарата и с благодарностью принял кувшин воды, который ему незамедлительно подал один из аборигенов.

Очевидно, их ждали, и это было вполне естественно: остальные планеры прибыли уже давно.

— Вы нуждаетесь в отдыхе перед разговором с Учителями? — спросил их кто-то из встречавших.

Дар Лан Ан взглянул на Крюгера, не спавшего, как ему было известно, гораздо дольше обыкновенного, однако, к его удивлению, Нильс ответил:

— Нет, пойдемте. Я отдохну потом; мне хочется повидать ваших Учителей, и я знаю, что Дар Лан Ан спешит вернуться в деревню. Их резиденция далеко отсюда?

— Совсем недалеко.

Тот, кто задал вопрос, повел их в туннель, который вскоре превратился в спиральный спуск, уходивший в недра горы. Они шли по спуску добрых полчаса — по крайней мере так показалось Нильсу, уже начавшему раздумывать, что же тогда их провожатый понимает под словом «далеко», но тут подземный ход вывел их наконец на ровный пол большой пещеры. Сама пещера была почти пуста, однако в нее открывалось несколько дверей, и провожатый направил их к одному из этих входов.

Помещение за порогом оказалось чем-то вроде кабинета; в нем пребывали два существа, которые, судя по описанию Дар Лан Ана, и были Учителями. Их внешний облик действительно полностью совпадал с обликом Дара, если не считать роста. А роста в них было чистых восемь футов.

Оба они шагнули навстречу вошедшим и остановились, ожидая представлений. Движения их были медлительны и весьма неуклюжи, и едва Крюгер подметил это, как подозрения, которые он питал уже некоторое время, превратились в уверенность.

9. ТАКТИКА

Земля отстоит от Альциона и звездного скопления, к которому он принадлежит, на пятьсот световых лет. Это не очень далеко по галактическим масштабам, так что данные, собранные исследовательским кораблем «Альфард», были доставлены на Землю до того, как Нильс Крюгер впервые повстречался с Дар Лан Аном. Поскольку «Альфард» получил спектральные, фотометрические и стереометрические данные и пробы с пяти сотен различных пунктов в области, занимаемой Плеядами, а также биологические и метеорологические

сведения относительно десятка планет в этом звездном скоплении, исследователям предстояло обработать колоссальную информацию.

И все же их внимание очень быстро привлекла к себе именно та планета, на которой, как полагали, погиб Нильс Крюгер. Они не имели возможности точно вычислить ее орбиту относительно красного карликового солнца, к системе которого ее причисляли, или установить взаимосвязь между этим карликом и соседним Альционом, но было ясно, что планета, красный карлик и голубой гигант, сгрудившиеся внутри облака газовой туманности, представляли собой нечто из ряда вон выходящее с точки зрения большинства космологических теорий. Астрофизика, который первым наткнулся на этот материал, заинтересовали полученные сведения, он вновь просмотрел их и затем обратился за консультацией к коллеге. Материал о странной системе был опубликован, и многими астрономами овладело желание узнать о ней побольше. Таким образом, дела Нильса Крюгера были гораздо лучше, чем он полагал.

Но сам Крюгер не был астрономом, и, хотя теперь он имел довольно верное представление об орбите Абьёрмена, ему все же в голову не приходило, что необычная система может заинтересовать еще кого-нибудь кроме него самого. Мысли о Земле он отбросил или почти отбросил, ибо ему было о чем думать и без того. Он считал, что ему предстоит прожить всю жизнь на Абьёрмене; здесь он нашел единственное живое существо, которое мог считать своим другом. А потом этот друг сообщает, что их совместная жизнь продлится всего несколько земных месяцев, что в конце этого срока он, друг, умрет естественной смертью.

Крюгер не поверил этому, во всяком случае не поверил, что это неизбежно. Когда Дар Лан Ан описал ему Учителей, у Крюгера возникло смутное подозрение. Вид этих исполинов только подтвердил его подозрение, и он приступил к первому разговору с ними, исполненный решимости сделать все, что в его силах, чтобы отсрочить конец, который сам Дар считал неизбежным. Ему и в голову не пришло спросить, будет ли Дар от этого счастливее.

Трудно сказать, чувствовали ли Учителя, допрашивавшие Нильса Крюгера, его подспудную враждебность

к ним; никто их об этом не спросил за то время, что им осталось жить, а сами они не сочли нужным занести в книги свои ощущения. Во всяком случае, они не выказывали никаких чувств; согласно своим обычаям, проявили вежливость и ответили примерно на столько же вопросов, сколько задали сами. Они спокойно выслушали те сведения по астрономии, которые им сообщил Крюгер, рассказывая о своем прошлом. Во многом их вопросы повторяли Учителя деревни. Нильс подчеркнул, когда об этом зашел разговор, что Учитель деревни отобрал у него зажигалку; он приготовился защищать Дар Лан Ана от возможного обвинения в свободном обращении с огнем, но этот вопрос Учителей, по-видимому, совершенно не волновал. Облегчение, которое при этом испытал Дар, заметил даже Крюгер.

Учителя показали Крюгеру Ледяную Крепость, сопровождая осмотр такими подробными объяснениями, которые были неизвестны и самому Дар Лан Ану. Пещеры в горе были только преддверием; главное поселение располагалось глубоко внизу и на многие мили тянулось к центру материка. Несколько туннелей связывали его с посадочными площадками вроде той, на которую сели Дар и Крюгер. Именно там находились книгохранилища. Крюгер своими глазами увидел, как груды книг, доставленных со всех концов Абьёрмена, регистрируются и расставляются для хранения до будущих времен. На вопрос, когда наступит это будущее, Учитель-гид без колебаний ответил:

— После конца этой жизни и перед началом следующей пройдет примерно четыреста лет. Затем в течение десяти лет города будут заселены снова, и тогда начнется процесс обучения.

— Значит, вы уже начали покидать города. Сюда сойдется умирать весь ваш народ?

— Нет. Мы не покидаем наши города; народ живет в них до конца.

— Но ведь город, который мы нашли с Дар Лан Аном, был покинут!

— Это не наш город. Народ, который живет рядом с этим городом, — не наш народ, и их Учителя не принадлежат нашему роду.

— Вы знали об этом городе?

— Очень мало, хотя тамошние Учителя немного нам знакомы. Мы все еще не решили, как с ними поступить.

— Надо просто вернуться туда с большим отрядом и отобрать книги силой, — вмешался Дар. — И кроме того, вам понадобится зажигательное устройство Нильса, хотя мы и не пользуемся огнем. Это знание, и ему место в хранилище.

Учитель сделал одобрительный жест.

— В каком-то отношении ты совершенно прав. Однако сомнительно, что нам удастся принудить их вернуть эти вещи. Разве не ты говорил, что они держат книги в укрытии среди водоемов с горячей водой?

— Да, но их же нельзя там держать!

— Не разделяю твоей уверенности. Во всяком случае, если мы и совершим нападение, как ты предлагаешь, у них будет время и, вероятно, желание спрятать все в другом месте.

— А почему бы вам не заставить их сказать, куда они спрятали? — спросил Крюгер. — Если мы захватим деревню, можно поставить их перед выбором: либо наша собственность, либо смерть.

Учитель пристально поглядел на юношу.

— Вряд ли я смогу одобрить убийство, — сказал он наконец. Под его взглядом Крюгер ощутил некоторую неловкость.

— Ну... — промямлил он, — они могут и не знать, что на самом деле мы вовсе не станем их убивать.

— Но предположим, что наши вещи все еще у их Учителей. В таком случае что толку угрожать жителям деревни?

— Но разве их Учителя не будут также в наших руках?

— Сомневаюсь. — Односложность ответа полностью ускользнула от внимания Крюгера.

— Пусть так, пусть даже мы не захватим их, но неужели они не отдадут наши вещи, чтобы спасти свой народ?

— Это возможно. — Учитель помолчал. — Это... вполне... возможно. Некоторые твои высказывания мне не совсем по душе, но должен признаться, что в этом последнем есть здравая мысль. Конечно, нам нет нужды угрожать смертью; достаточно угнать этот народец с собой... или даже просто пригрозить, что мы это сде-

лаем. Я должен посоветоваться с другими Учителями. Ты можешь, если тебе хочется, остаться здесь и осмотреть библиотеку, но, как мне кажется, к тому моменту, когда решение будет принято, ты пожелаешь быть наверху.

Крюгер уже видел все, что его интересовало, — процесс раскладывания книг и библиотекарей, по росту приближавшихся скорее к Дару, чем к Учителям, — и выразил намерение вернуться на поверхность. Дар Лан Ан вызвался его сопровождать, и начался долгий подъем. Крюгеру было довольно тепло, хотя температура не превышала сорока пяти градусов по Фаренгейту. Он шел и раздумывал, для чего нужно такое убежище — полмили камня и свыше трех миль льда над головой (если верить словам Учителя). Еще более загадочным представлялось создание такого подземного города силами народа, владеющего лишь весьма примитивными орудиями труда. Впрочем, не приходилось сомневаться, что вначале, когда они впервые явились сюда, у них были подходящие орудия. По мнению Крюгера, крушение, забросившее народ Дара на Абьёрмен, должно было произойти несколько поколений назад. Начать хотя бы с того, что их здесь было явно больше, чем могло уместиться на одном космическом корабле.

Учителя обсуждали проекты Крюгера и вносили в них поправки довольно долгое время, и юноша воспользовался этим, чтобы осмотреть все, что возможно, как внизу, так и наверху.

Температура снаружи была близка к нулевой, как и следовало ожидать вблизи такой массы льдов. Крюгер был не в состоянии долго оставаться на холоде, потому что с одеждой он в свое время распорядился таким образом, чтобы она не обременяла его на жаре. К счастью, синтетическая ткань не пропускала ветра, и Крюгеру удавалось кое-как сохранить тепло, затянув шнурки на запястьях, лодыжках и вокруг шеи. Что же до Дар Лан Ана, почти всегда сопровождавшего его в вылазках на поверхность, то он, по-видимому, был так же равнодушен к холоду, как и к жаре.

Впрочем, однажды Крюгеру довелось пробыть снаружи продолжительное время, но не по своей воле. Он вышел один и, побродив меж сугробами и по предательскому насту около получаса, вернулся назад. Дверь оказалась заперта. Выходя, он как-то не обратил вни-

мание на то, чем она запирается; видимо, она была оборудована пружинным замком. Сколько он ни стучал, никто его не услышал, так как дверь находилась ярдах в четырехстах от главного туннеля на этом уровне, и Крюгеру пришлось пробираться вокруг всей горы к посадочной площадке. Он добрался до нее в полумертвом состоянии и с тех пор был очень осторожен с дверьми.

Не раз совершал он ошибки и в подземельях. Однажды он едва не задохнулся при осмотре продуктового склада, а в другой раз чуть не свалился в какой-то люк, который, как выяснилось позже, открывался в желоб мусоропровода. Он узнал, что желоб ведет в узкое ущелье, заполненное талой водой, которая уносила все отбросы. После этого он уже никуда не отлучался один и очень обрадовался, когда Учителя кончили совещаться и приняли решение напасть на деревню.

Следовало признать, что план нападения был весьма остроумен. Они с Даром должны были вернуться в покинутый город на планере, предварительно покружив над деревней с таким расчетом, чтобы их заметили. Тем временем большой отряд арбалетчиков высадится по другую сторону от города, достаточно далеко и совершенно незаметно. Затем отряд вступит в город, и они встретятся в точке, выбранной и отмеченной Даром на карте, которую он начертил, пользуясь своей фотографической памятью.

План был основан на предположении, что жители деревни вновь пошлют группу стрелков, чтобы схватить пришельцев. Дар и Крюгер поведут отряд на площадь, окруженную зданиями, в которых и собирались укрыться арбалетчики с ледяной шапки. Правда, не исключалась возможность, что Дара и Крюгера успеют захватить в качестве заложников или даже убить на месте, но по этому поводу Дар не проявил никаких признаков беспокойства, и Крюгер тоже предпочел скрыть свои чувства.

На сей раз он сам проследил за тем, чтобы в планер погрузили еду и воду, хотя Дар, видимо, считал эти припасы излишками для такого перелета.

Как и следовало ожидать, возвращение в тропики радовало Крюгера очень недолго. Вскоре же он обнаружил, что с грустью вспоминает о вьюгах на ледяной

шапке, забыв, как это свойственно человеку, что вьюги эти однажды чуть не погубили его. Трудно представить себе, что бы сказал Дар Лан Ан, если бы ему стали известны мысли спутника. Но Крюгер вслух их не высказывал, и потому пилота ничто не отвлекало от планера.

Вулканические сопки они нашли без труда. Большинство других планеров уже приземлилось на побережье в нескольких милях от них; и на сей раз легкие аппараты показали лучшее время. Дар и Крюгер видели, как экипажи собираются для выступления к городу; они решили побыть в воздухе подольше, чтобы дать арбалетчикам время выйти на исходные рубежи.

Они пролетели в глубь побережья, за вулканы, и принялись кружить там, пытаясь сверху обнаружить знакомую деревню.

Оказалось, что хижины превосходно замаскированы деревьями, но район гейзеров им удалось найти сразу. Нагретый грунт здесь создавал великолепный восходящий поток, и Дар кружил в нем несколько минут, пока они внимательно разглядывали местность. Но внизу не было заметно никаких признаков жизни. Наконец Дар повел планер обратно к вулканам и сел на берегу как только мог ближе к городу.

Они вступили в город пешком, прекрасно сознавая, что оставляют на песчаной полосе отчетливые следы и нимало об этом не беспокоясь. По крайней мере, Дар Лан Ан не беспокоился. Что же касается Крюгера, то он все-таки начал сомневаться, не слишком ли открыто они действуют. Он поделился своими сомнениями с Даром, но тот был крайне этим удивлен.

— Не думаю, чтобы нам следовало особенно беспокоиться, — сказал он. — Они же поймут, что мы могли сесть только на берегу — не можем же мы посадить планер прямо в джунглях. А по песку невозможно пройти, не оставляя следов. Вот в городе мы будем уже не так заметны.

— Будь по-твоему.

По-видимому, подумал Крюгер, народ Дар Лан Ана не слишком богат военным опытом. Впрочем, если повезет, то жители деревни, которых они замыслили поймать в ловушку, окажутся столь же простодушными; уповать остается только на это.

В городе, как и прежде, царила тишина. Недавно прошел ливень, и на ровных участках мостовой блестели лужи. Обойти их удавалось не всегда, и по дороге к площади, где должны были ждать арбалетчики, Крюгер и его спутник оставили за собой мокрые следы. Нильса немного беспокоило, долго ли будут видны эти следы, но Дару подобные мысли, видимо, просто не приходили в голову.

Они явились на условленное место раньше остальных, хотя пробыли в воздухе дольше, чем предполагали. Когда отряд наконец прибыл, они, не теряя времени, устроили засаду. После этого делать, собственно, было нечего, разве что вновь заняться осмотром зданий.

— Не знаю, что здесь еще может найтись нового и интересного, — заметил Крюгер. — Эти места мы в тот раз обошли вдоль и поперек. Надо было нам выбрать такой участок, где мы еще не все облазили.

— Вряд ли это пошло бы нам на пользу, — возразил Дар. — Я ведь мог полагаться только на свою память, ты знаешь.

— Да, по-видимому, ты прав. Ну что ж, зайдем вон туда и посмотрим, что там можно найти.

Крюгер направился к ближайшему строению, и повторилась процедура осмотра, выработанная ими в прошлый раз. Как они и предполагали, ничего нового в наземных помещениях не обнаружилось, а мысль спуститься вниз вызывала у них чувство физического отвращения.

Шли часы. Дар Лан Ан то и дело заходил в здание, где укрывался командир арбалетчиков, чтобы обсудить, как идут дела, но дел попросту не было и нечего было обсуждать. Крюгер наконец вынужден был заявить, что либо жители деревни, либо их Учителя, очевидно, разгадали их замысел, а потому необходимо немедленно собрать отряд и двинуться прямо в деревню. Однако его предложение, по-видимому, пришлось остальным не по вкусу: оно противоречило полученным приказам.

— Следует по крайней мере подождать еще некоторое время, — упорно твердил Тен Ли Бар, командир отряда.

— Времени у вас не так уж много! — возразил Крюгер. — Я-то могу и обождать, хотя мне хотелось бы очутиться по ту стороны океана до того, как ваш последний планер останется без пилота. Но если вы

не поторопитесь, вам никогда не получить захваченные книги, да и электрический аппарат, который нужен вашим Учителям, тоже очень нескоро попадет к ним в руки.

Абориген смутился.

— В чем-то ты, несомненно, прав. И все же, если нас постигнет неудача из-за того, что мы нарушили приказ... — Он замолчал и вдруг оживился: — Помнишь, ты рассказывал об электрических приборах здесь, в городе. Может, ты не пожалеешь потратить часть времени и раздобудешь для нас несколько приборов? Я с радостью тебе помогу.

Крюгер понял, что Тен Ли Бара не переупрямить. Он пожал плечами.

— Дело ваше. Пойдем, я посмотрю, что можно сделать.

Он направился к ближайшему зданию, пересек открытое помещение и вошел внутрь. Дар Лан Ан и Тен Ли Бар следовали за ним. Как и во всех других зданиях, здесь имелся электрический штепсель. Под взглядом аборигенов Крюгер подцепил за края верхнюю пластину и обнажил проволочки.

Дар Лан Ан уже слышал его объяснения и потому вначале следил за ними не очень внимательно, однако к концу заинтересовался и он. Это случилось в ту минуту, когда Крюгер объяснял, зачем нужны два проводника и что происходит, когда между ними оказывается третий. Объяснения в силу необходимости были исключительно словесными, ибо предполагалось, что демонстрационного материала под руками нет. Но тут Тен Ли Бар, стремясь наглядно представить себе, о чем говорит Нильс, взялся за проволочки и соединил их. Серебряные полоски вдруг раскалились докрасна, и абориген с воплем отдернул руку.

Нильс Крюгер был потрясен не менее, чем Тен. Несколько секунд юноша таращил глаза на раскаленные провода, затем расцепил их пластиковой рукояткой своего ножа.

— Тебя только обожгло или ты почувствовал еще что-нибудь? — отрывисто спросил он Тен Ли Бара.

— Не знаю. Если это был ожог, то я понимаю, почему книги предупреждали нас против огня. — Арбалетчик потешно, совсем по-человечески сунул пальцы в рот.

Поняв, что ему не получить информации от существа, которое понятия не имеет, что такое ожог, Крюгер решил действовать самостоятельно. Сначала он замкнул провода лезвием ножа и по виду искр пришел к выводу, что напряжение должно быть не очень высоко. Затем, уверившись, что стоит на сухом каменном полу (насколько сухим может быть камень в этой насыщенной влагой атмосфере), соединил провода двумя пальцами. Он не ощутил ни малейшего удара током, хотя дополнительная проверка ножом показала, что проводка попрежнему находится под напряжением.

И тогда он задумался: всегда ли город питается током низкого напряжения и продолжают ли работать питающие его генераторы или это последняя вспышка энергии какой-то аварийной аккумуляторной системы? Знают ли об этом Учителя в близлежащей деревне, а если знают, то не потому ли они наложили на город запрет? Крюгер уже привык не отделять себя от народа Дар Лан Ана, несмотря на враждебность, которую питал к его Учителям. Если они не желают пальцем пошевелить по собственной воле, чтобы получить необходимые сведения, то он, Нильс Крюгер, заставит их! Он резко повернулся к Тен Ли Бару.

— Положение изменилось. Дар Лан Ан и я — мы идем в деревню; нужно кое-что выяснить. Ты с отрядом можешь пойти с нами, если хочешь. А не хочешь — оставайся.

— Но что нам толку ждать здесь, если вы уйдете?

— Понятия не имею. У тебя своя голова на плечах, решай сам. А мы идем.

И Крюгер двинулся из здания, даже не спрашивая Дара, пойдет ли тот с ним. Тен мгновение смотрел им вслед, затем тоже вышел и принялся созывать отряд из укрытий. Крюгер оглянулся только один раз. Увидев, что отряд следует за ним, он улыбнулся про себя, но ничего не сказал.

Идти было нетрудно; они уже не раз ходили этим путем. Никто им не препятствовал, ни животных, ни жителей деревни не было видно. Даже на поляне гейзеров, когда они подошли к ней, царила тишина. Там, где тропка раздваивалась и поворачивала к месту, где они когда-то беседовали с Учителями, Крюгер свернул к водоему, который однажды едва не накрыл их кипящей водой. Несколько секунд спустя отряд уже стоял

перед каменным убежищем, торчавшим над известковым барьером.

Тишину по-прежнему нарушало лишь царапанье когтей по камням. Выждав какое-то время, Крюгер решительно подошел к убежищу и принялся искать вход. Он начал со стороны, обращенной к воде, ибо давно убедил себя, что дверь должна быть именно там, и перегнулся через барьер. Но в каменной кладке не оказалось ни единой трещины. Осмотр боковых стен и передней стороны тоже ничего не дал.

Правда, наверху Нильс обнаружил ряд тонких, почти невидимых щелей, очерчивавших подобие квадратного люка, однако через вход таких размеров не мог бы войти даже Дар Лан Ан. А уж об Учителях и говорить нечего — их крупный торс ни за что на свете не протиснулся бы через этот вход. И хотя книги и зажигалка, несомненно, ушли именно этим путем, куда девались Учителя, по-прежнему оставалось тайной.

Крюгер расширил зону поисков на много ярдов вокруг водоема. Остальные, поняв, что он ищет, и преодолев страх перед зрелищем кипящей воды, принялись ему помогать. Они обнаружили множество трещин, но все трещины оказались естественного происхождения. Попытка заглянуть в крошечные дыры, сквозь которые, как считалось, вели наблюдение Учителя, тоже ни к чему не привели — все они были неглубокими. Крюгер начал подозревать, что его умышленно направили на ложный след. По-видимому, во время собеседований Учителя наблюдали за ним с какого-нибудь удобного пункта на опушке леса. Но в таком случае, где же они сейчас? Нигде нет и признаков жителей деревни, не слышно голоса Учителей... Крюгеру вдруг стало не по себе.

Пока он стоял в раздумье, отряд прекратил поиски и собрался вокруг него, ожидая приказаний. Он испытал мимолетное удовлетворение от мысли, что командование экспедицией перешло к нему, но тут же забыл об этом. «Пошли в деревню», — коротко сказал он и зашагал впереди.

Они осторожно вышли на край расчищенного участка и при виде хижин остановились. В предвидении возможной засады отряд по приказу Крюгера рассыпался в цепь, но затем они снова двинулись вперед, пока не вступили в деревню.

Все еще ни звука, ни шороха. Они с опаской заглядывали в одну хижину за другой. Да, деревня была покинута.

— И мои книги, наверное, они унесли с собой! — горестно проговорил Дар Лан Ан.

— Боюсь, что так, хотя надо бы вернуться к водоему и попробовать открыть люк. Правда, мы еще не были в той маленькой хижине, куда они бегали к своим Учителям. Но ума не приложу, каким образом там мог поместиться хоть один Учитель? Я же видел, какие они.

— Не в этом дело! — Дар стрелой помчался к хижине Учителей и скрылся внутри. Уже через секунду Нильс услышал свое имя.

— Что там такое? — откликнулся он на бегу. — Они оставили твои книги как знак доброй воли?

— Не книги. Я не могу описать это.

Крюгер влетел в хижину одновременно с последними словами Дара. На мгновение он остановился, пока глаза привыкли к полутьме, затем увидел то, о чем говорил маленький пилот.

Хижина была почти пуста, только посередине стоял грубо сколоченный стол. На столе лежал какой-то аппарат. Он был без кожуха и состоял из проводов, конденсаторов и чего-то, похожего на радиолампы, и все это было сшито на живую нитку. Крюгер сразу понял, что это, но не успел вымолвить ни слова. Устройство на столе заговорило первым:

— Подойди, Нильс Крюгер. Я давно жду тебя. Нам надобно о многом поговорить.

10. РАЗЪЯСНЕНИЕ

Голос принадлежал Учителю, в этом не было никаких сомнений. Равным образом не приходилось сомневаться и в том, что Нильсу предстояло пересмотреть многие свои представления. Ведь насколько ему было известно, радио не имело даже племя, обосновавшееся у полярной шапки и разбросавшее свои города по всей планете. Возможно ли, чтобы эти существа знали об электричестве больше, нежели позволял предположить покинутый город?

— Почему ты меня ждешь? — спросил юноша. — Я сам не был уверен, вернусь ли когда-нибудь сюда... или ты считаешь, что я не проживу без зажигалки?

— Я был уверен, что Дар Лан Ан вернется за своими книгами; я слишком хорошо знаю его народ, чтобы сомневаться в этом. Позже я узнал, что и ты придешь вместе с ним.

— Как же ты узнал?

— Мне сказали. Потом объясню. Конечно, ты можешь мне не верить, но не такой уж я тебе враг, хотя кое-какие мои действия и могут вызвать твое негодование. Я охотно предоставлю тебе право жить столько, сколько позволяет твое естество... если ты согласишься на некоторые мои условия.

— А если не соглашусь? — Как и следовало ожидать, Крюгеру не понравились слова невидимого собеседника.

— Тогда с тобой опять начнут случаться всякие неприятные происшествия. И рано или поздно счастье тебе изменит.

Медленно, очень медленно Нильс осознал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что тот обвал на окраине города и кратер — все было подстроено?

— Вот именно. А кроме того, некая дверь оказалась запертой не случайно, и некий люк был оставлен открытым и без охраны тоже с определенной целью, и некий гейзер был пущен в воздух, а не в теплообменник. Будь же благоразумен, Крюгер; ты знаешь об этой планете слишком мало, а я — слишком много.

— Но ты же не мог... — Крюгер остановился; сам факт, что это существо знало о происшествиях в Ледяной Крепости, делал его возражение смешным. Он изменил фразу: — Как ты об этом узнал? Ты что, один из тамошних Учителей?

— Я часто говорю с ними.

— Значит, они подстраивали все это по твоему наущению? Или сами хотели избавиться от меня? Или же ты делал это помимо них?

— Они действовали по моему приказанию. Они не желали твоей гибели; с точки зрения чисто личной не хочу этого и я. К сожалению, ты слишком общителен.

— Что ты имеешь в виду? И почему это, собственно говоря, так уж плохо?

— Я задал тебе много вопросов, пока ты был нашим пленником, и не только о тебе самом, но и о техни-

ческих знаниях, которыми ты располагаешь. Ты ответил на все вопросы честно и, насколько я могу судить, правильно. Сам я не специалист в электротехнике, но знаю достаточно, и понимал почти все, о чем ты говорил.

— Чем же в таком случае я тебе не понравился?

— Если ты рассказал все мне, а полагаться на меня ты никак не можешь, то ты, несомненно, расскажешь все и народу Дар Лан Ана. У меня нет возражений против уровня цивилизации, которого они достигли, но зато есть веские причины не давать им возможности достигнуть уровня технологии твоего народа.

— Откуда ты знаешь о нашем уровне технологии?

— Об этом говорит само твое присутствие на этой планете.

— Почему ты возражаешь против того, чтобы они узнали нашу технологию? Ведь ты тоже ее узнаешь.

— Мы не хотим, чтобы они покинули эту планету. Они нужны нам здесь.

У Крюгера мелькнуло смутное подозрение, и, чтобы проверить его, он спросил:

— А как насчет вашего народа там, в деревне? Ты бы тоже возражал?

— В высшей степени. Ими легче управлять, когда они такие, какие есть.

— Как же ты смеешь говорить мне все это, когда рядом стоит Дар Лан Ан и слушает наш разговор?

— Его Учителя все знают. Они не хотели помочь мне избавиться от тебя, но мне удалось их принудить. Когда их попытки не удались, я приказал им прислать тебя сюда, чтобы убедить тебя, если возможно, или убить, если это окажется невозможно.

Крюгер, убедившись, что подозрения его оправдались, наклонился к самому аппарату и заговорил с такой злостью, какой еще никогда не испытывал.

— Теперь мне все понятно. Ты не принадлежишь ни к расе Дара, ни к расе народа, который жил в этой деревушке. Ты и тебе подобные вертите жителями деревни в делах повседневных и указываете остальному населению планеты, как поступать в делах более сложных. Я не знаю, кто из вас — вы или они — был аборигеном этого мира, но мне совершенно ясно, почему вам не хочется, чтобы они покинули теперь эту

планету. Вам бы тогда пришлось самим работать на себя! Что, неправда?

К концу тирады Крюгер настолько разъярился, что было просто чудом, как невидимому собеседнику удавалось его понимать. Но он, видимо, понял.

— Отчасти ты прав, — спокойно ответил он.

— Отчасти! Я прав во всем! Ну-ка, выйди, покажись!

— Боюсь, что именно сейчас это совершенно невозможно.

— Чего же ты боишься? Что я нечаянно наступлю на тебя и раздавлю?

— Не совсем так. Хотя, вообще-то говоря, наша встреча, произойди она в условиях, пригодных для жизни одного из нас, и в самом деле окончилась бы смертью другого. Я бы не смог выжить в твоем окружении, и я почти уверен, что ты не выжил бы в моем... Во всяком случае, Дар Лан Ан не выжил бы наверняка.

— Значит, он, а не ты абориген этой планеты. А вы явились сюда и поработили их!

— Я недостаточно хорошо знаю прошлое, чтобы опровергнуть твое утверждение, но полагаю, что ты неправ.

— Здесь же все ясно.

— Ты делаешь слишком уверенные заявления, основываясь на крайне малочисленных данных. Согласен ли ты пообещать мне не передавать народу Дар Лан Ана никаких знаний, за исключением тех, что мы одобрим?..

— Нет!

— Подожди, дай мне закончить... пока ты узнаешь о нас достаточно, чтобы судить объективно.

— А как я об этом узнаю?

— Я согласен освободить тебя от твоего обещания, как только ты об этом попросишь, но при условии, что я оставляю за собой право прикончить тебя, если найду это необходимым или целесообразным.

— И ты думаешь, что я буду чувствовать себя связанным обещанием, которое дам при таких условиях?

— Да я просто не советовал бы тебе делать и говорить что-нибудь такое, что дало бы мне основания

усомниться в тебе. И я уверен, ты знаешь, что я имею в виду.

— А как насчет Дара?

— Как я уже сказал, он волен говорить все, что ему угодно, пока он жив. У него нет знаний, которые, по нашему мнению, не должны быть переданы его народу.

— Он слышал, когда мы говорили об электричестве.

— Я помню.

— Ладно, будь по-твоему, я не стану рассказывать ничего без твоего ведома. Но предупреждаю, что убедить меня будет трудновато.

Из приемника донесся вздох облегчения.

— Вот это уже лучше, — последовал ответ. — Признаться, я был бы рад подружиться с тобой, как ты, по-видимому, дружишь с Дар Лан Аном.

— После всех твоих «случайностей» на это потребуется время... да и доверие.

— Твои слова наводят меня на мысль, уж не принадлежишь ли ты к расе, которая не ведает ошибок. Моя раса не такова. Впрочем, пожалуй, лучше перейти к объяснениям. Прежде всего твое предположение о том, что мы используем расу Дар Лан Ана просто в качестве рабочей силы, в корне неверно. Это невозможно чисто практически — мы не способны жить в тех же условиях, что и они. Но через несколько лет они умрут, и с их смертью начнется время, когда мы сможем жить на этой планете свободно.

— Ты хочешь сказать, что вы живете, когда они мертвы, и что...

— ...и что большинство из нас умирает, когда они начинают жить? Совершенно верно.

— Значит, город между вулканами построен вашим народом!

— Да. И когда мы умираем, за ним присматривают всего несколько представителей нашего рода. В том числе и я.

— Так вот почему электричество включено...

— Когда? Сейчас?

— Да, когда мы были в городе перед тем, как явиться сюда.

Из приемника донеслись странные, совершенно невоспроизводимые человеческим голосом звуки, затем последовала короткая пауза. И вот уже невидимый собеседник заговорил снова:

— Благодарю тебя. Некоторое время назад мне пришлось включить энергию, чтобы отрегулировать паровой клапан — подозреваю, это ты его испортил, — и я забыл отключить ее. Да, боюсь, что лучшие годы моей жизни миновали.

— Ты хочешь сказать, что эта штука в кратере, за городом... что это ты управлял ею?

— Не непосредственно; она управляется автоматически. Пар поступает из того же подземного источника, что и гейзеры. Резервы тепла там практически неистощимы, чего нельзя сказать о запасах воды. Мне пришлось отключить клапан вручную, так как непредвиденный расход пара угрожал другим нашим установкам. Скажи, ведь авария произошла по твоей вине?

— Боюсь, что так. — И Крюгер рассказал, как было дело.

— Понятно. Я надеюсь, ты уберешь оттуда камни, прежде чем вернешься к полярной шапке. Я мог бы послать жителей деревни, но мне бы пока не хотелось, чтобы они туда ходили.

— С удовольствием, — ответил Крюгер, — если только никто не будет дотрагиваться до ручного управления клапаном.

— Кажется, мы начинаем доверять друг другу. Однако вернемся к нашей теме. Как я сказал, мы совсем не такие, как твои друзья; мы находимся в других условиях, пользуемся другими орудиями, живем в других зданиях, едим другую пищу. Короче, мы им не соперники — с таким же успехом наши народы могли бы жить и на разных планетах.

— Почему же тогда вы возражаете против того, чтобы они жили на другой планете... или, по крайней мере, были бы способны переселиться на другую планету?

— Любой из их Учителей скажет тебе, что это столь же в их интересах, сколько и в наших. Скажи, если они покинут эту планету, велика ли вероятность, что они найдут другую точно такую же?

— Ну, этого я не знаю; таких планет, должно быть, много. Планетам в Галактике несть числа.

— Но наверняка очень мало таких, которые убивали бы их в положенный срок. Я понял так, что ты не знаешь срока своей смерти, и это тебя устраивает. А

ты не пробовал выяснить, как чувствовал бы себя при таких обстоятельствах твой друг Дар?

Крюгер молчал; он уже знал, что Дар испытывает сострадание к нему, существу, не ведающему своего смертного часа. Затем он припомнил одну из своих излюбленных теорий.

— Я признаю, что Дара всю жизнь воспитывали в убеждении, будто смерть в некое строго установленное время является естественной и неизбежной, но ведь это всего лишь вопрос воспитания... Некоторые представители его расы прекрасно мирятся с перспективой более долгой жизни.

— Тебе не могли этого сказать в Ледяной Крепости.

Крюгер воспринял эту реплику как признание своей правоты.

— А мне и не нужно было это говорить; я не слепой. Весь народ Дар Лан Ана, даже его ветвь здесь, у вас в деревне, все они одного роста... и одного возраста. Их Учителя тоже одинакового роста, но они намного крупнее Дара. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, в чем тут дело: этот народ растет на протяжении всей своей жизни, но время смерти, о котором все вы здесь толкуете, наступает прежде, чем они успевают вырасти. Те же, кого миновала всеобщая гибель, продолжают расти. Это и есть Учителя.

— Ты совершенно прав в истолковании главных фактов, но твое замечание о том, как сами Учителя относятся к своей продленной жизни, продиктовано исключительно твоим воображением. Говорил ли ты в Ледяной Крепости с кем-нибудь из тех, кто станет Учителями на следующий период жизни?

— Что ты имеешь в виду? Я говорил с многими Учителями.

— Но неужели ты всерьез полагаешь, что нынешняя группа Учителей переживет очередной период смерти? Уже одно то, что они, как ты выражаешься, намного крупнее, должно было бы подсказать тебе истину. Следующая группа будет состоять из тех, кто начал жить одновременно с Дар Лан Аном.

— А кто их выбирал? Почему в нее не может войти Дар Лан Ан?

— Он мог бы, но вряд ли захочет. Ледяная Крепость — единственное место на Абьёрмене, где существа его расы могут пережить период, когда планетой

владеет мой народ. Убежища под стенами просто не способны вместить всех; поэтому приходится производить некоторый отбор. А поскольку требуется длительное обучение, их отбирают в самые первые годы жизни.

— Ты намекал на то, что эти избранные не очень-то довольны своей участью. Мне в это трудно поверить.

— Избранный в Учителя подчиняется из чувства долга. Жизнь сверх отведенного, естественного срока — тяжкое бремя; ты видел, с каким трудом передвигаются Учителя в Ледяной Крепости, если они вообще способны передвигаться. Ты ведь не видел их всех; из каждых четверых трое уже сейчас превратились в беспомощных калек. Они растут, а силы остаются прежними. Суставы перестают гнуться, пищеварение портится. Они становятся жертвами заболеваний, которые делают их жизнь мукой. Но они идут на все это, потому что иначе каждая новая группа их народа вынуждена была бы начинать с самого начала и в периоды жизни их расы планету населяли бы одни дикие звери.

— Учителя вашей расы тоже проходят через все это?

— Да. Но до моего конца еще далеко; я должен прожить весь следующий период жизни моего народа или почти весь. И я пока еще не так одряхлел, как Учителя в Ледяной Крепости.

— Но в чем же различия между вашими расами? И какие условия убивают одну расу и способствуют росту другой? Влияют ли они на другие формы жизни на этой планете?

— На первый вопрос ответить трудно, если только мы не изыщем каких-либо средств, которые позволили бы тебе увидеть меня. Пока я не знаю, как это можно устроить. Чтобы мы оба остались живы, ты должен быть наглухо изолирован от меня, а я не знаю, из чего можно построить сплошной барьер, сквозь который мы могли бы видеть друг друга.

Крюгер собрался было предложить стекло или кварц, но обнаружил, что не в состоянии их описать. Прежде чем он составил фразу, в которой попытался рассказать об этих веществах, Учитель заговорил вновь:

— Условия жизни изменяются очень сильно, особенно температура. Становится гораздо жарче. (Крюгер тихонько присвистнул.) Изменяется состав воздуха.

— Вы дышите воздухом, водой или тем и другим? — спросил юноша. — Ведь ваш город тянется прямо в океан.

— Это только сейчас. Во время нашей жизни океан исчезает почти полностью. Видимо, вода океанов испаряется и в тех районах Абьёрмена, где не светит ни одно из солнц, она выпадает в виде дождя или снега. Мы, как ты понимаешь, не имели возможности исследовать эти районы, однако все то, что нам известно об условиях у Ледяной Крепости, подтверждает нашу теорию.

— Но Аррен светит над Крепостью большую часть времени.

— Сейчас — да; районы, о которых я говорил, расположены на расстоянии в четверть окружности планеты от Крепости.

— Ага, теперь мне становится понятно, — сказал Крюгер. — Я еще раньше сообразил, что Абьёрмен кружит вокруг Тиира по сильно вытянутой орбите; а если верить твоим словам, то и орбита самого Тиира, вращающегося вокруг Аррена, весьма сильно вытянута.

— К такому же выводу пришли и мы, хотя точные его размеры и характер орбиты нам неизвестны. Нам не удалось создать нужных измерительных приборов. Впрочем, мы знаем, что оба солнца гораздо больше Абьёрмена и находятся на большом от него расстоянии, поэтому разумно предполагать, что движется Абьёрмен, а не солнца.

— Тогда я понимаю, что должно происходить с вашей планетой; очевидно, мой последний вопрос не имеет смысла — если температура меняется в таких широких пределах, она, разумеется, должна влиять на всю жизнь этой планеты. То-то я поражался, почему здесь большинство деревьев и животных каждого вида почти не отличаются по размерам. Теперь мне ясно: они начали расти примерно в одно и то же время.

— По-видимому, в твоем мире это не так...

Эти слова прозвучали как вопрос. Поэтому Крюгер вынужден был остановиться на описании сезонных изменений на Земле и рассказать, как к ним приспосабливаются различные формы жизни.

— Значит, — заключил Учитель, — большинство ваших животных либо пребывает в активном состоянии весь год, либо погружается в бездействие, когда условия

становятся для них неподходящими. Первое на нашей планете невозможно, по крайней мере для нас; я вообще не могу себе представить существо, способное выдержать все крайности абьёрменского климата. Второе же представляется мне невероятной расточительностью: если уж вид не способен пережить условия какого-то времени года, почему бы другому виду не заменить его на этот период?

— Резонно, — признал Крюгер.

— Тогда почему тебе не нравится, что моя раса владеет Абьёрменом совместно с расой Дар Лан Ана?

— Дело не в этом. Меня отвращает ваше отношение к ним, то, что вы запрещаете мне сообщить им сведения, которые позволили бы им освободиться от вашей власти. Вряд ли ты станешь возражать, если я передам всю эту информацию тебе?

— Лично мне — нет. Но против передачи сведений моему народу я бы возражал столь же решительно, как и против передачи их народу Дар Лан Ана.

— То есть ты против того, чтобы я научил твой народ строить космические корабли?

— Вот именно.

— Но это же бессмыслица! Что ты можешь иметь против того, чтобы кто-нибудь из вас улетел отсюда и оставил соплеменников Дара в покое?

— Я уже говорил, что мы нуждаемся в расе Дара, хотя тебе заблагорассудилось понять меня совершенно превратно. Более того, его народ не менее нуждается в нас, хотя сам Дар Лан Ан и не знает об этом... Но это знают его Учителя.

— Тогда почему же вы обращаетесь с ними не как с друзьями, а как с подчиненными?

— Они — друзья. И я испытываю особое чувство привязанности к Дар Лан Ану; именно по этой причине с вами так хорошо обращались здесь, в деревне, и именно поэтому я пошел на то, чтобы услать отсюда жителей и не допустить смертоубийства, когда вы явились снова.

— Если ты так уж любишь Дара, которого, между прочим, насколько мне известно, не видел ни разу в жизни, почему же ты отобрал у него книги? Ведь это причинило ему столько горя!

— Это было сделано в чисто экспериментальных целях. Я хотел узнать о тебе как можно больше. Мне

жаль, что при этом пострадал Дар Лан Ан, но я был рад узнать, что ты способен на проявление сочувствия и на дружбу. Эти книги будут лежать на камне возле того места, где мы обычно беседовали. Я велю доставить их туда после окончания нашей беседы.

— А как насчет моей «зажигалки»?

— Она тебе действительно нужна? Видишь ли, я ее разобрал и, боюсь, не сумею собрать снова. Конденсатор, — тут он запнулся в поисках нужного слова, — конденсатор был, конечно, хорошо нам знаком, но ту часть, которая превращает солнечный свет в электричество, мы не поняли. Если ты расскажешь о ней, наши ученые выслушают тебя с большим интересом — когда у нас будут ученые.

— Мне казалось, ты возражал против того, чтобы твои соплеменники знали слишком много.

— Да, мне бы этого не хотелось, но твой прибор вряд ли поможет им покинуть нашу планету. Насколько я могу судить, он менее пригоден для наших целей, нежели генераторы, использующие вулканическое тепло Абьёрмена.

— Значит, вы живете в подземельях, по соседству с вулканами, где достаточно жарко? Из того, что мне пришлось видеть на этом материке, я предполагал, что многие из вас переживают время холодов.

— Да, ты прав, я действительно нахожусь под землей, но нас очень мало. В этом районе нас всего четверо, и столько же живут вблизи каждого из наших городов.

— Но у вас должно быть гораздо больше места, где можно жить в черные периоды, чем у той расы. Те вынуждены тесниться под ледяной шапкой...

— ...которая в самом узком своем месте имеет ширину во много сотен миль. Там вполне можно рыть пещеры и запасти пищу чуть ли не для всего народа.

— Зато по всему полуострову от того места, где меня оставили, на многие сотни миль тянутся вулканы. Короче говоря, я не вижу причин, почему бы обеим расам не сосуществовать одновременно. Такая идея не приходила тебе в голову?

— Я все время даю тебе понять, почему такая идея никуда не годится. Я уже говорил, что обе расы необходимы друг другу; ты отнес это на счет нашей лени. Я упомянул, что другие планеты нам непригодны,

потому что они не будут убивать нас в положенные сроки; ты, по-видимому, приписал это каким-то предрассудкам. Я сказал, что с большим интересом отношусь к Дар Лан Ану, а ты просто этому не поверил. Ты сам заметил, что технически вполне возможно и даже слишком не трудно устроиться так, чтобы мы могли сосуществовать. Но вместо того чтобы сопоставить все сведения, ты рассматриваешь каждое из них отдельно и полагаешь его нелепым. Признаться, с самого начала нашей беседы я старался установить уровень человеческого интеллекта и должен сказать, что, судя по тебе, он не очень высок. Подумай хорошенько, неужели ты и в самом деле не можешь дать объяснение, которое связало бы все эти факты?

Крюгер нахмурился, и оба некоторое время молчали; затем заговорил Дар Лан Ан.

— Если уж ты занялся проверкой интеллекта, Учитель, попробуй лучше сравнить его интеллект с моим. Я прожил на Абьёрмене всю жизнь и все-таки не понимаю, к чему ты клонишь.

— Тебе мешает твое воспитание.

— Тогда я готов признать, что мне мешает мое воспитание, — рассерженно заявил Крюгер. — Почему ты считаешь, что я смогу разгадать загадку, которую не может разгадать Дар?

— Хорошо, не надо сердиться. Видимо, мне будет легче объяснить, чего я хочу, если ты растолкуешь мне некоторые слова твоего языка. Насколько я понял, отдельные особи твоей расы непосредственно участвуют в воспроизводстве других особей. Как на вашем языке называется только что воспроизведенная особь?

— Ребенок... Сын или дочка, в зависимости от...

— Достаточно общего термина. Существует ли слово, обозначающее отношения между двумя детьми, воспроизведенными одной особью?

— Брат или сестра, в зависимости от...

— Хорошо, хорошо, сойдет любое из этих слов. Так вот, у меня нет ребенка, поскольку я все еще жив, но Дар Лан Ан — ребенок моего брата.

На сей раз пауза затянулась надолго, пока Крюгер пытался осмыслить все сказанное. Вначале он просто не поверил, затем постепенно начал признавать, что в этом что-то есть, и наконец поверил окончательно.

— Твоя взяла... дядюшка! — проговорил он слабым голосом. — Но я все же...

Крюгеру не пришлось договорить, и прервал его не Учитель.

— Теперь еще и «дядюшка», — медленно произнес по-английски голос, которого Нильс никогда прежде не слышал. — Я не удивлюсь, — продолжал голос, — если в любом наборе беспорядочных шумов случайно появится звукосочетание, напоминающее какое-нибудь доброе старое английское словечко. Но когда на протяжении тридцати секунд выскакивают подряд «ребенок», «сын», «дочь», «брат», «сестра» и «дядюшка», тут уж говорить о совпадениях не приходится. Мистер Нильс Крюгер, если вы принимали деятельное участие в разговорах, которые мы записывали уже две недели, можно рассчитывать, что у вас выработалось хорошее произношение. В противном случае кое-кто из знакомых мне филологов будет весьма и весьма раздосадован.

11. АСТРОНОМИЯ; ДИПЛОМАТИЯ

Большинство людей продолжает надеяться еще много времени спустя после того, как исчезают все логические основания для надежды. Человек, идущий в бой на верную смерть, летчик, который остается в пылающем самолете, чтобы увести его прочь от города, приговоренный к смертной казни — мало кто из них оставляет надежду, пока дышит. И Нильс Крюгер не полностью отказался от надежды снова увидеть Землю. Нет, он не ожидал, что его спасут. Сначала он питал смутные надежды, в которые и сам по-настоящему не верил, что, объединив технологию абьёрменцев и собственные знания, он сумеет построить корабль, способный покрыть расстояние в пятьсот световых лет. Эти надежды не испарились окончательно даже после того, как он получил полное представление о технической отсталости расы Дар Лан Ана. Но при всем оптимизме ему ни разу не приходило в голову, что на протяжении его жизни к Плеядам подойдет еще один корабль землян. У землян было слишком много других дел.

Вот почему человеческий голос, ворвавшийся в его беседу с существом, невероятно чуждым человеку, буквально ошеломил Крюгера. Некоторое время он не мог произнести ни слова. Когда же на нетерпеливые вопросы, последовавшие из приемника, отозвался Дар Лан Ан на своем весьма неуклюжем английском языке, в рубке далекого космического корабля возникло не меньшее смятение, чем в хижине.

— Это не может быть Крюгер! Не станет он так говорить, и вообще он же погиб!

— А откуда же они знают английский?

— Мой годовалый сынишка говорит по-английски лучше, чем он!

— Крюгер, это ты? Или наши филологи свихнулись?

— Да... Да, это я, но нельзя же так все-таки... Какой это корабль? Каким образом вы включились в разговор? Что вы делаете в Плеядах?

— Это твой корабль, «Альфард»; с тобой говорит Донабед. У тебя там очень скверное радио; я тоже не узнаю твоего голоса. Мы здесь уже две недели, ловим и записываем все радиошумы, какие только удается обнаружить, надеемся перед высадкой хоть немного отработать местный язык. Ты правильно полагал, что мы не вернемся; но в этой системе творится что-то такое, отчего астрономы потеряли голову, и они прилетели сюда посмотреть на все собственными глазами. Твое радио сделано аборигенами или ты сам его смастерил?

— Целиком местного производства. — Крюгер уже оправился, хотя по-прежнему ощущал слабость в коленях. — Погодите минутку, у нас здесь есть слушатели, которые не говорят по-английски. — Крюгер снова перешел на абьёрменский и объяснил Дару и Учителю, что произошло. — А теперь, пока вы идете на посадку, расскажите мне, пожалуйста, чем же эта система привлекла внимание астрономов?

— Я не астрофизик, но, насколько я понимаю, дело вот в чем, — начал Донабед. — Тебе известны элементарные сведения об источниках звездной энергии, и ты знаешь, что звезды главной последовательности вроде нашего Солнца или этого красного карлика в течение миллиардов лет сохраняют свою излучательную способность постоянной. Однако в космосе существует

множество звезд гораздо более ярких нежели Солнце, иногда в десятки тысяч раз более ярких. Звезды такого типа расходуют свой водород столь быстро, что могут протянуть всего несколько миллионов, от силы несколько десятков милионнов лет. Альцион, как и некоторые другие звезды в Плеядах, именно такая звезда.

Это все известно и понятно. Скопление Плеяды полно диффузного материала, и можно предполагать, что материал этот все еще продолжает конденсироваться и порождает новые звезды в добавление к сотням уже существующих в этой группе. И вот тут-то перед нами возникает трудность. С изрядной степенью точности ученые разработали схему процессов, происходящих в этих конденсирующихся облаках. В одних случаях, когда наличествует большой угловой момент, можно ожидать появления нескольких звезд, обращающихся одна вокруг другой, — это обычные двойные и кратные звезды. В других случаях, когда угловой момент меньше, почти весь материал уходит в одну звезду, а из остатков образуются планеты. Несколько странно видеть планеты у двойных и кратных звезд, хотя и в этом нет ничего невероятного. Но чтобы планеты оказались у звезды, подобной Альциону, это уж ни в какие ворота не лезет! Такие солнца излучают в десятки тысяч раз мощнее, нежели наше Солнце; излучение в свою очередь оказывает давление, и давление это достаточно велико, чтобы вымести из окрестностей звезды все твердые частицы, которые могли бы собраться воедино и образовать планету. Все это поддается вычислению и экспериментальной проверке.

Так вот. Звездочеты и бровью не повели, когда узнали из наших материалов, что спутником Альциона является красный карлик, но когда они узнали, что этот красный карлик в свою очередь имеет планету, они взвыли. Нам пришлось долго убеждать кое-кого из них, что это вовсе не глупая ошибка; пришлось напомнить, что мы даже высаживались на эту планету.

— Уж что-что, а это было, — пробормотал Крюгер.

— Вот именно. Кстати, если хочешь знать, официально эта планета получила название Крюгер.

— Боюсь, что по всем правилам название ее все-таки Абьёрмен, — отозвался Нильс. — Но продолжайте.

— Да больше, пожалуй, и рассказывать нечего. Астрономам ужасно не хотелось расставаться со своими

излюбленными теориями, они всю дорогу сюда рассуждали о том, что красное солнце, возможно, было захвачено Альционом уже после того, как возле него сформировалась планета или планеты. Нам предстоит уйма работы, и здесь ты можешь нам очень помочь. Судя по всему, ты вполне прилично освоил местный язык. Будешь переводчиком.

— Переводчиком-то я буду, только учтите, что кое с кем из здешней публики я не очень лажу. Всякий раз, когда мне приходится с ним беседовать, мы рано или поздно ссоримся. И я даже не всегда узнаю об этом сразу, потому что никогда не видел этого типа, с которым говорил по радио.

— То есть как это — не видел?

— Никогда, и не имею ни малейшего представления, как он выглядит. Послушайте, майор, если вы спуститесь и заберете меня из этой парилки, я смогу все объяснить гораздо лучше, причем объяснять придется много, вы уж мне поверьте.

— Мы уже на пути к тебе. Ты поднимешься на корабль один?

Крюгер коротко объяснил Дару, как обстоит дело, и спросил, согласен ли тот последовать за ним. Секунду абориген колебался, потом сообразил, что тут, несомненно, найдется новый материал для книг, и ответил утвердительно.

— Со мной будет Дар Лан Ан, — доложил Крюгер Донабеду.

— Для него нужны какие-нибудь специальные приспособления?

— Насколько я могу судить, на ледяных полях он чувствует себя прекрасно, и он проделывал двухсуточные перелеты на планере, не выпив в пути ни капли воды, так что температура и влажность вряд ли являются для него проблемой. Вот не знаю только, как насчет давления; вам же известно, что здесь оно выше.

— На какую высоту он поднимался на своем планере?

— Не знаю. У них нет никаких авиационных приборов в нашем понимании.

— Поднимался он когда-нибудь выше кучевых облаков?

— Да. И я вместе с ним. Во время полетов на дальние дистанции он всегда забирается как можно выше.

— Прекрасно. В таком случае полагаю, что наше атмосферное давление ему не повредит. Впрочем, на всякий случай предупреди его, если сможешь, пусть решает сам.

Крюгер так никогда и не мог с уверенностью сказать, понял ли Дар его полностью, но, когда посадочный бот с «Альфарда» сел на поляну гейзеров, Дар стоял рядом с Крюгером. Учителю уже рассказали, что происходит, и Нильс обещал возобновить с ним связь по бортовому радио, как только представится возможность. Учитель не возражал, хотя превосходно отдавал себе отчет в том, что теперь Крюгер практически становится для него недосягаемым.

Обратный полет к «Альфарду», спокойно кружившему по орбите вне атмосферы Абьёрмена, был делом обычным для всех, кроме Дар Лан Ана. Он не задал ни одного вопроса, но глаза его впитывали все, что можно было увидеть. Большинство членов экипажа отметили одну особенность в его поведении. Как правило, когда представителя более или менее примитивной цивилизации берут на борт космического корабля, он почти все время занят тем, что смотрит, как выглядит сверху его планета. Внимание же Дара было почти целиком поглощено устройством бота и процессом управления. Только однажды он поглядел вниз дольше обычного; это случилось, когда бот достиг первой космической скорости и наступила невесомость. Он глядел тогда на поверхность планеты почти целую минуту, а затем, к полнейшему удивлению следивших за ним людей, принял это явление как должное. Видимо, он убедил себя, что ощущение падения не вызвано действительным падением, а если даже это и так, то пилоты справятся с неприятной ситуацией до того, как наступит подлинная опасность. С этой минуты майор Донабед стал испытывать к Дар Лан Ану искреннее уважение: слишком часто при подобных обстоятельствах цивилизованные человеческие существа у него на глазах впадали в истерику.

Ну, разумеется, сообразил Крюгер, Дар ведь пилот и не раз испытывал кратковременную невесомость, когда попадал в нисходящие потоки или достигал вер-

шин восходящих; правда, тогда такое состояние обычно длится секунду-другую. Ничего не скажешь, парень что надо; сам Нильс после почти годичного пребывания на твердом грунте ощущал легкое головокружение.

В положенное время в поле зрения космонавтов возникла чудовищная туша «Альфарда»; бот приблизился и через специальный люк проскользнул в трюм. После того как все вышли, командир открыл конференцию.

Она была проведена в самом большом помещении корабля — каждому хотелось своими ушами услышать рассказ Крюгера. С общего согласия он выступил первым и коротко поведал о том, как ему удалось избежать смерти, когда его оставили одного на планете. О растительном, животном и минеральном мире и населении Абьёрмена он рассказал подробнее. И хотя в общем отчет получился довольно сжатым, Нильс не преминул упомянуть о том, что в лесах не нашлось ничего похожего на плоды, что стебли многих растений оказались съедобными, хотя и не питательными, что ему пришлось рисковать, прежде чем он сумел определить, какие из этих растений не ядовиты, что он решился покинуть жаркий вулканический край, где был оставлен, и двинулся к полюсу в надежде найти там более терпимые условия. И все же, едва он закончил, как его засыпали вопросами, и командиру «Альфарда» пришлось взять на себя председательские функции.

— Когда ты начал свое путешествие, — спросил один из астрономов, — тебе, должно быть, стоило немалого труда определять направление?

— Да, я немного путался, — улыбнулся Крюгер. — Если бы красное солнце просто меняло видимые размеры, это бы еще полбеды, но в тех местах, где меня оставили, оно раскачивалось по небу из стороны в сторону, с юго-востока на юго-запад и обратно, так что я не сразу приспособился. С голубым солнцем дело обстояло проще — Альцион, как и положено нормальному светилу, восходит на востоке и садится на западе. По крайней мере так было вдали от полюса; когда же я продвинулся дальше к северу, мне было нетрудно сообразить, почему и он ведет себя ненормально.

— Правильно. Видимое движение красного карлика вполне естественно, если вспомнить, какая вытянутая

орбита у этой планеты. А ты не мог бы прикинуть величину либрации? Я, к сожалению, наблюдал планету только в течение одного оборота.

— Мне кажется, около шестидесяти градусов в обе стороны от среднего положения.

Астроном кивнул и уступил место геологу.

— Правда ли, что почти вся местность, которую ты видел, является вулканической?

— Да, во всяком случае на материке, где вы меня нашли. Ведь часть планеты, с которой я познакомился, не так уж велика. Этот длинный полуостров, по которому я шел на север...

— Около трех тысяч миль, — вставил астрофотограф.

— Спасибо. Так вот, на всем протяжении он изобилует действующими вулканами, а материковая область, из которой он выступает, по большей части покрыта лавовыми потоками. Возле полярной шапки местность гористая, но я не берусь утверждать, что это тоже вулканический район.

— Хорошо. Мы хотим получить какое-то представление о возрасте планеты, и нам придется как можно скорее составить схемы стратиграфической последовательности. Ты не заметил каких-нибудь окаменелостей возле льдов?

— Я ведь бывал на поверхности только в районе поселения; над остальными районами я пролетал. Впрочем, возможно, в этом вам поможет Дар Лан Ан.

— А он захочет?

— Вероятно. Он очень любознателен. Я могу сказать, для чего ему нужны знания: он записывает их в книги для будущего поколения, потому что его собственному поколению жить осталось уже недолго. — Крюгер помрачнел; мысль о том, что вскоре ему предстоит потерять Дара, с каждым днем тяготила его все больше.

— Может, твой приятель подробнее расскажет нам об этих сменах поколений? — спросил биолог. — На Земле существуют организмы, которые ведут сходный образ жизни, хотя, как правило, они не приспособлены к столь резко различным условиям существования. Впрочем, меня сейчас больше всего интересует вопрос об Учителях. Когда они в конце концов умирают, что из них получается? Существа новой формации? Или

вообще ничего не получается? Или получается что-нибудь иное?

— Не знаю, и Дар Лан Ан этого не знает. Об этом лучше всего поговорить с Учителем «горячей» расы, с которым я беседовал, когда вы меня засекли. Я даже не знаю, сколько потомков остается после них при нормальных условиях — один или несколько.

— Ну, это вполне очевидно: если бы оставался всего один, то при отсутствии иных способов размножения вся раса давно бы вымерла. Должна же быть случайная гибель...

— Короче говоря, с такими вопросами придется обращаться к Учителю. Когда я буду с ним говорить, я спрошу его об этом.

— А почему, собственно, Учителя держат своих соплеменников в неизвестности? — спросил кто-то.

— Это уж спросите у них самих. На их месте я бы поступил так же, чтобы сохранить порядок и спокойствие, но этот Учитель утверждает, что всем им нравится точно знать срок своей смерти.

— Я бы хотел поговорить об этом с твоим другом.

— Ладно. Только мне кажется, что пора бы кому-нибудь составить список вопросов.

Вопросы и ответы следовали бесконечной чередой, пока Крюгер не начал открыто зевать. Тогда командир наконец распустил всех; но и после этого Нильсу не удалось сразу же отправиться на покой. Сначала ему пришлось водить Дар Лан Ана по «Альфарду» и в меру умения отвечать на вопросы своего маленького приятеля.

Затем он улегся спать, впервые за много месяцев наслаждаясь состоянием невесомости. Он не заметил, удалось ли в этих условиях выспаться Дару, но утром абориген выглядел бодрым и деятельным, и Крюгер пришел к заключению, что спал он отлично. Дар отказался от человеческой пищи, заявив, что он совсем не голоден, зато Крюгер умял такой завтрак, что друзья сочли своим долгом предостеречь его. За время пребывания на Абьёрмене он привык есть много из-за сравнительно низких питательных качеств местных растений.

Утолив голод, он доложился командиру, и тот немедленно созвал новую конференцию, на сей раз только для ученых. Было решено, что преимущественное право

на Дара получают филологи, — нужно было как можно скорее обучить еще нескольких переводчиков. Биологам посоветовали взять посадочный бот и отловить нескольких животных; им предстояло овладевать знаниями в тяжких трудах. Крюгер утешил их, пообещав свою помощь во время бесед с Учителем, пока Дар будет давать уроки языка.

В непосредственной помощи Дара нуждались и геологи. Конечно, они могли просто нанести на карты все материки Абьёрмена и затем лично проверить подходящие места на выходы осадочных пород, но это отняло бы у них много времени. Поэтому Дару показали цветные снимки образцов различных пород, которые специалисты надеялись найти, и попросили его вспомнить, не знает ли он мест на планете, где имеются такие породы.

К огорчению собравшихся, Дар не отождествил ни единого снимка. Возможно, геологи так и отступились бы и вернулись к составлению карт, но тут Крюгер заметил, что на одном из снимков изображен образец известкового туфа, совершенно такого же, как вокруг памятного им водоема с гейзером. Он указал на это Дару.

— Ваши картины не очень хороши, — последовал ответ.

Не прошло и четверти часа, как космонавты установили, что Дар Лан Ан видит в диапазоне длин волн от четырех тысяч восьмисот до восемнадцати тысяч ангстрем, то есть не так далеко в фиолетовой области спектра, как человек, но более чем на октаву дальше в инфракрасной. На снимках же были представлены комбинации трех основных цветов, воспроизводящие цвет объекта, каким его видит человеческий глаз, но они не воспроизводили и половины цветового диапазона, доступного Дар Лан Ану. Цветные снимки действительно для него не годились.

— Так вот почему я не мог вытянуть из него ни одного слова, обозначающего цвет, — сокрушенно пробормотал Крюгер.

Проблему решили по-иному. Были изготовлены черно-белые оттиски, и Дара попросили сконцентрировать внимание на текстуре образцов. Тогда он опознал свыше половины снимков и указал, где можно найти большинство минералов. После небольшой лек-

ции по геологии он даже сумел показать районы разломов, надвигов и ущелий, которые обнажали пласты на глубины в сотни и тысячи футов; карты, которые он набросал, позволяли без труда определить местоположение этих районов. Геологи остались довольны. Доволен был и Дар Лан Ан, а также Крюгер — у него были на то свои причины.

Пока продолжалось обучение Дара, Нильс возобновил по радио связь с Учителем и рассказал ему обо всем, что происходит. Он объяснил, какую информацию хотят получить пришельцы, и предложил в обмен ту информацию, которую захочет получить это существо. Однако Учитель по-прежнему полагал, что его народу не нужны научные знания. Он упорно цеплялся за свою идею о том, что знания в конечном итоге приведут к космическим перелетам, а космические перелеты в свою очередь неизбежно приведут к разрыву жизненного цикла абьёрменцев, ибо смешно полагать, будто найдется другая планета с такими же характеристиками, как у Абьёрмена.

— Но ведь твоим соплеменникам вовсе не обязательно оставаться на других планетах; почему бы им просто не полетать, не поторговать или поучиться или, на худой конец, — просто посмотреть?

— Нильс Крюгер, твое невежество относительно моего народа уже однажды завело тебя в тупик. Пожалуйста, поверь мне, что ты снова ошибаешься, полагая, будто полеты в космос чем-либо могут ему помочь.

Он упрямо стоял на своем, и Нильсу пришлось отступиться. Он доложил о своей неудаче командиру Берку и был немало удивлен, когда тот спросил:

— А ты не считаешь, что тебе еще повезло, что он не принял твое предложение?

— Почему же, сэр?

— Насколько я понял, ты обещал ему любые сведения из нашей технологии, которые его заинтересуют. Я готов признать, что мы сейчас не так заботимся о вопросах безопасности, как несколько поколений назад, когда на Земле еще велись войны, но вообще-то при общении с новыми расами нежелательно слишком вольно обращаться с технологическими сведениями, которые могут быть использованы для разрушительных целей, пока мы не узнаем эти расы достаточно хорошо.

— Но я же их знаю!

— Не спорю, ты знаешь Дар Лан Ана. Ты встречался с некоторыми его соплеменниками, с его Учителями, и ты говорил по радио с Учителем «горячей» расы, назовем ее так. Я не считаю, что ты знаешь этот народ в целом, и я утверждаю, что, если бы Учитель принял твое предложение, ты мог оказаться в весьма двусмысленном положении.

— Но вы же не возражали, когда мы рассказывали Дару обо всем, что бы он ни спрашивал?

— По той же причине, по которой Учитель не возражал, когда ему рассказывал ты.

— Вы хотите сказать, потому что Дар скоро умрет? Значит, вы не отпустите его назад, в Ледяную Крепость? Он же собирается туда.

— Видимо, все же отпущу. Вряд ли это нам повредит: у него не будет с собой никаких записей, а без них он не причинит никаких неприятностей.

Крюгер чуть было не ляпнул о необычайной памяти аборигена, но вовремя прикусил язык. Он хотел, чтобы Дар Лан Ан узнал как можно больше. Он знал, что этот малыш запоминает все сказанное и увиденное, а то, что он запомнил, он расскажет Учителям в Ледяной Крепости. Учитель деревни может возражать против этого, но сделать он, вероятно, ничего не сможет: Крюгер не нарушил поставленных ему условий.

А что если Учитель все-таки помешает? По его словам, он имеет влияние на Учителя Ледяной Крепости — этого влияния оказалось достаточно, чтобы принудить их покуситься на жизнь Крюгера даже против их собственной воли. А может, он заставит их игнорировать знания, которые принесет Дар, или даже прикажет уничтожить Дара; в планы Крюгера это никак не входило. Чем же все-таки объяснить влияние, которым пользуется это существо? Нельзя ли как-нибудь ограничить или нейтрализовать его? Надо снова поговорить с Учителем и подготовиться к этой беседе самым тщательным образом. Долгое время Нильс, задумавшись, неподвижно парил в воздухе, затем выражение его лица чуть прояснилось. Он оттолкнулся от стены и поплыл к радиорубке.

Учитель откликнулся на вызов сразу.

— Надо полагать, ты придумал новые аргументы в пользу распространения вашей технологии?

— Не совсем так, — сказал Крюгер. — Я хотел бы задать несколько вопросов. Ты говорил, что вас, Учителей, четверо в этом городе. Так вот, скажи, разделяют ли остальные твое отношение к происходящему?

— Разделяют. — Ответ последовал немедленно и несколько обескуражил Крюгера.

— Пусть будет так. А Учителя в других городах? Я полагаю, ты сообщаешь им обо всем, что здесь происходит.

На сей раз Учитель ответил не сразу.

— Признаться, мы им не сообщаем. Дело в том, что мы не имеем с ними постоянной связи — просто обмениваемся контрольными вызовами раз в год. Если бы мне пришлось вызвать их сейчас, их бы просто не оказалось у аппарата. Впрочем, это не имеет значения; в их мнении сомневаться не приходится. В конце концов это мы на протяжении многих лет проводим политику ограничения технологического развития и утверждаем себя в качестве единственного источника знаний на этой планете. Между прочим, радиоаппаратура в Ледяной Крепости была изготовлена нами; там не знают, как это делается.

— Понятно. — Крюгер был изрядно смущен, но сдаваться не собирался. — Одним словом, ты не станешь возражать, если мы посетим другие города и непосредственно свяжемся с другими группами Учителей, чтобы сделать им наше предложение. — Он от всего сердца надеялся, что его собеседнику не придет на ум спросить, единодушны ли в этом вопросе сами люди.

— Разумеется. Только ты, конечно, объяснишь им положение так же, как объяснил мне; и они дадут тебе тот же ответ.

Крюгер злорадно усмехнулся.

— Может быть. Ну а что, если мы расскажем им иную историю? Например, что твой разум поврежден, и ты хитростью выманил у нас кое-какие сведения, и ты устал от мук, связанных с твоим положением Учителя, и решил начать сооружение устройств, которые раскалят бóльшую часть этой планеты, так что с периодом смерти твоей расы будет покончено навсегда...

— Подобной чепухи я не слыхал за весь долгий год своей жизни!

— Еще бы! Твои друзья в других городах тоже не слыхали. Но откуда они узнают, что это чепуха? Осмелятся ли они не поверить? — Он помолчал, но ответа не последовало. — Я-то по-прежнему не думаю, что твой народ сможет улететь в космос только из-за того, что познакомится с основами физики. А вот разделят ли они с тобой все твои опасения?

— Подожди. Я должен подумать. — Потянулись долгие минуты молчания, прерываемые лишь треском помех. Крюгер напряженно ждал.

— Ты научил меня кое-чему, человек, — зазвучал наконец голос Учителя. — Я не скажу тебе — чему. Но я даю разрешение Учителям Дар Лан Ана получать любую информацию.

Крюгер облегченно вздохнул, лицо его расплылось в широкой улыбке. План сработает; он просто не может провалиться. Дар Лан Ан впитает в себя колоссальную информацию; этого будет достаточно для того, чтобы заполнить множество книг — столько книг просто невозможно написать до наступления срока смерти. Обогащенный знаниями, Дар Лан Ан вернется в Ледяную Крепость, и, когда температура там начнет подниматься, начнутся изменения в атмосфере и наступит пора наглухо закрывать пещеры поселения, он все еще будет диктовать полученные сведения или записывать их сам. Он все еще будет под землей, когда это произойдет, а не в городах «холодной» расы, и он не умрет вместе со своими соплеменниками. Дар Лан Ан по необходимости станет Учителем, и Нильс Крюгер не потеряет своего маленького друга.

12. ГЕОЛОГИЯ; АРХЕОЛОГИЯ

Абьёрмен больше Земли, и морей на нем меньше даже в холодное время, поэтому геологам предстояло работать на огромных территориях. Разумеется, они и не пытались охватить их целиком; в основе их плана лежало стремление получить стратиграфические данные, позволяющие составить верное представление о геологической истории планеты и, если возможно, отыскать радиоактивные вещества, которые дали бы возможность установить хотя бы нижний предел ее воз-

раста. Собственно, возраст планеты — вот что по-настоящему интересовало астрономов, но у биологов были другие задачи. И они приступили к делу, готовые подвергнуть анализу всеми техническими средствами, имевшимися в их распоряжении, любые найденные окаменелости.

Они исследовали осадочные породы слой за слоем. Иногда слои эти тянулись на много миль, а иногда выступали участками всего в несколько ярдов — либо потому, что землетрясения перемешали их в мозаику и требовался большой опыт, чтобы разобраться в ней, либо потому, что породивший их фактор действовал на ограниченном участке и короткие слои были короткими с самого начала. Известковое напластование на миллионах квадратных миль океанского дна — это одно; чечевицеобразная залежь песчаника, бывшая некогда дельтой ручья, впадавшего в небольшое озеро, — совсем другое, причем, это «совсем другое» представляло немалые неудобства, когда речь шла о приблизительном датировании.

Крюгер благодарил судьбу за то, что командира Берка не было с ними в этой исследовательской группе, и думал только о том, как бы тот ненароком не подслушал замечания, которыми обменивались геологи, ибо Дар Лан Ан с каждым днем говорил по-английски все лучше, а фотографическая память мало где еще выдает себя с такой очевидностью, как при решении стратиграфических проблем. Все геологи без исключения относились к аборигену с большим уважением и питали к нему дружеские чувства, вполне сравнимые с чувствами самого Крюгера. Конечно, рано или поздно Берк разгадает его маневр, но Нильс надеялся, что к тому времени популярность его маленького друга возрастет до такой степени, что испытанному космолетчику придется отказаться от своих подозрений.

Нигде на Абьёрмене, по-видимому, не было формаций, соответствующих так называемым «щитам», характерным для некоторых областей на Земле. Вся нынешняя поверхность суши в самом недалеком прошлом явно находилась под водой; можно было с уверенностью утверждать, что Абьёрмен подвергался более мощным сейсмическим и орогеническим процессам, нежели Земля. Один из специалистов высказал предположение, что причиной тому могли служить сезонные изменения

«долгого года», когда бóльшая часть океанской воды собирается в полярных шапках. Сейсмическое исследование полярной шапки в южном полушарии (не на южном полюсе) показало, что толщина ее составляет примерно шесть миль. Когда проводилось это исследование, валил снег. Тиир никогда не появлялся над этой областью планеты, а Аррену оставалось до восхода несколько земных лет.

Прежде чем оказалось возможным приступить к истинному датированию формаций, прошло несколько коротких абьёрменских лет, но опасения астрономов оправдались еще раньше. Дотошные геологи обнаружили в нескольких местах на материке, который они обследовали, пегматиты и другие изверженные породы, содержавшие радиоактивные вещества, которые облегчали процесс датирования. Невозможно было сразу же скоррелировать эти породы с осадочными, но одна из них содержала уран и свинец в пропорции, позволяющей определить ее возраст примерно в полтора миллиарда лет. Это был крупный образец; на нем было проведено с десяток независимых экспериментов, и результаты их различались в среднем не более чем на двадцать миллионов лет. А поскольку астрономы не могли себе представить, чтобы возраст Альциона был в сто раз меньше возраста этой породы, они восприняли сообщение геологов довольно мрачно.

Но даже независимо от возраста осадочные породы представляли большой интерес. Дар Лан Ан, если и видел когда-либо окаменелости, то в свое время не обращал на них никакого внимания. Это упущение было нетрудно восполнить, ибо в осадочных породах оказались органические останки. Известковая линза около двухсот миль в поперечнике, неподалеку от центра материка, состояла главным образом из коралловых отложений, причем в разных ее местах геологи обнаружили несколько сотен различных видов кораллов. Были найдены также тысячи ракушек, совершенно таких же, как на Земле, — по крайней мере так показалось Крюгеру; один из биологов не пожалел времени, чтобы указать ему на существенные отличия.

— Я полагаю, — закончил он, обращаясь уже к Дару, — что на берегах ваших нынешних океанов вы найдете множество раковин, похожих на эти. Вообще у моллюсков и у родственных им организмов сущест-

вует, видимо, изрядная способность сопротивляться геологическим изменениям. На Земле они живут около полумиллиарда лет; теперь они, конечно, несколько изменились, но в основном их структура осталась прежней.

— Я понимаю вас во всем, кроме одного, — отозвался Дар на своем медленном английском языке, тщательно подбирая слова. — Я был здесь с вами все время и видел подобные окаменелости во многих различных слоях породы, и вы говорите, что это естественно; но я никогда не видел ни одного живого существа, похожего на эти окаменелости.

— Тебе приходилось когда-нибудь бывать на побережье?

— Много раз. Недавно мы с Нильсом прошли по побережью около трехсот миль, не говоря уже о множестве случаев за мои предшествующие восемьсот лет.

— Правильно! — воскликнул Крюгер. — Я же чувствовал, что там, на берегу, чего-то не хватает, но никак не мог догадаться, чего именно. Там не было ни единой ракушки, ни одной выброшенной волнами медузы, ничего в этом роде. Не мудрено, что берег казался мне странным!

— Гм. Признаюсь, это выходит за пределы моего разумения. А какая-нибудь другая морская живность?

— Не знаю. Видимо, в воде живут какие-то животные, и я знаю, что там есть растения. Впрочем, кажется, всего одного-двух видов.

Биолог сообщил все это своим коллегам, занятым полевыми работами; сам он был слишком поглощен корреляцией окаменелостей, чтобы отвлекаться на другие дела.

Постепенно ему удалось как-то упорядочить этот хаос. Он разделил прошлое Абьёрмена на периоды, границы которых во времени определялись, по-видимому, общим затоплением материка, в результате чего возникли известковые напластования. Геологам не удалось найти признаков, которые могли бы свидетельствовать об определенной периодичности в процессах горообразования, — такие признаки обычно более пригодны для геологической периодизации; как они подозревали, орогенная активность на Абьёрмене протекала весьма равномерно.

Причин, по которым этот мир был сейсмически активнее, нежели Земля, могло быть много. Прежде всего он был больше — девять с лишним тысяч миль в диаметре — и к тому же на сорок процентов плотнее, так что человек, весящий на Земле шестьдесят восемь килограммов, здесь весил семьдесят два. Процентная разница была невелика, но в общем гравитационные силы, участвующие в орогенном процессе, значили на Абьёрмене гораздо больше, чем на планете человечества. Об этом, по крайней мере, свидетельствовали периоды горообразования; они были короткими, частыми и локализованными.

Казалось бы, планета поставила в тупик только астрономов; с биологами она была вроде бы в ладах. Если бы не ископаемые позвоночные.

Без особого труда удалось установить примерный путь эволюции на этой планете продолжительностью в несколько сотен миллионов земных лет. Эволюция начиналась с тварей, почти не имеющих органов, способных сохраниться до наших дней, тянулась через позвоночных животных, сравнимых с рыбами, и в конце концов приводила к существам, обладавшим конечностями, дышавшим, очевидно, воздухом и проводившим свою жизнь или часть жизни на суше. Как было бы чудесно, если бы биологи имели возможность изобразить примитивное начало жизни в самом низу страницы, поставить Дар Лан Ана на самый верх, а в промежутке разместить логически мыслимые переходы формы! Но беда заключалась в том, что каждое ископаемое позвоночное, обнаруженное исследователями и обладавшее конечностями, имело шесть конечностей. У Дара же, как и у человека, имелось только две руки и две ноги!

Уступив настойчивым просьбам биологов, абориген согласился на рентгеновский анализ. С не меньшим интересом, чем остальные, он разглядывал полученные рентгенограммы и, как и биологи, имел возможность убедиться в том, что на его скелете нет никаких признаков третьей пары конечностей.

К тому времени Дар уже был знаком с общими принципами эволюции не хуже любого образованного человека, и ему было понятно, чем озабочены биологи. Прежде чем кто-либо из ученых успел задать вопрос, он сказал:

— По-видимому, ни одна из окаменелостей, которые вы нашли в породах, не была прямым предком моей расы. Вполне возможно, что мы пришли сюда из какого-нибудь другого мира, как считал в свое время Нильс, но ни книги, которые я читал, ни Учителя не упоминали о чем-либо подобном.

— Значит, эта версия отпадает, — разочарованно проговорил один из биологов.

— Не обязательно; очень может быть, что это случилось слишком давно, когда мы еще не вели записей или же они затерялись. Но, боюсь, доказать это будет нелегко.

— Вероятно, ты прав. По-моему, сейчас самое время искать наиболее поздние формации.

Геологи внимательно прислушивались к этой беседе; она происходила во время очередного перерыва на обед. Один из них возразил:

— Это не так-то легко — просто взглянуть на какой-нибудь ярус и определить: ему-де меньше миллиона лет. Разумеется, мы делаем все, что в наших силах, но вам отлично известно, что к датированию приступают в последнюю очередь — после того, как проведены раскопки, найдены окаменелости, после того, как их сравнили с находками в других ярусах.

— А что можно сказать относительно неокаменевшего материала на склонах осыпей или в пещерах?

— Это уже выходит за пределы нашей компетенции, но мы, конечно, заглянем в каждую пещеру, которая нам попадется. Правда, я не припоминаю, чтобы нам попалась здесь местность с хорошо развитой системой пещерных образований, но при подходящих климатических условиях они свободно могли возникнуть в некоторых из этих известняковых пластов.

— Говорят, на одном из материков есть пещеры, на стенах которых можно видеть странные рисунки, — произнес Дар Лан Ан. Все разом повернулись к нему.

— Ты можешь показать нам, где именно?

— Возможно. Лучше всего, если мы отправимся в какой-нибудь город на этом материке и возьмем проводником одного из местных жителей.

После совещания с командиром Берком на далеком «Альфарде» этот план был одобрен. Чтобы не лишать геологов средства передвижения, для маленькой экспе-

диции прислали еще один летательный аппарат и с ним прибыло несколько специалистов.

Материк, о котором шла речь, лежал от места работ далеко к юго-западу, но все еще оставался под лучами красного Тиира. Дар Лан Ан без труда нашел город, и после объяснений, которые потребовались в связи с необычным обликом человеческих существ, ему удалось заручиться согласием проводника. Впрочем, за экспедицией увязались многие горожане, желавшие поглядеть, что будут делать пришельцы. В городе делать было нечего, все книги давно уже были переправлены в Ледяную Крепость, и народ просто ожидал смерти.

Пещеры оказались совершенно такими, как их описал Дар; ни у кого из людей не возникло сомнений, что здесь некогда обитали существа, обладающие начатками цивилизации. Внимание большинства членов экспедиции было привлечено рисунками на стенах, о которых упоминал Дар, но те, кто знал свое дело, принялись тщательно исследовать полы.

Полы были образованы окаменевшим грунтом: этот грунт осторожно снимали слой за слоем и просеивали, выбирая из него все, что там сохранилось. Аборигены многословно обсуждали каждую находку; самим им и в голову не приходило заниматься раскопками, и они, по-видимому, не могли опознать ни одного из найденных предметов. А предметы эти ничуть не отличались от находок в подобных же пещерах на Земле: каменные орудия, подобия украшений.

Раскопки продолжались день за днем. Вначале ученые надеялись найти скелеты обитателей, но их ждало разочарование. Один из ученых спросил Дара, что он об этом думает.

— В этом нет ничего удивительного, — ответил абориген. — Этот народ явно жил иначе, чем мы, но не думаю, чтобы он был совершенно другим. Либо они умирали, когда приходил их срок, и от них ничего не оставалось, либо погибали насильственной смертью, и тогда это не могло случаться в пещерах.

— Вряд ли здесь жил такой народ, как твой, — сухо ответил ученый. — По-видимому, где-то в истории вашей планеты имел место большой разрыв. Можно было бы заподозрить, что твой народ явился сюда с другой планеты, а «горячая» раса жила на Абьёрмене

с самого начала. Но мы-то знаем, что между вами существует связь, как между родителями и детьми.

— А может, мы и они явились вместе, — предположил Дар. Биолог расцвел.

— Что ж, это вполне возможно! Хотел бы я, чтобы обитатели этих пещер хоть разок-другой нарисовали самих себя.

— А откуда тебе известно, что они этого не сделали?

Ученый обвел глазами жутких тварей, изображения которых расползались по известняковым стенам и потолкам.

— Не знаю, — сказал он виновато. — С чего это ты взял? Ведь здесь нет ни одного существа с шестью конечностями, а это свидетельствует по крайней мере о том, что во времена, когда пещеры были обитаемы, животные стояли ближе к вам, нежели те, чьи останки мы находили под грунтом.

С этими словами биолог занялся своей работой, а Дар Лан Ан впервые с тех пор, как Крюгер познакомился с ним, повернулся и пошел один. Он заметил, что Нильс глядит ему вслед, и негромко произнес:

— Не беспокойся, просто я хочу побыть один. Мне нужно подумать. Позови меня, если случится что-нибудь необычное.

Крюгер почувствовал облегчение, но он не совсем представлял себе, что его маленький друг понимает теперь под словом «необычное». Вначале, сразу после прибытия «Альфарда», под это слово подпадало решительно все; аборигену было трудно сосредоточиться на каком-то одном предмете, потому что все в поле его зрения требовало исследования. Но время шло, и это стремление угасло. Крюгер опасался, что Дар, возможно, утратил интерес к наукам, который он, Нильс, так стремился разжечь в нем. Он пришел к выводу, что рисковать нельзя; эта работа становилась скучной даже для него самого. Давно миновало время, когда какая-нибудь окаменелость, какой-нибудь кремневый нож или кусок известняка давали им ощущение нового знания.

Он подумал, что, может быть, стоит вернуться на «Альфард», чтобы Дар посмотрел, как работают астрономы, — все-таки какая-то перемена. И если любознательность Дара действительно начинает идти на убыль, хотя в это трудно поверить, новая обстановка может

поправить дело. Да, он поговорит об этом с Даром, когда тот вернется.

Оказалось, однако, что маленькому аборигену вовсе не прискучила геология. Только природная вежливость вынудила его одобрить возвращение на корабль, но он предложил перед этим «совсем ненадолго» отправиться на место работ первой группы. Ему бы и в голову не пришло возвращаться, если бы он не понял, что Крюгер заскучал.

К тому времени, когда они явились на старое место, геологи достигли значительных успехов — более значительных, чем смели ожидать они сами или кто-либо еще, настолько значительных, что равнодушие Крюгера улетучилось в первые же секунды. Короче говоря, геологи обнаружили «разрыв» в геологической последовательности.

После многих бесплодных поисков одного из ученых осенило, что жесткие климатические изменения каждый «долгий год» должны были вызывать эффекты, схожие с теми, что производят сезонные изменения на Земле, но более резко выраженные. Озера, например, здесь должны были высыхать начисто, и дно их должно было демонстрировать более отчетливое чередование пластов, нанесенных ветрами, с пластами, отложившимися под водой, чем это когда-либо наблюдалось на родной планете человека. Чтобы проверить эту гипотезу, выбрали обширное мелкое озеро. Сопоставление проб грунта по краям с пробами, взятыми со дна в самых глубоких участках водоема, дало результаты, которые наверняка должны были привести в восторг астрономов.

Сезонные изменения, описанные в свое время Учителем в далекой деревушке близ гейзеров, продолжались всего около шести миллионов лет (по оценке специалиста) или немногим более десяти миллионов лет (по оценке другого). Мнения разделились, причем сторонники первой теории основывались на предположении, что «долгий год» всегда имел ту же продолжительность, что и теперь, то есть длился примерно шестьдесят пять земных лет, а их противники утверждали, что продолжительность сезонного периода должна была более или менее равномерно сокращаться. Правда, они не в состоянии были сколько-нибудь убедительно подтвердить свою теорию, но упорно держались именно такой интерпретации данных. Дар Лан Ан был потрясен; он

впервые осознал, что позитивное знание не всегда является непосредственным результатом научного исследования.

Вскоре после прибытия Крюгера и Дара руководитель группы рассказал о результатах исследований.

— История этой планеты представляется нам сейчас так, — начал он. — Планета возникла примерно в то же время, что́ и Земля, плюс-минус миллиард лет, и, насколько мы в состоянии судить, таким же образом. Она прошла обычную стадию охлаждения, пока наконец на ней не появилась вода. Ее первичная атмосфера удерживалась, вероятно, несколько лучше, чем на Земле, поскольку скорость убегания здесь на двадцать процентов выше. Возникла жизнь, по-видимому, самопроизвольно и в результате обычных процессов, а может, и из залетевших из космоса спор, и развивалась она теми же путями, что и на других известных нам планетах, то есть коренным образом изменяя атмосферу, пока атмосфера эта не стала в той или иной мере похожей на земную.

В течение этого периода, который охватывает большую часть времени существования планеты, те чудовищные климатические изменения, которые связаны ныне с периодическими сближениями ее солнца с Альционом, видимо, не имели места; во всяком случае, нет никаких свидетельств того, что они происходили, тогда как многие весьма знаменитые факты показывают, что их не было вовсе. Так, например, в некоторых пластах мы обнаружили огромные количества раковин и останков других существ одних и тех же видов, но самых разнообразных размеров, причем в их распределении не наблюдается слоистости, которая позволила бы предположить, что меньшие по размерам погибали раньше. Это позволяет нам заключить, что в те времена жизнь на Абьёрмене воспроизводилась нормальным путем, то есть существа рождались, росли и умирали совершенно случайным образом, не одновременно.

В этих условиях жизнь проэволюционировала до позвоночных, дышащих воздухом, характерным отличием которых явились шесть конечностей. Свидетельств появления разумных существ не имеется. Затем, где-то пять-десять миллионов лет назад, начались чудовищные температурные скачки, вызываемые Альционом, и вся жизнь на планете была уничтожена. И тогда слу-

чилось одно из трех: либо некоторые примитивные формы сохранились и дали начало нынешним видам, которые сумели преодолеть климат известным нам теперь способом, либо на планету занесло новые споры, либо зародилась совершенно новая жизнь. Нам пока почти ничего не известно об этих последних миллионах лет; кажется, все мы пришли к единодушному мнению: осушить это озеро и провести раскопки на его дне, чтобы найти останки живых организмов этого периода. Но нам уже теперь известно, что ныне жизнь на планете существует в форме двух сменяющихся модификаций; это позволяет ей сохраниться в двух резко различных рядах условий существования. Все. У кого есть замечания или уточнения?

— Необходима помощь астрономов, — сказал кто-то.

— Согласен. Я записал свое выступление на пленку, и мы при первой же возможности отошлем ее на «Альфард».

Больше за обедом наукой не занимались.

— Что ты об этом думаешь, Дар? — спросил позже Крюгер. — Это расходится с тем, что говорили твои Учителя?

— Нисколько. Они вообще не говорили нам о таких вещах. Но теперь, когда я знаю, кто такие Учителя, мне представляется, что они и сами никогда об этом не думали.

— А не может случиться так, что твои Учителя запретят тебе рассказывать все это? Или не они, а какой-нибудь Учитель «горячей» расы?

— Я уже думал об этом. Мне кажется, наши Учителя будут так же заинтересованы, как и я. И еще мне кажется, что Учителя «горячей» расы знают о моем народе только то, что наши Учителя передают им по радио. Они же не могут жить вблизи Ледяной Крепости.

— Даже под землей?

— Разве что очень глубоко, но все равно они не могут наблюдать нас вплотную. Ты же помнишь, как возле деревни гейзеров один из них говорил, будто ему невозможно увидеть тебя, а тебе его, потому что нет такого барьера, который обеспечил бы безопасность и тебе, и ему и в то же время позволил бы вам видеть друг друга.

— Верно, я об этом не подумал. Но если он вынужден полагаться только на сообщения твоих Учителей, почему же они просто не сказали ему, что убили меня, вместо того чтобы действительно покушаться на мою жизнь?

— Ну, если это и приходило им в голову, то они, вероятно, подумали, что скрыть невыполнение такого приказа будет попросту невозможно. Например, если бы впоследствии мой народ узнал от тебя различные научные сведения, все бы сразу раскрылось.

— Пожалуй. Но я бы все-таки скорее рискнул, чем убил бы друга.

— Возможно, они не были уверены, что ты — настоящий друг. Вспомни, ведь они не знали тебя так хорошо, как я, и потом... в тебе все-таки много странного. И я понимаю отношение к тебе «горячего» Учителя.

— Пожалуй. Уж на что мы с тобой теперь знаем друг друга, и то иной раз нет-нет да что-нибудь нас смущает. Впрочем, меня лично это уже не волнует.

— И меня тоже.

Они взглянули друг на друга и никогда больше, ни до этого момента, ни после, не были столь близки к полному взаимопониманию.

13. АСТРОНОМИЯ; КСЕНОЛОГИЯ

Бот, который доставил астрономам доклад геологов, перенес на борт «Альфарда» также Нильса Крюгера и Дар Лан Ана. Накануне Дар внимательно прослушал доклад, но ему было не понятно, каким образом астрономы могут проверить выводы специалистов по городам. Его любопытство ко всему, что связано с естественными науками, достигло такого уровня, на котором редко удерживается человеческое существо, вышедшее из детского возраста.

Вместе с астрономами он вновь прослушал запись доклада, но не услышал ничего нового, чего бы не запомнил в первый раз. Он внимательно следил за дискуссией между этими новыми для него учеными и под конец принялся задавать настойчивые вопросы. Ему и в голову не пришло, что эти вопросы могут

счесть неуместными. И действительно, большинство астрономов так не считало.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите, что Аррен, возможно, «захватил» Тиир и Абьёрмен? — недоуменно спрашивал он.

— Мне казалось, молодой Крюгер должен был рассказать тебе о законах Ньютона, — ответил один из астрономов. — Дело в том, что, согласно определенному закону, любые два тела притягивают друг друга, и это притяжение плюс простая инерция — а это такая штука, которая заставляет камень лететь после того, как он оторвался от швырнувшей его руки, — вынуждает эти тела двигаться по определенным и предсказуемым путям, как вот в настоящий момент «Альфард» движется вокруг твоей планеты. Под «захватом» мы подразумеваем просто тот факт, что вначале Тиир не кружился вокруг Аррена, а двигался в пространстве сам по себе; потом это движение привело его в окрестности Аррена, а уже силы притяжения этой звезды изменили путь Тиира таким образом, что сейчас Тиир и Аррен кружатся один вокруг другого.

— Теперь мне ясно. Но, насколько я понял, кое-кто из вас находит эту идею несостоятельной?

— Еще бы. «Захват» — явление очень редкое; для него требуется благоприятное стечение многих обстоятельств.

— Почему же? Если эта сила, как вы говорите, зависит от расстояния, то, по-моему, этим двум объектам остается только подойти друг к другу поближе. Признаться, если все, что ты сказал, правда, то я не понимаю, как это Тиир и Аррен давным-давно не упали друг на друга?

— В том-то и дело! Когда два объекта падают друг другу навстречу, их скорости возрастают. Надеюсь, тебе понятно? Так вот, если они с самого начала не нацелены точно друг на друга, они не столкнутся, а раз они не столкнулись, они начинают расходиться, причем их скорости замедляются в том же порядке, как до того нарастали. Пути, по которым они расходятся, имеют точно такую же форму, что и пути сближения, поэтому никакого спирального движения не происходит. Пойдем, я тебе покажу.

Поскольку «Альфард» пребывал в свободном падении, демонстрация не представляла трудностей. Аст-

роном поместил два шарика из смолы, заряженных электричеством, в кессонный отсек, из которого откачали воздух, и их поведение окончательно разъяснило все любознательному абьёрменцу.

— Как же все-таки случаются захваты? — спросил он, едва его учитель вернулся во внутреннее помещение корабля и стянул с себя скафандр. — Они, наверное, все же возможны, иначе ты бы о них не говорил...

— Да, возможны, и только. Если рядом находится третий объект, который движется строго определенно по отношению к первым двум, то захват может и произойти, хотя вероятность подобного события не ахти какая. Например, если бы я минуту назад впустил в кессонный отсек воздух, трение заставило бы шарики закружиться по спирали.

— Значит, ты имеешь в виду, что какая-нибудь из звезд в этом скоплении могла послужить третьим телом?

— Я бы не сказал столь категорично, ведь расстояния между звездами слишком велики, но идея вполне соответствует существующему положению.

— Во всяком случае, не исключено, что именно это послужило началом горячих периодов на Абьёрмене...

— Возможно. Больше мне нечего добавить.

Этим и пришлось удовлетвориться абьёрменцу — разумеется, временно.

Неудивительно, что ответы, включающие слова «вероятно» и «возможно», очень скоро привели Дара к вопросам типа «откуда вы знаете». Даже тогда астрономы еще пытались некоторое время терпеливо ему разъяснять непонятное, но в конце концов со всей возможной тактичностью предложили обратиться к Крюгеру и взять у него несколько уроков элементарной алгебры.

Дару и в голову не пришло обидеться. Он лишь подосадовал на себя за то, что не подумал об этом раньше, — ведь так много ответов на его вопросы включали в себя элементы математики! Он охотно отправился разыскивать Крюгера, который больше не сопровождал его повсюду с тех пор как Дар сделал такой скачок в английском языке.

Дар не заметил, в какое смятение повергла Нильса его просьба; он тут же уселся и пожелал учить алгебру незамедлительно. Крюгер старался изо всех сил, но,

увы, он не был лучшим в мире учителем. Впрочем, возможно, он справился бы со своей задачей гораздо лучше, если бы не страх, что алгебра отобьет у Дара всякий интерес к науке.

Его опасения оказались напрасными. Большинство людей, страдающих из-за математики, мучаются потому, что при изучении ее вынуждены зазубривать правила, но для Дар Лан Ана заучивание не представляло каких-либо трудностей. Возможно, именно по этой причине он необычайно медленно усваивал основополагающую идею об алгебре, как об инструменте для решения проблем; он с легкостью заучивал правила, но, решая конкретную задачу, испытывал те же трудности, что и многие первокурсники.

И все же именно Крюгеру, а не Дару удалось в конце концов найти выход из положения.

Отыскать новый предмет, который бы заинтересовал Дара, было нетрудно, но по личным соображениям Крюгеру хотелось, чтобы на сей раз предмет не был связан с математикой. Он разделял общепринятое мнение, что таким предметом является биология, и решил, что теперь самое время выяснить, что же узнали об Абьёрмене специалисты.

Оказалось, что группа биологов уже некоторое время пытается разрешить проблему, как обследовать единственно доступных представителей «горячей» расы — Учителей — в их обогреваемых вулканами убежищах. Существо у деревни на поляне гейзеров все еще не склонялось к полному сотрудничеству, но они чувствовали, что знают его лучше, нежели остальных. Именно этому существу предназначали роль хозяина, который должен будет принять у себя оборудованного телевизором робота, сконструированного инженерами «Альфарда». При виде робота Дар моментально заинтересовался, и Крюгеру пришлось давать объяснения по вопросам телевидения и дистанционного управления. Он все еще продолжал объяснять, когда члены экспедиции принялись грузить посадочный бот.

Дар уже понял, что достаточно полно представляет себе возможности этой машины; в то же время он начал понимать, сколь мало у него надежд выяснить принципы ее устройства. И пока бот шел на посадку, он слушал, как Крюгер разговаривает с Учителем по радио, но не произнес ни слова.

— Мы были бы очень рады, если бы ты позволил нашему роботу проникнуть в твое убежище, — сказал Нильс. — Мы уверены, что он выдержит твои условия.

— С какой стати я должен позволить? Что хорошего даст это тебе и мне?

— Ты видел нас и, должно быть, составил какое-то мнение. Не кажется ли тебе, что мы можем пересмотреть некоторые наши суждения, когда увидим тебя? В конце концов, ты неоднократно утверждал, будто мы вас не понимаем, так как не соглашаемся с твоими взглядами на распространение знаний. По-моему, ты должен был бы только радоваться всему, что способствует нашему взаимопониманию.

— Откуда ты взял, что я когда-либо тебя видел? Я же сказал тебе, что не знаю вещества, которое могло бы оградить мое окружение от твоего и в то же время позволяло бы нам видеть друг друга.

— Значит, ты чего-то не договариваешь — у тебя, очевидно, есть что-то вроде телевизора. Ты видел нас достаточно ясно, чтобы задать вопрос о железных пряжках Дар Лан Ана.

— Допустим. Но как я могу знать, что, если вы и увидите меня, это наставит вас, чужаков, на истинный путь?

— Понятия не имею. Как я могу обещать, что мы сделаем такие-то и такие-то выводы из фактов, о которых нам ничего не известно? Во всяком случае, ты узнаешь о нас больше.

— Я не особенно в этом заинтересован.

— Ты был заинтересован, когда несколько лет назад задавал мне вопросы.

— Вот тогда я и узнал все, что мне было нужно.

— Сейчас очень многие получают представление о наших науках, не один только Дар Лан Ан. Целые толпы смотрели, как мы исследуем пещеры далеко на юге.

— Тут я ничего не могу поделать.

— Но если ты тоже захочешь учиться у нас, ты мог бы по крайней мере получить какое-то представление о том, чему учатся остальные, и тогда ты смог бы осуществлять некоторый контроль над тем, что узнает твой народ, когда наступит время его жизни.

Последний аргумент несколько смутил Дара; он не совсем понимал, к чему стремится Нильс, и еще мень-

ше были ему понятны намерения далекого Учителя. И он не знал, удивляться ли ему или нет, когда аргумент этот, вероятно, убедил невидимого собеседника, зато он ясно видел, что Крюгер доволен результатами.

Как ни мал был робот, он все же оказался слишком велик для люка в том месте, где Дар и Крюгер некогда беседовали с Учителем. По указаниям последнего бот опустился возле кратера, в котором так долго были заперты наши два путника, и робота перенесли к зданию с генераторами. Люди вернулись в бот и сгрудились вокруг экрана телевизора, настроенного на передатчик робота.

— Что дальше? — спросил Учителя оператор.

— Пустите вашу машину по наклонному ходу.

Оператор повиновался; маленький ящик на гусеницах покатился вниз по скользкой поверхности. Свет померк, когда он достиг нижней площадки хода, и на верхушке робота вспыхнула лампа.

— Вперед по этому коридору. Никуда не сворачивать; там будут другие проходы.

Машина шла вперед. Коридор был длинный и вел, по-видимому, глубоко в толщу горы; прошло немало времени, прежде чем путь преградила массивная дверь.

— Ждать, — прозвучала команда.

Они повиновались, и через несколько секунд дверь отворилась.

— Быстро вперед.

Робот перекатился через порог, и дверь позади него захлопнулась.

— Продолжать движение; ответвлений больше не будет. Я выйду навстречу вашей машине, но я буду идти медленно, потому что должен нести на себе рацию. Я все еще возле деревни.

— Вам незачем беспокоиться и выходить навстречу — разве что вы не хотите, чтобы робот увидел часть вашей станции, — заметил один из биологов. — Машина может прекрасно пройти все расстояние сама.

— Очень хорошо. Я буду ждать здесь, и тогда с вами смогут говорить и мои товарищи.

Должно быть, здание с генераторами и участок под деревней у поляны гейзеров соединял один длинный туннель. Робот двигался долго, но в конце концов коридор вывел его в большое помещение футов восемь

высотой, куда выходило множество других туннелей. Биолог, знавший абьёрменский язык достаточно, чтобы почти не зависеть от Дара и Крюгера, объяснил Учителю местоположение робота и запросил дальнейших указаний.

— Вы уже совсем близко; теперь легче просто проводить вас. Ждите там, и я выйду к вам через секунду.

Люди возле телеэкрана напряженно ждали. Через несколько секунд в одном из туннелей что-то задвигалось и мгновенно приковало к себе всеобщее внимание. И вот уже это что-то движется по направлению к роботу.

Никто не был особенно удивлен. Все, кроме Дара, имели опыт работы на исследовательских кораблях Земли и в свое время повидали существ самого разнообразного обличья, оказавшихся на поверку и разумными, и цивилизованными.

Но абьёрменец за всю свою жизнь не видал ничего подобного. Дынеобразное тело держалось на шести конечностях, у основания толстых и сливавшихся одна с другой, а там, где они касались пола, сужавшихся до толщины иглы. Наблюдателям пришла на ум чудовищно растолстевшая морская звезда, которая разгуливает на кончиках своих лучей, вместо того чтобы лежать, распластавшись. В свете лампы, установленной на роботе, верхняя треть ее тела представлялась человеческому глазу ярко-алой, и такие же ярко-алые полосы тянулись вдоль каждой конечности; все остальное было черного цвета. Не было заметно ни глаз, ни ушей, ни других органов чувств, только на самой верхушке тела виднелось какое-то пятно, которое с равным успехом могло оказаться и сжатым ртом, и игрой красок. По телевизионному изображению Дар не мог судить о размерах существа, но оператор, манипулируя фокусировкой, определил расстояние до него и нашел, что оно ростом примерно с Дара и должно весить тридцать-тридцать пять килограммов.

— Я полагаю, вы меня видите...

Дар явственно ощутил иронию в тоне Учителя. Сомневаться, что это Учитель, не приходилось; голос, транслируемый аппаратурой робота, они много раз слышали прежде.

— Если вы пошлете вашу машину следом за мной, нам можно будет расположиться с удобствами, и тогда вы спросите обо всем, что желаете знать.

Не поворачиваясь, Учитель двинулся в обратный путь; робот последовал за ним. Короткий коридор заканчивался комнатой около пяти футов высотой, совершенно такой же, какие Дар и Крюгер видели в городе. Дар наблюдал с жадностью — ему хотелось узнать назначение поразивших его в свое время предметов.

Кое-что прояснилось сразу же. Три куполообразные тумбы с желобами были заняты существами, подобными Учителю. Их тела покоились на верхушках, а конечности свешивались вдоль желобков. Учитель же проследовал в дальний конец комнаты и расположился в одном из неглубоких «тазиков», выложив свои конечности радиально по всем направлениям. По внешнему виду существ трудно было судить, на что устремлено их внимание, но вряд ли приходилось сомневаться в том, что они рассматривают робота.

Учитель на «ложе» возобновил беседу.

— Итак, ваше желание исполнено. А теперь вы, быть может, выскажетесь более конкретно, с какой целью вы добивались увидеть нас и почему это должно вынудить вас относиться к нашим идеям более положительно?

— Мы рассчитываем узнать, как вы живете, что едите, каковы ваши физические и умственные возможности и ограничения. Нам хотелось бы узнать как можно больше о ваших связях с «холодной» расой, с существами, которые являются вашими предками и потомками. Тогда мы наверняка лучше поймем, почему вы возражаете против распространения технических знаний на этой планете. Должен признаться, что сейчас ваше поведение напоминает нам кое-что из истории нашей собственной планеты. И на Земле в прошлом делались попытки запретить или взять под контроль распространение знаний. И если народ Абьёрмена настолько отличен от нас, что опасаться скверных результатов не приходится, мы хотели бы об этом знать.

— Как реагировал народ, наблюдавший вас за работой, на новую информацию?

— Почти все без исключения проявляли большой интерес. По крайней мере один из них узнал уже

многое и его пример убедил нас, что ваш народ столь же разумен, как и наш.

— Очевидно, ты имеешь в виду Дар Лан Ана. И он, несомненно, собирается расширить убежище своих Учителей или сконструировать летающую машину, подобную вашей?

— Нам он ничего не говорил об этом, но ты можешь спросить его самого. Он здесь, вместе с нами.

Подобный поворот беседы ошеломил Дара, но он ответил не колеблясь:

— Ни о чем подобном я и не думал! Во всяком случае, у меня нет для этого достаточных знаний.

— Будем надеяться, что эти существа не дали тебе и кое-каких других знаний, которые дал мне твой друг Крюгер. Впрочем, очень скоро все твои знания не будут иметь ровно никакого значения.

— Я знаю, — произнес Дар и замолчал.

Разговор перешел на другую тему. Один из Учителей, восседавших на куполообразных «креслах», заметил:

— Видимо, вы управляете вашей машиной при помощи какой-то модификации радио? (Биолог признал, что это так.) Какие же волны вы используете? Как могут они с такой легкостью проникать сквозь толщу грунта? Аппаратура, посредством которой мы разговаривали с вами, имеет на поверхности передающую антенну.

— Я затрудняюсь подробно рассказать об этом, — ответил биолог. — Это не моя область. Знаю только, что у робота есть антенна, но она почти незаметна; если вы присмотритесь к ней повнимательней, то увидите множество проволочных колец, намотанных на верхнюю часть сразу под башенкой, где расположен его глаз...

Учитель, задавший вопрос, сполз со своего «кресла» и, ступая всеми шестью конечностями, направился к роботу. Дар отметил, что в движениях его нет неуклюжести или затрудненности, которая все чаще проглядывала, особенно в последние годы, в движениях Учителей в Ледяной Крепости. Приблизившись к роботу, существо подняло пару конечностей и принялось ощупывать ими поверхность машины. При этом на кончиках щупальцев стали видны пучки малень-

ких усиков, служивших, по-видимому, чем-то вроде пальцев.

— Я ощущаю обмотку, — после минутного молчания сказал Учитель, — хотя она слишком узкая... во всяком случае, отдельные ее проволочки слишком тонкие и их не видно.

— Очень жаль, но кажется, источник света расположен не совсем удобно для этой цели — отозвался биолог. — Мы, собственно, устанавливали его исключительно в расчете на себя...

— Ты хочешь сказать, что эта машина тоже имеет источник света? Я думал, ты имеешь в виду наш. Если вы подведете робота поближе к нашему источнику света, я, возможно, буду видеть лучше, хотя это весьма сомнительно — слишком тонкие провода.

Биологи сразу поняли, в чем дело, и тот, что вел беседу, смиренно произнес:

— Да, на самой верхушке робота имеется источник света, маленький цилиндр, который можно пощупать, если он вам не виден. А где источник света, о котором ты говоришь?

— Там.

Еще одна конечность отделилась от пола и указала в сторону. Дар Лан Ан взглянул в этом направлении и увидел в стене трубку с насадкой, которую Крюгер в свое время назвал устройством для газового освещения.

— Ты имеешь в виду трубку? — осведомился биолог.

Крюгер, опередив Дара, торопливо изложил свои соображения.

— Но если это газовая горелка, почему она не зажжена?

— По-моему, это все-таки горелка. Может, они используют водород и пламени его мы не видим из-за робота.

Оператор тотчас выключил лампочку на роботе, но в комнате воцарился полный мрак, и тогда он снова включил ее. Между тем Учитель подтвердил, что источником света является именно трубка.

— Вероятно, мы с вами воспринимаем различные части спектра, — сказал биолог. — Вы этого не знали? Ваша «холодная» раса слегка отличается от нас в этом отношении, но все же мы можем пользоваться одними

и теми же устройствами для освещения, так что вы, очевидно, отличаетесь и от них.

— Нам известно, что они могут видеть более мелкие предметы, но каким образом — не знаем. Мы и не подозревали, что существуют различные части спектра.

— Разве вы не знаете, что волны, на которых работает радио, только длиной отличаются от волн видимого света?

— Какая чепуха! Радиоволны распространяются со скоростью, не поддающейся измерению, а быть может, и мгновенно, тогда как волны видимого света, если только это вообще волны, распространяются лишь немногим быстрее звука.

— Н-да-а... — Биолог на минуту задумался, а затем спросил: — Не мог бы ты объяснить, как действует ваш источник света?

— Это просто струя пара, извергаемая через насадку определенной формы. Описать форму насадки я затрудняюсь, во всяком случае словами, известными нам обоим.

— Не надо, ты сказал достаточно. Но вот что тогда мне в высшей степени непонятно: каким же образом вы смогли узнать о ваших солнцах? Ведь «видеть» их вы не в состоянии.

— Разумеется, их можно только чувствовать.

Дар Лан Ан не уловил, о чем шла речь, и Нильс торопливо зашептал:

— Дело в том, что «горячая» раса видит совсем не так, как мы; различие между нами и ими еще глубже, чем между тобой и мной. По крайней мере природа зрения и у нас и у вас основана на одном и том же: мы видим электромагнитные волны. А из слов этого Учителя можно заключить, что они используют какую-то форму звука — видимо, звук очень высокой частоты, поскольку он упомянул о том, будто световые волны и у них распространяются быстрее, чем «обычный» звук.

— Но разве можно видеть звуки?

— Мне кажется, в известном смысле можно видеть любые колебания, которые распространяются прямолинейно. Звук так и распространяется, если ему ничто не препятствует. Очень короткие звуковые волны — мы называем их ультразвуковыми — в этом отношении удобнее тех, что передают нашу речь. Но они не

позволяют рассмотреть слишком мелкие предметы; ты же слышал, он сказал, что проволочки слишком тонкие, и он их не видит.

С этими словами Нильс вновь обратился в слух. Дар же, по своему обыкновению, задумался над услышанным.

— Вам, должно быть, пришлось немало поразмыслить, прежде чем вы сумели разгадать эту планетную систему, — продолжал биолог. — Ведь за пределами атмосферы Абьёрмена вы способны заметить лишь такие объекты, которые излучают большое количество тепла.

— То, о чем я говорил в свое время Нильсу Крюгеру, — это лишь одна из развитых нами теорий, — невозмутимо отозвался Учитель.

— В основе своей она оказалась правильной. Но если вы обладаете столь блестящими способностями к научному мышлению, почему вы так предубеждены против него?

— Я бы хотел, чтобы ты перестал без конца повторять этот вопрос. Ну, хорошо. Что нам это дает? Разве нам стало лучше оттого, что мы узнали, как Абьёрмен движется вокруг Тиира, а Тиир — вокруг Аррена? Я готов признать, что знание это безвредно, оно не влечет за собой опасных поступков, но это же пустая трата времени.

— Иными словами, вы делите научные знания на бесполезные и вредные.

— В основом да. Но бывают и исключения: например личность, которая изобрела эти источники света, разумеется, принесла известную пользу. Но каждое новое научное знание необходимо подвергнуть проверке, дабы увериться, что оно не принесет вреда.

— Понятно. Надеюсь, вы не станете возражать, если мы потратим наше время на то, чтобы узнать о вас побольше.

— Это ваше дело, меня оно не касается. Что вас интересует? Можете спрашивать.

Ученые задавали вопрос за вопросом, и постепенно Дар Лан Ан стал постигать, что представляют собой его предки и его потомки.

Их города были разбросаны по всему Абьёрмену, но все они непременно селились в вулканических районах, где небольшие группы обитателей могли отсту-

пить под землю и пережить холодный период; никто из поколения Дара ни разу не появлялся в их окрестностях — так обеспечивалось табу на огонь. Похоже (хотя Учитель ни разу не признал этого открыто), что само табу было одним из примеров проявления власти Учителей «горячей» расы над «холодной». Для «горячей» расы не существовало подобных запретов, и они жили и умирали, где им заблагорассудится; вот откуда брались металлические предметы вроде пряжек Дара, которые часто встречались поблизости от городов «холодного» народа в начале холодных периодов. Подобно соплеменникам Дара «горячий» народ всячески старался обеспечить передачу знаний из поколения в поколение, хотя при этом полагался не столько на книги, сколько на память своих Учителей. На вопрос Дара, не лучше ли было, если бы знания передавались от расы к расе, чтобы обе они помогали друг другу в развитии, Учитель терпеливо разъяснил, что при подобном положении дел они были бы лишены возможности контролировать распространение информации.

Они были неплохими электриками и превосходными строителями. Химия у них была, по-видимому, на высоте, что казалось особенно удивительным для расы, чьи химики полагались главным образом на зрение. Астрономии, естественно, почти не существовало, и они пока еще не знали физики микромира. Разумеется, им приходилось иметь дело с радиоактивными элементами, но они и понятия не имели, в чем причина радиоактивности.

Большинство вопросов, которые задавали люди, повергало Дара в состояние растерянности и это далеко не всегда объяснялось его невежеством. Насколько он мог судить, люди старались выяснить, как Учителя относятся к народу Дара — любят ли его, уважают ли, презирают ли как нечто низшее, без чего нельзя обойтись, или терпят как досадную, но необходимую для существования мелочь. Дар не забыл, что один из Учителей заявил о своих дружественных чувствах к нему, Дару, чувствах, ссылаясь на родственные отношения, но он и не догадывался, каков истинный характер этих отношений.

Об этом же подумал и один из биологов, тот, кто в свое время слушал перехваченную по радио беседу Крюгера с Учителем и затем попросил перевести ее.

К немалому удивлению Дара, Учитель ответил и на этот вопрос.

— Мы подготавливаем смерть или, во всяком случае, место смерти большинства наших предков. Вскоре жители этой деревни получат приказ спуститься в кратер, где мы однажды держали Дара и Крюгера; там мы сможем вести наблюдение за их смертью и за появлением новых жизней и, таким образом, будем иметь возможность проследить, кто от кого произошел. Напротив, перед наступлением «холодного» периода мы заранее выбираем места, где будем умирать сами, и стараемся выяснить у Учителей «холодной» расы, где они намерены разместить новые группы для отлова своих соплеменников, как только те появятся на свет, — ведь в это время они представляют собой просто диких животных, не более.

— Но они, верно, многих упускают.

— Насколько нам известно, да. У нас то и дело объявляются соплеменники, иногда даже небольшие группы, чьи родители, должно быть, прожили весь «холодный» период в диком состоянии. По крайней мере, у нас они нигде не значатся.

— Сколько детей может иметь одна особь?

— Определить это решительно нет никакой возможности; это зависит от многого, в частности от веса.

— Вряд ли весовые различия столь уж значительны.

— В период нормальной жизни они действительно незначительны, но перед смертью кто-то может длительное время голодать, а кто-то, напротив, регулярно наедаться, причем до последнего момента. Все зависит от обстоятельств. Кроме того, невозможно подсчитать, сколько детей было съедено дикими зверями, прежде чем их успели отловить, хотя это относится только к расе Дар Лан Ана; они в отличие от нас не обеспечивают должного надзора за детьми.

— Я понял.

Дар тоже понял. У него была превосходная память, но от того короткого периода перед тем, как он был «отловлен», в ней сохранилось немногое; впрочем, и это немногое совпадало с объяснениями Учителя. Он стал раздумывать, почему же его собственные Учителя не принимали должных мер предосторожности, как эти, а затем понял, что для них это было просто невозможно: здесь либо требовалась помощь «горячей» расы

(чего они явно делать не желали), либо же его раса на протяжении «горячего» периода должна была держать под своим контролем группу этих существ, подобно тому как сами они правили жителями деревень на протяжении «холодного» периода. А это, мягко выражаясь, было нелегко; народ «горячей» расы в своем техническом развитии ушел достаточно далеко. Дар начал подозревать, что этот Учитель не был с ним откровенен; помимо личной неприязни к науке, у него были и другие причины возражать против распространения человеческих знаний.

По мере того как продолжалась беседа, росли и его подозрения. Поэтому, когда робот двинулся в обратный путь к посадочному боту, Дар Лан Ан предложил людям побеседовать еще с какой-нибудь группой «горячих» Учителей, засевших в своих обогреваемых вулканами укрытиях. И даже Крюгер, знавший его лучше, чем кто-либо другой, не понял, к чему он клонит.

14. БИОЛОГИЯ; СОЦИОЛОГИЯ

Снова и снова проносился Абьёрмен по своей почти кометной орбите, и все ближе придвигался Тиир к своему пылающему хозяину. Постепенно на Абьёрмене становилось жарче. Для аборигенов это обстоятельство почти не имело значения; температура еще не достигла того уровня, когда начинают активизироваться бактерии, наполняющие атмосферу окислами азота. А пока этого не случилось, народу Дара было безразлично, кипят или замерзают океаны на их планете.

Не мешала температура и земным ученым. Большинство из них с самого начала одели сложные защитные костюмы, которые практически обеспечивали им воздушное кондиционирование. Но они знали, что вскоре им понадобятся более серьезные средства защиты. Эксперименты, которые они проводили, причем не только на микроорганизмах, но и на представителях животного и растительного мира, подготовили их.

Крюгера вполне устраивал ход событий. Его друг был, очевидно, полностью поглощен добыванием знаний у пришельцев с Земли. Нильс не всегда мог держаться с ним наравне, но юношу это больше не

беспокоило. Ясно одно: Дар Лан Ан уже накопил гораздо больше информации, чем сможет передать Учителям до конца своей жизни. И у него не будет иного выбора, ему придется остаться в убежище под ледяной шапкой, когда придет время закрыть его наглухо, а это означает, что по логике вещей он автоматически станет Учителем.

Иногда Крюгера мучили угрызения совести; он раздумывал, не честнее ли прямо сказать Дару, что́ повлечет за собой его пребывание у землян. Но всякий раз, когда он думал об этом, ему удавалось убедить себя, что Дар достаточно взрослый и сам должен отвечать за свои поступки.

Но все равно было бы, пожалуй, лучше, если бы Нильс сказал правду.

Конечно, ученые могли продолжать работу и в «горячий» период Абьёрмена, но работать им было значительно труднее. Поэтому они стремились собрать основные сведения о планете до наступления Перемены. Дар, как мог, внимательно наблюдал за всем, что происходит. Крюгер же, став свидетелем одного биологического эксперимента, растерял весь свой энтузиазм.

Эксперимент был поставлен после того, как ученым удалось обнаружить эффект цепной реакции на местных бактериях под воздействием тепла. Пол в герметической камере покрыли слоем почвы, взятой с планеты, и в камеру запустили несколько мелких животных. (Дар и Крюгер видели таких в кратере.) Там же посадили и кое-какие местные растения — биологи стремились воспроизвести в миниатюре природу Абьёрмена. Затем температуру в камере стали повышать — постепенно, чтобы по возможности избежать теплового шока, который осложнил бы картину.

Камера была достаточно хорошо изолирована, так что пар не осаждался на стенках, и можно было беспрепятственно наблюдать за тем, что происходит внутри. Неожиданно стрелка одного из приборов поползла вверх.

Это был простой гальванометр, но он был последовательно соединен с омическим сопротивлением, состоящим из маленького пузырька с водой, помещенного в камере. Сопротивление воды падало, и все понимали — почему. Через несколько секунд воздух в

камере стал красновато-коричневым — это принялись за работу микроорганизмы. Под воздействием окислов азота вся вода, сохранившаяся в жидком состоянии, окислилась, и глазам наблюдателей предстала поистине драматическая картина.

Животные в камере больше не двигались и только неловко ворочали головами. Они слегка отодвинулись друг от друга и перестали грызть растения. В течение нескольких секунд объекты эксперимента и сами экспериментаторы пребывали в неподвижности; напряжение нарастало.

Затем самый крупный из зверьков рухнул на бок; прошло мгновение — и попадали остальные. Крюгер украдкой взглянул на Дара, но тот этого не заметил. Он неотрывно глядел на камеру. Юноша вновь взглянул на животных и вдруг почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Крошечные создания теряли форму, превращаясь в лужицы протоплазмы. Лужицы эти были строго обособлены даже там, где два зверька упали совсем рядом. Слабое дрожание почудилось ему внутри студенистых холмиков, и тут желудок Крюгера не выдержал. Не помня себя, Нильс рысью помчался к дверям.

На Дара эта картина, видимо, не произвела такого впечатления. Во всяком случае, он оставался у камеры в течение последующего получаса, и за это время каждая лужица превратилась в десятки маленьких червеобразных тварей, ничем не напоминавших животных, из тел которых они сформировались. Они ползали по камере, и было совершенно очевидно, что они не нуждались ни в чьих заботах.

Растения тоже изменились, хотя и по-другому. Листья самых крупных опали, а стволы съежились. Сначала наблюдатели решили, что из-за высокой температуры вся растительность погибла, но оказалось, что это не так. На иссохших стволах появились сотни крошечных шишечек. Они постепенно набухали и в конце концов опали дождем шариков. Все это заняло несколько минут.

Растения, похожие на травы, просто увяли, но на их месте тут же выросли новые. Менее часа потребовалось, чтобы превратить участок привычного мира в нечто совершенно чуждое и никому не известное, даже Дар Лан Ану.

— Так вот как это происходит! — выдохнул наконец кто-то из наблюдателей.

В отличие от Крюгера никто из биологов не испытывал неприятных ощущений при этом зрелище. Правда, никто из них не был так привязан к Дару.

— Если у них это единственный способ размножения, — проговорил один из биологов, — из каждой особи должна получаться целая куча новых. Представляю себе, как выглядит население планеты сразу же после смены периодов!

— Все это так, — возразил другой, — но тут есть маленькая загвоздка. Сейчас как раз канун смены, а живности вокруг полно — и хищников, и травоядных — да и растительность вполне свежая. Трудно поверить, чтобы у них не было другого способа воспроизводства.

— Может, численность особей уравновешивается продолжительностью каждого периода? Если нынешняя пропорция является нормой, то это просто означает, что к концу периода выживает примерно одна особь из пятидесяти.

— А период длится примерно сорок земных лет. Я не представляю себе, чтобы за это время могло уцелеть столько диких животных. Мы ведь знаем, что потребляют они примерно столько же, сколько равные им по весу животные на Земле. Что ты на это скажешь, Дар? Бывает так, чтобы в разгар вашего периода жизни появлялись новые животные?

— Конечно, — отозвался абориген. — Любая часть животного разрастается в целую особь, если эта часть достаточно велика. Во всяком случае, так обстоит дело с животными, которых мы употребляем в пищу; с этой целью мы всегда оставляем кусочки убитых зверей. Разве с вашими животными это не так?

— Гм. На Земле есть животные, способные к регенерации, но они весьма примитивные. Выходит, на вашей планете нет насильственной смерти?

— Почему же, некоторые хищники, например, не оставляют от добычи достаточно больших кусков, из которых могло бы вырасти новое существо. Кроме того, бывают случаи, когда животные гибнут от голода или тонут... Хотя голодная смерть наступает не сразу, — животное должно исхудать до такой степени, что жить дальше ему невозможно.

Один из ученых задумчиво поглядел на свою правую руку с обрубками вместо двух пальцев — память о несчастном случае в детстве.

— Позволь задать тебе глупый вопрос, Дар. А твой народ обладает подобной способностью к регенерации?

— Не понимаю, что здесь глупого. Да, мы обладаем такой способностью; впрочем, в цивилизованном обществе особой нужды в этом нет. Но время от времени жертве крушения планера или чего-либо в этом роде приходится отращивать себе новую руку или ногу.

— Или голову?

— Ну, это другое дело. Если характер повреждения таков, что нарушаются естественные жизненные процессы, ткани как бы возвращаются к самому «началу» и преобразуются в совершенно новый организм. А индивидуум, конечно, погибает. Но, как я уже сказал, это происходит редко.

Биологи и не чаяли найти объяснение этому удивительному явлению. Не мудрено, что оно их так обрадовало. Впрочем, чтобы получить исчерпывающие ответы на все вопросы, потребовалось несколько недель работы с применением всех средств, которые мог предоставить им «Альфард». Рихтер, руководитель группы, не преминул воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы доложить о результатах командиру Берку. Берк прибыл специально для того, чтобы обсудить эти результаты; он был встревожен.

— Этот народец меня немного беспокоит, Рихтер, — начал он. — Как вам известно, каждого командира корабля, покидающего Землю, подробно инструктируют относительно опасностей, связанных с привнесением новых видов животных в иную среду. Нам рассказывают о кроликах в Австралии и о японских жуках в Северной Америке, рассказывают долго и нудно, пока нас не начинает тошнить от всей этой экологии. Мне представляется, что здесь мы столкнулись с расой, которая может оказаться серьезным соперником человечества, если все, что мне рассказали о народе Дар Лан Ана, соответствует истине.

— Надеюсь, вы прочли наш отчет относительно регенерации? Я готов признать, что в некоторых отношениях этот народ действительно весьма примечателен, но я не разделяю вашего мнения о его опасности для человечества.

— А почему бы и нет? Разве они не укладываются в схему, о которой нам столько твердили: существо попадает в новую среду, где у него нет естественных врагов и где оно может бесконтрольно размножаться? Этот народ поглотил бы человечество в несколько лет.

— Не могу с этим согласиться. У народа Дара те же естественные враги, что и у людей. Ему угрожают хищники и всякого рода заболевания. По словам Дара, они болеют, и часто.

— И все-таки самым смертоносным врагом этой расы является высокая температура. А что будет, если они утвердятся на Земле, или на Танно, или на Гекле, или в других мирах, которые мы с вами можем не задумываясь перечислить? Там они станут практически бессмертны!

— Это верно, что для «естественной» смерти им нужна высокая температура. Но вы забыли, что она нужна им и для воспроизводства.

— Да, либо высокая температура, либо расчленение на части. Вспомните, что произошло некогда в Чесапикском заливе. Ловцы устриц думали разделаться с морскими звездами тем, что рубили их на куски и бросали обратно в воду.

— Вы упускаете из виду самое главное, командир, и боюсь, что юный Крюгер повторяет вашу ошибку. По-настоящему важным фактором является то обстоятельство, что для воспроизводства народ Дар Лан Ана должен умирать. Вам такая мысль не приходила в голову?

Последовала длительная пауза, затем Берк ответил:

— Признаться об этом я не подумал. Это несколько меняет дело. — Он опять помолчал. — Вы можете объяснить, почему это так?.. Вернее, с чего все началось? Что это следствие эволюции на планете такого типа, я не сомневаюсь.

— Пожалуй, кое о чем я догадываюсь. Разумеется, все это не более как гипотеза, ибо, по всем данным, чудовищные климатические изменения здесь начались примерно десять миллионов лет назад. Но мы вовремя вспомнили об одном организме, обитающем на Земле.

— Что?! Какой же это организм на Земле подвергается таким страшным перепадам температуры.

— Вы правы, насколько мне известно, таких организмов на Земле действительно нет; речь идет совсем

о другом. Один из наших исследователей — кажется, Эллерби — работал с группой «горячих» животных, полученных обычным путем в самой крупной нашей кондиционной камере. Ему хотелось убедиться, в самом ли деле хищники оставляют достаточно большие куски своих жертв, чтобы те могли возродиться, и попутно своими глазами увидеть процесс регенерации, о котором нам рассказывал Дар; мы ведь не знали, происходит ли регенерация у «горячих» форм жизни. Естественно, Эллерби вел строгий учет видов и численности животных. Через некоторое время он с удивлением обнаружил в камере несколько существ, которых ранее там не видел. К счастью, он не отнес их появление за счет погрешности в наблюдениях; он тщательно проверил все обстоятельства и обнаружил, что в ходе температурных и атмосферных изменений можно получить животных непосредственно из образцов почвы, без всяких «родителей».

— А это означает...

— ...что некоторые, как мы их называем, «горячие» формы воспроизводятся из каких-то микроскопических спор, сохраняющихся в почве в течение всего неблагоприятного периода. Могут ли воспроизводиться подобным образом «холодные» формы, пока неизвестно; данных у нас нет.

— Что же отсюда следует?

— Эллерби поставил под сомнение всю теорию о том, что раса Дар Лан Ана и эти «морские звезды» с огненной кровью являются последовательными поколениями одного и того же вида. Мы обсудили его гипотезу, и тут оказалось, что Дан Лекло, в свою очередь, обнаружил в каком-то животном множество маленьких костистых шариков; эксперимент показал, что они являются зародышами «горячего» поколения того вида, к которому принадлежит это животное. Когда их удаляли, перед тем как подвергнуть животное воздействию высокой температуры и двуокиси азота, потомства не было, хотя плоть животного вела себя обычным образом. Напротив, когда температурным и атмосферным изменениям подвергались только эти шарики, из них возникали «горячие» животные в эмбриональной форме.

— Ну и что?

— А то, что «горячая» жизнь и «холодная» жизнь, по-видимому, совершенно чуждые друг другу типы жизни, которые первоначально развивались совершенно независимо друг от друга. Каждая производила споры или какой-то эквивалент, и эти споры были способны выживать в неблагоприятных условиях. В ходе эволюции некоторые формы приспособились вводить свои споры в организмы животных другого типа — возможно, устроились таким образом, чтобы споры поглощались вместе с пищей, как это до сих пор водится у некоторых паразитов на Земле.

— Но в таком случае вы должны были находить эти семена — или как вы их называете — в каждом животном, которое исследовали. Вы же сказали, что нашли их только в одном. Чем это объяснить?

— Вот тут-то и можно сослаться на пример с Земли. Вы, возможно, знаете, что существуют разновидности вирусов, обычной жертвой которых являются бактерии. Вирус как бы «прилипает» к микробу, проникает сквозь его оболочку и через некоторое время из останков бактерии высыпает до сотни новых вирусов.

— Я об этом не знал, но не вижу в этом ничего удивительного.

— Да, удивительного здесь ничего нет. Однако иногда вирус проникает в бактерию, а та продолжает жить как ни в чем не бывало.

— И это понятно. В любой популяции имеются особи более и менее иммунные.

— Позвольте мне закончить. Бактерия доживает свой срок и делится обычным образом; ее потомство продолжает делать то же до десятого или двадцатого, а иногда и до сотого поколения. И вот под воздействием радиации или какого-нибудь химического реагента или вообще по неизвестным причинам большая часть или даже целиком все потомство нашей бактерии гибнет, и из их останков появляются целые полчища вирусов!

— Вот как?

— Да. Вирус заразил свою первую жертву таким образом, что воспроизводящий материал его делится вместе с бактерией и передается всем ее потомкам. А затем как-то меняются условия, и вирусы вновь возвращаются к обычному для себя способу размножения.

— Понятно, — задумчиво произнес Берк. — Так вы полагаете, что это имеет отношение к данному случаю? Что каждая клетка существа типа Дар Лан Ана содержит в своем ядре некую частичку, которая при определенных условиях дает начало одной из этих «морских звезд»?

— Вот именно, и все же отцовского и сыновнего между ними не больше, чем между Джеком Кардиганом и его любимой канарейкой. Предполагают, что таким же образом соотносятся между собой земные растения и содержащиеся в них хлоропласты.

— По правде говоря, я плохо представляю себе, какие мы можем извлечь практические выводы из всего этого.

— Ну, это могло бы как-то оправдать несколько утилитарное отношение представителей «горячей» расы к народу Дар Лан Ана.

— Воможно. Но мне от этого не легче. Единственное утешение, что обе формы, если вам верить, для воспроизводства должны умирать. Однако ко всем моим тревогам вы добавили еще одну.

— Что вы имеете в виду?

— Ваше замечание относительно времени, которое им потребовалось, чтобы приспособиться к климатическим условиям этой планеты. Если ваши выводы справедливы, то по крайней мере одна из этих рас проэволюционировала от нулевой точки до разума нашего уровня всего за каких-то десять миллионов лет. На Земле человеку для этого потребовалось в сто, а может, и в двести раз больше времени. Видимо, эти существа — едва ли не наиболее адаптивная форма жизни во Вселенной, а ведь до сих пор пальма первенства принадлежала человеку.

— Значит, насколько я понимаю, вы опасаетесь, что они, получив доступ к нашей технологии, распространятся в глубь Галактики и начнут вытеснять человека?

— Откровенно говоря, да.

— И где же, по-вашему, они осядут?

— Да где угодно, дружище, где угодно! Земля... Марс... Меркурий... На любой из пятидесяти планет, где мы можем жить, и на сотнях планет где мы жить не можем! Даже если тамошние условия для них сейчас

не подходящие, они быстро освоятся. Мне не дает покоя именно эта их способность приспосабливаться. И если дело у нас с ними дойдет до столкновений, каким образом мы будем сражаться? Как уничтожить существо, которое в состоянии отрастить себе новые конечности взамен утраченных и которое порождает целую кучу потомков, если его разорвать на куски бомбой?

— Не знаю. И не думаю, чтобы это имело какое-нибудь значение.

— Почему? — Голос у Берка был сдавленный от переполнявших его чувств.

— А вот почему. Дар Лан Ан мог бы жить на Земле и на многих сходных с ней планетах; народ с «огненной кровью» мог бы жить на мирах с более высокой температурой. Но ни одна из планет, которые нам известны, не располагает обоими температурными режимами одновременно. Предположим, группа соплеменников Дара решила переселиться на Землю. Как это понравится «горячей» расе, чьи родственники в виде спор отправятся вместе с ними? Дар, как и любой из нас, несомненно, хочет иметь потомство; но как он будет чувствовать себя при мысли о «морской звезде», которая образуется из его организма и пожелает улететь на Вегу-Два или Меркурий? Что там станет с его детишками? Нет, командир. Я понимаю, конечно, большинство из нас без лишних споров пришло к выводу, будто этот Учитель, там, у горячих источников, — всего лишь упрямый, ограниченный, властолюбивый старикашка, чьи мнения не стоят энергии, затрачиваемой на их высказывание. Но если вы хорошенько подумаете, вам станет ясно, что он видит гораздо дальше, нежели многие из нас... не будем указывать пальцем, кто именно.

Берк, не спуская с биолога пристального взгляда, медленно покачал головой.

— Я уже давно продумал все это, доктор Рихтер, и полагаю, вы правы, утверждая, что Учитель в свою очередь также продумал все это. Но вы меня несколько разочаровали. Почему вы не пошли дальше?

— То есть?

— Ваши рассуждения вполне справедливы, но только для того случая, если ни та ни другая раса не будут

располагать техническими знаниями! Не станет Дар возражать против того, чтобы генные структуры, предназначенные для его потомства, находились какое-то время в тех местах, куда заблагорассудилось занести их «морской звезде», если при этом он будет твердо знать, что в конце концов она либо переправится на планету, где смогут развиваться его потомки, либо поместит их в какой-нибудь «холодильник», где они опять-таки смогут развиться. Не забывайте, эти существа испытывают к своему потомству совершенно те же чувства, что и мы, и ради удовлетворения этих чувств им придется сотрудничать с расой Дара. Если аборигены этой планеты покинут ее, используя средства, полученные от нас или разработанные ими самостоятельно, то по Вселенной начнут расселяться самые сплоченные в истории племена, и человеку придется уступить свое первенство... если ему вообще удастся уцелеть.

— По-моему, если это и произойдет, то сама эта сплоченность послужит всем нам отличным примером. Сейчас же обе расы слишком далеки друг от друга.

— Да, и в наших интересах сделать все, чтобы они не сблизились. Самое разумное, что мы можем сейчас предпринять, это лишить Дар Лан Ана возможности поделиться полученными от нас сведениями со своим народом. Признаться, мне это нравится не больше, чем вам или, скажем, юному Крюгеру, но в противном случае мы отдадим им Галактику.

— Да, мне это действительно не нравится. Как и чем можно оправдать такой поступок, когда мы сами всячески поощряли Дара учиться всему, чему только возможно?

— Оправданий у нас нет, — угрюмо произнес Берк, — но иначе поступить нельзя. Я знаю, что буду презирать себя всю свою жизнь, но я все продумал и пришел к выводу: для блага человечества Дар Лан Ан никогда больше не увидит своего народа.

— Боюсь, что вы правы, хотя мне от этого не легче.

— Мне тоже. В общем, по чести, лучше всего будет сказать ему об этом не откладывая. Я созову людей, и пусть любой, у кого есть какие-нибудь более обна-

деживающие соображения, выложит их. Это, кажется, все, что в моих силах.

— У юного Крюгера, очевидно, соображений не будет, но он будет сопротивляться.

— Могу себе представить. Он ведь и не подозревает, какое я ему делаю одолжение.

Биолог быстро взглянул на командира, но Берк не проронил ни слова.

15. АСТРОНОМИЯ; ЛОГИКА

Дар Лан Ан прослушал отчет биологической группы без особого интереса — такие слова, как «фторированные углеводороды» и «кремнийорганические соединения», все еще мало что говорили ему. Но на сообщение командира Берка он отреагировал, и весьма энергично.

Впрочем, его бурные эмоции так и не облеклись в словесную форму, ибо Крюгер заговорил первым. Дар выслушал те же доводы об игре в открытую, о честности и порядочности, которые в свое время обсуждались Берком и Рихтером, но он плохо понимал терминологию людей. Во всяком случае, слушал он вполслуха; он пытался определить линию своего поведения.

Спорить, видимо, было напрасно. Люди, должно быть, выработали свое мнение, основываясь на том, что им стало известно о нем и о его народе. Он не понимал, почему Абьёрмен представляет угрозу для всей Галактики, но он уже привык относиться к мнению ученых с величайшим уважением. И все же, несмотря на это, он обнаружил, что естественное чувство долга толкает его выступить против решения Берка — спорить, лгать, даже прибегнуть к насилию, лишь бы доставить своему народу то, что он считал важнейшей информацией. Конечно, если бы не это чувство долга, он, Дар, ничего бы так не желал, как улететь на Землю со своими друзьями (если он еще мог называть их друзьями) и своими глазами увидеть миры, о которых ему столько рассказывали Крюгер и астрономы. Возможно, он и заговорил бы и вынес свою дилемму на всеобщее обсуждение, но ему поме-

шал Крюгер. Юноша забыл о дисциплине, которую вбивали в него за годы ученичества, и вплотную подошел к этой гибельной черте, за которой начинается оскорбление личности командира. Полный смысл всего происходящего, разумеется, не дошел до Дара, так как он весьма смутно представлял себе обстоятельства жизни Крюгера, но одно он понимал отчетливо: юноша требует его возвращения к соплеменникам.

Маловероятно, чтобы Крюгер в споре с командиром вышел победителем; Дару было кое-что известно о разнице в их служебных положениях. А что если, пока продолжается спор, потихоньку выйти и украсть один из посадочных ботов? Дар не раз внимательно наблюдал за действиями космонавтов во время посадок; сумеет ли он управиться самостоятельно? С его памятью нечего было опасаться, что он нажмет не ту кнопку, ведь он видел, какие нужно нажать. Но он сам летал всю свою жизнь, и это предотвратило поступок, который почти наверняка оказался бы для него роковым. Он сознавал, что для управления любым космическим кораблем требуется гораздо больше знаний, нежели те, что он получил, наблюдая за десятком другим перелетов.

А может, забраться в бот тайком? Вряд ли это ему удастся. Каковы бы ни были эти люди, дураками их не назовешь. Если командир отдаст приказ не допустить возвращения Дар Лан Ана на Абьёрмен, наверняка будут приняты соответствующие меры.

Не сможет ли Крюгер украсть бот и доставить Дара вниз? Несомненно, он умеет обращаться с машинами, но ведь этого мало. Дар понятия не имел, насколько авторитетен для Крюгера приказ командира. Кто знает, захочет ли юноша нарушить этот приказ. Так ничего и не придумав, Дар решил подождать до тех пор, когда он сможет остаться с Крюгером один на один.

А может...

В этот момент его мысли были прерваны, ибо командир Берк заговорил в повышенном тоне.

— Нильс Крюгер! Я созвал вас для разумного обсуждения, а не для препирательств или личных оскорблений. Если у вас есть какие-нибудь веские доводы, изложите их. Если нет, извольте замолчать. Я понимаю ваши чувства, я разделяю их, и я сознаю всю моральную

ную ответственность за свое решение столь же ясно, как и вы. Сделайте одолжение и вспомните, что на мне лежат многочисленные обязанности и обязательства, которые вы пока еще не делите со мной и которые вы, совершенно очевидно, не принимаете во внимание. Я не ставил на голосование свое решение и не просил высказать о нем чье-либо мнение. Я объявил вам, что пришел к заключению: если раса Дар Лан Ана, точнее, расы покинут свою планету, они превратятся в угрозу для человечества. Я убежден, что правительство разделит мое мнение. Однако, если у вас или у кого-нибудь еще имеются данные, которые заставят меня изменить это мнение, я готов выслушать.

Крюгер молчал; он вдруг осознал, что зашел слишком далеко, и был благодарен командиру за такую сравнительно мягкую отповедь. К сожалению, у него не было за душой ничего, что можно было бы даже с натяжкой назвать нужными данными.

Молчание нарушил другой приятель Дара, астроном по имени Мерчисон.

— Боюсь, что нам придется считаться с совсем иными фактами, — начал он, — и я уверен, командир, что они заставят правительство прийти к совершенно иному заключению. Мало того, перед лицом этих фактов правительство вынуждено будет сделать все возможное, чтобы как можно скорее обучить обе расы Абьёрмена нашей технологии.

— Я вас слушаю, — тут же отозвался командир.

— Главное заключается в том, что если мы оставим этот народ на их планете, это будет равносильно геноциду. Для нас эта планета — очень скверный дом, она является сейчас благоустроенным домом для ее обитателей, но пройдет немного времени, и она уже не сможет быть пристанищем ни для кого.

— Почему?

— Потому что эта система не стабильна. Абьёрмен, видимо, образовался более или менее обычным путем в качестве планеты красного карликового солнца, которое аборигены называют Тиироом, но в те времена Альциона поблизости не было. Ведь световое давление Альциона столь велико, что формирование планет в его окрестностях попросту невозможно.

— Ну, я слыхал об этом, только мне непонятно, почему вы все еще цепляетесь за эту теорию, раз планета все равно существует.

— Некоторое время я и сам не понимал. Однако геологические данные свидетельствуют о том, что сказанное мною соответствует истине; чудовищные сезонные изменения на этой планете не имели места на более ранних этапах ее истории, а начались лишь несколько миллионов лет назад. Случилось одно из двух: либо сравнительно недавно Тиир был захвачен Альционом, либо гигантская звезда действительно сформировалась по соседству с этим карликом. Я лично склонен признать вторую гипотезу; мы находимся в недрах звездного скопления, где пространство, если можно так выразиться, насыщено газом и пылью. Более чем вероятно, что, если ранее Тиир не принадлежал к этому скоплению, его вторжение произвело достаточно возмущений и по соседству с ним началась конденсация.

— Не спорю, эта гипотеза полностью совпадает с геологическими данными, но разве она не подтверждает мои предположения относительно способности абьёрменцев приспосабливаться к новым условиям?

— В каком-то смысле — да, но мне трудно представить себе органическую структуру, которая могла бы приспособиться к тому, что ожидает эту систему в ближайшем будущем. Повторяю, пространство здесь насыщено газом и пылью. Следовательно, это среда, в которой постоянно происходит трение. Именно поэтому возможно и другое предположение — что Тиир был захвачен Альционом. Из-за трения орбита Тиира непрерывно укорачивается. С каждым годом он все дольше задерживается в «горячей» зоне, и с каждым годом сокращается время его пребывания в отдалении от Альциона, то есть именно то время, когда может жить народ Дара. И если Альцион не вылетит из Плеяд, а этого, по-видимому, не случится, то через полмиллиона или через миллион лет красное солнце вместе с Абьёрменом упадет на него.

— Ну, достаточно.

— Точные сроки установить трудно, но ясно одно: задолго до того, как они истекут, на Абьёрмене не сможет жить даже «горячая» раса. Мы обязаны пере-

селить сбе расы с этой планеты или хотя бы помочь им убраться отсюда, иначе мы будем повинны в преступной халатности.

— Но ведь световое давление Альциона было достаточно мощным, чтобы разгонять вещество, из которого могли образоваться планеты; каким же образом это вещество создает трение?

— Воздействие светового давления на частицу по сравнению с воздействием на нее сил притяжения находится в функциональной зависимости от размеров и плотности самой частицы. Могу вас заверить, что мы произвели немало наблюдений в этой области пространства, и то, о чем я говорю, — не простые догадки. Единственное, что меня еще смущает, — не вберет ли сам Тиир в себя огромное количество вещества? Потому что в таком случае светимость его увеличится и излучение истребит все живое на этой планете задолго до того, как Тиир упадет на Альцион. Не могу сказать, что́ именно произойдет раньше, но то или другое произойдет непременно.

— Но куда же нам переселять этот народ? Найдется ли в Галактике еще одна планета, в точности воспроизводящая условия на Абьёрмене?

— Готов держать пари, что таких планет тысячи. Правда, мы их еще не открыли, но ведь многие области Галактики еще не обследованы. И даже если такие планеты не найдутся, народ Абьёрмена сможет научиться жить на кораблях, и даже лучше, чем сейчас, потому что обе расы смогут жить одновременно. Мне представляется, что это должен быть корабль, одна часть которого горячая, а другая — холодная, и в них живут эти существа и переходят из одной части в другую, когда наступает их время. Такое положение вещей, несомненно, устроит абьёрменцев больше, нежели жизнь на планете типа Земли, и я уверен, что правительство разделит мою точку зрения. Мы вернемся сюда еше до того, как вас произведут в адмиралы, сэр, и организуем здесь технические школы для обеих рас. И мне наплевать, как к этому отнесутся нынешние поколения Учителей «горячей» расы; несколько уроков астрономии заставят их изменить свое мнение.

— Если только вам удастся обучить астрономии расу, которая воспринимает свет как звуковые колеба-

ния, — сухо заметил Берк. — Но это к делу не относится. Я согласен с вами. — На лице Крюгера отобразилось облегчение; что при этих словах почувствовал Дар, понять по его «лицу» было невозможно. — Дар Лан Ан может продолжать учиться у наших ученых сколько ему будет угодно и может возвратиться к своему народу со всей полученной информацией, когда пожелает. Вы понимаете, что, разрешая это, я иду на известный риск, но я почти уверен в поддержке официальных кругов. Молодой человек! — Он неожиданно повернулся к Крюгеру. — Вот вам прекрасный пример того, как опасно принимать решения на основании недостаточных данных. Только пусть это не впечатляет вас слишком сильно. У вас никогда не будет всех данных для решения вопросов, и тем не менее, когда-нибудь от вас потребуется ответ — особенно, если вам придется командовать звездолетом. И вам придется взять на себя ответственность за незрелое решение. Если вы когда-нибудь сломаете на этом шею, не жалуйтесь.

— Не буду, сэр.

— Превосходно. Дар, я не стану перед тобой извиняться. Но я готов предоставить любую помощь, которая тебе потребуется, пока ты с нами, если, конечно, это окажется в моих силах.

— Благодарю вас, командир. Мои Учителя будут вам за это весьма признательны.

— Кажется, скоро наступит время, когда ваше убежище закроют?

— Через год. Я, впрочем, хотел бы вернуться туда, как только вы разрешите, потому что докладывать мне придется о многом.

— Мы переправим тебя в самое ближайшее время. Нильс Крюгер, я полагаю, вы захотите отправиться вместе с Даром. Бот поведу я сам; на борт приглашаются все, кому это позволяют их обязанности и кому хватит места. Мы останемся внизу до того момента, когда закроют убежище, так что все, кто желает видеть эту процедуру, пусть планируют трехнедельную отлучку с «Альфарда». Бот стартует через двадцать часов; желающие взять с собой аппаратуру могут воспользоваться этим временем, чтобы погрузить ее. Дар Лан Ан, как по-твоему, смогут ли твои Учителя пользоваться

радио, которое работает не на волне твоих «огненных» приятелей, так, чтобы они могли говорить с нами, если бы пожелали, без свидетелей?

Крюгер с трудом подавил улыбку: старик, несмотря на свою приверженность долгу, все-таки был неплохим человеком.

— Такое устройство весьма бы нам пригодилось, командир.

— Отлично. Мы позаботимся о том, чтобы несколько таких аппаратов были погружены на бот. Можете расходиться.

На сей раз выход на посадочную площадку у Ледяной Крепости происходил по-другому. Боту, который поддерживался и управлялся полями, сходными с теми, что пронесли «Альфард» сквозь межзвездное пространство с полным безразличием к законам скорости света, не пришлось маневрировать, как планерам. И это было очень кстати, ибо площадка была забита летательными аппаратами до такой степени, что сам Дар затруднился бы посадить здесь свой планер. Впервые Крюгер увидел Учителей на поверхности: одни из них командовали, другие просто смотрели.

Бот заметили, и группа аборигенов жестами показала на край площадки, откуда оттаскивали планеры, чтобы расчистить место.

Едва люк бота откинулся, как Дар и Крюгер, нагруженные радиооборудованием, которое предоставил Берк, выбрались наружу. Дар пошел впереди, и начался долгий-долгий спуск по туннелям к центральному убежищу, расположенному на большой глубине под ледяной шапкой. Крюгера более не удивляло подобное расположение, но он по-прежнему недоумевал, каким образом все это соорудили.

В туннелях было гораздо оживленнее, чем раньше, десятки и даже сотни аборигенов сновали взад-вперед по своим таинственным делам.

— В библиотеках, должно быть, очень много работы, — заметил Крюгер, указывая на одну из таких групп.

— Нет, книги доставлены уже давно, — отозвался Дар. — Сейчас главная проблема — пища. Обычно ее всегда много здесь до срока, но мало ли что может

случиться? Мы носим сюда пищу до самого последнего момента.

— Что ты намерен делать?

— Собрать всех Учителей, которые свободны, и доложить обо всем. Их будет, наверно, много: они ведь знают, что я вернулся с информацией.

— Надо полагать, доклад займет теперь все твое время.

— Да, Нильс. Тебе, верно, хочется осмотреть все убежище, увидеть, как оно подготовлено к времени смерти, но я буду занят и не смогу служить тебе проводником. Впрочем, мы найдем кого-нибудь, кто тебе поможет.

Крюгер остановился и положил руку на плечо своего маленького друга.

— Ты ведь еще увидишься со мной, перед тем как закроют двери? — спросил он. — Я не хочу мешать работе, которая должна быть сделана, но мне не хотелось бы так скоро расстаться с тобой, — вероятно, на много моих лет.

Дар Лан Ан вывернул оба глаза и уставился на взволнованное лицо Нильса.

— Я увижусь с тобой, перед тем как закроется Крепость. Обещаю это, — сказал он.

Они двинулись дальше; юноша был удовлетворен.

Предположение Дара о том, что его ожидает целая комиссия, полностью оправдалось. Нильс обнаружил, что она состоит из существ одного с ним роста — из новых Учителей. Впрочем, один из гигантов, которых он встречал раньше, предложил ему услуги в качестве проводника, и с его помощью Крюгер увидел уже приведенные в порядок библиотеки, склады продовольствия на верхних уровнях, всего в нескольких футах от слоя льда, и огромные «огороды», где произрастали растения, напоминающие земные грибы, на нижних более теплых уровнях.

Затем его вывели наверх, на посадочную площадку, где продолжалась кипучая деятельность. В воздух взмывали планеры, направлявшиеся к далеким городам, и тут же садились другие с грузом продовольствия. Наземные команды без устали оттаскивали их к границам посадочной площадки или в туннели, чтобы расчистить место для новых аппаратов.

— Я не отнимаю у тебя времени? — спросил Крюгер, когда они вышли на поверхность. — Сейчас, кажется, самое хлопотное время для твоего народа.

— Мне ведь больше нечего делать, — последовал ответ, — я уже передал свои обязанности преемнику.

— Разве ты не останешься в убежище?

— Нет. Моя жизнь окончена. Останутся лишь немногие из нас, чтобы проследить за тем, как будут закрываться двери, но это уже не моя задача. Как только ты перестанешь нуждаться в моих услугах, я покину это место.

— А мне показалось, что все планеры, которые могут носить вас, уже разобраны...

— Они действительно разобраны. Но я уйду пешком. Мы ведь не возвращаемся в города.

— Ты хочешь сказать... — Крюгер остановился; он знал, что Дар рассказал своему народу по радио очень немногое, и он понятия не имел, что́ может быть известно этому существу. Впрочем, Учитель либо знал, либо догадывался.

— Нет, мы не возвращаемся в города. Такого обычая у нас нет. Лучше умереть до того, как температура поднимается слишком высоко, во всяком случае прежде, чем наши тела будут разрушены каким-либо другим образом. И когда ты более не будешь нуждаться во мне, я отправлюсь на ледяную шапку.

Крюгер не нашелся, что сказать, и объявил только, что он все еще нуждается в обществе Учителя. По его предложению они вошли в посадочный бот, где Учителя с большим энтузиазмом встретили биологи. Один из биологов вполне свободно владел местным языком, поэтому присутствие юноши не было обязательным, и он вернулся на посадочную площадку дожидаться Дара. Однако его маленький друг все не появлялся, и Нильс наблюдал за неутомимой деятельностью аборигенов, пока ему не захотелось спать.

Время шло. Постепенно число планеров уменьшалось — их прибывало все меньше, а те, что находились на площадке, улетали в другое полушарие. Деловитость, с которой эти существа отправлялись в свой последний полет, действовала угнетающе не только на Крюгера, но и на всех остальных членов экипажа.

— Вероятно, все дело в воспитании, — заметил один из них, — но если бы я знал, что мне осталось жить всего неделю, я вел бы себя совсем по-другому.

— А по-моему, осталось еще три недели, — возразил Крюгер. — На всякий случай они закрывают двери за год до того, как начинаются изменения в атмосфере.

— Не уклоняйся от сути дела.

— Я и не собираюсь уклоняться. Между прочим, из бесед с Даром у меня создалось впечатление, будто он жалеет нас за то, что мы живем совершенно не имея понятия, когда придет наш срок. Видимо, ему так же трудно понять, что мы к этому привыкли, как и нам представить себе его отношение к этому вопросу.

— Справедливо замечено, — отозвался новый голос. Крюгер повернулся и увидел на пороге люка командира Берка. — Хотелось бы мне узнать вашего друга поближе, Крюгер, но мы, видимо, так никогда и не узнаем его по-настоящему — даже вы не узнаете.

— Возможно, вы правы, сэр, но у меня такое чувство, будто я-то его знаю.

— Ну что ж, желаю вам удачи. Однако, мне кажется, время закрывать двери наступает...

Еще несколько человек вышли из бота.

— Я не совсем в курсе дела, сэр, но думаю, что вы правы. Почти все планеры улетели, и... и я видел, как целая группа Учителей прошла по площадке и удалилась за гору. — Голос Нильса дрогнул, и командир печально склонил голову.

— Да. И тот, кто служил вам проводником, тоже ушел, пока вы спали.

— Правда? Я этого не знал, сэр.

— Я знаю. Он ушел по моему совету. Я решил, что так будет лучше. — Что-то в тоне командира заставило юношу промолчать.

На площадке появилось еще несколько Учителей, и разговор прекратился. Люди молча смотрели на них. Один из Учителей остановился возле люка и заговорил:

— Сейчас мы будем проверять, как закрываются двери. Они расположены в глубине туннеля, так как нам желательно, чтобы, когда наступит горячий сезон,

лед заполнил пещеры верхнего уровня. Не хотите ли пойти с нами и посмотреть на эту процедуру?

— Погодите! Дар Лан Ан обещал, что увидится со мной перед тем, как закроются двери! Где он?

— Он уже идет. Иди с нами, и ты встретишь его в туннеле. Я вижу, его планер готов к отлету.

Учитель замолчал и повернулся, чтобы идти, и люди последовали за ним; Берк смотрел на ошеломленного Крюгера, лицо его выражало что-то похожее на жалость.

Двери находились примерно в трехстах ярдах от входа в туннель. Учитель не обманул. Дар Лан Ан действительно ждал там.

— Привет, Нильс! — крикнул он. — Прости, что я так задержался. Дел было много, поверь мне!

— Дар, не может быть, чтобы ты успел... Но Учитель сказал...

— Конечно, я успел. Так было надо. Пойдем наверх, я хочу осмотреть мой планер. Или ты предпочитаешь поглядеть, как будут закрывать двери?

— Но их еще нельзя закрывать! Не может быть, чтобы ты рассказал им все, что узнал от нас! Ты должен остаться и быть Учителем следующего поколения!

Маленький абориген помолчал, затем тихо сказал:

— Пойдем со мною, Нильс. Возможно, я поступил не так, как следовало, но дело сделано. Попробую объяснить тебе.

Он показал рукой на выход из туннеля, и юноша молча повиновался, не спуская глаз со своего друга. Дар начал говорить на ходу. Берк посмотрел им вслед и покачал головой.

— Нильс, я не смог. Я думал о том, что ты сказал, и, когда я впервые начал учиться у вас, я собирался сделать так, как ты предлагаешь. Правда, это не очень было мне по душе, но я считал, что таков мой долг. Затем я поселился с тобой и с твоим народом, и... и я продолжал учиться. Астрономии, геологии, биологии, археологии, математике — всему, всем наукам, которые были представлены специалистами в твоей группе. И всего этого было слишком много.

— Слишком много для тебя, чтобы запомнить? — Крюгер остановился, и на секунду удивление затмило его горе.

— Нет, не слишком много, чтобы запомнить, но слишком много, чтобы правильно усвоить. Я мог бы остаться внизу и диктовать книгу за книгой, рассказывая, что вы делали и что вы говорили, но что толку из того, что я понял большую часть этого? Мой народ все равно бы не понял. Есть нечто, в чем он нуждается гораздо больше, и постепенно я понял, что́ это. Метод, Нильс. Сам подход твоего народа к проблемам — воображение и эксперимент. Вот чему должен научиться мой народ, вот что я должен был ему показать. В конце концов, наши проблемы совершенно иные, чем ваши; и мы должны решить их сами. Конечно, факты тоже очень важны, но их я старался приводить не слишком много. Так, кое-какие сведения из различных областей, чтобы они иногда могли проверить правильность ответов.

— Значит, это я виноват, что так получилось! Я ведь нарочно заваливал тебя знаниями, чтобы ты не успел управиться с передачей их до срока твоей смерти!

— Нет. Ты не виноват, если это вообще можно называть виной. Ты показал мне, — правда, косвенным образом — именно то, в чем мы нуждаемся. Я искал предлога избежать жизни в Крепости; если тебе угодно считать, что ты дал мне этот предлог, пусть будет так... и спасибо тебе.

Он замолк. Они уже вышли на площадку, и Дар без лишних слов принялся проверять готовность планера к отлету.

— Но... может быть, ты тогда останешься с нами? Зачем тебе возвращаться в Кварр и... и... — Крюгер не мог заставить себя закончить фразу.

Дар оторвался от работы и пристально поглядел на него. Секунду-другую казалось, что он колеблется; затем он покачал головой — знак отрицания, которому он научился у Крюгера.

— Нет, из этого ничего не выйдет. Мне кажется, я понимаю твои чувства, друг Нильс, и мне тоже как-то жаль расставаться с тобой, но... разве ты пошел бы со мной?

Он почти улыбался, задавая этот вопрос. Крюгер молчал.

— Конечно, ты бы не пошел. Ты бы не смог пойти. Ты ведь считаешь, что жить тебе еще долго, хотя и не знаешь, сколько именно. — Он стиснул руку Крюгера своей маленькой когтистой рукой. — Нильс, через много лет здесь будет много народу, который является частичками меня. Меня уже не будет, но ты, возможно, вернешься сюда. Может быть, благодаря тому что сделали мы с тобой, некоторые мои потомки станут учеными и научатся, как заслужить уважение, а не презрение «горячей» расы, заложат основание цивилизации, которая со временем сравнится с вашей. Мне хочется думать, что ты им поможешь.

Он вскочил в планер и, не дав юноше сказать ни слова, нажал рычаг запуска.

Крюгер смотрел вслед маленькому самолетику, пока он не исчез из виду. А исчез он очень быстро, потому что глаза Нильса видели хуже, чем обычно. Но он еще долго стоял и смотрел в ту сторону, куда улетел Дар, и наконец пробормотал:

— Я помогу им.

И он повернулся, когда из туннеля донесся тяжкий стук закрывающихся дверей.

СОДЕРЖАНИЕ

Экспедиция «Тяготение». *Пер. С. Бережкова* 5

У критической точки. *Пер. В. Голанта* 211

Огненный цикл. *Пер. С. Бережкова и С. Победина* . . 307

Клемент Х.

К 48 Огненный цикл: Повести/Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 479 с.

ISBN 5-8352-0254-7

В сборник включены три повести известного американского фантаста Хола Клемента — «Огненный цикл», «Экспедиция „Тяготение“» и «У критической точки». Все три произведения посвящены проблеме контакта с представителями иных миров.

Литературно-художественное издание

Хол Клемент

Огненный цикл

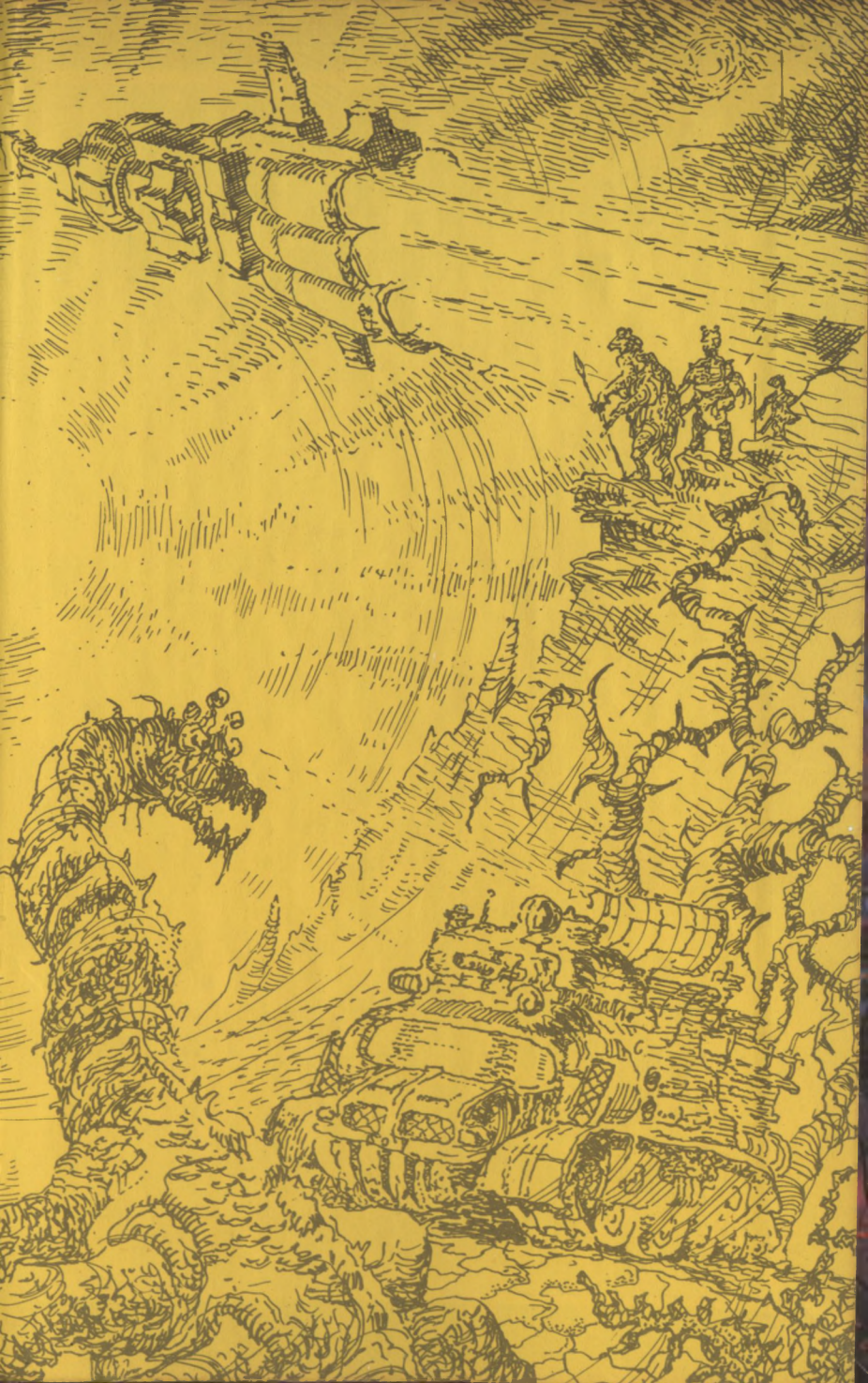
Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Художник *Владимир Канивец*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Корректоры *Галина Мартьянова, Зинаида Скульская*
Верстка *Елены Черновой*

**Подписано в печать с оригинала-макета 08.07.93.
Формат издания 84×108 1/32. Гарнитура тип Таймс.
Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 254. Заказ № 427. Цена свободная.**

**Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18**

**Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор».
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.**

Северо-Запад®